

Лехоцки Карой

Песня

из ниоткуда

Лехоцки Карой

Песня из ниоткуда
роман
(Dal a semmiből, ISBN 978-615-01-0642-7)
Венгрия, 2021

Доступ к оригиналу в Венгерской Электронной Библиотеке
текст: <https://mek.oszk.hu/22300/22320/>
аудиокнига: <https://mek.oszk.hu/22300/22321/>

Над переводом с венгерского работали автор и Нина Лехоцки

© Lehoczki Károly, 2021
Все права защищены
(Minden jog fenntartva)

Художник: Дамо Иштван

Данный формат составлен для Венгерской Электронной Библиотеки
На бумажном носителе не издавался
Подлежит распространению в электронном виде
Венгрия, г. Будапешт, 2024

Раньше такие звуки предвещали ему будущее, а сейчас скорее гибель. Грохот работающих машин доносится с двух сторон. С утра до вечера слышно, как они с невероятной силой пытаются убрать какой-то груз: скрипя, стуча отвозят в сторону, бросают на землю, дробят осколки, разравнивают. Очевидно пыль поднимается, черт побери, даже при закрытом окне в горле першит, пить постоянно хочется. Обе стройки Тарай мог бы увидеть если бы было зрение, но так как его нет, остались одни звуки по которым можно определить что именно в данный момент происходит. Через дорогу напротив сносят одно из зданий муниципалитета, на его месте возведут жилой дом, направо, у самой границы сада дома для престарелых, во дворе гимназии убирают бетонированную площадку для баскетбола, на ее месте построят спортзал. Могли бы и баскетбольную площадку сохранить.

И так, полуслепому, который видит лишь вспышки света, совсем неплохое развлечение наблюдать за внешним шумом. Наблюдать жизнь. Смешно, ведь то, что его раньше ужасно раздражало, сейчас занимает наибольшую часть оставшейся жизни, почти наслаждается этим шумом. Иначе была бы только тишина. Кто бы с ним заговорил? Никто. Не горят желанием поговорить, принесут еду и все. Ну, ладно, отмоют от собственной грязи, но и это без единого слова, разве что проворчат куда надо повернуться, как может помочь руками. Особенно с тех пор, как началась эпидемия.

Раньше еще случалось, если было настроение, шутили, смеялись, на его шутки реагировали свысока, как обычно со стариками, но с тех пор как гибнут люди, только заглянут, сделают все необходимое и тут же ноги уносят.

В салоне прекратилась болтовня, не играют ни в карты, ни в шахматы, никто ни с кем не встречается, и столовая опустела: все в своих комнатах что-то жуют.

Вот так сносно развлекается, без просьбы бесплатно получает грохот, а в голове за лбом появляется картина, все происходящее видит перед собой. А точнее в затылке, ведь центр зрения находится сзади. Абсолютно безразлично, на это оставшееся время не важно, где находится центр зрения, тем более без всякой стоящей информации; с тех пор как после рук и ног диабет погубил и глаза. Да и какая разница – лоб, затылок – один черт, и тот и другой лысые, волосы еще в молодом возрасте выпали.

В этом любопытстве есть какая-то горечь. Постоянно напоминает о его состоянии и уязвимости. Ему уже только это и осталось. Заметил, что не может спокойно думать о строящихся домах, спортивном комплексе, не может и не хочет видеть их своими внутренними глазами, плюет на все, это уже не его жизнь, а чья то другая. В офисе бывал много раз, устраивал свои дела, и баскетбольная площадка знакома, когда он еще катался на велосипеде, бегал, ездил на машине по узкой улице возле школы, годами видел, как молодежь жила там всюю, естественно всегда другие, но исключительно одного возраста.

Ну вот, еще и ностальгию по офису скоро будет чувствовать! Раньше он плюнул бы на все это. Да! Как бы там ни было, это часть его, а к новому мерзкому сооружению из трех домов – как говорят, поставят туда гигантское строение – ему какое дело?

– Дурак ты, Тарай, – шепчет себе, конечно, если бы кто-то стоял возле него и то навряд ли бы услышал – твои мозги набекрень!

Время от времени смеется над собой и с беспокойством наблюдает за своими мыслями. Уж никак не хочется, чтобы отняв от девяносто килограмм вес двух ампутированных ног, оставалось от него всего лишь примерно семьдесят килограмм мяса. В таком случае, пока он еще здравомыслящий, надо будет что-то придумать.

Многие не вынесли бы его настоящего положения, существования крота без ног, но у него пока получается. Он хорошо переносит однообразие, раньше даже целыми днями мог сидеть с друзьями в забегаловке.

Кстати, забегаловка, осталось еще немножко самогоночки, можно и по третьему разу тяпнуть. На каждый день приходится по четыре глотка. Равномерно распределяет. Последний употребляет перед сном. Больше нельзя, иначе сразу заметят и все летит к черту. Да и Юля не может больше приносить. Курить, правда, качая головой, разрешают, но только в своей комнате. Ему не надо выходить на улицу. На инвалидной коляске пока докатится до места для курения и обратно, можно отправляться вновь. И медсестер постоянно дергал бы помочь ему спуститься, подняться по пандусу, а то слабовидящий перевернется. Махнули рукой и согласились, лишь бы другим не мешал и никто его бы не видел. Пусть откроет окно на улицу, чтобы дым в коридор не шел. Ну и, конечно, надо знать меру. А вот алкоголь не разрешили. Юля приносит тайком. Преимущественно крепкие напитки, так гораздо выгоднее, продержатся до следующего прихода. Посещает примерно каждые три дня. Порядочная, удивительно порядочная женщина. Даже не предполагал о ней такого, когда сошлись. Думал его пенсия интересует ее, так и относился к ней, еще жестче, чем с предыдущими женщинами. А может она надеется, что в следующий раз ампутировать от пояса и поэтому приносит алкоголь, чтобы быстрее в ящик сыграл? Да нет, этого могла бы добиться и другим путем, просто она такая. Ну, хотя бы в конце жизни удалось сойтись с хорошим человеком. Поворачивает коляску к шкафу и рукой залезает как раз туда, куда надо: под чистое нижнее белье и пижаму, вытянув из шкафа бутылочку. По весу бутылки чувствуется, что до завтрашнего обеда продержится, а после работы Юля обещала прийти. На этой неделе она работает до обеда.

Пижамы! Половину пижамы можно было бы сэкономить. Штаны одевает лишь для прикрытия подгузников, подтягивая штанины под культы ног.

Открывает бутылку, делает глоток. Гримасничает по привычке. Таким образом теплота лучше распространяется по всему телу.

Сигареты не спрятаны глубоко, лежат на полке, легко можно достать. После выпивки всегда курит, приятно, старые ритуалы напоминает и, конечно, перебивает запах алкоголя. Весь вонизм можно свалить на сигареты. Вначале медсестры так и спрашивали:

– Что за странный табак вы курите, дядя Лайош?

– Уж на что хватает – отвечал, – мне все равно, тем более этот аромат хорошо сочетается с вонью моего тела.

– В этом что-то есть – ворчали в ответ медсестры, улыбаясь себе под нос.

Алкоголь под запретом. Очень строго. Хотя как знать, может только так показывают. Возможно, ведь хорошо знают кто попивает. Зачем им придираются, не их жизнь. Да и насколько проще не замечать, чем бороться с абстинентными синдромами. Все играют свою роль и все.

Встряхивает бутылку, кивает головой, закрывает ее и ставит на место.

– Ну, опять сахар будет зашкаливать, – кашляет. Пусть врач приведет в норму, получает зарплату, так эти деньги и отработать надо.

А ему вообще пить нельзя. Это все-таки заведение для престарелых. Находясь под градусом, может выпасть из коляски, упасть с кровати. А сахар прямо до небес может подскочить, а от него выйдет из строя ... что еще? А что у него от сахара еще не вышло из строя? Практически уже нет ни одного непораженного органа. Разве что мозг. Интересно, что голова еще совсем хорошо работает, как будто и не часть этого тела, как будто годами не той же отравленной кровью питалась, что и остальные органы. Ну, например, от сахара сума сойти можно. Разве это проблема? А если не пить, если это последнее наслаждение отнимут у него, тогда останется при уме? Не все ли равно ему дурак он или нет? Дураком может быть и не сообразил бы в каком мерзком положении находится.

Чушь, с ума сходить не собирается, он себе этого не позволит.

Почему здесь его хотят перевоспитать, пример показывать? Ноги, глаза, осязание, движение пальцев, все зубы, почки, сердце все равно никто, даже волшебник или сам Бог ему не вернет. Ноги еще никому не удалось отрастить, пусть оставят его в покое попить, по сравнению с прежними порциями – это ерунда и точка. Юля приходит, приносит, а он равномерно распределяет и плавает на волнах воспоминаний о далеком прошлом, не причиняя никому хлопот.

Иногда плакать хочется, несмотря на то, что он мужчина. Сентиментальный, как и отец был. Дело не в его бедах, хотя есть о чем скорбеть. Больше всего мучает то, что нет продолжения. Очень странно, что жизнь заканчивается. Раньше она казалась бесконечной, все могут умереть, только не он. Не очень задумывался об этом, просто жил каждодневной жизнью, купался в ней, плыл по течению и не обращал внимания на берег. По уши ушел в жизнь, плескался, наслаждался каждым мгновением. Плата за все теперь его не очень интересует, приносил жертвы, а взамен редко что получал. Сам себя одурачил или судьба его облапошила, какая разница, в конечном итоге проиграл. Не важно. Никогда не был скупым. Но каким бы полуслепым калекой он бы ни был, это все равно единственная, неповторимая жизнь, и, черт возьми, в любой момент можно лечь в гроб. Особенно во время этой эпидемии. Кто заразится, тащат в больницу, а оттуда уж мало кто возвращается домой. Сестры говорят, что большинство и пару дней не протягивает. Странно, оплакивает то, чего оплакивать уже не стоит.

Бойтся, что посещение будет запрещено. Об этом идут разговоры. Ой, а как же он это переживет? Без водочки и сигарет. Да ладно, Юля завтра еще придет. Это не то место, где планы строят, стоит заниматься сегодняшним днем, изредка и завтрашним, если он такой особенный.

Он страшно смахивает на эту комнату. Ровно настолько похож на нормального человека, как эта клетка похожа на порядочное жилье. Десять или около того квадратных метров, упрощенных до бесконечности: дверь, окно, пластиковый пол, железная кровать с матрасом, чуть более сложная прикроватная тумбочка с лампой для чтения – абсолютно бесполезной для него, – шкаф для одежды, крошечный круглый столик, два стула, раковина на стене, радиатор. И, конечно, инвалидное кресло с собственным телом, на котором уже нечего сэкономить, как и в этой комнате. С чем-либо меньшим, чем из чего теперь состоит он, просто невозможно существовать.

К подгузникам очень трудно привыкал. Да так и не привык, но что поделаешь. Здесь нет персонала, который мог бы сажать его на туалет. Сам пересест не может. Пробовал, конечно, свалился возле унитаза. Иногда даже приподняться на своем инвалидном кресле не удастся. Культы ног настолько коротки, что совсем не помогают двигаться. А теперь уже и руки приходят в упадок. Его пальцы не сгибаются, едва может ими почувствовать, а с тех пор, как отказали глаза, это стремление вообще безнадежно. Остается подгузник.

А кроме этого у него и нет ничего.

– Радио и телефон все же не забудь, Тарайка!

– Да нафиг они мне нужны, что я буду с ними делать, особенно с телефоном, кто, черт возьми, мне звонит! Даже если и позвонят, поднять вовремя не получается. Пока провожусь, звонок замолчит. А перезвонить не могу, ни гроша за спиной. Да и как звонить, ведь ничего не вижу и пальцы словно деревянные.

– Правда, иногда радио слушаю. Новости. Этот старый хлам еще из общежитских времен, пролежавший на чердаке лет пятьдесят. Трещит, музыку слушать практически невозможно.

Была у него аппаратура и получше, но вся она куда-то исчезла: у друзей осталась, в аэропорту забыл, портилась и отправлялась в мусорник, превращалась в

пиво. В основном последнее, как и многое другое, а потом скатывалось по глотке. Чаше всего по глотке друзей.

– Под этот приемничек мы трахались во время сбора винограда. Радиостанция Свободная Европа орала, а все налегали на девчонок. Учителя делали вид, что ничего не замечают, уходили играть в карты.

Он специально купил коротковолновый аппарат, чтобы ловить западные станции. Звук колебался, постоянно уходил, иногда едва пищал, но даже этим звучанием наслаждались. Еще бы, ведь они занимались чем-то нелегальным, а вместе с сексом, вообще запретным. На этом же приемничке они впервые слушали отрывки из книги о ГУЛАГе. Это было круто, настоящая партизанская акция! Даже кратко конспектировали прослушанный текст.

– Как там девчонки бросались на нас, Боже! Прямо срочно было им отдаться, уж никак не терпелось избавиться от девственности. Какие неопытные мы были! Даже двух минут продержаться не могли и бац! Зато несколько раз подряд.

Вино доставали в окрестных хуторах. Пили все подряд. Такая атмосфера создавалась, так громко гудели, что песни летели через поля на километры.

– „Засношало народ дикое гуляние,
пропал наш Вожатый с упряжкой без вести,
нашли только его член мощный вороной,
взнуздали и на нем поскакали домой!”

Если бы сейчас кто-то находился в комнате, то мог бы услышать, как он беззубо это пробормотал.

В других случаях тот период был чистой романтикой. Это была почти школьная романтика ношения школьной сумки. Сидя за одной партой, тесно прижавшись друг к другу, даже свои знания с удовольствием передали бы другому, если тот отвечал или мучился с письменной работой. Так и передавали. Подсказка, шпаргалка и тому подобное.

На уроках физкультуры выкатывались глаза, глубоко вдыхали ароматы друг друга. О, эти изящные фигуры, спадающие волосы, сверкающие глаза! Не задумываясь, любой моментально пошел бы с противоположным полом в кусты сирени у забора. Даже необязательно с тем, о ком ноет сердце. Как-то хаотично начало проявляться в них половое сознание, душа требовала чувств, а половые органы распирали от элементарного желания. Будто они не имели друг к другу никакого отношения. Только позже эти два чувства соединились в одну мучительную смесь, так сказать в любовь, чтобы после короткого совместного существования с грустью расстаться навсегда.

– Это уже тут чистилище? Хотя бы пекло на земле, чтобы привыкнуть к настоящему аду. Все равно туда попаду, куда же еще?

Все очень похоже на то, будто он уже не жил, а топтался на грани жизни и смерти, ожидая какого-то окончательного решения, которое вообще не вызывает сомнений, только дата не известна. Впервые это чувство пришло к нему несколько лет назад, когда он еще жил дома, передвигался, выглядел и чувствовал себя более похожим на живого человека, но все же как-то отдалялся от реальности, хотя единственная дочь не щадила его, напоминая о повседневной жизни.

– Деньги, деньги давай, батя!

– Откуда?

Он потерял перспективу, стал тяжелым, ничего не ждал, трудно сказать, что именно изменилось, но он был вне себя.

Однажды, подстригая газон, вспомнил о своем декане. Кстати, не в первый раз. Мужик был хорошим парнем, культурным,двигающим науку, но не узколобым специалистом.

– Я так и остался перед ним в долгу.

К декану можно было в любой момент подойти. Каждый раз, когда кто-то из его учеников подходил даже в коридоре, он останавливался, смотрел ему в глаза и отвечал, глубоко задумавшись.

Однажды, Тарай попросил декана присутствовать на одном из экзаменов. Ситуация была не из легких, его могли бы отсосать. Так и хотели, поэтому ушел с экзамена и пригласил декана участвовать на повторном. Кафедра могла бы послать его подальше, скажем в армию или в профессионально-техническое училище, но они этого не сделали. Ему повезло.

Еще перед окончанием семестра он залез в душу одному из преподавателей, который, видимо, поклялся отомстить, на экзамене вел себя как сволочь, Тарай встал, попросил не оскорблять, настоял на присутствии декана и удалился. Декан пришел. Получил четверку, хотя знал на пятерку, ведь готовился на все сто, но они должны были как-то сохранить свою гордость.

Встретились и после университета. Однажды организовали встречу для выпускников. Тарай как раз торчал в стране, и пошел. Мероприятием руководил декан, точнее теперь уже ректор. После перерыва во второй части, он общался с бывшими студентами. В зале сидело человек пятьдесят. Тарай встал и начал представляться, а ректор перебил: "Помню, помню, разве тебя можно забыть!"

Тарай косил газон и вспомнил о нем с какой-то особой силой. Толкал травокосилку думая о том о сем, и вдруг спохватился, что в мыслях разговаривает с деканом, признается в том, как высоко он его ценит. На встрече Тарай критиковал некоторые вещи из прошлого, например лекционный зал мог бы быть более современным, а не какой-то плоской лачугой, и тогда бы они пропустили меньше лекций, и тому подобное, и вдруг захотел объяснить те свои неуклюжие фразы, которые могли его обидеть. Захотелось даже извиниться перед ним. Стриг газон, а рядом с ним шел молодой, намного моложе, чем он сам, его бывший декан, и что-то говорил и говорил ему. Тарай смотрел на него и прямо гладил глазами.

Решил любой ценой откопать его телефон или электронную почту. Уж если сам не найдет, то кто-то из преподавателей университета или бывший однокурсник наверняка помогут. Покосив траву, сразу пошел в дом и начал поиск в интернете. И чуть не заплакал. Две даты стояли после фамилии, дата рождения и вторая примерно пятилетней давности.

– Опоздал. Опоздал, Тарайка, не первый раз.

С горечью кивнул, ведь было бы уже ему за девяносто, а у мужчин это большая редкость. Естественно, что ушел, но не справедливо, бывают люди, которым нельзя было бы уходить. Может никому нельзя умирать? Беспомощность и глубокая, все более знакомая печаль овладели им не только из-за невозможности разговора и потери личности из его прошлого, но и из-за определенной, неизбежной, все более ощущаемой собственной гибели. Нет, это чувство возникло у него не в первый раз, но с тех пор оно стало его постоянной, болезненной частью, как больной орган, поврежденный до невозможности.

– Со мной кто-то так же пролетит.

– Ах, да кому я нужен!

– Однако, Анна похоже облажалась.

Они с Анной были однокурсниками, но он почти не помнит ее с тех времен. Знает только, что Пали на последнем курсе женился на ней. Пали был видным парнем, стройным, с блестящим умом, отличник, все удивлялись, почему он застрял на Анне, на этой большой, скучной, непривлекательной девушке, но, раз уж такой умный, думали все, ему лучше знать, почему она подходит.

– Может из-за квартиры, которую она получила от родителей в столице?
– Думаю, и с другой недолго пришлось бы снимать жилье.
– За местечко в министерстве сразу после университета, куда отец Анны его устроил?

– Дите появилось позже. По крайней мере кажется. Значит не она подцепила его. Работать начал сразу в министерстве. Это, конечно, стало всем известно, но никого не удивило. Кто, как не Пали? Он заслужил это, получил не на халяву, а отец Анны был большой шишкой в партии, и дела у всей семьи шли отлично.

– Ну да, картина ясна.

Все у них шло как по маслу. Итак, квартира была, машина вскоре появилась, письменный стол быстро сменил на преподавание в университете, ездил на стажировки по заграницам, сделал кандидатскую и даже кафедру получил. Когда стал профессором, многие позавидовали и с ехидством об этом рассказывали в кабаке только что вернувшемуся из заграницы Тарайу:

– Представь себе, в сорок лет уже профессор, хорошо, что нобелевскую премию ему не купили.

– А Анна?

– На какой-то административной работе торчит. Если только не родила. Кого она интересуется?

– А встречу он уже организует?

– Да. Организует. Разве ты письмо не получил?

– Нет. Может оно затерялось. Я только вчера приехал, и почтовый ящик был полностью забит.

– Будет как обычно, на том же месте, в то же время, да и цена та же, что и в прошлом году. Придешь?

– Думаю, да. Кажется, свободен.

После второй пятилетней встречи курс начал собираться ежегодно, а точнее те, кто был душой компании, лучшие, как говорится. Все же было их немало. Встречались в последний выходной мая каждого года в доме отдыха на берегу озера. Снимали всё здание с пятницы по воскресенье, оплатили „все включено” и гуляли до упаду. Главным организатором всегда был Пали, у него и там нашлись связи, и делал он подобные вещи с легкостью, не переусердствовал. Все махнули рукой, пусть делает.

Анна то приходила, то нет. Вначале она сопровождала Пали реже, возможно из-за детей, но позже почти всегда была, помогая направлять народ из одной программы в другую.

– Хватит купаться, пойдемте обедать!

– Видеозаписи будем смотреть!

– Прекратите орать, елки-палки, убирайтесь спать, а утром приведите в порядок террасу, а то грохнемся от вашей грязи.

Были года, когда Тарай отсутствовал. Работа, поездки, недомогания, сначала кошелек опустел, а потом и здоровье ушло.

Он каждый раз смотрел на Анну, снова и снова задаваясь вопросом: действительно ли эта женщина училась с ним вместе? Она больше была похожа на жену одного из однокурсников. Не только Пали, а и другие приводили своих супругов, которые постепенно вписались в компанию, как будто и сами учились на курсе. Однако между ними и коренными существовала едва уловимая разница, ведь они не сражались вместе долгие годы на занятиях. А вот с Анной Тарай не связывало ничего.

Один за другим шли года. Или десятилетия? Тарай часто не мог очухаться из-за круговорота, в котором оказался. Однажды, как молния, пришла весть о смерти Пали. Ушел буквально за пару месяцев от рака почек. Это известие ошеломило их, все были

потрясены. Банальная истина и все мы знаем, что жизнь не бесконечна, однако падение такой масштабной, казалось бы, неприкасаемой карьеры отрезвляет, человек уходит в себя и смотрит в пустоту. К тому времени уже были потери и на каждой встрече вспоминали о них. Обычно обед в пятницу начинался с воспоминаний о тех, кто уже никогда не может быть с ними, но как-то слишком поверхностно говорили о них, перешептывались, конечно, пил как сапожник, курил, обгонял на поворотах, мы такого не делаем и со скрытым безразличием успокаивались, ведь им предстоит жить еще до конца веков.

Ну, почему именно Пали? Не пил, не курил, ничего плохого не делал, успех во всем и – на тебе.

– Года четыре тому назад? Или пять?

– Дьяволу меня проще было бы забрать.

– Видимо, наслаждается издеваться надо мной

С тех пор все стали гораздо осторожнее. Не в образе жизни, хотя можно было бы и в этом, а в первую очередь в поведении. Вели себя более сдержанно. Перестали орать во всю глотку. Уже не распевали до утра, да и песни стали грустнее, все меньше танцевали, сидели, разговаривали. Этому способствовал и возраст, но в большей степени тень, отбрасываемая необъяснимым уходом Пали, а затем и некоторых их товарищей.

Тарай уже давно заметил, что все приходят ради собственного удовольствия, используя других как фон для путешествия в прошлое, где они снова двадцатилетние, беззаботные, сильные. Их не волновали проблемы остальных. Послушали, головой покивали и искали любую причину, чтобы выйти из роли духовного мусорного ведра; „давайте выпьем”, „пойдём играть в бадминтон”, ни у кого не было желания вникать в чужие беды, не говоря уже о том, чтобы приложить усилия для помощи. Конечно, несколько советов для отвода глаз прозвучало, однако проблемы других чуть ли не были утешением для собственных неудач.

Организацию встреч Анна взяла на себя. Никто от нее этого не ждал, сама вызвалась. И сделала. Ей надо было себя куда-то деть и, возможно, утешалась мыслью о том, что Пали может появиться в любой момент. Конечно, она поняла, что предыдущие встречи были оптимальными и если кто-то другой займется организацией, могут возникнуть заминки и даже все заглохнуть.

В последние несколько лет, вплоть до ампутации ног, он общался с Анной больше, чем за все предыдущее время. И не только лично, раз в году на встречах, но и по телефону, по электронной почте, посылая друг другу фотографии и музыку. Анна держала дистанцию, слишком близко к себе не подпускала, но он мог себя вести с ней непринужденно, даже шутливо, и их отношения стали своего рода приятельскими.

– А ты конкретно где живешь?

– Возле юридического университета. Недалеко от центрального здания.

– Улица, номер дома?

– Звякнешь мне, и я спущусь.

– Ну, да. Хорошо. Кажется, в следующем месяце у меня будут дела в городе, можем встретиться. Кофейку попьем.

– Ты, кофе?

– Нет, не я, а ты. А я выпью коньячок, если позволишь.

– Да причем тут я. Спокойно, вот только не знаю, что на это скажет милиция.

– На поезде поеду, Нет у меня сейчас машины.

Так и поступил. Машины, правда, у него уже давно не было, и, к сожалению, не было даже перспективы приобрести её: домогательства дочери, его болезнь, и бог знает что еще начали тянуть его вниз, а не в сторону покупки машины.

Сначала они гуляли по улицам вокруг университета, но вскоре у него разболелась нога, и они присели на террасе небольшого кафе на узкой, малолюдной улице. Будучи единственными гостями, могли спокойно поговорить. Он спрашивал Анну, как проходят ее дни, встречается ли с детьми и с единственным внуком, как продвигается ее работа, начался ли проект, о котором она упоминала по телефону, спрашивал о театре, концертах, выходных, словом, болтали. Говорить о Пали он избегал.

Анна все еще работала, ей оставалось несколько лет до пенсии, Тарай уже получил инвалидность. Его сердце, сахар, ноги, которые были холодными и болели, но, по крайней мере, они еще существовали, все его тело было изношено и измождено. Он жил один, всех предыдущих женщин и след простыл, а Юля еще не появилась. Только посторонний, видя эти два одиночества, мог подумать, что на террасе сидит одна пара. Тарай был неотесанным, а Анна более тонким созданием. Им было приятно посидеть вместе без всяких обязательств, непринужденно, но шагнуть дальше было бы крайне тяжело. У мужчин это еще получается, если очень нужно, но каждый из них чувствовал, что не подходят друг к другу.

– Для Пали она подходила? А он для нее?

– Приходила бы она сейчас сюда? Нет, не стала бы. Или все-таки? Да, уж все равно, Юля приходит и самогончику приносит. Надо же, удивительно!

– Анна если бы и приходила, спиртного не приносила бы.

– Могла бы приходиться, несмотря на то, что есть Юля.

– Я её не жду. Пусть не приходит! Обойдусь.

Анна говорила минут тридцать, все же вплетая Пали в свое повествование. Вспоминала, как ее желудок сжался в комок, когда заметили его кровавую мочу, первую неудачную операцию и вторую, когда он мертвый остался лежать на операционном столе. Потом начала расспрашивать Тарайя.

– Ты все еще один?

– Ага, один. На встрече говорил.

– О, с тех пор мог бы подцепить кого угодно. Ты, друг – магнит!

– Изменилась моя форма. Уже никого не притягиваю. Да и женщины слишком дорого обходятся.

– Ведь ты их не за деньги покупал, я так слышала.

– Позже выяснилось, что они все-таки денег стоят, причем не малых. Сейчас гораздо состоятельнее был бы, если удовлетворился бы меньшим количеством.

– А ты жмотина, уж не пожалел ли? Не верится!

– И не верь! Но видишь, тебя я не искушаю, боюсь пролететь. Уж не тот я, что раньше. Ничего от меня не осталось. Но если хочешь, можешь испытать! Подожди, лучше не надо, поражения я не перенесу. Однако можешь прийти как-нибудь просто так.

– За забором ты как раз подходишь мне, но может и погляжу на твою берлогу. Как выглядит место с такой дурной славой.

– Не побоишься?

– Кухонный нож с собой возьму.

– Отлично. Зарежем им мою дочь.

– Кстати, судебный процесс по поводу твоего дома уже улажен?

– Да нет же! Такие дела могут годами длиться.

– Это идиотское требование с ее стороны. Все равно проиграет. Если только не пообещает адвокату большую часть добытых денег. На каком основании?

– Мол, я не заботился о ней, не воспитывал, наплевал на нее и ее мать, не всегда платил алименты, и теперь требует компенсацию.

- Сколько?
  - Хорошо подсчитала, половину стоимости дома.
  - Глупости. Никто ей столько не присудит.
  - Подожди. Здесь можно крутить-вертеть. Она женщина, теперь женщине достаточно только пискнуть, и толпа кровожадных адвокатов прибежит защищать ее от мужской похоти. Это идиотский мир, пора нам, мужикам создать группу защиты прав мужчин. В слогане не хватает буквы „н”, вместо „Me too” надо „Men too”.
  - Сколько ей лет?
  - Да откуда мне знать. От моих годов отними лет тридцать. Однажды родилась и все. Вроде бы от меня. По крайней мере позже напали на меня, что я отец. Хотя кто угодно мог бы быть отцом. В то время ее мать была такой развратной, что от любого могла забеременеть. Подо мной и то всего одну неделю лежала. Видимо меня сочла самым богатым клиентом.
  - А ты так и не докопался до правды? Ведь тогда уже проводились анализы.
  - Не было у меня на это времени, в основном по заграницам крутился. Да и плевал я на летние шуры-муры с этой сучкой! Все равно не дала бы материал на анализ, чтобы не выяснилось, врет или перепутала с предыдущим.
  - Какая головастая! А дочь похожа на тебя?
  - Вовсе нет. Я, например, не стал бы выдвигать такие требования.
  - Ну, да, ты особый вид зверя с золотым сердцем.
  - Между прочим, по данным генетических исследований во всем мире каждого шестого ребенка зачал не тот, кто считает себя отцом. Бедные невинные женщины, каждый хлопает их по попе, все их только обижают!
  - Заткнись, знаю я вашу компанию и хочу еще допить свой кофе.
  - Конечно, пей спокойно, глоточками, я уже закончил. Все улаживается и все мы где-то окажемся. Я скорее всего на кладбище.
  - Не говори ерунды! Настолько замучило тебя это дело? Или что-то другое? Что с тобой не так, я имею в виду кроме обычных проблем?
  - Вот обычного и его помпезности хватает. Моя нога полностью готова. Боюсь, что отрежут.
  - Какой у тебя сахар?
  - Высокий.
  - Сколько?
  - Наццать.
  - Ой, тогда почему коньяк пьешь?
  - Теперь уж все равно.
  - Если сейчас все равно, то потом тем более.
- Так они проговорили почти целый час, потягивая холодный кофе и коньяк. Договорились, что Анна сообщит ему, когда приедет, чтобы увидеть чуть ли не до каменного века упрощенное или скорее обедневшее его холостяцкое жилье, затем погуляют в окрестности, насколько Тарай сможет. Эта программа обсуждалась между ними уже несколько раз и по телефону, и в письме, уже было так, что она вот-вот приедет, но так и не приехала. Потом появилась Юля. Несмотря на это, Анна все равно могла бы гостить, но Тарай знал, что ее визит уже никогда не состоится и чувствовал, вряд ли когда-либо ее увидит. Он вспоминал об этом разговоре, когда первый раз отрезали часть ноги. Уже давно не сомневался в ампутации, но факт всегда сильнее догадки и операция его потрясла. Написал об этом Анне, которая коротко ответила: „Помню. Плачу. Опоздала.”
- Пить хочется. Задохнуться можно, хотя напротив немножко затихли.
  - Упс, это отбойный молоток. Затем бульдозер снова приступит к работе.

– Ну-ка, подкачусь к крану, вот так аккуратненько, и из ладоней вылакаю воду. Оригинальней, чем из стакана.

– Который сейчас час? Три? Скоро придут за грязной посудой.

В школьные времена во время игры воду всегда пили из уличного колодца. Домой не шли, их сразу послали бы копаться в саду или еще куда-нибудь, а так они попили из колодца и дальше играть.

Он несколько раз задавался вопросом, в чем, черт возьми, был смысл тогдашних игр. Какую роль в его жизни сыграли футбол, игра мячом головой, фехтование, строительство бункеров, стрельба из рогатки, игра в классики, скитание по полям деревни у реки? Бродяжничество еще имело кое-какой смысл, ведь вся его дальнейшая жизнь превратилась в бесконечное скитание. А вот в классики потом не играл никогда, хотя как хорошо у него это получалось. Очень часто побеждал в игре с мячом головой, прямо звездой считался среди шпаны, ну и что, разве была польза от этого, даже в футболе не мог применять, который был частью его жизни, куда бы судьба его не занесла, ведь с корешами бегали за мячом на маленьком поле, а там головой играют редко. На пляже иногда воспользовался этим умением. К чему его подготовило детство и каким образом, если тысяча вещей, которыми занимался тогда, не имеет никакого отношения к тысяче других вещей, что жизнь подкинула ему позже?

– Теперь все же выгодно уметь пить из ладони! Какое мастерство! Ха-ха, высший пилотаж!

– Хотя, если принять во внимание, что ходить, жевать, видеть, срать и ссать в туалете не могу, то это совсем даже ничего. А если пальцы становятся еще ригиднее, тогда и это станет невозможным. Вот так, Тарайка, мировой рекорд! Еще повезло, что в деревне вырос и научился пить подлезая под кран!

– А во время еды какие детские практики могу использовать? Можно есть без ложки и вилки, как шелковицу жрали прямо с дерева. Или даже без рук, как свинья, лакать прямо из тарелки.

Поворачивается к столу, на нем темный силуэт подноса с остатками обеда. Тарелки здесь широкие с плоскими краями, в них не много еды помещается, вполне можно просто вылакать ее. Есть возможность попробовать, стоят остатки и супа и второго.

– Могу свою технику усовершенствовать! И то лучше, чем быть накормленным кем-то другим. Размажу по морде, по глазам? Какая разница, все равно не вижу!

– В другой раз. Пока поиграю в джентльмена.

– Какой деликатес шелковица! Еще пару недель и созреет.

– Я думаю, молодежь понятия не имеет, что такое шелковица, путает с клубникой.

– Кругленькая, сладкая как мед шелковица! Когда совсем созреет – вот это да!

– Даже протез не нужен. Можно одними деснами жевать.

Мог бы получить и более целеустремленное воспитание. Языки, музыка и тому подобное. Но тогда кто же так воспитывал в деревне? Никто. Прелесть деревенского детства заключалась именно в безграничной бесцельности, в результате которой все же получался человек не хуже, чем городской. За исключением Тарайа, который стал порочной фигурой, такой же бесцельной и неэффективной, каким было его воспитание.

А ведь как много он читал! Ему и теперь не понять, как мог так долго сидеть неподвижно над книгой. Или рыбу ловить. Интересно, вспоминая свое глубокое детство, оно представляется то суматошным с приключениями, с рогаткой, с боем на мечах, а то бесконечно спокойным, неделями погруженным в книги, сидящим на набережной и медленно дрейфующим.

Чтение шло изнутри. В первом классе записался в библиотеку и с тех пор приносил домой целые стопки книг. В конце концов, он сам себя воспитывал. И вот он еще попрекает других в ошибках своего образования, когда сам себя погубил! Действительно, извлек ли он пользу из чтения? Что оно дало ему позже? Как сочетается с развратом на домашних вечеринках, с кутежом в пивных до рассвета, с праздничными и случайными загулами, с бесконечной чередой женщин, с ночевками в самых ошеломительных местах, с экзотическими приятелями, с карточными играми без ума и, что хуже всего, с игрой в шахматы на деньги?

В детстве ему нравилось стоять на крыльце их дома, откуда мог таращиться на кажущийся огромным, но конечно, болезненно маленький мир. Ему нравилось быть деревенским мальчиком. Был уверен, что покинет этот край и будет возвращаться только на побывки, однако радовался, что начал отсюда, с основ существования, и что из него истекает.

С крыльца он видел задний двор, где водились куры и утки. С конца лета держали и свинью, к январю она становилась достаточно жирной, чтобы ее можно было зарезать. Тарай наблюдал за животными, за их движениями, за тем, как они слонялись по двору в поисках еды. Ему уже даже и не нужно было видеть их, он точно знал, что они вытворяют и как. Их двор, сад, весь участок жили в нем как продолжение собственного тела. Среди животных у него всегда был любимчик. Обычно это была хрюшка, которую он чесал, пока кормил, и приручил до такой степени, что они стали чуть ли не друзьями. Став большой свиньей, все равно обожала Тарайа, терлась об его ноги, хрюкала, и даже жадно лопая, бывало поднимала голову и, почти улыбаясь, смотрела ему в глаза. Свинья может быть чрезвычайно умной.

На ярмарке они с мамой очень тщательно выбирали, какую свинку купить. Ошибиться было нельзя, денег хватало только на одну. Его отец плохо разбирался в этом деле, он все время предлагал взять такую, по которой сразу было видно, что с ней будут проблемы, будет рыть землю, дико визжать, бегать вокруг, плохо есть, и даже если в суе ярмарки кажется более упитанной, чем остальные, пусть берет кто-нибудь другой. С мамой понимали друг друга без слов. Они стремились рано утром, как только продавцы распаковали свой товар, обойти ярмарку, чтобы увидеть все предложение. Другие покупатели делали то же самое, поэтому надо было опередить их в принятии решения, заключении сделки и оплате, ведь у конкуренции тоже был нюх на хороших животных и мгновенно разбирали самых лучших поросят. Они искали хрюшку слегка округлой формы, но при этом достаточно продолговатого тела, чтобы было место, куда набрать килограммы, чтобы у нее была блестящая шерсть, не вертелась в ящике, а стояла более или менее спокойно, имела слегка курносый нос, мирно хрюкала, а из-под висящих уш выглядывали любопытные, доброжелательные, чуть ли не человеческие глаза, просящие – возьмите меня! Когда находили такую, мать с помощью какой-то очень тонкой техники выторговала процентов двадцать от цены, Тарай сразу же отдал продавцу мешок, принесенный с собой, свинку поймали за две задние лапы, затолкали в него, завязали, опля, забросили на велосипед и отправились домой. Действительно отличная свинка даже не визжала и не брыкалась на велосипеде, спокойно, правда пыхтя, переносила поездку, возможно потому, что понимала, это лишь временное неудобство, ее везут в нужное место. Обожали таких свинок-профессоров и на полгода завязывали с ними интимную дружбу. Когда выпускали свинку из мешка, и она начинала знакомиться с новым местом, с другими животными, с хлевом, ей наливали в кормушку литр молока, и пока она хлебала, гладили, чесали живот, спину, шею, и к тому времени, когда молоко допила, уже хрюкала их превосходная чушка, для которой Тарай даже в прохладное, сырое, серое осеннее утро, перед уходом в школу, без труда варил крупу для поила и смотрел, как она аппетитно чмокает.

Иногда он выбирал любимчика из цыплят или утят и выхаживал его пока не вырос. Утки обычно ведут себя как свиньи, сами лезут к хозяину, надо держаться от них подальше, чтобы случайно не наступить. Любимчик-утка, кажется, тоже заранее знала, когда Тарай пойдет на задний двор, уже ждала его перед дверью из планок, так что шагнуть из-за нее было невозможно, просилась к нему на руки, чтобы посмотреть друг другу в глаза. Цыплята другие. Они более флегматичны, среди них лишь очень редко встречаются дружелюбные. Но все же у него было несколько таких цыплят. Нет, такой цыпленок тоже не лез сам к нему, но не мог дожидаться, когда Тарай произнесет его имя, и тогда, даже оставив еду, бежал хоть из самого дальнего угла двора, открывал свое сердце и позволял взять себя на руки, ткнуться лицом в перья на шее и нюхать этот безошибочно куриный запах. Может и странное сравнение, он сам улыбался над ним, но позже некоторые женщины вели себя подобным образом, как свинки, утки, куры, с такими ему всегда было легче иметь дело, чем с другими, ведь знал их род откуда-то из глубины души. Женщины, очевидно, тоже классифицируют мужчин. По мнению одного университетского однокурсника каждый человек смахивает на какое-то животное. Он постоянно искал это животное во всех своих знакомых и относился к ним соответствующе. Самый простой способ не промахнуться, не быть одураченным и дать каждому именно то, чего он ожидает и заслуживает.

Ну, по крайней мере, этот опыт имел какой-то смысл, даже если он никогда не держал животных позже, переехав в город.

– Что было, то прошло и никто об этом не помнит.

– Уже даже в деревнях не держат животных. Машина, мульти-пульти, и куски мяса летят в корзину.

– Никто не задумывается, что ветчина и куриные грудки когда-то жили. А ведь насколько милые только что вылупившиеся цыплята!

– Возможно, и медсестры были бы добрее, если бы они хоть раз видели рождение и смерть, а не здесь впервые столкнулись с уходом из жизни.

– Конечно! – Если бы они хоть когда-нибудь выводили птенцов с помощью наседки и своими руками перерезали бы шею курице.

– Странно, не правда ли, что они вылупляются из простых яиц?

– Ну, да, странно, если не ты сам поставишь яйца под наседку! Перед этим проверив их под лампой, оплодотворены ли.

– Недели три простое яйцо, затем цыпленок начинает в нем шевелиться и вдруг вылупляется из-под скорлупы.

– Каждые полчаса проверяешь, нет ли нового цыпленка, вынимаешь его, сплошная слизь, наседка настороженно наблюдает за тобой, протестует, но ведь не можешь оставить его там, вдруг она раздавит.

– Да, собираешь их в маленькую корзинку, а когда все стали на ноги и превратились в хлопьевидные шарики, курица получает их обратно.

– Вскоре их можно кормить. Рассыпаешь перед ними мелкую крупу, и они сразу клюют. Засунешь голову одного в поильник, достаточно один раз, остальные видят откуда пьет, все ясно.

– Или если бы им пришлось иметь дело с другим концом жизни, со смертью. Выйти на задний двор, поймать там курицу, чтобы зарезать. Собственными руками перерезать шею. Если хотя бы один раз бедняжка трепыхалась бы у них под ногами и осталась бы только мертвая туша после того, как они запрокинули ей голову и прошли по шее ножом. Если бы они видели, как из нее, пульсируя, хлынет кровь и почувствовали бы, что она медленно ослабевает!

– Да что ты сейчас умничаешь, Тарайка, если это может так работать, холодильник, корзина, касса, то все нормально!

– Я не осуждаю, так в сто раз удобнее, зато сплошная безвкусица. Позже все будет еще по-другому, хавку сварганят на фабрике. Соберут из аминокислот. Тогда даже по бройлеру будут плакать.

– Проблема в том, что и со мной так хотят поступить. Поставить на конвейер. Да, только у меня дерьмо в подгузнике.

Строительство снова затихает. Слышен стук, человеческие крики, что-то торопят, дай, принеси, но что именно, понять нельзя. Время от времени раздается звук отбойного молотка, гудок подъемного крана.

Подрядчикам сейчас везет. Люди покупают недвижимость не только для того, чтобы жить, но и для инвестиции. Сдают ее или просто оставляют пустой, с ростом цены она все равно приносит больше, чем затраты на содержание. Именно этого и добивается дочь Тарайя, выжать из отца бабки и купить хоромы, пока длится бум, заколачивая на этом деньжищи.

– Ветреная она, растрянжирила бы все моментально.

Из коридора доносится грохот сервировочной тележки. Дверь открывается.

– Добрый денек, дядя Лайош, каким же был обед? Надеюсь, теперь вы его съели!

– Жужа, дорогая, не было у меня сегодня аппетита.

– Конечно, и вчера тоже. Потому что из шкафа колбаску подъедаете.

– Нет, салом лакоплюсь. Колбасу разжевать и с протезом не просто, не то, что без, а сало я могу грызть и деснами. Думаете, вы бы не подъедали после такого обеда?

– Ну, да, вижу, половина осталась, как и вчера!

– Вы ошибаетесь, супа я съел на две ложки больше.

– Не дразните меня, дядя Лайош, пора вам привыкнуть к здешнему рациону, скоро запретят посетителям приходить. Никакого сала больше не будет! Если только не в посылке.

– С каких пор?

– С послезавтрашнего дня.

– Хорошо.

– Завтра к вам придут, да?

– Сколько больных забрали?

– Довольно много.

– Сколько?

– Нельзя мне говорить. Особенно кого.

– Померли?

– Некоторые.

– Значит больше продуктов останется на кухне, можно и нормальную еду готовить.

– Ха-ха-ха! Интеллектуал! Вы только так думаете, дядя Лайош, привыкайте к тому, что есть!

Она берет поднос, ставит его поверх других на тележке, достает из нижней части тележки нейлоновый пакет и кладет на стол.

– Что это, ужин? Опять холодный? Что дали?

– Сыр да булочка. У вас сахарная диета, варенье нельзя. И булочка одна.

– Я так и предполагал. Угадал. Это проще, чем выиграть в лотерею. Тогда хотя бы сыра могли бы дать два куска.

– А какашка была?

– Вам бы хотелось, чтобы была?

– Значит не была. Я предполагала и угадала. Теперь уж лучше и не какайте, сегодня мыться не будем, а подгузник поменяем с Ицой, когда она придет.

– В ночной смене Ица? Сечете, как я вас щажу! Это все, что я могу вам еще дать.

– Конечно, а затем все засохнет в кишечнике и слабительное придется принимать, а от него урожай по уши.

– Буду лучше подбирать время. В организационных вопросах никогда не был силен. Как вы поживаете, Жужа? Все okay?

– Не волнуйтесь, не заражу вас. Видите, маску ношу.

– Нет, не вижу.

– О, простите, вы же не видите. Хотя иногда очень даже все замечаете.

– То, что стоит заметить. Кстати, особенно не переживаю. Пару месяцев туда или сюда, безразлично. С ума сойти, женщины ужасно подозрительны, ничему не верят!

– Опыт.

– Слабость.

– Боже, ухожу, я одна на всем этаже! Даже не понимаю, как все успеваю при моей слабости. Пока, дядя Лайош! А ужин надо съесть! Вернемся с Ицой после восьми.

– Поцелуйчик, Жужа! Но только под маску!

Когда дверь закрывается, в комнате воцарится странная тишина. Стук колес сервировочной тележки не слышен, да и с улицы не доносятся звуки.

– Сколько ей лет, пятьдесят? Дудки, хотелось бы, а там все пятьдесят пять. Может быть, Ице пятьдесят.

– Здесь только старые вешалки работают. Молодежь не приходит в такое место. Сплошная депрессия. Люди, которые попадают сюда жить, еле тащатся, несут тысячелетнюю чушь, почти ничего не могут сделать сами, не видят и не слышат, кричат, требуют, постоянно подозревают, то смерти ждут, то цепляются за жизнь, все они вонючие старики, и, за исключением нескольких более добрых душ, все отвратительны.

– Например, во мне есть что-то, что можно любить?

– Здесь работают только те, которые и сами лишены почти всего. Нудная, прокисшая каша внешнего мира. Каждый, кто попадает сюда, будь то житель или работник, должен полностью пересмотреть свой взгляд на мир.

– О чем с нами можно говорить каждый день? Например, со мной. Могу сказать, что сегодня кран работал меньше обычного, а бульдозер больше.

– Да, потому и воздух более сухой. Ну-ка повернем к крану!

– Ах, бррр, замочил всю одежду! Уже и это не получается, как раньше.

– Интересно, что случилось с девчонкой, которая сшила мне штаны для мотоцикла? Она работала в подобном месте.

– Нет, не в таком. Медсестрой была в хирургии. Это совсем другое.

– Что могло с ней случиться, Тарайка? Несмотря на то, что ты ее трахал, очевидно вышла замуж за какого-то мастера или за помощника из отделения.

– И что, ей было хуже от этого? Рядом со мной отсосала бы круче. Ладно, об этом и речь не шла, не только с моей стороны, но и с ее тоже. Насладились и смылась. Насладились? Я даже не уверен, все вышло достаточно странно.

– Из такой же клеенки сшила, которая лежит на моей кровати под простыней. Сразу узнал, как только пощупал. Тут же вспомнил девчонку. Ритой ее звали.

– Она ничего не пропускает, пуленепробиваемая. На нее можно прямо мочиться, на матрас все равно ничего не попадет, с двух сторон стекает. Если подгузник пропускает или вода прольется при обмывании задницы, ей все ни по чем.

– Какой дождь выдерживали эти штаны! Экипировка из кожи может только позавидовать. В магазинной куртке я до нитки промок, а вот трусы и ноги остались сухими как порох. Она могла бы сшить и куртку. Увы, исчезла к тому времени, когда выяснилась, какая фирменная вещь.

Повернувшись к окну, размышляет при послеобеденном свете. Окно представляет собой большое светлое пятно, но не такое яркое, как раньше. Со стройки доносятся звуки ручных работ. Под этот ритм летит в далекое прошлое. Даже не знает именно куда, не помнит, где подцепил эту девушку. Помнит ее лишь с того момента, как сидит у нее в коммуналке. В то время он жил за границей, там они встретились, но даже напрягаясь не может вспомнить конкретно где.

Ее простая, оклеенная обоями комната сильно смахивала на это, еле похожее на комнату помещение здесь, в соц-доме. Кровать, потертое кресло, стол, два стула, вроде бы какой-то ковер и габаритный шкаф. На высоком потолке горела лампочка без абажура. На стенах везде краснели пятна крови, которые из-за рисунка обоев он сначала даже не заметил, но как только обратил на них внимание, то больше ничего и не видел, кроме страшных следов раздавленных клопов.

– Спать дают?

– Не очень. Много ворочаюсь.

– Их тут не вытравить, у соседей, наверное, тоже полно.

– Да. Пыталась. Купила спрей, на несколько дней стало лучше, потом опять появились.

– Переезжай, так невозможно жить!

– Куда? По такой цене везде непросто. По крайней мере здесь кухня нормальная, ванная чистая, жильцы спокойные, воров нет.

Такое место не слишком бодрит человека. Из двух смежных комнат отчетливо доносилось каждое движение и разговор жильцов. Когда-то это, возможно, была большая буржуазная гостиная, разделенная потом тонкими гипсовыми стенами на три помещения. Общая кухня, ванная, туалет. В таких местах даже молодые мужчины тщетно пытаются возбудиться, быстро проходит желание. Рита испуганно, однако не пикнув, отмахивалась, и хотя ничего не говорила, можно было понять, что она не навсегда отталкивает Тарайя, только до тех пор, пока он не отведет ее в более дискретное место.

И сбилось. По какой-то причине он не хотел брать ее к себе домой. Пусть лучше не ищет его там. На гостиницу денег было жалко, поэтому он попросил у одного из своих сослуживцев маленькую квартирку, которую тот снимал и лишь на йоту отличалась по качеству от жилья Риты, но, по крайней мере была абсолютно независимая.

Им было ясно, зачем туда идут. Тарай уважал ее за это и тогда, и особенно позже, после накопления опыта с женщинами. Не пудрила мозги, не выпендривалась, вошли, осмотрелась, слегка улыбнувшись поцеловала его и начала раздеваться. Затем голая улеглась на скрипучую железную кровать.

Глубокое ложе из скрученной сетки навсегда осталось в его памяти. Даже сейчас он отчетливо видит в нем хрупкую обнаженную фигуру Риты, ее ягодички низко опущены, голова находится на одной высоте с ногами, а он неуклюже залезает на нее. Матрас на сетке туда-сюда скользит под его коленями, и прежде чем проникнуть во влагище она вдруг выкатывается из-под него. В этом возрасте мужики все проблемы разрешают, но, вспоминая этот короткий эпизод, можно его всего лишь так подытожить: маленькая комната, железная кровать, хрупкое женское тело, скрип, скольжение, упорство, чувство удачи – получилось. И благодарность за это, непромокаемые штаны.

Когда они одевались, Рита подняла брошенные на пол брюки Тарайя, достала из сумки сантиметр, измерила ширину и длину, и положила их обратно. Черт, подумал Тарай, он и сам поставил галочку, как только почувствовал себя внутри нее, но какая точность, она даже размеры фиксирует!

После этого они встретились только один раз. Тогда она дала ему брюки. На хирургии взяла резиновую простынь, а сшила у подруги. Тарай уже раньше рассказывал ей о том, что у него дома есть очень крутой мотоцикл, и не хватает только двух вещей – денег на бензин и непромокаемых шмоток. И вдруг это маленькое неприметное существо позаботилось о нем, хотя и знало, что все кончено. Да и никогда и не началось. Может быть, поэтому. Ее инстинкт подсказал, что до тех пор, пока брюки целы и он будет в них путешествовать по полям, по горам, горько-сладкое воспоминание о ней сохранится. А сохранилось гораздо дольше! И кто знает, как еще долго, ведь штаны до сих пор лежат где-то на дне кофра, снятого с последнего мотика перед продажей, с надписью на попе толстым фломастером: "Не обосрись, или имей такие же штаны". Однажды кто-нибудь вытащит их, и прежде чем выбросить в мусорное ведро, как музейный экспонат нужды прошлого, может хорошенько посмеяться.

Как актуальна стала эта надпись! Мог ли он тогда об этом подумать? В молодости мы всегда подразумеваем других за нашими шутками. У него ведь есть такие штаны, почему не носит? Очень даже бы подошли. И тогда никаких проблем, все равно, твердая или жидкая какашка, помогут его или нет, кого волнует, если завязать концы штанов, и не одна порция поместится!

Проще было бы для этой встречи попросить квартиру Даника, но и он как раз снял кого-то, девица жила у него, потому пришлось им с Ритой заняться сексом в той жалкой дыре.

Даник – тоже коллега, а потом и друг – был так называемым мигрантом, его родители во время войны покинули свою родину. Кудрявые волосы, нос крючком, весело блестящие глаза и легкий, дружелюбный характер выделяли его среди коренных жителей. Конечно, он считался местным, родился, вырос и получил образование здесь, все же отличался, нес во всей своей личности ту другую культуру. Они стали очень хорошими друзьями. Тарай, единственный ребенок в семье, считал Даника с его прямоотой почти своим братом.

Работали в разных отделах и редко встречались днем, но регулярно проводили вместе вечера и выходные. Два раза в неделю с корешами играли в футбол в спортзале соседней школы, пили пиво и вместе ловили баб. Удобный метод, женщины обычно тоже ходят парами. Очевидно думают, что и мужчины будут в паре.

Пиво обычно пили в пивбаре "Мушкетер" на другом конце города. Любили там расслабляться в компании крутых парней и старых пьяниц. В сумрачном полуподвале за длинными дубовыми столами пили все вместе, гудели, смеялись, не было необходимости в вежливости, играть в цивилизованность, принесешь бокал, сядешь, где место найдешь, и вперед, можно хлебать. Бар отдавал атмосферой столовой в общепитии для работяг.

До заведения от метро было еще пять или шесть остановок на автобусе, но времени не жалели. Только на обратном пути расстояние иногда было проблемой, после обильной выпивки хотелось свернуться калачиком в постели и вздремнуть, а от "Мушкетера" еще автобус, метро, пешком до дома, да и облегчиться не мешало бы уже в автобусе или в метро. В то время они еще подгузников не носили. Почему не подумали об этом? Теперь Тарай был бы более опытным в этой области, или, по крайней мере, избавлен от душевного надлома, который ему нанесла жестокая реальность социального дома. В некоторых более развитых странах о таких несчастных, как он, заботятся сиделки на дому! Платят им прилично, за это должны кормить бабушку и дедушку, выгуливать, стирать, готовить для них, и, конечно же, помочь сходить в туалет, купать их по-человечески, как того заслуживает любимый родственник.

Раз уж так далеко подавались, то бокалов четыре, пять точно выдували. Вначале, в более трезвом состоянии обсуждали профессиональные вопросы, говорили о деньгах и политике, как только алкоголь проникал в головы, переключались на недавние вечеринки, футбол, иногда кино, а после третьего бокала обязательно появлялись женщины, например, Даник рассказал о том, как он недавно фотографировал обнаженную девушку в своей фотостудии, а в самом конце всегда наблюдали за азартом карточных игроков. Ставки были настолько высоки, что они не осмеливались войти в игру. Если бы играли не только в карты, но и в шахматы, у Тарайа был бы отличный шанс присоединиться к ним. В детстве, регулярно посещая библиотеку, годами тренировал себя теорией игры в шахматы, и развился до такого уровня, что вслепую, спиной к доске, мог легко обыграть среднего соперника. В то время шахматистов-любителей можно было встретить в основном в парках, поколение постарше двигало фигуры ради удовольствия, не опускаясь до презираемого уровня картежников, в королевскую игру играли как положено, без ставок, просто ради победы. Иногда Тарай, идя по улице, если не спешил и считал, что стоит присесть к одному из более опытных игроков на пару партий, садился и обычно побеждал.

Даник хорошо фотографировал. По его словам, после окончания школы не сразу поступил в университет, поэтому пошел на курсы фотографов. Лучше и не придумать было. Получил приличный фотоаппарат, ежемесячно определенное количество пленки, свободно пользовался лабораторией, обучение проходило на месте, от работы не надрывался и приобретенные навыки мог использовать позже. Плюс, о чем он и не думал вначале, занимались чрезвычайно интересными темами.

Во время учебы в университете и после его окончания он не забросил приобретенные знания. Всегда что-то мастерил в фотоделе: вел дневной семинар в начальной школе, фотографировал на семейных мероприятиях, делал слайды для лекций и книг преподавателям, или банально помогал друзьям в ванной проявлять. После университета, уже работая, открыл небольшую студию, где снимал так называемые художественные фотки, никогда не догадаетесь о чем, конечно же о женщинах. В основном это были – как же иначе! – обнаженные натуры, а не портреты. Вкратце, он фотографировал голых женщин, чтобы иметь возможность среди них выбирать.

Примерно в это время он познакомился с Тарайем, они почти одновременно пришли работать в компанию. Тарай часто фотографировал в городе или на вечеринках, поэтому Даник показал ему несколько мелких трюков, которыми мог элементарно улучшить качество своих снимков, например направить вспышку на потолок, или укрепить фотоаппарат на поясе с помощью ветки. И познакомил его с некоторыми бывшими клиентками, которые ему уже надоели, или избавился от них, как от товара второго сорта. Тарайа это очень даже устраивало, ему и поначалу не приходилось голодать, а тут девушки передавали его из рук в руки, шептались, что какой веселый, симпатичный парень, и он вскоре стал популярным. Просто расслабился, позволил себе плыть по течению. Это идеально соответствовало его натуре. Начался период больших пьянок, домашних вечеринок, оргий и путешествий. Вскоре пристрастился к крепким напиткам. Табачек с коньячком, соленые палочки, рыбка. Жил на всю катушку!

Это, конечно, не означало, что отныне он презирал пиво, скажем, в "Мушкетере", но ему требовалось хотя бы четыре пять бокалов, чтобы охмелеть, и даже в этом случае время от времени испытывал непреодолимое желание нажраться до поросычьего визга.

Как раз на автобусе возвращались из "Мушкетера", когда Данику стукнула в голову идея, заглянуть к одной из бывших одноклассниц, одинокой женщине, которая

недавно переехала в этот район. Они столкнулись в городе, и она дала ему свой новый адрес, многозначительно подмигнув. У них уже были отношения раньше, но прошло много лет, а вдруг и теперь она скрасит оставшееся время дня, размышлял он. Тарай поддержал идею, может Даник правильно понял приглашение, да и после такого количества пива лучше идти на подготовленную почву. Правда она не двоих приглашала, но там будет видно, зачем ограничивать себя заранее.

Уже стемнело, когда они чуть ли не кувырком выбрались из автобуса и начали искать улицу. Быстро нашли, стояли перед домом, рассматривая список на табличке возле звонка. Даник нашел фамилию и нажал два раза. Приятным, звонким голосом Кристина спросила:

– Боже, кто это так поздно?

– Привет, Кристина, это я, Даник.

– О, как я рада! Нажимаю, заходи!

И они вошли. Наверху в открытой двери квартиры ждала девушка. Как только увидела их двоих, в ее чертах промелькнула интересная перемена, вначале удивление, потом разочарование, и, наконец, предвкушение новой, интересной и волнующей ситуации.

– Привет, Кристина, заскочили к тебе подлечиться после пивбара! Познакомьтесь, мой друг, Тарай.

– Привет, Кристина! Я Тарай.

– Привет, ребята. А я Кристина. Как здорово, Даник, что ты пришел, что вы пришли. Заходите!

Закрyla дверь, заперла ее, выключила свет в коридоре. Внезапно стало довольно темно, только свет лампы для чтения рядом с креслом-качалкой пробивался сквозь полуоткрытую дверь гостиной. Парни сняли обувь и последовали за Кристиной в гостиную.

– Где бы ты ни жила, у тебя всегда уютно – обнял ее Даник.

– О, не издевайся, ведь знаешь, что я чертовски бедна. Вот столько и могу себе позволить.

– Я сказал "уютно". То, что богато, не обязательно уютно, но я слишком пьян, чтобы сейчас философствовать, давай оставим это, у тебя тут классно, и точка, – сказал он, развалившись на диване.

– Что вам принести?

– Мне маленькую подушку – усмехнулся Даник.

– А тебе, Тарай?

– Спасибо, ели, пили достаточно. Немножко воды.

Кристина пошла на кухню, было слышно, как открывает холодильник, наливает воду. Даник потянулся как кот и съязвил:

– Надеюсь, подушку себе тащит – под попу.

– Симпатичная девчулька, очень сексуальная – бросил взгляд в сторону кухни Тарай. – Какая грудь! Жаль, что я под градусом.

– Очуаешься. Она того стоит. Не волнуйся, справится.

Вернувшись, Кристина бросила подушку Данику, а минеральную воду поставила на журнальный столик. – Ты в гостях? – обратилась к Тарайу.

– Живу здесь и работаю в той же компании, что и Даник.

– О, значит останешься подольше!

– Конечно, но не сегодня – Даник взял ее за руку, – а то еще закроют метро.

Притянул ее к себе и бесцеремонно, по привычке поцеловал в губы. Она не сопротивлялась, ведь уже стоя в дверях знала, что так и будет. Спокойно дала Данику снять с себя блузку, лифчик, джинсы и распустить волосы. Когда Тарай сзади погладил

ей спину, она слегка вздрогнула, но потянулась назад и нежно провела по его руке, а чуть позже положила ее на свою грудь. Через некоторое время трусики сползли с Кристины и по желанию Даника подушка попала под ее попу. Отлично знала свое дело. Двигалась инстинктивно, всем телом. Такой практике вряд ли можно научиться, ее должна нести какая-то хромосома. Тарай, когда настала его очередь, не верил своим чувствам, что такое вообще возможно, что после всего выпитого пива он может быть таким крутым парнем. После двух отдельных раундов они попытались овладеть ею одновременно, но ничего не вышло. Расхохотались.

– Знаете что, придется вернуться к этому приему в другой раз – сказала Кристина, – перед пивным баром. Однако завтра вам не мешало бы глотнуть по таблетке, у меня в последнее время бывают выделения и небольшой зуд.

– Потому что постоянно члены тебя чешут. Слава Богу! Было бы скучно без таких фирменных женщин – зевнул Даник и посмотрел на часы. – По дороге заскочим в аптеку. Пошли!

– А ты? – обратилась она к Тарайу.

– Фантастика! Ты потрясающая! Спасибо.

Выйдя из метро, с неземной легкостью пошагали домой. Жили совсем рядом, Даник в собственной, купленной с поддержкой родителей, а Тарай в служебной квартире. Их тела переполняла ни с чем не сравнимая радость, которую испытывает мужчина после сенсационного свидания с такой превосходной женщиной. Да и еще остатки алкоголя, так что почти парили над тротуаром. Даник заглянул в боковую улочку.

– Давай посмотрим аптеку на углу, может дежурная!

– Давай!

Внутри горел свет. Позвонили. Женщина лет пятидесяти открыла маленькое окошко. Оглядела их, словно просвечивая рентгеновским лучом, и, заметив их смущенность, скорчила гримасу.

– Презерватив или лекарство?

– Лекарство – очнулся Даник.

– Могли бы сообразить и заранее. Когда было?

– Час назад.

– Вовремя. Сейчас принесу. Безалаберные мужчины!

Ее голова исчезла, а они стояли, переступая с ноги на ногу, глядя друг на друга. Внутри раздался щелчок выдвижного ящика, скрежет кассового аппарата, а потом она высунула две коробки, чек и назвала цену. Даник заплатил.

– Из каждой коробки по одной таблетке три раза в день в течении трех дней. Что-нибудь еще?

– Нет, больше ничего. Большое спасибо. – Это уже Тарай сказал, полуобернувшись, когда направились к главной дороге.

Спустя несколько месяцев Даник ударился в новый бизнес. Уверял, что фотография бесполезна, она годится только для флерта, ему надоело быть бедным, хотя и речи не было о том, что в повседневной жизни он в чем-то нуждается. Многие завидовали его пижонству.

Занялся такси-бизнесом. Ну, не как водитель, а как предприниматель. Купил три потрепанных девяти местных микроавтобуса, которые еще можно было водить с нормальными правами, и гонял их как маршрутки. Открыл новые направления, чтобы не вступать сразу в перестрелку с конкурентами, но мало кто ездил в эти места, да и то одна беднота. Очевидно часто жалел об этой идее. Формула кажется простой: машина, водитель, топливо, следить за ситуацией и льются бабки, но это фикция, власть ко всему придирается, особенно налоговая инспекция, с документами водителей

постоянная проблема: оставлены дома, потеряны, просрочены, при продлении врач возникает из-за высокого давления, что-то нужно устроить немедленно, нет, прямо на вчера, обычно это все не бесплатно, потом идут штрафы, превышение скорости, красный свет, парковка, лишний пассажир, придется искать связь в полиции, они еще дороже, проколы, сломанные шасси, тормоза, закипевшая охлаждающая жидкость, все, что можно представить на старой кляче, охота за механиком, трейлер вызывать, что значит завтра, делайте сейчас, пропустим вечерний трафик, оставленный в машине багаж, мусор, блевотина, порезанная обивка, список можно продолжать и продолжать, а потом, пусть доход и небольшой, все таки вдруг появляется конкуренция, им не нужны эти медленно развивающиеся маршруты, а скорее хотят предотвратить неприятности, вдруг новенький приживется, начнет расширяться и посягать на их территорию, поэтому лучше проколоть колесо, разбить лобовое стекло, потом фары начнут трескаться, он недостаточно тертый калач, мало корешей на заднем плане, так что полный провал, сплошные нервы и убытки.

Через несколько месяцев его дела стали ухудшаться. На работе возникло все больше заморочек из-за дурацкого бизнеса. Некоторые завидовали ему, но даже без злого умысла он начал тонуть в проблемах. Клиенты искали, не могли найти, никому не сказав как раз слинял по каким-то делам, постоянно пользовался рабочим телефоном, был недоступен, а счет платила компания, качество его работы заметно снизилось. А недоброжелатели усугубляли положение, переходя дорогу везде, где только можно. Тарай предупредил его, чтобы немедленно выбрался из этого дерьма, всю свою личную жизнь погубит, этот бизнес ни в коем разе не может работать, не будет ни денег, ни женщин, ни пивка, ни их дружбы, жизнь бросит его на свалку, в результате судорожного стремления нахлынет пустота.

Не смог его переубедить. Он покажет всем, – визжал – что его не могут утопить чмошные, мелкодуховные барыги, умеет плавать лучше, чем эти ублюдки думают, в нем заложена древняя культура, не деревенщина как они, не будет платить никому деньги за защиту, лучше купит дуло на блошином рынке и вышибет их идиотские мозги.

Его уволили. Затем один из автобусов, оставленный перед домом водителя, ночью бесследно исчез. Не прошло и несколько дней, как на другую машину во время стоянки задним ходом наехала бетономешалка и разбила вдребезги. Водитель находился в ней, но, к счастью, ему удалось выпрыгнуть. А третью Даник спешно продал за бесценок, расплатился со всеми, кому был должен, и исчез из города.

Перед уходом с чемоданчиком в руке на несколько минут заглянул к Тарайу. Чуть не плача обнял его.

– Тебя потерять больше всего жалко. У меня уже никогда не будет такого друга, как ты.

– Куда едешь?

– Не могу сказать. Потом дам тебе знать.

– Береги себя. Увидимся ли мы еще или нет, ты мой брат.

Долгое время Тарай не слышал о нем никаких известий. Позже общие знакомые рассказывали, что он за границей пробует то это, то то.

Пока он жил в городе, периодически заскакивал к Кристине. Не очень часто. Их отношения казались простыми, удовлетворяющими телесные потребности, но для него это было нечто большее, Кристина стала для него праздником. Она заменила даже Даника. А праздники с красной буквой каждый день не бывают.

Обе стройки наконец-то затихли. Кроме ночей такая тишина самая мучительная. Обычно этот период очень даже приятен, после обеда все дремлют немного и потом относительно свеженькие выбираются в холл, начинается общественная жизнь, если их

хриплые старческие разговоры, сплетни, игры в карты можно так назвать, а вот сейчас, из-за эпидемии, прямо прощупывается одиночество.

– Значит, уже пять часов.

– Могу и поесть.

– Да, проголодался. Ничего в этом удивительного нет после их паршивого супа и рагу! Сала с хлебом тоже совсем тонкий кусочек съел.

– А потом закурю, чтобы заполнить пустоту.

– Где этот проклятый сыр? С сыра начну, чтобы побыстрее кончился.

– Может я и не голодный, а ем только от скуки?

– Разве не все равно? Сегодня мне еще два раза нужно есть, например, сейчас и когда Жужа и Ица уйдут.

– Нужно? Для меня уже ничего обязательного нет. Конечно, я всегда делал то, что хотел, что в голову пришло, никому не принадлежал, и никто не принадлежал мне. Например, отправился автостопом в горы, вдруг передумал, перешел на другую сторону дороги и поехал обратно к Агнессе.

– Да и сейчас думаю о ком хочу, о чем хочу.

– Необузданная свобода! Кто еще может сказать такое о себе?

– Дурак. Еще позавидуют и отрубят себе ноги.

– Ладно, пусть будет пока сыр и булочка. Сало позже.

Крутит колесо стула, поворачивается к столику, берет пакет холодного ужина, неловко распаковывает нейлон, затем, склонившись над столом, чтобы не сорить, еще более неуклюже пытается содрать фольгу с плавленого сырка. Пальцы с трудом слушаются, но в конце концов удается.

– Агнесса тоже мыкалась по свету. До меня, после меня. На то короткое время, пока была со мной, приобрела форму. Странно. Конечно, когда две птицы связаны за ноги, ни одна из них не может летать.

– Порвала со мной, прежде, чем выяснилось, что из этих отношений выйдет.

– Любопытно, к кому она шла в то воскресенье в психиатрическую больницу? Действительно к подруге медсестре? Или на лечение? Может, ее врач дежурил в тот день?

– Попросила погулять в парке, пока вернется. Провела там не менее двух часов, но скорее три.

– Если она могла войти, то почему меня не взяла с собой?

– А если ее парень работал, или лежал там? Сосались и, выглядывая через окно, смеялись, как я гуляю среди кустов?

– Съезд партии слушал по карманному радио. По маленькому коммерческому приемнику, кто мне его подарил, даже не помню, это была единственная станция, которую мог ловить.

– А может все-таки ее лечили? С ее экзальтированностью и то возможно. Три часа с подружкой – долговато, а твой парень гуляет в парке.

– Этот сыр ужасный. Я всегда ненавидел его. И в то же время очень вкусный! Как может что-то быть одновременно таким противным и великолепным?

– Прямо как Агнесса.

– Могла бы выдержать год или два, пока я за границей кручусь. Позволил бы ей завести интрижку. И у меня были кое-какие отношения.

– Какая мягкая булочка, совсем не крошится! Мм, очень вкусно!

– Когда уезжал, казалось, что все у нас получится. А не получилось. А ведь, когда послала меня подальше, приехал на целый месяц в отпуск.

– Но хоть в глаза мне сказала. Прибыл вечером, переночевал у нее, но уже не с ней, а утром скатертью дорога. Это еще сойдет, женщины обычно молчат как мертвые.

В конце концов, они действительно умирают – для тебя. Ни встречи, ни письма, телефон не поднимают – вычеркивают себя из твоей жизни.

– Практичный тип. Среди них слишком мало Кристин, не мешало бы их размножать.

– Конечно, могу понять, например, когда загонял кое-какие вещи и давал объявление, иногда звонили такие типы, с которыми я предпочел бы не иметь дела, и если они начинали перезванивать, настаивать, сразу вспоминал девушек, которые внезапно исчезли.

– Но все-таки это другое. Почему бы мне не воздвигнуть им памятник внутри себя? Обождать. Это так красиво, не правда ли? Кому мешает, что я им статую поставил в своей голове и в сердце?

– А что, разве я никого не отшивал? Как же нет! В таком случае и те могут плевать.

– Прямо так, что сейчас же смойся, дорогая, так никогда. Ну, ладно, очень редко.

– Надо признаться, не особенно лелеял их, это точно. Но это от природы, родился таким, неотесанным. Кому я осточертел, слиняли сами. По крайней мере, по собственному желанию.

– А после этого еще я требую, чтобы они открыто избавились от меня, если я им надоел?

– Ах, все мы мерзавцы, и мужчины, и женщины.

– Но не одинаково. Женщины мурлычут, как кошки, и ищут момент, когда можно выколоть вам глаза.

– Они никогда не раскрываются полностью. По крайней мере, для меня. Ведь долг всегда платежом крашен.

– Хоть и топором высечен я, но, возможно, заслуживаю большего.

– Как мне их не хватало, однако со всеми получилось паршиво! Я искал их откровенности, но не получил. Как и тут эти медсестры во время эпидемии, вроде заходят, а на самом деле нет. Как будто всю жизнь я был заразным, пробовали меня на вкус и шарахались. Ха-ха-ха, какой классный парень, веселый, пьянки, секс, ну пока, дружок! И будь добр, забудь нас навсегда, потому что мы ни в коем случае не хотим тебя помнить. Наша честь безупречна. Знаешь что, тебя никогда и не существовало!

– Упс, это быстро прикончил! Сыр исчез. Кусок булочки остался, позже с салом съем. О, если бы я мог съесть ее с острым жирненьким зельцем, чего бы только за это не отдал! Такое сюда приносить не разрешают, поноса боятся. Будь то бы от зельца понос неизбежен. Конечно, единственный холодильник в коридоре, это суший пустяк. Он должен быть в каждой комнате. Боже, какое мерзкое место!

– У родителей Агнессы фаршировали зельц, только гораздо более перченый, чем тот, который мы обычно делали дома. Ее отец пригласил меня на убой свиньи, помочь им. Ехал я со свадьбы, один из гостей подбросил меня на своем мотоцикле по дороге домой. Тридцать километров в феврале, на рассвете. Работал я, как обычно, честно – в то время еще все горело в моих руках –, правда, в полусне, как лунатик, так и не помню ничего, кроме особого зельца.

– Отец Агнессы, этот подлый ублюдок, после смерти жены поместил ее в детский дом, чтобы вдовцом свободно развлекаться, а бедная девчонка поклонялась ему как святому.

– Старик хотел воспользоваться молодым буйволом в доме. Дочь свою берег от меня, как монахиню, разве только пояс целомудрия не надел на нее. Отцу было в порядке вещей, что в детском доме могли обращаться с ней как с сучкой, а меня демонстративно шантажировал ее порядочностью.

– И Агнесса вечна во мне, но только она во мне. Наверняка уже давно не помнит ни моего дня рождения, ни даже того, как мы познакомились.

– Вот так, Тарайка, а это еще понятно, чудо то, что Юля приходит, да еще со спиртным и с салом. Ты понимаешь это, Тарайка?

– По этому поводу надо закурить! Выкурим трубку мира и забудем все обиды.

Подкатывается к окну, берет ручку, как раз достает, и приоткрывает его, чтобы дым шел на улицу. Просили же. Перекаtywаясь к шкафу, берет со стола остаток булочки и кладет в мешок с хлебом на полке шкафа. Нащупывает сигареты, закурит и неуклюже катится обратно. Расслабляется, глубоко затягивается дымом, с наслаждением выдыхает его в щель приоткрытого окна, глядя прямо на свет, как на экран кинотеатра. Снаружи проникает шум транспорта раннего вечера и оживляет комнату. В такие моменты даже забывает о своем состоянии, чувствует себя, как будто в лучах заходящего солнца сидит на террасе своего дома, в возрасте тридцати, сорока или пятидесяти лет, когда еще чувствовал себя человеком, и с закрытыми глазами был полностью поглощен наслаждением табачного дыма. И вот, кино начинает крутиться, светлое пятно стекла оживает, и начинает видеть, как будто это было вчера: примерно лет в двенадцать с Шандором на окраине деревни в старых глиняных ямах скручивают полоски бумаг в трубочки, которые внешне мало чем отличаются от обычных сигарет, за исключением того, что пустые и немного длиннее, прикуривают их, глубоко вдыхают, насколько позволяют легкие, кашляют от горячего дыма, бумага вспыхивает, они курят ее, а потом выплевывают, чтобы не обжечь волосы или кончик носа. Вкус горячего дыма такой необычный, похожий на тот, что выходит из печки, когда ее зажигают, а вкус и запретное озорство наполняет их такой огромной радостью и удовлетворением, что прямо витают.

Шандор был на год старше, он уже пробовал настоящие сигареты. Сказал, что без табака слабо, нужно его достать, будет намного лучше. Решили обойти деревню, собрать выброшенные окурки, извлечь из них табак, и его закручивать в страницы, вырванные из школьных тетрадей. Идея оказалась гениальной, окурки валялись повсюду, особенно около магазинов, автобусной остановки и железнодорожной станции. В центре деревни, у магазинов и автобусной остановки было большое движение, там сильно бросалось бы в глаза, чем они занимаются, точно разоблачили бы их, поэтому просто наклонялись, подбирали несколько штук и шли дальше, а вот железнодорожная станция была золотой жилой. Поезда ходили всего несколько раз в день, и между двумя поездами местность была совершенно безлюдной. Сначала собирали на платформе пассажирского поезда, а затем обнаружили, что участок пути, где стояли товарные вагоны для разгрузки, является еще более богатым месторождением. Грузчики курили целый день, разбрасывая окурки. Все это доставалось им бесплатно.

Так что вскоре они уже курили настоящие сигареты, ну, если не считать бумаги, без всякой умеренности, пока им не надоедало. Остаток прятали в дыре, вырытой в глиняной стене ямы, положив перед ней бревно.

– Слишком рано я начал курить, неудивительно, что так сильно сдал.

– Много всего, что мне повредило, но сигареты однозначно.

– Может, не так вышло бы, если не в двенадцать лет приистрастился и не дымил бы до сих пор.

Родители Шандора были хорошо обеспечены материально, гораздо лучше, чем родители Тарайы, подарили ему проигрыватель, пластинки, и после школы, пока отец и мать работали, он с друзьями борзел, музыка редела на весь дом, откуда-то появлялось несколько настоящих сигарет и даже выпивка, в основном деревенское розовое вино. Это были не скрученные из листов тетради сигареты, а настоящие с фильтром,

купленные в магазине. Компания постоянно менялась, в зависимости от того, кто приходил из соседских детей. Хенрик, мальчик на год или два старше Шандора, почти взрослый, появлялся относительно регулярно. Позже он основал рок-группу, ездили по району, давали концерты, кутили. Иногда заходил Янош, одноклассник Шандора, с ним скорее в футбол было хорошо играть, а такие мероприятия он обычно не посещал.

Люди обычно наглеют, если что-то получается слишком хорошо. Черт возьми, почему надо плестись на окраину деревни, чтобы покурить, почему не дома? Скажем, на чердаке или в кустах в конце сада. Тарай принес домой несколько самодельных сигарет и спрятал их под тумбочку, чтобы позже найти место получше. И забыл об этом. Через несколько дней его мать нашла их во время уборки. Наказывать не стала, но почему-то воспоминание о том, что его поймали, до сих пор вызывает неприятный привкус. Мать объяснила, что, если он позже и станет курильщиком, как отец, теперь это еще слишком рано, не надо губить себя. Кивнул, и больше не приносил домой сигареты. Остался дискомфорт ямы. Все равно каждый день ходили играть в те места.

Примерно через два года его родители смирились с тем, что он курит. Окончил начальную школу и, как он уже давно планировал, уехал из деревни. Поступил в городскую гимназию, откуда приезжал домой только в качестве гостя, обычно раз в месяц. Это помогло родителям принять курение и взросление в целом. Они не видели, как он курит, за исключением тех случаев, когда выходил раз в месяц с сигаретой в конец веранды, в то самое место, где обычно стоял и дымил его отец, откуда раньше смотрел на дождь и на простор мира, охватывающие его душу с самого рождения. А потом вдруг во время обеда налил себе немного, стоявшего на столе отцовского вина и, как тот, кто делает это не первый раз, запил им рагу. Родители внимательно посмотрели на него, затем друг на друга и ничего не сказали. Очевидно с этого момента начался процесс его бесконечного опущения. Или, возможно, чуть позже, когда его мать заметила странное, невыводимое пятно на подкладке недавно купленной куртки. С подозрительной улыбкой спросила, что это такое, а он пожал плечами, как будто понятия не имел, отвернулся и вышел во двор. Хотя очень даже хорошо помнил тот день ранней осенью, когда в городском парке, в воронке от бомбы, сохраненной со времен войны, среди бела дня занялся любовью с девушкой, которую знал всего лишь несколько недель, и расстелил куртку под ее попой.

Затем глядя на все более темнеющее окно, картина меняется, и теперь, сжимая в руке только окурок, продолжает смотреть роскошное бесплатное кино своего сознания. Видит тех же парней, что и раньше, но они уже с рогаткой в руках охотятся на воробьев, гнездящихся в окрестностях зернохранилищ кооператива. Воробьев было столько, как звезд на небе, если промахнулся, так попал в другого.

Рогатка насколько простое, настолько отличное оружие. В руках подростка прямо опасна для жизни. По крайней мере, для голубей и воробьев. Хорошо подобранное и тщательно обтесанное разветвление ветки тутового дерева, которое слегка согнуто назад, толстая часть ветки приходится на большой палец, две полоски велосипедной камеры, шириной сантиметр, а длиной примерно сорок, обрезанный язычок старого кожаного ботинка для кокетки с отверстием в обоих концах, более узким, чем ширина резины, все это умело подогнано, завязано не слишком тонкой и не слишком толстой веревкой, и у вас готова одна из самых захватывающих игрушек в мире, которую ни одна высокомерная промышленность не может произвести с таким совершенством. Конечно, камешки должны быть тщательно подобраны, потому что нельзя стрелять чем попало. Камешек должен быть округлый, с гладкой поверхностью, достаточно весомым, но не очень большим. Цвет на ваш вкус, но предпочтительно голубоватый и желтоватый. На стройках легко собрать достаточное количество классных боеприпасов. О да, и еще техника стрельбы! Это совсем не все равно. Даже

самая лучшая рогатка выглядит плачевно и дает осечку в руках городского пижона, который никогда не видел и не стрелял из нее. Сила выстрела далеко не только от резины зависит. Необходимо придать импульс рукой, держа рогатку глубоко в кулаке, подперев пальцем самый верх, как будто вы собираетесь попасть в собственный палец. Не беспокойтесь, кто умеет пользоваться, никогда не ранит себе руку. И тогда, стоя боком, держа рогатку на высоте груди, а не на уровне головы, целясь всем своим существом, а не только глазами, можно точно, с ужасающей, совершенно поразительной силой бабахнуть.

– Эти воспоминания сплошной кайф! Хорошо, если бы кто-то слышал, как я тут бормочу, а не только стены, ведь это не менее важно, чем само существование.

Но тот, у кого есть рогатка, как бы искусно она ни была сделана, мечтает о воздушке, а того, кто владеет ею, тянет к охотничьему ружью, способным завалить более крупную дичь, а потом вдруг захочет пулемет, пушку, бомбу, и уже не довольствуется мишенью или животным, а мечтает охотиться на человека, и овладевает его душой мысль о войне.

К счастью, Тарай и его друзья так далеко не зашли, хотя он сам морально опустился гораздо ниже, чем большинство, и чем следовало бы. Кто в чем слаб. Однако загорелись желанием, причем очень сильно, приобрести воздушку. Живущий по соседству молодой человек, который только что начал зарабатывать, купил себе пневматическую винтовку и стрелял из нее во всю. Ему очень завидовали. Как бы умело ни пользоваться рогаткой, ее эффективность не сравнить с эффективностью пневматической винтовки. Это было чрезвычайно впечатляюще, как сосед сбивал голубей даже с приличного расстояния, куда попасть рогаткой не было никаких шансов.

Воздушки даже у Шандора не было. Семья могла бы себе это позволить, но родители знали своего сына и не доверяли ему. Оставалось только мечтать о ней и ломать голову, можно ли заменить винтовку чем-то другим.

Тарай определенно обладал техническим складом ума. Отцовскими инструментами даже в детстве пользовался искуснее своего отца. Идея родилась в его голове довольно быстро. В школе как раз изучали принцип работы ракеты, и учитель показал им, как мчится игрушечный автомобиль с помощью проколотого картриджа для газировки. Тарай в тот день менял стержень в ручке – в то время они были металлическими, а не пластмассовыми – и, глядя на пустой стержень, задумался, а если наполнить его спичечными головками и подогреть снизу свечой, как далеко улетит, вонзится ли в стену соседа? В тот же день он сделал свою первую ракету. Почти целая коробка спичек ушла на вкладыш. Когда все было готово, он плоскогубцами сплющил конец стержня, оставив лишь узкую щель, водрузил его на два кирпича и зажег под ним свечу. Направил на глинобитный дом соседа, расположенный примерно в десяти метрах.

Раздался потрясающий взрыв и стержень со свистом врезался в стену примерно на сантиметр. Хорошо, кивнул он, получилось.

Однако понял, что вел себя чертовски безрассудно, если бы стержень закрутился, мог бы попасть и в него. Нет такого изобретения, которое не требовало бы дальнейшего развития, но это, как правило, мелочь по сравнению с основной идеей.

– Привет, я придумал! – крикнул Шандору, когда тот появился в воротах.

– А что именно?

– Как что? Винтовку.

– Да ладно!

– Серьезно. Надо только сварганить – и показал стержень.

– Это? Что это? Как это становится винтовкой?

– Это пуля. Нам нужен еще железный ствол и приклад, который вырежем из доски.

– Я не понимаю.

Подробно рассказал Шандору, как он наполнил стержень спичечными головками, свечой подогрел его, с каким треском и как глубоко врезался в стену соседа, и что им обязательно понадобится железный ствол, чтобы оружие было портативным и была возможность прицеливаться. В нижней части ствола прорежут отверстие, там будет лежать патрон, упираясь во что-то, например, в пробку, чтобы не скользил назад при выстреле вверх, один из них держит ружье, другой свечой нагревает патрон снизу. Свеча, к сожалению, слабость, ее может сдуть ветром.

– Здорово! Но откуда возьмем столько пустых стержней?

– Да, это вопрос. Шевели мозгами, из каких еще тонких металлических трубок можно отрезать куски.

– А где достанем ствол?

– Пока не знаю. По-моему у нас нет ничего подобного. А у вас?

– Ах, нет! Старый, все что лишнее, сразу выкидывает.

– Можем сходить в Гипермаркет, уж что-нибудь да найдем.

– Хорошая идея. Пошли!

Гипермаркет – это очень лестное название свалки, которая находилась за глиняными ямами, где курили. Там черт-те что можно было найти, и не составило никакого труда за несколько минут добыть добрый метр железной трубы. Труба была отпилена от поручней ржавой кухонной печки. Дома сплющили один конец, внизу вырезали отверстие для обогрева, в трубу за отверстием вставили кусок ветки, чтобы пуля не скользила назад, все это прибили к обрезку доски, найденному на чердаке, и готово. Отец Тарайя широко улыбнулся впечатляющему результату.

К тому времени, когда все было готово, уже стемнело, поэтому испытание оружия отложили на следующий день. Тарай после ужина на кухне-гостиной, где проходила вся жизнь – такую кухню сейчас напыщенно называют американской, а он только смеется над этим, ненавидит ее, ведь все непростое детство провел в такой – до поздней ночи, пока не лег спать, засовывал спичечные головки в стержень, который к счастью не пострадал и был пригоден для дальнейшего употребления.

– Так потом и не построил себе американскую кухню! Пусть будет у человека нормальная, отдельная кухня и гостиная, без запахов еды.

– Мода! Идиоты! Разве что чашку чая можно заварить в американской, чтобы вас не стошнило. Вентиляция – сказка о сером бычке.

На следующий день, конечно, все пошло прахом. Но все равно осталось забавным приколом и долгие годы они рассказывали о том, как Шандор бросил знаменитую винтовку, когда патрон вылетел со страшным грохотом и пронесся мимо консервной банки, поставленной для мишени.

Идея кровоточила из тысячи ран. Слишком долго нужно было подогреть стержень, для выстрела требовалась целая минута, к тому времени воробьи и голуби уже давно улетели бы, стреляла она не точнее рогатки, а найти пустой стержень – ведь лучшая идея в голову так и не пришла – было гораздо труднее, чем камешек для рогатки, да и спички не бесплатны, а запихивать спичечные головки в гильзу, это ужасная скука.

Так что им оставалось только завидовать пневматической винтовке, однако немного утешала гордость за то, что у них все таки есть оружие, причем самая современная ракетная винтовка из когда-либо созданных, только из-за мелких недостатков пока еще не пользуются ею, а вот потом...

– Становится прохладнее. Еще не лето.

- Ну-ка, закроем окно!
- Вот так!
- Сколько ерунды придумывает человек, сколько энергии вкладывает в это, а потом удивляется, почему не работает!
- Все же лучше, чем ничего не придумывать, принимать все как есть, дрейфуя вместе с серыми буднями.
- Сижу без цели, без будущего, тогда уж лучше такая глупость, как эта винтовка. А вдруг да что-нибудь и получится. Выстрел, смех, воспоминания.
- Какой черт я здесь сижу? День рассчитан до минуты. Никогда ничего нового. Разве что теперь эта эпидемия.
- Все же интереснее, чем без нее. Хотя бы есть альтернатива, выживу или сдохну?
- Ну, а если и умру, так может быть и к лучшему.
- Как Ненси. Лежал полумертвый, разум как стеклышко, и одного только ждал, чтобы все закончилось как можно скорее. Три недели надо было вытерпеть.
- Остался полностью один, как и я. Только младшая сестра кормила, меняла подгузники, все остальные его бросили. Он, конечно, был человеком странным, замкнутым, так что в принципе я не очень удивлен.
- Нелегко было пожать ему руку. А то еще затащит меня к себе в постель, чтобы с ним вместе умереть. Ой, елки-палки, Тарайка, кто, черт возьми, придет сюда, чтобы пожать тебе руку?
- Народу приятно покачаться еще немного на волнах повседневной жизни, пока сами могут в туалет ходить по большому, а не как я, облегчаюсь в подгузники; значит у них все пока идет по маслу, есть еще небольшая отсрочка.
- Плотно пожрать, с внуками повозиться, рыбалка, веселье, кино, футбол, поездки за границу.
- Ненси! Ни одна девушка не виляла задницей более профессионально, чем он.
- Сошел с пути. Так же, как и я, только от другого.
- С каким треском на рельсах ломались камни под колесами локомотива! Мы, глупые дети туда их поставили. С нетерпением ждали прибытия поезда, и в то же время волновались, были до смерти испуганы. Не слишком ли большой камень? А что, если машина слетит с рельсов?
- Вот это номер, когда что-то идет под откос!
- Ненси не совсем понимал, чего хочет. Как и ты, Тарайка. Что-то спуталось в нем, возможно, в его генетике, никак не мог навести в себе порядок. Выучился, агрономом что-ли работал в кооперативе, ударился в религию, пел в церковном хоре, даже занялся миссионерством, завел семью, не знаю, как он это представлял, короче хаос. Крышка. Не мог разделить коммерческое от специфического.
- Юля осталась со мной. Невероятно!
- С каким кайфом болтаем о рыбалке!
- Не забыть бы спросить у Жужи, может ли Юля передать мне посылку? Хотя бы сало, сигареты. Да и спиртное, почему бы нет, какое им дело, уж не будут туда лезть, это не таможенный контроль, и что в посылке, не имеет никакого отношения к эпидемии!

Юля начала ходить на рыбалку еще с Тараем. Это была даже не рыбалка, а что-то вроде дилетантского убийства рыбы, но он на большее уже не был способен. У рыбы почти не оставалось шансов. Эти несчастные похожи на меня – заметил Тарай.

Ходили на рыбные пруды рядом с городом. Для любителей продавали отдельный рыболовный билет. Комплекс состоял из нескольких искусственных прудов, вокруг которых высадили полосу леса. Получилось совсем уютное местечко, где

находиться было гораздо приятнее, чем возле кольцевой дороги, однако не имело ничего общего с настоящим живым озером. У кого нет машины, а пешком слишком далеко, может подъехать на автобусе. Там его ждут уже оборудованные места, камыш расчищен, есть скамейки, мусорник, построенный между деревьями туалет, можно разгрузиться, бросить немного подкормки для рыбы, хотя и необязательно, хочешь, сэкономишь, наверняка кто-то кормил несколько часов назад, вдоль берега в тридцатиметровой полосе все места прикормлены, насади наживку на крючок и донную удочку можно забрасывать на крупную рыбу, изредка поплавочную снасть, ведь с ней гораздо больше возни, а сюда люди приезжают бить баклуши и за большим уловом, а не за лещом. Включают автоматическую сигнализацию и радио, закурят, хлебнут пиво, одеяло стелют на травку, разлягутся и довольны. Вот и все. Можно провести день, два, три, сколько угодно. Некоторые ставят палатку, берут с собой спальник, походную кухню, ведь образ жизни туриста и то гораздо интереснее, чем жизнь на пятом этаже. Расстояние между рыболовными местами метров десять, если рыбаки с двух или трех мест соберутся в середине поболтать, оттуда еще хорошо могут наблюдать за своими удочками, а некоторые даже пользуются автоматическими подсекателями, главное, что болтовня и общественная жизнь могут идти спокойно, это рыбе вовсе не мешает, наоборот, она была бы встревожена чрезмерной тишиной, настолько привыкла к постоянному шуму.

И рыба кишит, это ведь рыбный пруд – а из него надо извлечь максимальную выгоду, рыбаки являются частью этого процесса –, так что не удивительно, если карп всплывет белым брюхом вверх, когда вы только забросили донную удочку, очевидно, свинцовое грузило треснуло его по голове. Что-то похожее на отстрел воробьев в районе зернохранилищ.

Поймать рыбу здесь не составляет большого труда, поэтому вовсе не стоит переживать, если балбес-любитель упустит клев. Даже сорвавшаяся с крючка крупная рыба это мимолетная досада, поскольку тут же клюет следующая. Каждый день можно брать по две рыбы, заплатив рыночную цену. Бизнес есть бизнес! Остальных надо отпустить. Обычно поступают вот так: улов дня собирают в садке, десять или пятнадцать штук, затем выбирают две самые большие, остальных отправляют обратно. Так и рыба не слишком волнуется, когда ее вытаскивают, больше удивляется, если оказывается в кастрюле.

Там у них быстро появились друзья, с которыми рыбачили и устраивали пикники. Компания унаследовала Юлю после того, как Тарай вынужден был поселиться в доме престарелых. Она, наверняка, теперь получает от них более полное обслуживание чем просто рыбалка, но это нормально, Тарай и не хотел бы, чтобы это было иначе, сам поступил бы точно так же, нечего завидовать. Юля живой человек, ей тоже не хочется возле больного стать неполноценной, каким и Тарай чувствовал себя у Ненси, когда во время их последней встречи в зашторенной, затхлой кухне-гостиной – ха-ха-ха, в американской кухне – Ненси лежал на пропитанной потом койке, Тарай теснился на табуретке напротив, и было ясно, кто из них может встать – тогда еще – а кто останется для крематория.

Теперь Юля ходит на озеро с этими ребятами. Тарай сумел пристрастить ее к рыбалке, причем настолько, что она ведет подробные отчеты об их самых интересных рыбацких приключениях. Друзья радостно везут ее на пруд, ухаживают, обнимают, ведь в рыбацких кругах очень мало женщин. Конечно, другие жены и подруги иногда присоединяются к этой джентльменской компании, им тоже нравится легкая популярность, но они не могут себя так свободно вести, как Юля, которая раскрепощено хихикает, флиртует, наблюдает за процессом ловли, все делает, как надо, а бывает и ловит больше, чем мужчины. Мужики с большим энтузиазмом помогают ей,

хвалят ее рыбу, фотографируют, клеятся к ней, возможно, даже делят ее между собой на ночь.

Когда Юля навещает его, самой волнующей темой является рыбалка, если только нет новостей о грязных делах его дочери или каких-то официальных дел, где отлично соображающий мозг Тарайа быстро выдаст нужное решение, которое Юле всего лишь надо реализовать в ближайшие дни. Когда таких дел нет, или уже справились, наступает время ностальгии.

Тарай просит все рассказывать до мельчайших подробностей, а не просто в общих чертах, вроде того, что съездили, поймала пять, три бросила обратно, меня отвезли домой, вот и все. Он помнит там каждую травинку, каждое произнесенное слово образно появляется перед ним, поэтому интересуется, на чьей машине поехали, по какому маршруту, где оставили тачку, именно какой участок пруда заняли – ведь на одном рыболовном месте они все не помещаются, – какое удилище взяла с собой Юля, чем прикармливала, какую наживку использовала, как далеко делала заброс и в каком направлении, использовала ли сигнализатор поклевки или просто натянула леску и следила за упругим концом удилища, что они делали после заброса, куда присели, о чем шел разговор, кто как поживает, упоминали ли Тарайа, какая была погода, была ли рыба голодной, какой улов был у других рыбаков, как Юля заметила свой улов, сама ли сделала подсечку, сильно ли тянула рыба при вываживании или сдалась, кто снял с крючка, был ли это карп или что-то другое, сколько рыба весила, и так далее, вплоть до мельчайших деталей, пока ее не привезли домой. В конце Тарай обычно тяжело вздыхал и говорил, что уже давно не рыбачил так здорово.

– А что, если спрошу ее о ночах?

– По-моему расскажет.

– Однажды я уже почти спросил.

– О таких вещах круто послушать в этом аду.

– Так же, как о рыбалке, подробно каждый момент. Почему бы и нет?

– Было бы интересно наблюдать, как она рассказывает, равнодушно перечисляет факты или волнуясь немного задыхается.

– А кроме этого, чем еще могу здесь развлекаться?

– Может быть, завтра и спрошу. Потом у нее будет достаточно времени переварить, по крайней мере, румянец пройдет, пока снова навестит меня после карантина.

– За это время у нее, возможно, появится много новых, скользких впечатлений.

– Черт, сейчас я почти все только теоретически могу делать! В мыслях.

– Таким образом обожал играть в шахматы. Вслепую. Мало кто так умеет. Не смотришь на доску, однако видишь позицию. У других это вызывает восхищение, а ведь всего лишь дело навыка и воображения.

– Что это за жизнь, которая только в нервных клетках происходит? Или любая жизнь – это всего лишь работа нервов, а то, что мы не постигаем, как будто и не существует?

– Глупости! Во время операции разве мы при себе? Нет, конечно, но то, что с нами происходит, очень даже не безразлично.

– Некоторые верят в непрерывное воскрешение. Будем ли мы помнить себя прежних? Я не встречал никого, кто бы помнил себя прежнего.

– В таком случае почему мы думаем, что воскрешение вообще возможно?

– Или, если и возможно, стоит ли чего-нибудь.

– Предположим, что я воскресну, или уже воскрес десять, а то и сто раз, но не помню свою предыдущую жизнь, так какая от этого польза? Подобно картофелю, генетически мы сажаем одно и то же растение из года в год, но урожай каждый раз

другой. Или саженец герани, он тоже не помнит ту свою цветущую половину, от которой отломали и посадили. В общем, без воспоминаний все теряет свое значение.

– Об операции тоже ничего не помним, однако она имеет значение. Да, может быть что-то весомым и без воспоминаний.

– И все же, помнить, это чрезвычайно важно! Для меня, например, совсем не все равно, вижу ли я или нет рыбалку, Риту, Анну, нашего поросенка, улыбку отца, когда сварганили винтовку. С удовольствием посмотрел бы, хотя бы в воображении, как Юля занимается любовью. И кончить мог бы при этом.

– Или без доски вижу шахматную игру. Даже выиграть могу, в том числе у самого себя! Потому что мы, это наши нервы. С камнем тоже случается всякое, но для него это один хрен.

– А для нас, свидетелей того, что происходит с камнем, это может иметь смысл. Если уложить камни друг на друга, они могут превратиться в дом. Так что, возможно, даже жить не обязательно, чтобы быть значимым.

– Для кого? Для живых. Важно ли камням, что происходит с остальными камнями, лежащими под ними, или над ними?

– e4, d5, e бьет d5, ферзь бьет d5, конь c3, ферзь a5, что это такое? Для меня шахматы. Для других – тарабарщина. Правильные ходы, или это бред? По-моему скандинавская защита. А действительно скандинавская защита, или я просто шучу?

– Ну ладно, пока вопросов нет: помню. Оптимальный вариант, а когда уже не буду помнить, решат, существую ли я еще, только в немного другой форме, или окончательно сдох.

– Так что могу считать себя живым. Нервы работают. К сожалению, это в меньшей степени относится к «сервисным подразделениям».

– Я жив? Кто бы мог подумать! Придется повторить это про себя несколько раз, чтобы звучало правдоподобно.

– Какая гадость, меня осталось ровно столько, чтобы понять, как мало осталось!

– Я стал похож на старушку по соседству, куда мы телевизор ходили смотреть, когда еще не могли позволить себе купить. Даже ее имя не могу вспомнить. Кажется, никогда и не знал. Кого это волновало? Предметом лежала в кровати, стала ее придатком, как перина и подушка.

– Старики, сидящие на скамейке перед домом, как будто наблюдали за мной, за нами, суесящимися юношами, за теми, кто чего-то хочет, но на самом деле они смотрели внутрь себя. По их взгляду, казалось, мечтают, однако в глазах отражался и ужас.

– Смотрели и видели тех, кем они были когда-то, а не нынешних. То, что потеряли.

– Задавал ли им вопрос кто-нибудь о чем-нибудь? Их мнение кого-то интересовало? Нет. И мое мнение не интересует никого. Даже если бы я был в пятьсот раз умнее обыкновенного человека, все равно смотрели бы на меня свысока: старый чужак, неисправимый.

– Помню сына профессора, балбеса-дурака, кто своим разговором унижил отца лишь только потому, что на тридцать лет был моложе его.

– Сколько ерундовских произведений ничтожных авторов наших дней читаем, слушаем, смотрим! Пусть мертвые гении не дуют современные пассаты! Хотя, возможно, великие старцы семьдесят лет тому назад понимали наступающую эпоху лучше, чем мы сами, живущие в ней, и творцы, создающие о ней горы клише.

– Трудно привыкнуть к такой пустоте.

– Разве меня человеком делали мои ноги, волосы, зубы? Напрасно доказываю, что я и без них не стою меньше. Да и доказывать уже некому. Надежды никакой.

– Коричневатые бананы гораздо вкуснее желтых, а тем более зеленых, однако все покупают именно последние.

– Все кончено, Тарайка, и удивительно, как ты это спокойно воспринимаешь.

– Странно. Лет шестьдесят было женщине, кому на одном из дней рождения я излил душу, сетуя на то, каким обветшалым стало наше поколение, как мы постарели. Высмеяла меня. Хихикая возражала, что мир старый, но не она. Она чувствует себя двадцатипятилетней.

– И массы так живут!

– Жалко, не правда ли? А ведь я и сам жалок. Скорее всего, это старость жалкая.

– Более того, она искала партнера, и не просто так, для наслаждения, нет, пусть никто не думает о ней как о шлюхе, ей муж нужен, причем до гроба. А то, что хоть уже завтра можно оказаться в гробу, ей и в голову не приходило.

– А женщина через два дома на нашей улице? Правда, ей всего лишь пятьдесят с лишним, однако должно быть настолько умна, что лучше за кавалером ухаживает, нежели за дряхлым мужем.

– А ведь здорово, не так ли, что Юля сюда приходит!

– Она мне не жена! И не я хотел.

– Тогда это ее глупость. Намного моложе меня, больше, чем на десять лет. Однако не вчера родилась, могла бы держаться за что-то стабильное, а не за тонущую лодку.

– Так и сказал ей, довольно! Пусть крутит, с кем хочет, у нее еще есть потребности, зачем ей голодать из-за меня, но если откину копыта, чтобы ни с кем не шла под венец!

– Рыбалочка, театрик, моречко, диванчик, но, чтобы товарищ всегда убирался домой. Вот и будет окей!

По соседству недавно продавался дом. Совершенно солидная хата, любому можно пожелать. Бывшие владельцы переехали на другой конец страны вслед за детьми. Такое обрести, как сорвать джекпот.

– Что делать, море дураков! Преследовать детей! Я знал, что этого делать нельзя, когда еще под лавку бегал.

Дом купила пара лет пятидесяти. Ходили обнявшись, но, по крайней мере, держась за руки, можно было подумать, что их даже локомотивом не разъединить, лучше вместе погибнут. Тут же приступили к ремонту, хотя было вовсе не обязательно. Вау, они были крайне дотошны, уделяли внимание каждой мелочи, будто собираются провести тут следующие сто пятьдесят лет. Имели квартиру где-то в центре города, так что пока шли работы даже не заселялись в дом, а просто приходили, проверяли бригаду, перекидывались парой слов с новыми соседями и уходили домой, в свою тихую обстановку. Все делалось организованно, как и должно быть у умных людей.

– Я с удовольствием наблюдал за женщиной, красивое, приятное явление, редкий экземпляр.

– О ней мне осталось только мечтать!

– И муж ее был в форме.

– Но что-то в выражении его лица мне не понравилось. Никогда ни на чем не задерживал взгляд, моментально отводил глаза.

– И смотрел из-под бровей, опустив голову.

Не мешкали, ремонт закончили быстро. Переехали, хотя муж только изредка ночевал дома, вечером регулярно исчезал, как будто ходил на ночную смену, но он не работал; как они потом сказали, им просто не хотелось оставлять квартиру пустой, закрытой на ключ. Позже все меньше и меньше ходили обнявшись, и вдруг он совсем пропал.

Обыкновенная история, даже если она выглядела особой. Развелись. Лаура осталась в доме совсем одна.

– Я и раньше знал, как ее зовут, но только с этого момента стал называть ее по имени.

– Со мной она всегда мило здоровалась, улыбалась, отвечала на вопросы.

Позже бывший муж появился в городе с другой женщиной, гораздо моложе Лауры, и с ней он обнимался так же, как недавно со своей женой.

– Любопытно, он все это так запланировал? Может, таким образом, так сказать, позаботился о жене? Какое благородное великодушие! Или в процессе так вышло, когда сторожил пустую квартиру?

– Да, организатор он, конечно, неплохой!

Лауру сильно подкосил развод. Она не предполагала такого развития событий. Месяцами ходила, как тень, постоянно торопилась, открывала ворота, садилась в машину, шла в магазин, чтобы никто не останавливал ее и не приходилось разговаривать. По вечерам, когда думала, что никто ее не заметит, гуляла по окрестности. Два сына сначала появлялись довольно часто, хотя живут в ста километрах со своими семьями, но было ясно, что это долго продолжаться не может, и действительно, вскоре перестали приезжать. С такого расстояния невозможно присматривать за мамой.

И вдруг Лаура начала интересоваться мужчинами. Тарай чуть ли не дату мог бы назвать, с каких пор. Он всегда чутко ловил женские импульсы, трагедия в том, что несмотря на это, удивительно неумело выбирал себе подруг. Понял и то, что она ищет себе не сожителя и тем более не сексуального партнера, а именно мужа. Из практичности? Хочет доказать, что она все еще кто-то? У мужчины это вызывает чувство жалости. Как будто она жирными буквами на себе намалевала: "Мне плевать на тебя, как на человека, а на твой секс тем более, в этом я полный антиталант, мой муж, вероятно, бросил меня именно по этой причине, но я не могу оставаться разведенной, нет и нет, если твой бумажник набит, давай, распишемся, и тогда даже могу лечь с тобой раз в квартал".

Тогда уж лучше какая-нибудь стервочка, веселая с умом, которой после нескольких месяцев активного сожительства мужчина не может не сказать: "Слушай, я бы остался с тобой на более длительный срок, лет на двадцать-тридцать. Что скажешь?" А она в ответ смеясь: "Ладно, если тебе нечем заняться, но сомневаюсь, что продержишься так долго, я измотаю тебя".

– Мне ее стало жалко. Зачем такой привлекательной, почти очаровательной женщине так проявлять себя?

– Нет у нее никого, если бы раскрепостилась, и то, может быть, не была бы востребована, однако хоть веселилась бы.

– Уже тогда говорил Юле, чтобы ни в коем случае не превратилась в такую Лауру, иначе без ног перевернусь в могиле.

На самом деле, Тарайу не стоило опасаться такого агрессивного поведения Юли. Она из тех, кто просачивается, как грунтовая вода, и если ей это подходит, вдруг оказываешься в ее окружении. Возможно, таким образом и ушла бы, постепенно, как высыхает летний луг, но, к счастью, у Тарайа пока такого опыта нет. Она на Риту похожа, если во времени и по ситуации можно позволить такое отдаленное сравнение.

Тарай и Юля познакомились на свадьбе. После сытного обеда сидели на расстоянии нескольких стульев друг от друга, Тарай попивал вино, Юля уныло копалась среди пирожных, люди танцевали, вокруг никого не было, они попытались обменяться парой слов, но из-за громкой музыки говорить было невозможно. Тарай взял бутылку и подсел к Юле. По привычке, почти без всякого умысла.

Болтали, однако приходилось слишком много кричать, чтобы понять друг друга, поэтому Юля, и это не безразлично, предложила выйти во двор походить, подышать свежим воздухом. Медленно гуляли до самого ужина, время от времени присаживаясь, в основном из-за Тарайа, так как у него после долгой ходьбы уже начали болеть ноги. Юля хихикала над его топорными историями, взятыми из собственного прошлого, подчеркивающими, какой он неуклюжий болван, кому нет места в этом мире, и что Юле лучше держаться от него как минимум на расстоянии двух шагов, потому что даже редкое соприкосновение их плечей может нести опасность для ее жизни.

После ужина даже танцевали. Тарай прихрамывал, но они шутили над этим, как будто он это делал нарочно, или из-за незначительной травмы, банального вывиха, а не в результате хронического заболевания, в корне определяющего его будущее. Вскоре сели, совсем рядом, и почти не разговаривая смотрели друг на друга. Так тихо и спокойно сидели до танца невесты в полночь, да и потом.

Через несколько недель Юля переехала к Тарайу. Когда она начала приходить к нему все чаще и чаще он с подозрением наблюдал за ней, испытывал ее на прочность, зондировал, но Юля выдержала проверку, оставалась у него все дольше и дольше, а потом и совсем переселилась.

Тарай восхищался ее терпением, доброжелательной заботой во всем: когда она готовила, убирала, пропалывала в саду, когда разговаривали, и особенно удивляла ее заботливая нежность в сексе. Именно там, в постели сделал открытие, которое почти рассмешило его. Оказалось, что Юле нравится, когда ей чешут спину. Совсем как поросенок, как свинки его детства, которых он обожал гладить и чесать до стонов восторга. Тарай немеющими пальцами, но с прежней, отработанной легкостью скоблил спину Юли удивляясь, почему все это происходит с ними сейчас. При разговорах не один раз шла речь о его болезни, инвалидности, неплохой пенсии – которая очень кстати в нынешней ситуации, покрывает расходы его социального обеспечения, и даже остается, – поэтому он не мог отвязаться от мысли, что Юля явно охотится за его деньгами. Наблюдая за ее улыбающимся лицом на подушке, когда полчаса купалась в удовольствии от его скребков, он все же отбросил эту мысль. Она была настоль милой, очаровательной, невинной, самозабвенной, что он не мог приписать ей такой холодно-сердечный, расчетливый поступок. Тарай очень редко мог испытать такое, обычно женщины использовали его в своих интересах, делали из него дурака, но не потому что могли обмануть, что он не видел их маневров, да нет, видел их насквозь, а просто позволял им делать это. В какой-то степени ему было стыдно за них, неприятно было разоблачить их предательство, наказать, отослать, а иногда закрывал глаза из-за простой лени.

Позже их поездки на рыбалку, сближение с приятелями, совместные гуляния приобрели естественность, как будто так было всегда, как будто Юля знала Тарайа давным-давно, намного раньше, чем на самом деле.

Так что Юля вряд ли совершит ошибку Лауры, которая все еще в интенсивных поисках, или, по крайней мере, когда Тарай видел ее в последний раз, явно охотилась за мужем, разве что чуть более сдержанно, чем раньше, замечая неловкость ситуации, или устав от напряженных усилий.

– Она, должно быть, продолжит работать над своим планом. Просто не может иначе.

– Ее потные амбиции отталкивают всех, кто хочет стать партнером, а не самцом на показуху.

К сожалению, окружающий мир все чаще давал понять, что время прошло, и что Тарай не единственный из современников, кого заслуженно погубил

саморазрушительный образ жизни. Напрасно кто-то двадцатипятилетний в голове, если телу наплевать на это.

Во время одного из визитов Юля, всхлипывая, поведала Тарайу, что ее старая подруга, Клара, сказала по телефону. Юля старалась держать это в себе, чтобы не расстроить его еще больше, но не смогла. Вся в слезах прошептала, что боится за подругу, ведь она может покончить с собой. Ей все надоело, устала.

С Кларой они были подругами еще со времен работы на заводе. Обе вкалывали на пневматическом прессе, работа тяжелая, опасная, многих искалечила, в старые времена не промышленные роботы поворачивали заготовку, живые руки тянулись под пресс, если кто-то немного устал или перекрикивался в пневматическом гуле, запросто мог лишиться пальца или даже всей кисти. Да, в таких местах трудились и женщины, если даже и не верится, по крайней мере, две точно – Юля и Клара. Такая работа объединяет людей. Кто провел в таком месте год или больше, оставались друзьями до конца жизни.

Через несколько лет Юля перешла на более легкую, женскую работу, а Клара, которая была старше ее на несколько лет, на заводе проработала до самой пенсии, точнее ушла на пенсию по инвалидности, когда у нее отказали почки. Конечно, не до конца стояла возле прессы, с временем ее посадили в отдел кадров, затем отвечала за товарооборот, а также за организацию культурной и спортивной жизни. Но завод – это завод, а не санаторий. Чтобы проработать там десятилетия, нужно иметь железное тело и теплую душу. У Клары было и то, и другое. Когда бралась за дело, пахала с силой и выносливостью мужчины, а когда веселилась, то кутила от души.

Они быстро стали настоящими подругами и остались ими до сих пор. После того как Юля уволилась, начали встречаться по выходным, садились в кафе, обедали пирожными. Не канителились, заказывали по три четыре штуки, и руками прямо в рот. Запивали двумя кофе, а иногда и шампанским. Хохотали, рассказывая сальные истории, случившиеся с ними за прошедшее время. Своих квартир у них не было, снимали, сидеть уныло в коммуналке не хотелось, поэтому по очереди посещали городские кафе и кондитерские.

Кларе еще не было сорока, когда завод помог ей получить крошечную квартиру. Такой отличной сотруднице могли бы дать раньше и побольше, но раз уж так получилось, она смирилась, была счастлива, ведь у нее появилась независимая маленькая империя, уж какой бы она ни была, все же в сто раз лучше, чем снимать жилье. Тем более, что к тому времени у нее родился сын, тогда, когда уже не надеялась иметь мужа и детей. Она и сама не знала, кто отец – залетела на одной из вечеринок, а в то время их устраивали чуть ни каждую неделю для завода, для цеха и для всех, кто только просил, – но статус матери-одиночки ее особенно не волновал. Таким образом никто не критикует, как воспитывает ребенка. Правда, алиментов не видит, но она всегда крепко стояла на ногах, не отчаивалась. Могла бы наметить одного из парней, как с Тараем поступила мать его так называемой дочери, но такие методы вызывали у нее отвращение. Может квартирка, субсидируемая заводом, досталась ей не случайно, но в подобных вещах не копаются, и она даже Юле никогда об этом не упоминала.

С тех пор как Клара родила, их встречи стали несколько реже, но не прекратились, просто встречались у нее в квартире, таким образом она могла следить за ребенком, было легче совмещать материнство с дружбой. Юля не сошлась ни с кем, хотя парни преследовали ее и однажды она почти сказала "да" одному из них, но тянула время, откладывала замужество, хотя ей было уже за тридцать, не чувствовала, что время пришло, и ее поклонник вдруг женился на другой. Так что Юля, без мужа и детей – а в таком состоянии оставалась до Тарайа, и даже до сих пор, ведь ему тоже не жена, – всегда имела время посплетничать с Кларой. То, что не переусердствовала в

этом, объяснялось тем, что ей довелось часто менять квартиру, и иногда жили довольно далеко друг от друга, да и вскоре Клара получила телефон, Юля могла ей позвонить даже из телефонной будки. Года шли, сын Клары вырос, прирос к своей гитаре, и в юном возрасте покинул родительское гнездо, что для рок-музыканта совсем неудивительно. С того момента их встречи могли бы возобновиться, но Клара внезапно заболела.

Это была печальная новость, болезнь появилась неожиданно. У нее развилась почечная недостаточность как осложнение банального гриппа. Сколько раз мы болеем, но наша жизнь обычно не под угрозой, а с возрастом и мелочи могут принять угрожающий характер, даже легкий ветерок способен перенести нас в мир иной.

В современное время они могли бы чаще разговаривать по мобильному телефону, и не только слышать, но и видеть друг друга, однако Юля дважды подумала, прежде чем позвонила, обычно дожидалась звонка Клары, хотела избавить ее от своего цветущего вида.

Поначалу Клара на удивление легко переносила еженедельно трехкратный диализ, старалась жить полной жизнью, и ни в ее настроении, ни в вере в будущее не отражалась та страшная боль от удара под дыхало, что вlepила ей судьба. Она рассказала Юле о микроавтобусе, который ездит по адресам и собирает больных, об остальных, с кем часами лежит под аппаратом, об ощущениях до, во время и после процедуры, о тошноте, отупении, о своих новых друзьях, потому что это дикое страдание сближает людей не меньше, чем пресс на заводе, говорила об их медленном угасании, и о своем новом хобби, которое не что иное, как писать маленькие рассказы в заводскую газету. Конечно, с завода сразу же ушла, получила инвалидность, но оставалась членом коллектива, о ней заботились, а она регулярно приходила на их мероприятия.

С начала ее болезни прошло шесть лет. Не так давно призналась Юле, что врач сразу предупредил о том, что на диализе обычно выдерживают около десяти лет, если не получит новую почку, пусть рассчитывает на такой срок. Среди тех, чей уход она видела за шесть лет, этот срок был немного меньше. Жизнелюбие и богемность Клары помогли ей перенести свою Голгофу. Между ужасными сеансами диализа она даже ходила в театр и на футбольные матчи.

Когда Клара заболела, Юля еще не была знакома с Тарайем и других тяжело больных людей редко встречала, поэтому относилась к состоянию Клары как к непонятному и уникальному случаю, не подозревая, насколько близко то время, когда борьба со смертью станет частью ее повседневной жизни. Очень жаль было подругу, но и в голову не пришло обобщать ситуацию.

В результате лечения вены Клары начали отказывать, закупорились и затвердели, врачи не могли ввести иглу. Ее кололи куда только могли, она все труднее переносила мучения, связанные с поездкой и вмешательством. Часто привозили в совершенно новый центр, долго блуждая по городу, где и медперсонал и больные были незнакомыми. Диализ, это частная услуга и компания старалась держать стоимость лечения как можно ниже, чтобы было рентабельным. Душа и бизнес разные понятия, не надо лезть в их дела, финансирование должно быть регулярным, пациенты пусть будут счастливы, что ими занимаются, а остальное дело их рук.

Юле больших усилий стоило не расплакаться, когда Клара заявила, что этого больше не может выносить. Возможно, она не с одного момента на другой устала, а держалась до тех пор, пока не выдохлась, пока страдания не переполнили ее, и тогда боль внезапно вырвалась. Глухо сказала, что позвонит и попросит, чтобы за ней не приезжали. Это так делается, так делали и другие. Больного не привозят в течение недели, и все.

К тому времени Юля совершенно иначе относилась к человеческой беспомощности, чем раньше. Ее душа, в принципе, была открыта для жалоб, всегда было желание помочь, но ей не хватало опыта и практики, которые приобрела со временем.

Тарай утешал ее.

– Ну, да, без ног нелегко, а без почек вовсе хреново. Хм, кстати, моим почкам, возможно, тоже скоро крышка. Однако она может получить почку и забыть обо всем. А вот я новых ног никогда. Уговори ее бороться, может и появится донор. Если покончит с собой, сразу найдется почка. Это закономерно.

– Она не верит в это – вытерла слезы Юля, – да и я не верю.

– А ты верила, что родишься?

На улице заметно темнеет. Тарай поворачивает коляску в сторону тумбочки.

– Надо бы послушать новости, узнать, каковы мои шансы. Вроде в домах престарелых полный крах. Этот вирус придумали, чтобы убрать стариков. Возможно, в нем даже адреса зашифрованы. Действительно, любопытно бы узнать, закодирован ли в РНК номер моей комнаты?

– Доктор и мне предсказал, что светит, если буду продолжать пить и не принимать лекарство от сахара. По сравнению с Кларой, имел отличные шансы, мог бы и послушаться.

– Но что за жизнь без самогонки да сала?

– Немного пивка после обеда и перед сном! Ну, да! – от обеда до сна.

– Если бы вовремя меня кто-то приструнил! Например, если бы Юля появилась раньше и провела капремонт моих мозгов.

– А я позволил бы ей? Ведь так и остался упрямым деревенским парнем, диплом от этого не спасает, послал бы ее на все четыре стороны.

– Сам отлично знаю, что мог бы заняться собой. Для начала надо было бы вставить зубы, чтобы выглядеть как человек и кушать все, что можно, например, мясо.

– Зубы или протез за границей стоят целое состояние! А ведь еще и лекарство!

– Нашел хорошее оправдание. Как будто никогда не приезжал домой!

– Ну, давай, послушаем радио!

Подкатывает к тумбочке и берет с нее приемник. Обычно слушает одну и ту же станцию – так же, как на коммерческом приемнике в саду психиатрической больницы, который и не ловил больше одной, – только изредка переключает его на другую волну. Включает, раздается треск, уже идут новости: "...введен запрет визитов до отмены. Во время запрета доставка личных вещей, при содействии обслуживающего персонала, разрешена." После этого начинается длинная криминальная хроника, как будто в мире и не происходит ничего, кроме преступлений. Тарай слушает некоторое время, затем, перед прогнозом погоды, который все равно его не касается, выключает радио.

– Ах, здорово! Вот и ответ. Теперь осталось выяснить, будут ли вскрывать посылки?

– Сколько агрессии! Действительно стало больше, или просто сообщают подробнее?

– Все сильнее и сильнее раздражают людей, как долго это может продолжаться? Бизнес-политика? И к чему это приведет?

– Или удовлетворяют спрос?

– Может это из-за эпидемии? Из-за карантина? Или народ бушует так, как крысы грызут друг друга в неволе? Это может закончиться войной!

– Сто лет назад война порождала эпидемию, а теперь, наоборот, эпидемия может свести мир с ума.

– Мог бы заметить, что мое сердце начало колотиться, а ноги болеть.

– О, если бы мы на все могли вовремя отреагировать! Видим проблемы и махнем рукой. Заслуживаем свою судьбу, не так ли?

– Как много нас, с кем происходит как раз противоположное, чем то, на что рассчитывали! События постепенно засасывают нас, и мы уже плюем себе в лицо и в собственные планы.

– Нам нравятся горы, а мы переселяемся в низины.

– Обожаем крупные города, а сами киснем в деревне, там уже нет никаких вызовов для нас, все решили, все подмяли под себя, выбились даже в мэра дыры, но оторваться оттуда не можем, застряли и топчемся на месте.

– Мечтали о хрупкой, верной жене, а в итоге у нас никого нет, а если и есть, то, скорее всего, с лишним весом.

– Художников называем идиотами – мы им покажем, науку будем толкать, – а деньги-то овладевают нами и наши чистые души разъедает политика.

– Сколько гордых патриотов жизнь несет по миру, уже в шестой стране скитаются и это еще не конец!

– Какими путями можно затеряться в жизни, кто-нибудь знает?

– Сколько способов предать самого себя?

– Кореш, какого черта ты пьяный летел со скоростью сто шестьдесят километров, да еще и обгонял, а ехать то было всего лишь четыре километра?

Парня зачали не ординарным членом, это точно! Прямо летал над землей, отличный парень был, земляк и коллега Тарайа по работе у Средиземного моря. Кореш родился в том же городе, где Тарай в гимназию ходил, но в те времена они не были знакомы, Кореш закончил учебу на несколько лет позже. А Тарай мог бы и заметить, что в той части города, где жил Кореш, ночью было немного светлее. Это разум Кореша сверкал! Как он попал на юг к морю, это загадка, у него было шесть или семь историй об этом, которые чередуя рассказывал, в зависимости от того, что приходило ему на ум, или, по его мнению, что заслуживала публика. С каждой из них можно было выступить в кабаре. Тарай недоумевал, почему Академия наук до сих пор не пригласила его вступить в свои ряды, кого же они принимают, если позволяют таким как Кореш гнить в приморских кабаках? Во время обеденных перерывов он регулярно вытаскивал из принтера лист, на бешеной скорости царапал туда только ему понятные каракули, а затем, под раскатистый смех коллег, со всей серьезностью читал текст, словно объявляя точное время сброса атомной бомбы.

Их отношения были совершенно иными, чем с Даником, могли бы стать хорошими друзьями, но по-настоящему как-то не получилось, однако никто не мог отстраниться от живительного присутствия Кореша, Тарай тоже, если бы кто-то попытался, Кореш непременно спустил бы штаны и воткнул бы нос зазнайки в свою задницу. Местных жителей с благородной простотой называл на их родном языке болванами. В более высокую категорию они никогда не попадали, ниже да, но это нелепо цитировать. Интересно, что все это терпели, даже смеялись.

Вроде бы защитил кандидатскую, но никому не было известно, по какой дисциплине, однако постоянно пользовался этим титулом, «Др.» была непременной принадлежностью перед его именем, а у других, имеющих степень, он всегда ставил «др.» после их имени, причем обязательно маленькими буквами, или вообще не писал, так сказать забыл, ведь не может он все помнить, в конце концов еще не академик. Подтверждения степени никто не требовал от него, сложность его работы не превышала уровня точки после «Др.» с этим он справлялся одной рукой, да и, возможно, саму его личность приняли как доказательство.

Трудно сказать, кем изначально хотел стать Кореш, но вряд ли приморской кабацкой голью. Пока мелькал перед глазами Тарайа, невозможно было определить, в

каком направлении идет его жизнь. Не было никакого стремления, системы, мечты, которую он лелеял бы с детства – извергался как вулкан, внутреннее давление выплескивало из него раскаленное содержимое, такие вещи могут быть привлекательны издали, но они кроме зрелища не приносят пользы ни ему, ни другим.

Поэтому трудно винить Кореша в том, что он сошел с пути. С какого? Разбазаривание всего что есть, нельзя приравнять к уходу с пути. Чтобы сойти с намеченной дороги, нужно идти по ней. Тарай разве сошел с дороги? Нет. В таком смысле они смахивали друг на друга как родственники по прямой линии. На этой основе могли бы даже стать душевными друзьями, но, вероятно, закадычным другом может быть только тот, кто следует заданному курсу и вдруг замечает, что рядом с ним рвется другой истинный соратник, хорошо знающий свою цель. Остальные могут быть только приятелями, о, да, корешами! Отсюда и кличка, отражающая суть: Кореш! Всем приятель, но никому не искренний друг.

А Тарай и Даник? Не знать. Не бывает такого, чтобы все и всех можно было втиснуть в одну и ту же шкатулку.

Трудно было ожидать, что кто-то из них возьмется за ум. Они ведь не отклонились ни от чего! Просто существовали. И так, ни Кореш, ни Тарай не являются примером того, как кто-то мечтает об одном, а потом постоянно делает противоположное. Но давайте посмотрим правде в глаза, ведь действительно часто сталкиваемся с такими людьми.

Или мы, наблюдатели, ожидаем, что они продемонстрируют качество выше среднего, а потом разочаровываемся в собственных ожиданиях? Перед воротами припаркована чудесная тачка, смотрим на нее, вот это да! Ворота открываются, хозяин садится в машину и тарахтя, дымя двигателем уезжает, может быть, как раз в ремонт. Ой-ой! Бывают начальники, которые держат глупого сотрудника, чтобы спросить его мнение, а потом делать все наоборот. Так они добиваются успеха! Конечно, это может быть просто потому, что мир лжив и беспощаден, и сотрудник не в силах с этим смириться, последовательно высказывает свое глубоко человеческое и профессиональное мнение, с которым постоянно пролетает мимо, то есть пролетал бы, будь он начальником, но он не начальник именно потому, что слишком прав, начальник другой, который становится им в итоге своей утилитарной беспринципности.

Крошечные трактиры в узких переулках целые романы могли бы рассказать о Кореше, если камни и мебель могли бы говорить. Они были свидетелями всего, от громких гуляний компаниями до грустных пьянок в одиночестве. Поскольку Тарай и Кореша судьба случайно свела на чужбине, они регулярно проводили время вместе под согревающие душу южные мелодии. Обычно приходили и уходили отдельно. Тарай часто появлялся с какой-нибудь подругой, иногда ловил кого-то на месте, или же его снимали девицы, в основном ради кошелка, потому что с деньгами он был бесцеремонным, и им можно было рассчитывать на гораздо большее, чем бесплатные раунды. Кореш тоже был щедрым, но он, как правило, общался с местными парнями, с женщинами никогда не показывался. Можно было подумать, что из верности, ведь он утверждал, что женат и имеет дочь, но семья его никогда не навещала, и он редко ездил домой, а мужчины обычно больше привязаны к своим женам и детям, поэтому у Тарая возникло подозрение в чем тут дело. Когда Кореш возвращался из отпуска, его замечательные рассказы звучали в основном о винограднике на холме в четырех километрах от города и о домике для вина, который он оборудовал как дачу. Тарай знал тот холм с виноградниками, но лишь поверхностно, был там однажды, еще гимназистом, а позже, проезжая мимо по главной дороге, поглядывал на него, но никогда не останавливался. И так, в биографии Кореша в качестве некоего

обязательного элемента фигурировала жена, как двойной лутц в танцах на льду, а то, что она на самом деле существовала, или он просто выдумал ее, этого никак нельзя было выяснить. Особенно после того, как он не вернулся из своего последнего отпуска, а пришло краткое сообщение о том, что он трагически погиб в автокатастрофе.

Тарай испытывал почти физическую боль от бессмысленной смерти Кореша, да и еще от того, как быстро рабочий коллектив, после короткого ропота, смирился с его отсутствием. Неужели жизнь потенциального академика стоит всего лишь столько? Много позже, работая опять дома, он узнал, как произошел этот проклятый несчастный случай. Вроде бы со своими крутыми друзьями, местными предпринимателями, офицерами отмечали в городе именины. Кореш напился в доску и едва мог стоять на ногах. Хотели отвезти его домой, но он сопротивлялся, не хотел оставить свою машину на ночь возле кабака, да и в таком состоянии лучше поехать на дачу, говорил, где неважно, если его стошнит, а утром может спокойно полежать, да и лекарство найдется от похмелья, очевидно имел в виду те тысячи литров вина, что он там держал, тогда как дома такая терапия вряд ли доступна. Они согласились, хорошо, отвезут его туда. Он упорно настаивал, что завтра машина ему будет нужна, как кусок хлеба, а ведь утром кто туда прикатит за ним, просил посадить его за руль и не волноваться, подголовник будет держать его голову, за четыре километра не заснет, а даже если все-таки заснет, и то не будет никаких проблем, его тачка послушная, ей просто нужно сказать «дача», и она автоматически отвезет его туда. В кругах мачо такой цирк очень котируется, так что втиснули его за руль, с ремнем безопасности возиться не стали, это слишком тонкая работа в такой ситуации, и через опущенное окно крикнули Корешу, что можно отдавать приказ машине. И вот, о чудо, машина начала двигаться. Причем на удивительно большой скорости, только когда в конце улицы нужно было повернуть налево, совершила странный маневр, заставивший кого-то отметить: "Не стоило!" – но это было запоздалое замечание и почти неслышное в дикой шумихе и хохоте. Через пять дней те же люди несли гроб на своих плечах. С поникшими головами, чувствуя свою вину. Кореш на главной дороге крикнув "Вперед!", очевидно на одно указание дал больше тачке, чем надо было, и слишком торопясь на свою кровать, собранную из поддонов, со скоростью сто шестьдесят обогнал болвана, тащившегося всего лишь со скоростью девяносто, и плюхнулся в канаву. Вылетел в открытое окно и врезался в дерево. В конце концов под ним и заснул – навсегда.

– Это довольно простой способ попасть на тот свет. Бывают и более причудливые.

– Благослови тебя Бог, Кореш!

– Выделите мне место за своим столиком, поудобнее, знаю, что ты уже там сидишь, с кем-то бухаешь, скоро и я приду. Выпьем за нас!

– Там мы будем вместе долго.

С этого момента Тарай начал новый отсчет времени. Жил гораздо больше своей жизнью, чем в присутствии Кореша. Его дни проходили как-то проще, естественней, зато местные контакты стали более глубокими. Что касается выпивки, курения, загулов, то ничего не изменилось, он жег свечу с двух концов, просто, не жонглируя, держа ее высоко, позволяя ей гореть. Бесцельно, важен был не свет, а то, чтобы она горела.

Между прочем его рацион стал немного правильнее. Порции он набирал с горой, как раньше, но употреблял овощи, вместо жира растительное масло, целый год ел фрукты. Все это компенсировало обильное количество еды, и так, по крайней мере питание, не ухудшало состояние его здоровья. А вот курил в два раза больше и алкоголь лился как из крана. Пристрастился к местному кофе с фантастическим ароматом, но хотя бы с ним не перебарщивал.

А вот с женщинами – да. О, какие дамочки там щеголяли! Разве можно было на них равнодушно смотреть? А бабы, это значит запой, веселье до упада. Они были настоящими хищницами, которые вынюхали в Тарайе простачка и набросились на его финансы. Это было время, когда он большую часть своих денег расходовал на другой пол – Бог знает, может быть и все остальные были такими же – в том периоде, тихо или бушуя, почти все, что зарабатывал, тратил на них.

Еще в самом начале, по прибытии на Юг, познакомился с Тими. Оказавшись в городе осматривал окрестность своей квартиры, где находится магазин, почта, какой-нибудь кабак, где останавливается автобус. В этой стране он бывал уже и раньше, но сейчас приехал не как турист, и смотрел на все другими глазами. Наблюдал за прохожими, за их движением, темпераментом, инстинктивно оценивал женщин и определил, что все будет в порядке. Даже не представлял, как быстро все это произойдет.

Стоя на пешеходном переходе, вдруг напротив увидел молодую, симпатичную мать с мальчиком лет трех. Тарай не отправился на зеленый, ведь когда-то надо начинать подкалываться, подумал он, так почему не сейчас, надо держать себя в форме, женщины с детьми обычно милые, спросит ее о чем-нибудь. Подождал, пока они подойдут и спросил, где здесь можно купить хлеб, то есть спросил о том магазинчике, из которого минуты три назад вышел, отметив, что сойдет для позднего часа, чтобы не умереть с голоду. Мамаша мило улыбаясь указала ему направление, предлагая повернуть с ней назад, она как раз идет в ту сторону, и сама собиралась заглянуть в магазин. Тарай присоединился к ним так, чтобы ребенок был между ними, таким образом она могла уделять ему почти все свое внимание, одним глазом постоянно наблюдая за ребенком. Заметив этот прием наградила его легкой улыбкой. Не успели обменяться несколькими словами о том, кто он, почему здесь, где живет, и даже не доходя до магазина выяснилось, что оба живут в одном и том же доме, Тими этажом ниже Тарайа. Что-то подсказывало Тарайу, что ему стоит купить здесь не только хлеб – его то уж он должен был купить, поскольку спросил о нем, – но сегодня могут понадобиться и другие продукты, поэтому поставил в корзину сыр, колбасу, помидоры, пиво и бутылку красного вина. Выйдя из магазина, опять повинувшись внутреннему голосу, он не поблагодарил ее за помощь и не отправился искать почту, как хотел, а уверенно идя рядом с ребенком, который спокойно и без истерики следовал за двумя взрослыми, Тарай пошел с ней по направлению к их дому, как будто все равно собирался домой после покупки хлеба. По дороге узнал, что она тоже не местная, ее муж инженер-мостостроитель, где строят мост, туда и перевозит свою семью. Сейчас они работают на нескольких эстакадах автострады, которая идет в обход города, и, наверняка, будут еще здесь пару месяцев. Строят круглые сутки, ее муж уходит на рассвете и возвращается домой в полночь, не смог бы приезжать на работу из далека, семья должна следовать за ним, иначе никогда не встретятся. В лифте Тарай коснулся ее щеки тыльной стороной пальцев и ласково улыбаясь в глаза, пригласил зайти к нему, он сегодня уже никуда не собирается, Тими наверняка могла бы дать ему полезные советы. Пусть берет с собой сына, да и игрушки, потому что у него их, конечно, нет. Номера комнат уточнили еще по дороге. Она ответила так естественно, будто не полчаса назад встретились впервые на перекрестке, что ее сыну пора спать, но когда уснет, то возможно, забежит ненадолго. По всему телу Тарайа разлилось приятное тепло, все его клетки ощутили в этой женщине партнера, за которого в ближайшем будущем – о боже, это может быть даже сегодня, – используя все свои силы будут сражаться.

Через полтора часа Тими едва слышно постучала в дверь. Звонком не пользовалась. Тарай открыл и чисто спонтанно поцеловал в щеку слегка смущенную

женщину. Это ее вовсе не смутило, а сделало более раскрепощенной, и в тот же момент вернула ему поцелуй.

– Клянусь, что не планировал, поступил совершенно инстинктивно.

– Сразу понял, что получу ее еще сегодня.

– Не думаю о ней ничего плохого. Не осуждаю. Очень даже классная женщина. Просто в тот день у нее была такая прихоть.

– Даже вино принесла, хотя видела, что я его купил. Вино означало "да".

Тарай взял вино, похвалил его и предложил распить бутылку, которую он купил, она уже немного остыла, а эту оставить на следующий раз. Похоже, что в тот день Тими на все была готова сказать "да".

Тарай поменял два вина, открыл бутылку, налил, и смеясь, выпили за встречу, за первый день на новом рабочем месте. Нарезал хлеб, колбасу, помидоры, и поставил на стол. Опять наполнил стакан Тими, и продолжая разговор, с естественной легкостью встал со стула, подошел к женщине, сидевшей у маленького столика со сведенными бедрами, встал перед ней взяв бедра между своими ногами, приподнял ее голову и поцеловал. Здорово, когда мужчине не приходится долго добиваться. Когда женщина знает, чего она хочет, и не притворяется девственницей, – соглашается, разве что немножко подождет, пока мужчина выступит инициатором. А иногда мужчины любят еще более напористых, которые могут открыто сделать первый шаг.

– Жаль, что женщины редко понимают это, и еще реже стремятся исполнить желание партнера.

– Начал расстегивать пуговицы на ее блузке.

Тарай откинул волосы Тими назад, в поцелуе их лбы столкнулись, и она уже расстегивала его пояс. Ребенок спал дома один, и хотя с ним ничего не могло случиться, ее нервы работали в двух направлениях, она была не только женщиной, но и матерью, поэтому должна была найти компромисс, идти к цели по самому простому пути, не усложняя ситуацию. В другой раз, когда уже получила то, что она тут должна получить, будет еще возможность скорректировать маршрут, сделать его более забавным, чтобы могли наслаждаться красотой пейзажа.

Тими, конечно, не была той партнершей, которая беспощаднее других воткнула свой нож в спину Тарайа, но надо отметить, что шесть месяцев спустя, когда мосты были достроены и муж перевез семью на новое место, их неожиданный романс закончился, она не ответила ни на одно письмо Тарайа, и никогда не брала трубку.

Они сбросили шмотки и прямо на полу, на кресле накиннулись друг на друга. Тими очень ловко обращалась с Тараем, все шло гладко, его мужская сила, которая уже иногда подводила, работала безупречно. В конце несколько минут лежали на диване, лаская друг друга, давая понять, что будут продолжать в том же духе. Тими вдруг вскочила, собралась, выпили еще по бокалу вина, поцеловались и она побежала домой.

Чтобы любоваться красотой пейзажа, позже у них было достаточно времени. Мальчик ходил в детский сад, Тими по утрам отводила его, и, если Тарайу удавалось освободиться, они долго и раскрепощенно занимались любовью, пока ей не нужно было идти за ребенком. Тими не работала, то есть еще не вышла на работу после родов. Ей нравился такой образ жизни, кочевать по стране, шутила, что не против бы всю жизнь провести на круизном лайнере, то тут, то там, светские мероприятия, жаркие баталии в каютах, ей бы это здорово подошло. Или попробовала бы спальные вагоны самых длинных железных дорог, например, Транссибирского экспресса, а также пересекла бы Соединенные Штаты десять раз туда и обратно.

– Стемнело.

– Скоро придут две бабы.

- Две бабы. Раньше это было лучшей новостью.
- А когда поменяют подгузники, поем сало.

Обычно встречались у Тарайа и довольствовались тем, что обслуживали тело друг друга. Эти отношения не могли им надоесть, ведь конец, к сожалению, был очень предсказуем. Такое сознание быстротечности даже придавало их встречам некий ностальгический оттенок. Ни один из них не был настроен на размышления о высоких материях, и вялое, непринужденное томление обоим было как раз кстати. Бывало, что в жаркие дни ходили на пляж. В автобусе ехали в нескольких метрах друг от друга, как будто их ничего не связывало, а на пляже уже могли расположиться рядом, в толпе это никому не бросалось в глаза.

На пьянки с Корешем он не мог брать Тими с собой, туда тащил подруг, которых это ничуть не компрометировало. Тими не заикливалась на этом, двойная жизнь шла из глубины души, она была практичной и действовала в соответствии с этими принципами, например, когда ее муж был выходной, или в коротком отпуске, она даже не смотрела в сторону Тарайа, и, если случайно встречались на улице или у лифта, ее единственной реакцией была легкая, едва заметная улыбка. Исходя из этого опыта, Тарай не очень удивился ее исчезновению и полному молчанию после их переезда, а скорее размышлял о том, почему женщина не может позволить себе чуть больше, чем ничего, ведь он не имеет намерения преследовать, раз не выдал ее тогда, зачем ему делать это позже, у них просто были отношения и хотел бы сохранить память о ней.

– Да, но я могу сохранить память о ней в своей голове, для этого зачем она мне нужна?

Тарай не был утонченной, сентиментальной душой, однако ему трудно было переварить это странное безразличие.

– Как черепаха. Ей тоже все равно, от кого получит сушеные креветки.

В своем последнем письме к Тими он писал: "Странное, непонятное поведение. Ни в коем случае я не хочу быть с тобой в соре. Будь счастлива, живи как тебе нравится, если такая пустота тебя устраивает, пусть будет так".

Море оказало на Тарайа удивительное воздействие. Никогда не думал, что ему так понравится. Море впервые увидел в юности, и оно показалось ему таким однообразным, воняющим рыбой, что вовсе не мог понять, почему некоторые в восторге от него. Затем он понял, в чем его волшебство, что может сделать с чувствами человека такое огромное количество воды. Лег на горячий песок, закрыл глаза, примерно столько же видел из мира, сколько сейчас с открытыми глазами, наверху красное зарево, окрашенное кровью его век, слушал плеск волн, взобрался на скалы, откуда на глубине нескольких метров просматривалось дно. Если нырнул, прохладная вода плотно окружала его слегка щипая кожу, держала на поверхности, мог лежать на спине и не тонуть, а густой пар, который раньше раздражал нос, теперь превратился в аромат. Наслаждался каждой минутой, проведенной на пляже, и благодарил Бога за то, что решил приехать сюда и из нескольких имеющихся возможностей согласился на эту работу.

На пляже он часто присоединялся к играющим головой с мячом и к волейболистам. Ловко играл, с профессорским уровнем опыта детских времен. Его покладистый и веселый характер быстро пришелся команде по душе, и вскоре его пригласили играть в футбол, причем не пляжный, а настоящий в спортзале начальной школы. Зал нанимали на один вечер в неделю. В эту компанию он попал уже после смерти Кореша. Устраивали большие пивные матчи, суть которых заключалась не столько в игре и в результате, сколько в выпивке пива после матча. Результат разве что имел значение в том смысле, что две трети стоимости пива оплачивала проигравшая

команда. В футболе – он это прекрасно понимал – был лишь посредственным игроком, в отличие от остальных шустрых парней, поэтому предпочитал держаться позад, в обороне, или в полузащите, соображал здорово, делал точнейшие передачи, особенно если его ноги могли осуществить именно то, что задумала голова.

Любил оставаться на пляже после захода солнца. Шел по шиколотку в воде или по набережной дорожке, устремив взгляд на небо и темный горизонт над водой, наблюдая непостижимое количество звезд, и почему-то наслаждался собственной ничтожностью. Возможно, потому что в этом космическом ничтожестве в великом целом все были равны всему и всем – чувство, которое не было свойственно яркой, коммерческой, солнечной повседневности, напротив, бодрствующий мир пытался разрушить идею равенства, которая объявлялась грешной, и вознести на божественный алтарь порочную систему превосходства.

Что ж, диабет исполнил это желание, превратив его в самое ничтожное и абсолютно одинокое существо, присудив ему даже вечный мрак, пусть его радость будет полной, наконец-то получит то, что ему причитается.

Или он и Юля все-таки есть друг у друга?

Дверь в комнату открывается, и входит Жужа. Включает свет.

– Что случилось, дядя Лайош, почему сидите в темноте? – громким голосом спрашивает.

– «Дядя Лайош», сама ты старая ведьма, ведь всего-то лет на десять моложе меня – думает Тарай, но вслух этого не говорит. – Свет же горит – отвечает.

– Конечно, потому что я включила.

– Думаете, мне не все равно?

– Ну, не надо тут жалеть себя, а то еще заплачу. Переберитесь на кровать! Подождите, помогу! Хочу поменять «унитаз».

– У меня еще никогда не было «унитаза» столь близко под рукой. Точнее под жопой. В детстве, помню, как меня постоянно упрашивали «сходить», а мне жалко было времени. Теперь я могу сэкономить время. Жизнь компенсирует несправедливость.

– У вас всегда можно научиться чему-то дурному. Ица, беги сюда, становись с другой стороны кровати, чтобы не скатился там! – громко кричит Жужа, чтобы Ица могла услышать ее в коридоре.

– Добрый вечер, дядя Лайош! – входит Ица.

– Целую вас, Ица! Пришли посмотреть на старичка? Вы бы тоже не работали в таком паршивом месте, если бы мы не могли видаться.

– Дядя Лайош, встреча с вами главное событие дня.

– Вот так, повернитесь на бок, отлично, развяжу, замечательно, теперь повернитесь ко мне, не надо совать свой нос так сильно мне в живот, а то дам по носу! Ица, развяжи узел на другой стороне. Хорошо, теперь снимаем подгузник. Прямо капает, сколько вы пьете?

– А вам жалко воды, Жужа? Приходит большой счет? Уж не из вашей зарплаты высчитывают?

– Из моей зарплаты ни копейки нельзя высчитать. В таком случае я бы платила им за то, что прихожу к вам. Подожди, Ица, маска у меня опять спадает. Что, черт возьми, не так?

– Растянулась резинка. Наверное, носите ее целую неделю.

– Не морочьте мне голову, дядя Лайош! На вас плохо влияет одиночество, лучше помолчите, а то окажетесь в четырехместке. Дай мне салфетку со спиртом, Ица, протру его, сегодня купать не будем.

– Я плачу не за четырехместку в вашем борделе.

– Этого не ощущаем.

– Спросите их, куда девают разницу.

– Ица, дай мне свежий подгузник! Спасибо. Завяжи! Хорошо. Подожди, перевернем его. А вот сейчас, старик, сможете полюбоваться животом Ицы вблизи.

– Вижу разницу. О, не тяните так сильно!

– Просто чтобы вы помнили разницу!

– Я всегда знал, что женщины садистки. Сколько вещей можно передать бандеролью, Жужа?

– Сколько угодно. Все, закончили. Посадить вас обратно в коляску, или останетесь в кровати уже на ночь?

– Прокачусь еще немного. А что можно передать бандеролью?

– Все, что и так можно принести. Тогда держитесь за коляску, а я переставлю ваши ноги.

– Трудновато будет. Как переставить то, чего нет?

– Как же нет, к таким культям даже протез можно прикрепить.

– Кому что кажется много. Я считаю, они гораздо короче, чем должны быть. Кто принимает бандероль и как она дойдет до меня?

– Пусть ваша подруга оставит на вахте, потом вахтер принесет. Или мы, если у нас будет время. Упс, вот так! Получилось. Звоните, когда хотите лечь спать, Ица вам поможет. Или ляжете сами?

– Ица, уж не значит ли это, что могу попросить вас лечь со мной?

– Дорогой дядя Лайош, я в ночной смене, мне нельзя спать.

– Если только в этом проблема, так мы спать не будем.

– Молчите, старый ловелас, оставьте Ицу в покое! Как только кто-то ласковый с вами, сразу злоупотребляете. Вижу, ужин свой вы уже умяли. Сейчас уберу со стола.

– Умял? Не хватило на ползуба. Без Юли с голоду бы умер.

– Кажется, мы готовы. Слабительное позже, а вдруг сходите сами. Что-нибудь еще, дядя Лайош?

– Я согласен с вами Жужа, действительно полностью готов.

– Радуйтесь тому, что у вас есть. Бывает и меньше. Значит, сердечно прощаюсь с вами, раз два закончим коридор и лечу домой. С любой проблемой обращайтесь к Ице. Спокойной ночи, дядя Лайош.

– Не мешало бы. Ночи самые катастрофические.

– Почему? По крайней мере, можете забыть о своих проблемах.

– Забыть? Позже сами узнаете, хотя я вам этого не желаю. Даже врагу не пожелал бы. Спокойной ночи, Жужа.

– Свет оставить?

– Оставьте.

Тарай один остается в комнате и одиночество внезапно снова овладевает им. Воспоминания о южных ночах и о море с такой силой повлияли на его чувства, что теперь инвалидная коляска, подгузники, вся эта безногая, покалеченная реальность кажется ему совершенно невозможной, он пытается понять, что происходит с ним сейчас, очнется ли он от этого кошмара или придется принять все, что происходит, действительностью, и быть вынужденным жить в этой мерзости? Сидит и не двигается. Пустота может быть крайне тяжелой. Его высшее "я" изо всех сил пытается заставить более низкие части мозга принять решение: либо карабкаться дальше в этом крысином настоящем – сало, табак, спиртное, а потом ложиться спать; либо попытаться найти переход между ностальгией о прошлом, прерванной медсестрами, и печальным настоящим. Это второе начинает осуществлять «шеф» в голове.

К ночному морю вернуться уже не может. Красный колорит включенного света, его эмоции, будоражащие душу, делают это невозможным. Пусть всплывет деталь тех времен и поможет ему вспомнить и другое. Таким образом, как развлечение, бывало, вспоминал даже целые года. Скажем, услышал о каком-нибудь событии, например, медсестра или Юля упоминали о чем-то из прошлого, а он пытался по крупицам собрать тот год. Чаще всего ему удавалось вспомнить все в удивительных подробностях. Сначала выбирал что-то очень конкретное, например, в том году сменил машину, начал где-то работать, то есть брал определенный момент, затем начинал смотреть на период до и после, и так собирал весь год. Наверное, в этом же духе стоит действовать и сейчас, позволить своему воображению вернуться на юг, если даже не точно в ту же позицию, из которой его вытолкнула суровая реальность, пусть нервы выберут что-нибудь в страшной путанице памяти, и тогда он уже возьмет управление в свои руки, разгадает головоломку.

Чувствуя собственную пустоту, на ум сразу приходит пустота Виктора, на которого в пятьдесят лет совершенно неожиданно свалился злополучный поворот событий.

С Виктором работали как близкие коллеги, имели схожие обязанности, регулярно сидели вместе на совещаниях, а иногда даже передавали друг другу рабочий материал. Виктор был опытным сотрудником и когда Тарай устроился, занимался его обучением. Они симпатизировали друг другу, значительная разница в возрасте нисколько не мешала им, могли сотрудничать эффективно и в хорошей атмосфере. Виктор участвовал и в походах по кабакам, хотя его жена это трудно переносила. Жили они не очень хорошо, и несмотря на то, что о таких вещах не спрашивают, их постоянные препирательства каким-то образом просочились на рабочее место. Все же, год за годом, с кажущимся успехом, продолжали жить в браке, родили двух сыновей, вырастили обоих, и послали учиться в университет на другом конце страны, откуда был родом Виктор и где жила его мать, бабушка детей.

Виктора заметно потрепала жизнь, но даже в изможденном состоянии был примечателен: стройный, спортивный вид, волнистые, когда-то черные, а теперь с проседью волосы, смуглая кожа, темно-карие игривые глаза, коротко подстриженные озорные усы, все это придавало ему экзотичность даже для южной среды, что-то отличное от того, как здесь выглядит большинство людей.

Отца своего никогда не видел. По словам матери, Виктор был вылитый отец, пропавший где-то за океаном еще до рождения сына, куда с приятелями поплыл на заработки. Даже его фотографии не сохранилось, еще не поженились, когда он решил собрать немного денег для создания семьи, и бесследно исчез. Мать уже была беременна, родила сына и растила одна, как-то не особенно упоминая об отце. Виктор привык быть сам себе хозяином, брать с улицы образцы мужчин для подражания, он считал их маленькую семью из двух человек вполне нормальной. Не скучал ни по кому, даже по родителям своей матери, погибшим на войне. И, вероятно, позже не нуждался даже и в собственной жене, но мир устроен так, что мужчины женятся, так что он выполнил это социальное ожидание общества.

Виктор был очень подавлен новостью о том, что мать больна раком. Его сыновья помогали ей в том, в этом, например, с покупками, в уборке дома, но не могли по-настоящему облегчить ее жизнь, для этого нужна была девушка, да и постарше, а не парни. Жена категорически отказалась забрать мать в пустую комнату уехавших детей. «Чтобы она здесь целый день бродила по квартире, слушать ее стоны, ухаживать за ней, кормить ее» – кричала она, – «что она мне дала, ничего, дурака мужа, не буду ее служанкой!»

И так остались телефонные звонки, да и угрызения совести от того, что он, единственный ребенок, которому мать отдавала все свое внимание и силы, теперь даже не смотрит в ее сторону, а на расстоянии помочь невозможно. Равнодушие жены приводило его в ужас. Он и раньше знал об ее эгоизме, было ясно, с кем живет, но быть свидетелем полного безразличия страшнее, чем просто знать о нем.

Однажды он неожиданно попросил незапланированный отпуск на неделю. Все догадывались, что собирается к матери, не было и речи о том, что начальник не отпустит, а всю его работу коллеги взяли на себя. Поехал. Он точно знал, что будет организовывать похороны, позвонили из больницы, если еще хочет поговорить с матерью, а она очень его ждет, тогда должен немедленно приехать. Об этом Виктор на работе ничего не сказал, обо всем они узнали позже, из его рассказа.

Возможно, было бы лучше, если бы он опоздал. Уйма иллюзий была разрушена в этом последнем разговоре, и возникла гора новых проблем. Медленно, задыхаясь на смертном одре, мать рассказала ему, что Виктор не ее родной сын, что притчу об отце, пропавшем в Америке, придумала она. На самом деле была свидетелем, как цыганскую семью сбил грузовик, когда они перебежали дорогу, все, отец, мать, брат, погибли на месте, и только он, Виктор, грудной ребенок, пережил наезд без единой царапины. У его матери, то есть у женщины, которую он знал, как свою мать до пятидесяти лет, тогда уже давно не было поклонников, гинекологи определили, что она неизлечимо бесплодна, а поскольку не скрывала этого ни от кого, кто к ней приближался, мужчины, узнав об этом, быстро бросали ее. Она решила усыновить оставшегося в живых ребенка. Зарегистрировалась в качестве усыновителя, сделала все необходимое и вскоре – не так, как это делается сейчас – смогла забрать Виктора домой. Уволилась с работы и, поскольку ее собственная семья действительно стала жертвой войны, она без всяких проблем выбрала для себя, вернее, для них обоих, место жительства подальше, где их никто не знает. Там, конечно, представилась всем историей о потерянном женихе и отце, и всю жизнь пришлось трястись, чтобы никто не узнал и не рассказал Виктору правду. Все оттягивала открыть ему истину, несла свою тайну всю дорогу, и сейчас должна избавиться от нее, чтобы спокойно покоиться в могиле.

Очевидно, она не стала бы этого делать, если бы знала, какую бурю вызовет ее запоздалое признание. Тайну свою лучше было бы сохранить в секрете навсегда.

Виктор сидел со смятенной душой у больничной койки и сквозь дымку всех своих чувств смотрел на женщину, на мать, милую мать, или Бог только знает, кто она на самом деле ему, которая умоляющим взглядом глядела на него, чтобы понять, может ли он простить ей такой грех, да и не грех, а просто ошибку, на которую ее толкнули страх, любовь, трусость, и возможно, немного эгоизма. Прошрое, настоящее и предчувствие будущего волнами накатывались на него. Он должен был справиться с этой новостью так, чтобы этот дорогой человек, отдавший ему свою жизнь, смог уйти спокойно, с облегчением, без угрызений совести, не осознавая его потрясения и разочарования. В то же время вспомнилось что-то из очень далекого прошлого, как будто он не видел, а ощущал это глазами, очертания другой женщины, крик, который любой научный специалист отверг бы как вымысел, и совершенно невероятная привязанность к этой силуэт-женщине. И тут в его сознании пронеслось все прошлое, их спокойная гармония с этой умирающей женщиной, которая является его матерью, да, его матерью, и она не должна сейчас, в лихорадочном предсмертном видении своей путаной фантазией разрушать его уверенность в ней, которая как бетонный столб, вкопанный на глубину десяти метров, выдержит все, она не имеет права предать, свести на нет ее бывшие улыбки, поцелуи, ласку, все, что она значила для него как мать. И да, он увидел будущее. Жену, смеющуюся и кричащую в слезах, что она потратила свою жизнь на цыганского ублюдка. Так вот почему он такой идиот, и ради

него она должна была терпеть пьянство, причуды, даже пересчитать все трудно! Еще и свои дети, оказывается, поганые полуцыганские дворняги, которых, когда все это выйдет наружу, общество несомненно выплюнет.

А если он не расскажет жене? А если никому ни слова? В конце концов, это было сказано только ему, никому больше. Может остаться его секретом, будет носить, как эта женщина, до конца жизни, и, скорее всего он возьмет с собой и на тот свет. А до тех пор? Молчание – это не его стиль, даже если будет полностью уничтожен этим известием, он поступит так, как считает нужным, как это должно быть.

Смотрели друг на друга, и ее глаза наполнились смутной горечью, она поняла, что совершила роковую ошибку, надежды нет, совсем немного яда отравит всю красоту и доброту, которые отдала ему от всего сердца. Отвернулась и больше не поворачивала голову в его сторону. Через несколько часов Виктор встал и в холодном поту пошел домой, тогда она была еще жива, а утром зазвонил телефон, и из больницы сообщили, что на рассвете мать умерла.

Виктор оформил необходимые документы и с некоторой помощью своих сыновей организовал похороны. Квартира бабушки осталась детям, а он был готов вернуться домой. Вместе с сыновьями сидел в квартире, посмотрел на часы, путь домой был долгим, ему пора было отправляться.

– Она не была вашей бабушкой.

– В чем дело?

– И мне не была матерью.

– Что? О чем ты говоришь?

– Она призналась, что усыновила меня. Я цыган.

Ребята сидели ошеломленные, со временем они очнулись бы и начали задавать вопросы, но он встал и отправился вниз к машине. У двери обернулся:

– Потом обговорим. Оставайтесь тут.

Когда Виктор приехал домой, жена уже знала новость от ребят. Они были в шоке от таинственности отца, считали его чокнутым, но он немного отдохнет, и тогда действительно поговорят о том, что, черт возьми, имел в виду, говоря об усыновлении. Антенны жены были гораздо более чувствительными, она поняла суть дела сразу. Виктору повезло, он миновал первый приступ ее гнева, однако на его голову тут же обрушился уже обдуманый шквал обвинений.

Пошел в маленькую комнату, закрыл за собой дверь, опустился на диван и устался в потолок. Жена барабанила в дверь, чтобы открыл, ведь только ублюдок может прятаться от фактов, он всегда был слаб, но теперь, по крайней мере, она знает, почему, как это не понимала раньше, признаки его поганого происхождения были так ясны, могла бы догадаться давно. Кричала, пока не выдохлась, а может Виктор заснул, и больше не слышал потока оскорблений.

На работе восприняли такую новость с удивлением, но с полным спокойствием и пониманием. Скорее были удивлены, что он это рассказал им, как будто имело какое-либо значение в их отношениях. Виктор в глазах каждого оставался тем же добрым, отзывчивым коллегой, каким был до того, как уехал навестить больную мать и – ну да, не совсем ординарным образом – узнал, что он цыган. Ну и что?

А вот он сам не мог смириться с тем, что произошло, так же, как и его жена. И это потрясение в его сознании и в домашней жизни имело последствие на работе. Часто только сидел, уставившись в окно, вокруг него скапливались незавершенные дела, которые до поры до времени коллеги вежливо выполняли за него, не упоминая об этом, но через некоторое время предупредили, что нельзя расстраиваться по пустякам, а то могут возникнуть неприятности.

С Тарайем и с другими собутыльниками все чаще начал ходить по кабакам, и пил значительно больше, чем раньше. Сидел за столом, молчал, пил, тупо глядел, опять пил, прежняя радость жизни ушла.

Дома его жена превратилась из ревущего дракона в молчаливого дракона-убийцу. Регулярно уходила из дома и часто появлялась в компании бывшего одноклассника, который в свое время серьезно ухаживал за ней, но все же не сошлись. Теперь все выглядело так, будто овдовевший экс-ухажер получил зеленый свет, они стали ходить по улице обнявшись, а соседи дали знать Виктору, что пока он работает, к нему в дом все чаще приходит гость. И вдруг жена положила на кухонный стол перед Виктором заявление о разводе. Добавила, что поскольку их квартира по налоговым причинам записана на имя детей, и сыновья поддерживают ее, свою мать, – ведь не считают возможным жить с алкоголиком, ошивающимся в кабаках – ему пора подумать о том, куда переселится.

В следующий раз, когда с Тарайем пошел бухать, оставшись с ним наедине в темном углу, разговорились за стаканом вина.

– Зря ты столько психуешь из-за этого, заболеешь.

– Думаешь, тебе было бы по барабану, если бы вдруг выяснилось, что сосед был твоим отцом?

– Ты тот же человек, что и был.

– Но не тот же, которым мог бы стать, если бы она мне рассказала.

– По-твоему кем ты мог бы стать? На сколько лучше?

– Не лучше, а другим.

– Чтобы все детство друзья над тобой стебались?

– Возможно, но это и закаляет. Я мог бы быть совершенно другим человеком. Это как будто бы узнал, что на самом деле я женщина, но поскольку об этом и не подозревал, не родил ребенка. Я бы относился к совершенно иной культуре.

– И сейчас относишься. Что не нравится?

– Имел бы семью, не только умершую мать, которая и не мать, тетю, дядю, двоюродных сестер, братьев, племянников. Вел бы себя полностью по-другому.

– А так ты получил возможность жить обычным ребенком, с мамой, как все остальные, быть равным со всеми, даже приобрел в подарок загадочного, склонного к авантюрам отца, который всех поражал. Может быть, даже завидовали тебе.

– Получил ложь.

– Думаешь, в той другой ситуации был бы более успешным?

– Больше подходило бы к моей натуре. Наверное, ты прав, в целом было бы хуже, просто я бы легче принял. Имел бы свой народ.

– Народ? А что, у тебя нет народа? Прекрати говорить глупости! Из нас двоих я тут чужой, однако не накладываю в штаны по этому поводу, как ты.

– Потому что твоя ситуация правдива. То, что ты знаешь, так оно и есть. Это может быть меньше, чем хотелось бы, но, по крайней мере, ты можешь быть уверен в том немногом, что имеешь. Знаешь, где ты гость, а где дома. Ложь, измена – вот что разрушает все.

– Да, и еще если человек заикнется на неизменном. Страдает из-за какой-то ерунды и не может из нее выбраться. Вот что действительно губит его.

– Не нахожу себя, понимаешь? Куда-то пропал.

– Идиот ты, вот что. Тебя все любят, ценят, всем насрать на твое новообретенное цыганство, до лампочки им, ясно, а ты тут устраиваешь шоу. Сам себе роешь могилу, потому что, если свихнешься и продолжишь делать такую же чертовски паршивую работу, как после похорон, вот тогда им будет любопытно узнать, что, елки-палки, с

тобой происходит. Но их будет интересовать не твое цыганство, а твоя дерьмовая работа, понял?

– Разводимся. Жена подала на развод. А ты говоришь, цыганство не в счет.

– Радуйся. Уж извини не хочу лезть в твою личную жизнь, но из того, что я о ней слышал, я бы не проронил по такой жене ни слезинки.

– Она забирает квартиру.

– Сучка. Говорю, забудь о ней. Ну и что? Сними небольшую квартирку, из зарплаты хватит, потом все утрясется. Только в твоей голове мир рухнул, а на самом деле ничего не произошло, кроме того, что дорогой женщины, которая ради тебя была готова на все, не стало.

– Боже, как она могла так долго хранить свою тайну?

– Так, что она приняла тебя за сына. Ты заполнил все пространство в ее душе, как будто действительно она тебя родила. Помни об этом, когда думаешь о ней.

– Не могу. Что-то во мне рухнуло и погребло под собой и ее, и меня.

– Знаешь, в деревне, где я вырос, были, выражаясь твоим языком, зачатые соседом люди, некоторые уже совсем взрослые. Вся деревня знала, кто настоящий отец, и среди них были очень уважаемые граждане. Иногда это всплывало, немного шептались, а потом всем по барабану. Каждого ценили по заслугам, никаких предрассудков. А жили-то они в крошечной деревне.

– Видишь, сам сказал, все знали, следили за ними десятилетиями, тайно показывая пальцем.

– Человек есть человек. Но обращались с ними по заслугам.

– Понимаю. Попробую.

Беседовали и пили дальше, так что напившегося Виктора опять пришлось провожать домой. Проходили дни, но ничего не менялось. Виктора в нужное русло и Тарай не смог направить, он опускался все ниже и ниже.

И человек действительно человек, с кодом стервятника в клетках, по крайней мере, некоторые из них, как Бригитта, родившаяся глуповатой, с опасными для жизни инстинктами.

Эта стервочка начала претендовать на работу Виктора. Кто-то из знакомых родителей устроил ее в компанию, и она постепенно пускала корни все глубже и глубже как сорняк. Вот от нее действительно все были в шоке, она никакой пользы не приносила, как это обычно бывает с протекционными, какую бы работу ей ни поручали, в итоге на проверку уходило больше времени, чем если бы делали ее сами. В то же время у нее было безошибочное чутье, с кем надо быть в хороших отношениях. Не нужно обладать особым талантом, чтобы понять, что с директором, начальником отдела стоит дружить, но иногда, если находила это выгодным, браталась и с людьми более низкого ранга. Например, когда заочно училась, подружилась с бухгалтерией, и таким образом добилась полную компенсацию дорожных расходов и отдельный апартамент во время консультаций. В институт была принята с большим трудом, пришлось ее протискивать, позвонили из компании, какой она важный, незаменимый работник, таких специалистов мало, и т.д., иначе никогда бы не поступила. И вот, окончила институт, с тройками, но диплом получила.

Здесь она сделала небольшую паузу, но как только поняла, что состояние Виктора пошатнулось, пошла в атаку. Все чаще и чаще видели ее у начальника отдела, приносила ему какие-то ненужные материалы, иногда обедала с ним, а потом, бац, и директор начал ее приглашать к себе. В таких случаях она поправляла свои локоны, шмотки, и входила в дверь с юным, женственным покачиванием, уверенностью в себе. Время пребывания в кабинетах все увеличивалось, и коллеги начали его измерять. На

стене появился график, без названия осей, только инсайдеры знали, что он показывает, – время, проведенное с руководителями, и кривая круто поднималась.

Кабинет директора состоял из трех частей; просторного зала заседаний с декоративным столом, стульями, картинами на стене, книжными полками, проекционным экраном, буфетным столом с принадлежностями; внутренней так называемой малой комнаты заседаний с двумя глубокими бархатными креслами и соответствующим диваном, журнальным столиком, холодильным баром, телевизором; и, наконец, ванная с туалетом, умывальником, душевой кабиной. Шеф приезжал на работу на своей машине, иногда день заканчивался поздно, в таких случаях он уже не возвращался домой, а спал на диване. И, конечно, были случаи, когда оставался на ночь без профессиональной нужды. Бывало, и днем надолго исчезал с кем-нибудь, например, с Бригиттой. Скажем, в течение трех или четырех часов.

Начальник отдела оказался в менее удобном положении, чем директор, но, будучи находчивым мужчиной средних лет, разрешил проблему с Бригиттой. Она не задерживалась у него так долго, как у шефа, очевидно занимались только петтингом и договаривались о вечере.

Все молнии ударили в Виктора почти одновременно. От начальника отдела вышел бледный как мел с приказом в руке о немедленном увольнении. Ему дали четверть часа, чтобы собрать вещи. Не сказал ни слова, только заплакал. У двери обернулся, махнул рукой и ушел. Все молча тарасились. На следующий день Бригитта перебралась на его место.

Было известно, что окончательное слушание дела о разводе назначено на вторую половину недели. Потом кто-то узнал о том, что после развода жена и дети немедленно, в те же выходные выгнали Виктора из квартиры.

Вскоре график исчез со стены. Также и Виктор исчез из поля зрения, страна большая, его след пропал. Настолько пропал, что о нем ничего не было слышно, и некоторые задавались вопросом, в живых ли он вообще.

– Ноги при нем, но я не уверен, что ему повезло больше, чем мне.

– Потерпел полное крушение.

– Почему я любил там находиться, если в голову приходят такие, не совсем веселые воспоминания о Тими, Кореше, Викторе?

– Правда, Тими можно понять. И да, и нет. Мне кажется, она иногда вспоминает меня. И мне приятно думать о ней, вопреки ее глупому молчанию. Здорово было с ней, но никак не мог добиться от нее большего. Как и она от меня. Несмотря на это... – ладно, неважно!

– С Соней получилось так же горько-сладко. Она единственная, на ком я почти женился. Хм, да, возможно, все-таки мне тогда стоило бы жениться на ней.

Среди персонала, кроме Тарайи и Кореша, были и другие иностранцы, одна из них – Соня, прекрасная блондинка лет тридцати, если не больше. Она работала в отделе дизайна, при редких встречах с Тараем всегда мило улыбались, понравились друг другу с самого начала, даже ни разу не поговорив. Тарай спустя долгое время обратил на нее внимание как на потенциального партнера, Тими и подруги из кабаков удовлетворяли его физические потребности. Соня хоть и выглядела впечатляюще, мужчины сразу определяют, в кого нужно вложить слишком много энергии, – да, конечно, она ценна, но это не то что сейчас нужно – или совершенно безнадежна. В то время Тарай чувствовал себя комфортно и просто наслаждался одним видом Сони, когда случайно где-то встречались.

Соня, вероятно, уже тогда была увлечена Тараем и знала о нем больше, чем показывала. К тому времени испытала многое, хотя благодаря спокойному характеру, путь ее не был очень тернистым. Знала, какой интерес может вызывать у мужчин,

какого типа мужчины интересуются ею, как сама обычно относится к ним, и поняла, что она нелегкий случай, что лишь изредка у нее складываются взаимно приятные отношения, и научилась понимать и ценить мгновенные улыбки, как это было с Тарайем.

В это время Тарай еще выглядел привлекательным мужчиной, хотя немножко начал сдавать. Помимо внешности она естественно оценила его характер, трудоспособность, знала о приступах пьянства, о большом количестве женщин, о деньгах, которые он тратил на них, и Тарайу показалось, что она даже знала о Тими, хоть и не упоминала о ней, знала, несмотря на то, что они делали все, чтобы скрыть свои отношения.

Женщине лет тридцати нелегко найти пару по душе, если она этого вообще хочет. Возможно, мужчине не легче, а только так кажется. Те, кто думает, что если кто-то появится, так пусть будет, а если нет, то останется счастливым несемейным, – другое дело, но у тех, кто мечтает о счастливой семье и понимающей паре, шансы с каждым годом становятся все хуже. За Соней только один кавалер серьезно охотился, бывший одноклассник, простой парень из какого-то провинциального городка, который мечтал о ней два десятилетия, и не сдавался, преследовал ее своей любовью, ездил за ней везде, надоедал ей своими письмами и визитами. Соня хотела бы мужчину другого типа, но он не появился, а даже если бы и появился, то не обратил бы на солидную блондинку никакого внимания. Поэтому она пыталась выиграть время, постоянно придумывая что-то против одноклассника; что она еще слишком молода, позже, что хочет посмотреть мир – она говорила это потому, что он настаивал на переезд в его дом после свадьбы, и чтобы она, как настоящая мать, которая заботится о процветании своей нации, сосредоточилась бы на воспроизведении детей, и на развитии его фермы в несколько гектаров. Еще позже она начала говорить о своей профессиональной карьере, ведь получила диплом, ей бы хотелось поработать по своей специальности, должна что-то показать миру, прежде чем посвятит себя крестьянству, и, наконец, – и это был самый весомый аргумент, который он принял легче всего – что стоит укрепить их отношения материально, раз уж есть международный спрос на ее знания, можно воспользоваться этим и, работая за границей, за несколько лет заработать во много раз больше, чем принесет ферма за то же время.

Одноклассник согласился: хорошо, пусть зарабатывает деньги, но заставил ее назначить время, когда закончит, в конце концов женщина не может откладывать роды до бесконечности, и это время неумолимо приближалось.

Из коллег внимание Сони привлекли Кореш и Тарай, с остальными она работала умело и творчески, но не более того. Остроумие Кореша очаровывало ее, а на Тарайа смотрела, как на мужчину. И все же кроме улыбки не подавала никаких признаков того, что Тарай ей нравится, но в той улыбке светилась вся ее душа. Тарай отметил про себя, что девушка прекрасная, улыбнулся в ответ и пошел дальше.

Соня была единственной, кто и позже упоминал о Кореше. Когда он умер, пришла к Тарайу поговорить о нем. Впервые общались более обстоятельно, чем рабочие темы иногда этого требовали. Коснулись даже страны, из которой с Корешем приехали; Соня однажды была там, но только в столице, и то транзитом.

Крах Виктора тронул ее еще сильнее. В его беспомощности и внутреннем кризисе она увидела себя и собственное будущее. Без единого звука наблюдая за Бригиттой, в добром, умном взгляде Сони пробивались искры осуждения.

Выйдя на пляж, Тарай иногда поднимался на гору, наслаждался видом моря, одиночеством и, все мы смертны, по пути наедался инжиром. Вдоль тропинки, ведущей вверх, на ничейной территории, росли кусты инжира, он шел и на ходу срывал инжир – предпочитал зеленоватые с розовыми внутренностями, а в конце лета даже не

отказывался от более сухих, похожих на те, что продаются в магазинах – и жуя, лез дальше. Жара лилась от камней и с неба, укрыться было негде, низкая растительность и каменные заборы высотой по пояс, которые странным образом разрезали всю территорию, не давали тени.

Однажды, когда он добрался до верхней площадки горы, кто же стоял спиной к нему на краю обрыва, вглядываясь в горизонт моря – Соня.

– Не пугайся, это я!

– Господи, чуть в штаны не напустила!

– Уж не прыгать ли собираешься?

– Может и стоило бы.

– Бедная девушка, ее производственный план не готов к завтрашнему дню, шеф пропесочит. Серьезно. Я бы на ее месте тоже прыгнул.

– Что ты здесь делаешь?

– До сих пор понятия не имел, но, похоже, поднялся, чтобы спасти тебя. Что скажешь? Шеф туда, шеф сюда, а я все-таки спасу тебя. Возможно, на что-то еще пригодишься.

– Не знаю, кому и на что. Хоть бы кто-нибудь сказал мне.

– Желание? Предложение?

– Ты был уже тут? – поворачивается к Тарайу лицом, отходит от края обрыва.

– Нет. Вчера родился, – он прищуривается и определяет, что она совсем даже ничего. Впервые видит ее в бикини и, что ж, можно предложить ей в качестве постоянного уличного наряда. И для работы тоже! Конечно! Может быть шеф вместо Бригитты ее будет приглашать. – Слушай, если ты завтра явишься на работу вот так, главный тебя точно не убьет.

– Спасибо.

Ходили по площадке, глядели на море и, сверкающими как солнце над ними глазами, смотрели друг на друга. У Тарайа возникло странное чувство, будто он давно знает эту девушку, с детства или даже раньше. Он шел рядом с ней так естественно, как будто она была его сестрой, просто любясь ею и не понимая, как он может испытывать такое безмятежное спокойствие рядом с чуть не обнаженным юным, видным созданием. Такие вещи с ним не случались, он слышал об их существовании от других, но он, высеченный топором, в подобных ситуациях обнаруживал в себе лишь равнодушие или азарт охотника, третье чувство ему было неведомо.

Соня тоже не задумывалась о том, сколько раз она мечтала остаться наедине с этим мужчиной, и только потому, что ситуация наконец возникла, восторга не испытывала. Безмятежно, с абсолютным спокойствием шагала, говорила, задавала вопросы, слушала Тарайа, смотрела на него, затем переводила взгляд на ландшафт и обратно, находилась в этом их уединении так, словно была рождена для знакомства с Тарайем.

Время от времени останавливались, особенно когда один из них касался захватывающей истории, смеялись, любовались пейзажем и шли дальше. Они даже не замечали едва терпимой жары. На одной из таких остановок Тарай обнял ее за плечи, притянув к себе, Соня с улыбкой заметила, что тень его руки останется на плече, и если она действительно завтра пойдет на работу в бикини, коллеги смогут проверить, чья рука подходит, и их разоблачат. Но она не отстранилась. И рука Тарайа не пошла дальше. По какой-то причине это было нормально, он удивился, но понял, что поступил правильно, так, как должен был поступить с этой девушкой. Это было уважение к ней, или что за черт? Соня вызвала у него очень необычную реакцию, он вел себя почти как прирожденный рыцарь.

Однажды с ним, еще в студенческое время, произошло что-то подобное. Девушка, которая ему понравилась, ходила в медучилище, но не в том городе, где учился Тарай. Он решил разведать ситуацию и поехал к ней в общежитие, но ее там не было, одна из соседок по комнате спустилась – подняться наверх он не мог, мужчине пробиться через вахту еще никогда не удавалось, – и сказала, что она будет позже, до вечера очевидно придет, только очень редко ночует в другом месте. Тарай не отчаивался, уже в течении нескольких месяцев интенсивно изучал иностранный язык, всегда держал в сумке учебник, достал его и пошел в парк напротив общежития, гулял бормоча слова и повторяя грамматику. Время от времени заглядывал на вахту к доброй пожилой женщине, не пришла ли девушка. Через окно вахтерша наблюдала за его работой, за упорством, поэтому, когда он приходил интересоваться, она разводила руками с возрастающим сочувствием и неловкостью за медсестру, которая, к сожалению, все еще не пришла. Стемнело, читать на улице стало невозможно. Спрятал книгу и ходил туда-сюда возле двери общежития. Вдруг вышла вахтерша и сказала, видит, что Тарай очень добрый, настойчивый и надежный парень, она раньше никогда ничего подобного не делала, но сейчас позволит ему подняться в комнату девушек, подождать у них, там и учебу может продолжить. По телефону позвала одну из них, та отвела его в их четырехместку, где все трое удивленно хихикали, мол такого еще никто не видал, и каким прекрасным парнем он должен быть, если старуха оказала ему такую честь. Девушки переглянулись, и две из них вдруг засуетились, оделись и ушли, оставив Тарайа наедине с третьей. Вышли на балкон, смотрели на плохо освещенную дорогу и разговаривая, вместе ждали четвертую, к которой и приехал Тарай. Девушка была милой, простой, но приятной. Она заметила, что, да, соседка иногда где-то остается на всю ночь, возможно, с кем-то встречается, правда, точно не знает, а вот она сама сейчас ни с кем не ходит, и при этом придвинулась к Тарайу так близко, что их тела тесно прижались друг к другу. Стояла великолепная погода, одеты были легко, и он почувствовал прикосновение ее кожи. Мужские рефлексy немедленно сработали в нем, к тому времени до мелочей отработанные реакции нервов проявились рутинно. И тогда он заблокировал их. Сам не знал, почему. Было ли это из-за доверия вахтерши, из-за преданности к той, к кому пришел, или из-за какого-то качества этой прижавшейся к нему девушки, – кто знает? Посмотрел на часы, предпоследний поезд вот-вот должен был отправиться. Мог бы подождать и последнего. Все было бы как раз, таинственный мрак, приятная теплота, достаточно времени, вдвоем, приглашение, но на ситуацию уже им был наложен запрет. Быстро собрался, попросил передать привет той другой, спустился на вахту, поблагодарил за доверие и отправился домой.

Тарай и Соня с горы спустились уже как пара. На работе абсолютно не таили своих отношений, и, зная Тарайа, все коллеги были уверены, в чем суть их связи. Никто из них не поверил бы, если бы сказали правду.

А правда была красивой и необычной. Почти как сказка. Не потому, что их дружба была идеальна, которой нужно следовать, или, наоборот, редкость, почти никогда не случавшаяся, а просто потому, что она действительно не была похожа на все их предыдущие отношения.

С тех пор они много времени проводили вместе, у Тарайа, у Сони, в городе, в магазинах, в кино, в театре, на пляже, иногда даже в пабах, только лишь в одном месте ни разу, в постели.

– Жаль, – кричит Тарай и, словно желая изменить прошлое, яростно толкнет колесо своей инвалидной коляски.

– Помогло бы нам.

– А принесло бы это какую-нибудь пользу? Она, очевидно, стала уважаемой матерью, родила как минимум двоих детей.

– Если только компромисс не погубил ее.
– Может и осталась в живых, но душа все равно погибла.
– Каким придурком был тот тип!
– А я? Со мной как получилось бы?
– Возможно – как Виктор сказал, – более дерьмово, но легче принять. В соответствии с ее натурой, душой.
– Это была ошибка. Отношения без секса, это плод без семян.
– Когда поняла, и набрала смелости, было уже поздно.
– Как принимать решение по такому важному вопросу, не зная основательно друг друга?

– Хотя, видит Бог, в моем случае это не имело большого значения. Боялся повредить ей, и вести себя недостойно. Я не был против, просто недостаточно хотел.

– Или она боялась чужбины? Работать за границей – это не то же самое, что оторваться от своих навсегда. Родить ребенка и знать, что он будет принадлежать другому народу. Народ! Будь ты проклят, Виктор, почему ты должен быть прав?

– Дудки ты прав, врешь, ни хрена не стоит народ! Главное – это твой партнер, человек! Наша планета мизерная. Еще десять тысяч лет и будет всего лишь один народ. Только две категории – нормальные и ублюдки, потому что ублюдки всегда прокладывают себе дорогу.

– Вот, например, я куда отношусь? К какому народу? На самом деле, я принадлежу только смерти. Что для меня народ, я в единстве со смертью, а там все равны!

– О, Соня, куда ты пропала?

Были счастливы, прямо летали. И все же это было подозрительное счастье, они одновременно ликовали и хоронили, пытаясь насладиться моментом в тени надвигающейся беды. Прямо светились, но так, как заходящее солнце на небе сияет под темными тучами грозы в конце августа.

Утром вместе приходили на работу и вместе уходили домой. Когда к кому. В обеденное время редко встречались, их рабочие графики были разными, у Тарайа обед обычно был около часа дня, а у Сони примерно в два. Придя домой, готовили что-то простое, но вкусное, быстро уплетали и отправлялись в город или к морю.

Тарай обожал обнимать Соню сзади, когда стояла перед печкой. Позже сколько раз пытался вспомнить ощущение от того объятия, но так и не смог. Интересно, почему? Не мог вспомнить ее грудь, талию, даже тот конкретный момент, когда целовал ее, просто с ней было очень здорово, и все. То, что он хорошо помнил, это огромное душевное спокойствие, которое испытывал, находясь с Соней.

Он любил ее сажать себе на колени и ласкать, особенно лицо, это милое, улыбающееся, девичье лицо, которое природа сохранила даже к тридцати годам. Сидя за столом, он вдруг поднимал ее со стула, брал к себе на колени, гладил и целовал. Иногда, в такие моменты, с некоторой долей вины объявлял, что вечером с приятелями идет пить. Лицо Сони никогда и не дрогнуло, как будто он говорил это своей сестре, а не возлюбленной, хотя Соня прекрасно понимала, что речь идет не только о выпивке, но и о женщинах. Она смирилась с тем, что Тарай нуждается в этом, он мужчина и голоден, и то, что пока не получает от нее, ему приходится добывать в другом месте, так что пусть идет и гуляет, развратничает, но не остается так долго как раньше, тратит немного меньше денег и выбирает своих подруг более тщательно, чтобы не подхватить от них заразу.

Тарай, подминая под себя то одну, то другую из своих случайных партнерш, все чаще думал о Соне. Как хорошо было бы сейчас с ней, по-другому, более человечно, однако когда на квартире у друга его подруга переползла на Тарайа, а та, с которой он

пришел, перебралась на друга, все стерлось из его сознания, и плотское удовольствие завладело его телом и сознанием.

Однажды с ними произошло нечто очень характерное, зеркало их сущности, объяснение всего, что было и есть. Поскольку государственный праздник был круглой годовщиной, вместо обычных более скромных программ организовали грандиозный парад через весь город к виадуку, где толпу ожидал заслуженный подарок – фейерверк. Первые несколько сотен человек с закрытого для движения транспорта виадука могли любоваться зрелищем, как с горы, возвышающейся над ними в сторону моря пускали искрящиеся ракеты. Процессия отправилась в путь рано вечером и достигла виадука незадолго до наступления темноты. Тарай и Соня не присоединились к колонне, шли сбоку, но через некоторое время это стало совсем не просто, потому что к шествию присоединилось столько людей, что они уже не помещались на проезжей части, толпа лилась вперед по всей ширине проспекта, от тротуара до клумб. Громко играла музыка, колонна периодически останавливалась, на сценах, установленных на платформах грузовиков, выступали народные танцевальные и рок-группы, телекомпании вели трансляции, люди снимали на видео и фотографировали, продавцы буфетов крича предлагали свой товар, народ набивал себе желудок так, будто не ел неделю, из рук падали куски бутербродов, лились напитки, все разбрасывали бумагу и пластик, ведь кто может найти урну в таком месте, – в этой бешеной атмосфере они вдвоем, не теряя друг друга, пытались не отставать, быть впереди, чтобы попасть на виадук.

Ни один из них не был особенно боевым, а просто способные, умелые молодые люди, партнеры, усиливающие энергию друг друга, два человека, которые вместе были больше, чем один плюс один. Тарай, с его футбольным опытом быстро находил щели, где прорывались вперед, а Соня неустанно следовала за ним, иногда тоже хорошо чувствуя лазейки, – они продвигались вперед как нож в масле. К их полному удивлению, путь внезапно перекрыло подвижное ограждение, за которым стояли полицейские, охранявшие мероприятие, а за ними пустой виадук. Не могли поверить своим глазам, они были в первом ряду. Позади и рядом с ними, сильно прижимая их к стальной ограде, толпились десятки тысяч участников марша. Даже двигаться не могли под давлением толпы. Тарай посмотрел на Соню.

– Ты можешь в это поверить?

– Нет.

– И я не могу. Со мной такого никогда не случалось. Обычно я более неуклюжий.

– Ты очень ловкий.

– Нет, это не я. Это ты во мне.

Было еще довольно светло, хотя уже начало темнеть. Солнце спряталось за гору, но еще пришлось ждать, пока оно опустится за горизонт и можно будет начать фейерверк. Они наблюдали за окружающими, их лица почти касались лиц стоящих рядом, слушали праздничную возню и пение труб за спиной, обеими руками вцепились в прутья решетки, смотрели на скушающих, но глазами все же следящих за толпой полицейских, и заметили, что на виадуке что-то изменилось, появилось нечто странное, необычное, и тут они поняли – это не так легко увидеть в сумерках – что обе стороны виадука закрыты решеткой высотой на добрых пять метров, чтобы никто не мог случайно перевалиться через перила или выполнить какой-нибудь индивидуальный альпинистский трюк. В целом мост был похож на огромную клетку. Ограждение на каждом конце, решетки сбоку и ущелье внизу. Прошло еще минут пятнадцать ожидания, когда Тарай заговорил:

– Ты очень хочешь зайти на виадук?

– Не обязательно. А что, ты не хочешь?

- Не выношу давку.
- И я тоже.
- Лучше откажусь, лишь бы не толкаться.
- А что, уйдем?
- Пошли!
- Но как?
- Следуй за мной. Прижмись ко мне, как только можешь.

И Тарай, шаг за шагом, начал выбираться из первого ряда, оттуда, что было мечтой каждого участника шествия. Из положения, которое он заслужил и принадлежало ему по праву, потому что был ловче всех. И сделал он это с большой эффективностью, не менее умело сдав свою позицию, чем создал ее.

Когда они выбрались из толпы, и были уже в стороне от виадука, Тарай глубоко вздохнул, обнял Соню, и оба оглянулись. Именно тогда ограждение отодвинули и на виадук пустили не меньше тысячи человек, гораздо больше, чем раньше обещали, а затем ограждение задвинули обратно. На бульваре люди стояли неподвижно, как гигантская пробка. Те, кто попали на виадук, прижались к боковым решеткам, точно так же, как Тарай и Соня были прижаты к ограждению чуть раньше.

– Знаешь, что, давай отойдем подальше, фейерверк виден отовсюду, – зевнул Тарай и взял Соню за руку.

- Смотри, на стоянке никого нет, пойдем туда! – предложила Соня.

Встали между машинами, прислонившись к одной из них так, что гора оказалась прямо перед ними. Как раз тогда выпускали первые ракеты. Последовали овации, крики и одобрительные возгласы. Их лица вспыхивали красным, желтым, синим, зеленым цветом, в зависимости от взлетающих зарядов. Прижались друг к другу, как перед грозой. Были печальны и счастливы, вдали от толпы, вдали от успеха, вдали от клетки, вдали от всего, хорошего и плохого, просто рядом друг с другом, но заклеенные гнетущим предчувствием.

- Как ты думаешь, мы правильно поступили? – спросил Тарай.
- Если тебе так лучше, то да.
- Это может быть вопрос принципа, понимаешь? Можно ли отказаться от того, что ты завоевал?
- Не стоит погибать от успеха.
- Но, если сдашься вот так несколько раз, больше никогда не сможешь победить.
- Если толпу ненавидишь больше, чем любишь фейерверк, так это совсем нормально.
- В каждой победе есть что-то, что можно ненавидеть. В футболе, в шахматах, на работе, в ухаживании за девушками, везде. Значит, никогда не побеждать? Неужели мне позволено больше ненавидеть толпу, то есть путь к победе, чем желать победы?
- Глупыш! Зашел слишком далеко. Это тут всего лишь фейерверк.
- Нет, моя дорогая Соня, это ты и я.

У них все еще были хорошие дни, но отступление на параде не давало Тарайу покоя, что-то его угнетало, от чего не мог избавиться. Вспоминал Виктора, и пока наблюдал за размышлениями Сони – о, не о фейерверке, – Виктор снова замаячил перед ним. Либо они должны были вовремя понять, что нет смысла бороться за виадук, либо, раз уж победили, надо было подняться на этот проклятый мост, чтобы взять то, что им принадлежит. А потом вспомнил о кабаках, женщинах, потных, томительных ночах и той вялой покорности, с которой всегда относился к поворотам своей жизни, и ему стало еще грустнее.

Конечно, он знал о женихе-однокласснике. Ему также было ясно, что Соня хотела бы отослать своего ухажера подальше, что у нее нет никакого желания выходить

за него замуж, что ей нужен кто-то другой, хотя бы он, Тарай, но желательно, кто-то еще лучше, более стабильный, более интеллигентный, с кем могла бы быть полноценной и жить гармоничной жизнью. Но такого человека на горизонте не было, а она хотела детей и семью, и хотя еще об этом не говорила, Тарай догадывался, что отдаст себя тому, от кого получит все это, даже если будет сам дьявол. Он был уверен, что вопрос будет задан ему, довольно скоро, с честной прямоотой или более жеманно, неважно, она задаст его, и ему придется ответить раз и навсегда, поэтому пытался выяснить в себе этот вопрос, чтобы не тогда пришлось хмыкать, а быть готовым к ответу, но, не справившись с этим бременем, откладывал ответ, как-нибудь в другой раз, пока не срочно, это может подождать. Он и раньше впадал в подобное состояние перед принятием важных решений, причем достаточно часто, чтобы понять, это колебание внутри означает "нет". Трудно объяснить почему, но нет.

Соня чуть не разрыдалась, достав телеграмму из почтового ящика у входа в дом, ее глаза в один миг охватили содержание, и плечо задрожало.

– Приезжает.

– Когда?

– На выходные.

– Пошли домой!

Поднялись наверх. Знали, что им предстоит серьезный разговор или, по крайней мере, важное решение. Возможно, даже предполагали исход.

Сели за стол и смотрели друг на друга. Молчали. Затем Соня встала, автоматически вытащила кое-что из холодильника и на плите начала готовить ужин. Тарай не подошел, чтобы обнять ее.

– И что теперь делать?

– А что ты имеешь в виду?

– Дать ему приехать или ответить, что я передумала?

Тарай уставился на пол и видел одну пустоту, перед которой он был бессилен. Поднял глаза на Соню, стоявшую к нему спиной, несчастная девушка с нечеловеческими усилиями боролась с ужином, или с Тараем, или со своей жизнью. Не мог больше на нее смотреть, встал и пошел к двери.

– Куда идешь?

– В кабак.

– Да благословит тебя Бог, любовь моя!

Тарай пропьянствовал всю ночь, утром из кабака отправился в собственную квартиру и, прежде чем заснуть, позвонил на работу, что он не придет, заболел. Вечером не пошел к Соне, и на следующее утро они пришли на работу порознь. Некоторые коллеги обратили на это внимание.

Одноклассник прибыл в пятницу днем, к несчастью для Тарайа, а может быть, очень даже к счастью, чтобы он наконец увидел, что за тип этот парень, постучал в его отделение. Жених не знал ни слова на местном языке, и на том, на котором они общались между собой тоже, поэтому просто повторял имя Сони и жестом показывал, чтобы ее позвали. Тарай смотрел на него, и его сердце разрывалось. Если бы он только немного лучше понимал свои намерения, взял бы стул и с его помощью изгнал бы этого придурка, который даже по сравнению с ним, простым деревенским парнем с дипломом, был первобытным человеком. Его черты лица, когда неподвижно стоял в дверях, невежественно жестикулируя и бормоча дорогое имя Сони, совершенно ошеломили Тарайа, и прежде чем она появилась, встал и вышел в туалет.

С Соней увиделись только в понедельник. После работы домой пошли вместе, как и раньше, но все же по-другому.

– Что он хотел?

- Свадьбу.
- Когда?
- Через две недели. Уже все организовал, мне нужно только договориться об отпуске.
- И тогда останешься навсегда?
- Нет. Он везет меня на курорт на три дня, потом у него работа, так что не может надолго отлучиться с фермы.
- Как и никогда не сможет.
- Мне придется вернуться из-за контракта. Срок истекает через два месяца, продлевать не стану.
- Так что будешь здесь приблизительно месяц. Твой все четко рассчитал. Кажется, у него есть способность к арифметике, хотя это по нему не видно. Хм, три дня медового месяца? Что, это обязательный элемент и у крестьян?
- А у некоторых вообще ничего обязательного нет. Вообще нет никакого элемента.

После этого они все время проводили вместе, словно прикованные друг к другу, словно прощались в смертельной болезни, и хотели ощущать каждую минуту в отдельности, знать, правильно ли ее прожили, и даже удвоить ее. До отъезда Сони Тарай ни разу не гулял с друзьями в кабаке, почти носил Соню на руках, лелеял ее, как будто хотел наполниться этим чувством до конца своих дней. К сожалению, это невозможно, так же как невозможно надышаться или утолить жажду вперед на всю жизнь. А вот от Сони что осталось? – в мире инвалидов колясок тосковать о ней по вечерам. То, что для нас незаменимо, должно стать постоянной частью наших дней и даже минут.

Для Тарайа не было секретом, что если в любой момент только промолвит: "Не делай этого, ты моя", то Соня навсегда останется его. Провожая ее в аэропорт, он был уверен, что если на регистрации он озорно похлопает ее по плечу и шепнет: "О, я просто хотел испытать тебя, не улетай к этому придурку", то они с громким смехом развернутся, побегут рука об руку к такси и отпразднуют свое счастье пронзительным ликованием. И даже в день свадьбы он смотрел на часы и верил, что Соня в последние минуты перед ЗАГСом сейчас, сейчас, сейчас надеется, ждет его телеграммы, или телефонного звонка, или его чудесного появления, когда он выбежит из толпы гостей, подхватит ее и унесет, как это бывает в романтических романах. Да, верил, что она ждет его, как в старые времена обреченный на смерть с петлей на шее ждал милости короля и иногда это сбывалось, и с поседевшей за считанные минуты головы палач срывал мешок, и он жил, жил, жил.

В жизни Тарайа последовали мрачные дни постоянного пьянства до беспамятства, пьянка, сон, опять пьянка, его тошнило от самого себя, хотелось написать на груди: "Люди, этот человек, которого вы здесь видите, – идиот!".

Соня вернулась примерно через десять дней. Нет, эта женщина была уже не Соней, а просто плотью, жутко похожей на Соню. Трудно выразить горе словами, она была в трауре, жесточайшем, нескончаемом свадебном трауре. До окончания ее контракта оставалось около пяти недель.

Сотрудники были в недоумении, не могли понять такой поворот событий. Относились к обоим с сочувствием, как бы прощаясь, предвидя, что после отъезда Сони Тарай вряд ли задержится надолго, там, где абсолютно все напоминает об этой почти ангельской женщине. Коллеги не ошиблись.

Первые две недели Соня и Тарай почти не виделись. Она не сообщила ему о своем приезде, поэтому он не мог ее встретить. Соня и потом избегала его, да и он пытался распределить свои дела так, чтобы не столкнуться с ней. Через две недели в

обеденное время Соня пришла к Тарайу в отделение, он сидел за столом и работал, подошла к нему сзади, положила руку на голову, погладила, он грустно посмотрел на нее, она наклонилась и прижав голову к его голове, сказала:

– Давай после работы пойдем ко мне, хорошо?

– Да, – кивнул Тарай, и тут же понял, что сейчас произойдет то, что должно было произойти давным-давно.

Она повернулась и вышла.

Молча шли по улице – что могли сказать друг другу? Чувствовали себя виновными, и это не было преувеличением, то, что они сотворили, было преступлением, преступлением против древнего закона, против природы, совершенным с умыслом. А фатальную ошибку можно только принять, скрыть или исправить невозможно.

Когда пришли в квартиру, Соня ужин готовить не стала, а из холодильника достала колбасу, тарелку с пирожными, бутылку красного вина, нарезала хлеб, сделала бутерброды и поставила кипятить воду. Вино передала Тарайу, который открыл его и налил в уже приготовленные на столе бокалы. Она аккуратно расставила на столе горячий чай, бокалы с вином, бутерброды и пирожные, затем подошла к Тарайу, обняла его за шею и стала ждать, как бы говоря: вот, я здесь, я в твоём распоряжении.

– Так это уже не получится – сказал Тарай, – сейчас это можешь начать только ты.

И Соня начала. Не очень уверенно, не с холодным расчетом, но ясно зная, что она делает. Расстегнула блузку и юбку, сбросила их на пол, сняла нижнее белье. Стояла перед Тараем, обнаженная как новорожденный. Была прекрасна. О, Тарай видел и более стройных, но, пожалуй, более красивых нет. В целом была поразительна.

– Знаешь – прошептала Соня, – судьба жестока, но не может же карать всегда одного и того же, – и в процессе расстегивала рубашку Тарая, медленнее, осторожнее, чем могла бы. – Судьба хотела так, чтобы у меня была «менструация» в те дни. И я на самом деле кровоточила, – показала на свой порезанный палец на ноге, все еще заклеенный пластырем, – ботинок прикрывал, только хромать нельзя было. Так что нашу брачную ночь пришлось отложить.

– Я так много думал о тебе в тот день! – и Тарай погладил одухотворенное личико Сони.

– И я о тебе.

– Я думал о тебе всегда!

– Лишь о тебе могла думать и об этом ужасе, что произошёл.

Когда Тарай собирался ответить, она приложила указательный палец к его губам, давая понять, что с этого момента уже никаких разговоров нет, что сейчас следует нечто совсем иное, и обняла его с такой силой, словно хотела принять его в себя. И она на самом деле желала этого, и сделала, приняла его, проглотила, пытаясь превратить его в нечто, что означает будущее, что уже неподвластно им, и не могут совершить больше ошибок.

Она опустилась на диван спиной, приняла между своих ног осторожно приближающееся тело Тарая, обняла его, гладила, целовала, стала его колыбелью. Он был совершенно обескуражен, притрагивался к ней, как к писанному яйцу, и лишь со временем овладел ее восторг и им. Соня означала для него гораздо больше и совсем иное, чем просто женщина, с которой он оказался вместе. Его снова охватило чувство, что они родственники, а если даже нет, то, во всяком случае, очень близкие существа, которые принадлежат друг другу.

Сколько раз она сидела у него на коленях, сколько раз он прикасался к ней, но сейчас ласкал и обнимал новую, лихорадочно расцветающую Соню. И он не мог

насытиться ею. Переворачивал ее, душил в объятиях, перекладывал на кресло, на ковер, и снова и снова таскал по квартире, как будто у него никогда не кончались ни желание, ни силы. Прошло несколько часов, прежде чем притомились, тогда перекусили и выпили все вино. И так продолжалось на той неделе каждую ночь, почти до рассвета. Затем Соня спокойно сказала Тарайу, что теперь, перед вторым актом и вечным перерывом сделают паузу, она полетит домой на три дня, на удлинённые выходные. Восполнить медовый месяц. Потому что скоро у нее действительно ожидается менструация. Если она вообще будет.

Тарай понял ее намерение, не имел ничего против, улыбнулся, и, хотя в этой игре и он мог потерпеть неудачу, согласился, она права. Если забеременела или забеременеет в последние две недели, то этот ребенок родится, а для этого она должна сейчас отправиться домой. Сочувствовал ее мужу? Ни капли. Он заслужил, хотел получить то, что ему не положено. Зато Тарай себя ненавидел.

Соня вернулась из своего короткого путешествия как солдат многолетней войны, без всяких иллюзий, пытаюсь просто выжить. Это заставляет задуматься, почему она раньше не проявила хотя бы часть настоящей практичности, и тогда, возможно, вся эта ситуация не возникла бы. Хм, почему некоторые дикие животные останавливаются перед светом фар, мчащихся им навстречу машин?

Покой находили в объятиях друг друга, и следующие две недели, которые были последними, прошли точно так же, как и время до ее отъезда. Вместе ходили на работу, вместе возвращались домой, и коллеги с благодушными, одобрительными улыбками следили за каждым их шагом. Купались в обществе друг друга, и хоть заранее насытиться невозможно, старались хотя бы наверстать упущенное.

Но любое время проходит. Даже самое длинное, не говоря уже о двух неделях. Их последнее прощание также проходило под руководством Сони. Ой, почему она так поздно взяла дело в свои руки? Как часто бывает, что когда человек уже проигрывает и смирится с этим, со спокойствием проигравшего становится почти победителем, лишь крошечная часть того отставания, которое накопил, когда еще не остыл от уверенности в поражении, лишит его победы!

– Не поедешь со мной в аэропорт, хорошо?

– Но я бы хотел!

– Нет. И нельзя смотреть мне вслед. Буду считать до трех, как это у нас принято, раз, два, три, поворачиваемся спиной друг другу и уходим. Оглядываться не будем.

Соня поставила вещи в такси и попросила шофера подождать в пятидесяти метрах от угла. С Тараем остановились на углу, глядя друг на друга затуманенными глазами, слезы уже высохли. Соня сунула ему в руки альбом, похожий на книгу.

– Мои рисунки.

– Спасибо.

Тарай не принес ничего.

– Слушай, я буду считать. На счет "три" развернешься и пойдешь по той улице, а я к такси. Обещай мне, что сделаешь так.

Тарай кивнул.

– Я люблю тебя очень, очень сильно. Да благословит тебя Бог. Раз. Два. Три.

Развернулись и начали идти. Тарайу захотелось кричать и с ревом унесть прочь.

– И я тебя! И я! И я! И я! И я! – плакал всю дорогу домой.

После ухода Сони у Тарая осталось три месяца по контракту. Отработал тихо, в мрачной солидности, почти без кабаков и женщин, с вином и бутербродами попрощался с коллегами, взял свои шмотки и двинулся дальше. Ветер понес его по миру.

– Не сразу нашел работу, просто колбасил.

– Соню не искал. Никогда.
– Мог бы попытаться выяснить, родила ли от меня.
– Возможно, у меня где-то есть сын или дочь.
– Неважно. Или это имеет значение? Нет, не имеет.
– Даже тот альбом где-то потерял.
– Я думаю, пора побаловаться салом.
– Да, еще не поздно, а то приснится всякая чертовщина, ночи и без того сумасшедшие.

Подкатывает инвалидную коляску к шкафу, открывает дверцу, достает пакет с хлебом, сало, нож, его движения отработаны, безупречны, несмотря на слепоту. Начинает есть прямо перед шкафом.

– Назовем это холодным ужином в общежитии. Два раза в неделю не получали теплого ужина.

– Жаль, что лет на пятьдесят теперь уже старше.

– Стояли перед шкафом, жевали, в одной руке хлеб, в другой какая-нибудь колбаса или консервы. На тебе, культура!

– Некоторые, низкие ростом и худые, садились на нижнюю полку шкафа, задвинув ботинки назад. Сотня узких шкафчиков тянулась по всей длине коридора.

– Держу пари, что водители кранов и бульдозеров тут, на этих стройках, тоже завтракают и обедают в кабинах своих машин.

– Вкусная булочка. Хорошо, что оставил кусочек.

– Ой, великолепное сало! Язык проглотишь!

– Мой шкаф стоял у входа в квартиру вахтера. Старик и старуха хмуро входили и выходили, неприятно было смотреть на них. К счастью, редко показывались.

– Шли слухи, что их сын, в том возрасте, что и мы в то время, умер от гриппа. Всего за несколько лет до того, как мы туда попали.

– За пол дня. Вирусная пневмония. На такое, вероятно, не способна даже нынешняя зараза.

– Два старика? Не такими уж старыми они были. Около сорока, или чуть старше. В возрасте младше двадцати, сорок лет выглядит иначе. Потеря сломала их. Но и сорок лет, все-таки, это уже что-то.

– Со стороны их квартиры у меня не было соседа, удобнее было одеваться и кушать. Прислонившись к косяку их двери, виден был весь коридор. Когда директор приходил нас проверять, я был последним, хватало времени уложить шмотки.

– Сальцо! Как любил его мой отец! За один присест мог съесть кусок с ладонь. Да и не было у него другого в наше трудное время.

– Со стаканчиком белого винца – отличный вариант. С рислингом или фурминтом.

– Мое сердце вряд ли восхваляло бы это сальцо.

– А бедняжке приходилось терпеть. Желудок и сердце трудно примирить, хотя не так уж далеки друг от друга. Конечно, соседи всегда ссорятся.

– А печень, обычно, всем недовольна.

– Вот, свою печень я ни капли не жалел.

– Давно мог бы сыграть в ящик. Вспомнить трудно, скольких мы похоронили. Пиво, вино, крепкие напитки.

– В основном мужиков, но и женщин тоже. Женщины недолго тянули, умирали в течении двух трех лет.

– Эдит, например, была на редкость милой девушкой, даже не знаю, как она могла так внезапно уйти из жизни.

– Мог бы вмешаться, видел, что плохо кончится.

– Ах, безнадежно! Если бы я присоединился к их гулянкам, когда она звала, с надеждой, что находясь в компании могу остановить ее, то теперь совесть мучила бы меня вдвойне, был бы причастен к ее гибели.

– Объясняться легко. Помогать всегда труднее.

– И ко мне мало кто прибегал на помощь.

– Двоих ее собутыльников хорошо знал, а третьего поверхностно. На похоронах стояли сзади, боялись выйти вперед.

– По крайней мере пришли, хотя догадывались, что их растерзают глазами.

– В конце концов, они сделали то же самое, что и я по всему миру, мои женщины тоже были чьими-то, важными, любимыми, только небеса знают, сколько из них было похоронено преждевременно.

– Да, они делали, что и я, охотились, развлекались, и жрали свою добычу.

Случай произошел не так уж давно, когда Тарай снова работал у себя в стране, потому что, борясь со своими усугубляющимися проблемами, он решил вернуться из-за границы на более длительный срок. Раньше он уже работал в этой компании, был знаком с местными условиями и многими сотрудниками, что облегчало, и, в то же время, усложняло его работу, потому что помимо старой дружбы оживали и некоторые старые трения.

Эдит и Тарай знали друг друга тысячу лет, оба молодыми щенками попали в одно и то же отделение, Эдит администратором, Тарай после университета подающим надежды менеджером среднего звена. Здесь работа традиционно проходила в непринужденной обстановке, и у Тарая с Эдит, как и со всеми остальными, сложились своего рода приятельские отношения. Они часто болтали и смеялись, и, несмотря на то, что она уже была замужем и в таком удивительно молодом возрасте имела двоих детей, с Тараем вела себя очень непосредственно, а он всегда присматривался к ней, но никогда не приставал всерьез, то небольшое, что проявлял в ее сторону, было скорее обязательным приятельским подкалыванием, почти вежливостью, без которой нормальные рабочие отношения между мужчиной и женщиной были бы чуть ли не оскорбительно холодными, что бы ни говорили по этому поводу некоторые зануды.

Когда Тарай перевелся на другую работу, браку Эдит ничего не угрожало, правда, у нее были умеренно интимные отношения с одним из женатых коллег с высшим образованием, гораздо более близкие, чем с Тараем, а ее муж, красивый мужчина, флиртовал, но в меру, и по мнению Тарая это все было в рамках нормы.

Вернувшись в компанию после многих лет, проведенных в основном за границей, Тарай по-прежнему видел Эдит очень привлекательной, молодой женщиной – конечно, в ее волосах появилась седина, глаза потеряли блеск, а в них мелькала лисья хитрость, иногда скучающая улыбка опытной самки, – жизнь которой практически все еще шла тем же путем, что и при расставании, за исключением того, что ее дети выросли, а муж, по слухам, завел постоянную любовницу, ради которой он вовсе не собирался бросать семью. Эдит, казалось, это не особенно беспокоило, таким образом и она могла позволить себе немного больше в платонических отношениях с любимым коллегой, которые она все еще поддерживала.

– Надо же, как можно заставить человека так долго довольствоваться пустотой, – подумал Тарай, усмехнувшись, но не ему об этом судить, и вдруг вспомнил женщину, которую счастливыми вечерами ласкал на коленях, но не более того, и махнул рукой.

Могло бы случиться так, что этот платонический роман или что-то в этом роде продлится до самого социального дома, скажем, сейчас, а может лет через пятнадцать вместе сидели бы в этом же здании, но судьбе стало скучно, и она решила поиграть с этими персонажами, взяла камень и бросила его в их тихую маленькую лужицу.

Верно и то, что мелкие изменения не означают, что нет изменений вообще, и все мелочи внезапно могут превратиться в нечто существенное. В этой истории мелочами были взросление детей, любовница, ставшая привычной, кризис среднего возраста и некоторая скука и бесцельность, а камнем, который влетел в эту лужу и покрыл всех грязью, был тот факт, что молодая любовница мужа Эдит забеременела.

Сначала было два развода, потом почти третий. Развелась любовница и Эдит с мужем, а потом чуть ли не развелся коллега-рекордсмен, но, к его счастью временный переезд к Эдит отрезвил его, и то, на что не мог решиться столько лет, вдруг пришло как раз вовремя, и из ситуации вышел невредимым. Муж Эдит сошелся с любовницей, а Эдит осталась одна и заплатила самую дорогую цену из всех за..., вопрос в том, за что? Что стоило ей так дорого, за что пришлось отдать свою жизнь после коротких трех лет?

Эдит осталась в их квартире. Ее зарплаты хватало до конца месяца, могла бы жить скромно, но без особых финансовых проблем сколько угодно. Дети постепенно становились самостоятельными, продолжать учиться не собирались, и когда почва начала уходить из-под ног Эдит, они устроились на работу. Ситуация не из приятных, но сколько людей сталкивается с подобным и решают проблему. Очевидно, в Эдит было что-то, что вело ее к гибели. Она потеряла двух мужчин и, возможно, в одном из них какой-то идеал – а может быть и нет, кто знает, насколько серьезно относилась к этому романсу, – зато она обрела свободу, новые возможности, и если бы выбрала правильный путь, то могла бы выйти из ситуации вполне благополучно.

– Мужики и алкоголь искалечили ее.

– По понедельникам от нее начало нести перегаром.

– Как она любила снегопад, бродить по снежным улицам!

– Пьянки, снегопад. Как эти два понятия сочетаются?

– Секс. Да, получила наконец-то. Должно быть, раньше дома голодала. Но почему? Что в ней не нравилось мужу? Ведь выглядела чертовски хорошо!

– Я мог бы ей помочь, но пока не попала в беду, даже и не подозревал, чего ей не хватает.

– А к тому времени и у меня уже бывали перебои.

– В первое время и ее подруга присоединилась к компании, но быстро одумалась и ушла.

– Позже, когда уже было ясно, что происходит, конечно, я не стал вмешиваться.

После развода Эдит регулярно обращалась за советом к своим коллегам. Пока жили вместе, муж управлял их делами, оставляя ей, жене, кухню и детей. В основном она нуждалась в помощи в офисных делах и в починке домашней техники. Возможно, могла бы справиться с этими проблемами сама, просто это давало ей чувство безопасности, было приятно, что есть с кем поделиться проблемами. Через некоторое время она задавала все меньше и меньше вопросов, и в конце концов совсем перестала спрашивать. Тарай вряд ли сделал из этого логический вывод, что характерно для мужчин в анализе ситуаций, женщины более склонны идти по причинно-следственной цепочке, но в глубине его сознания стало ясно, что-то изменилось. В ее окружении появились мужчины.

О том, как прошел первый год постепенного крушения Эдит, никто толком не знал, кроме ее подруги, которая тоже приходила на работу по понедельникам в довольно потрепанном виде, однако никому не рассказывала, с кем и как они проводили выходные. И дни, когда они ни на что не годные, без толку отсиживали рабочее время, стали множиться, уже не только по понедельникам являлись в таком состоянии, но и в другие дни. А запах алкоголя заполнял весь кабинет, не нужно было подходить к Эдит, чтобы почувствовать его. Примерно с этого времени Тарай знал,

насколько плохо обстоят дела, и для чего ему могла бы пригодиться эта женщина, но все же старательно отбивался от все более развязных, вызывающих приставаний Эдит.

В городе она часто появлялась в различных машинах, обычно была одной женщиной в компании трех мужчин. Если на тротуаре замечала знакомого, то отворачивалась, делая вид, что разговаривает сзади сидящими, или сползала с сидения, чтобы не было видно головы.

Ее подруга, должно быть, тут спохватилась, потихоньку пришла в норму, и через некоторое время, когда уже давно перестала посещать вечеринки, начала выкладывать некоторые имена и истории о том, куда и с кем ходили.

К тому времени Тарай уже стал свидетелем трагического пьянства нескольких женщин, он тяжело вздохнул, понимая, что с этим трудно что-либо сделать. Размышлял о том, что если он пойдет с Эдит и попытается вытащить ее из этой компании, чего этим добьется. Скорее всего, ничего. Оторвать ее от них вряд ли удастся, он один не сможет предложить ей столько секса, сколько множество мужчин, ни постоянства, ни даже романтики, а отлучить от алкоголя будет практически невозможно. Примеров было много. Жена знакомого каменщика без всяких предпосылок вдруг начала бегать в их погреб, пить вино прямо из бочки, когда муж спрятал ключ от погреба, разбила окно, и залезла. После того, как он поставил решетку на окно, она на кухонные деньги покупала выпивку и до вечера напивалась в стельку. Муж стал держать все их финансы при себе, тогда она воровала сбережения своих сыновей, а когда в доме больше не было ни алкоголя, ни денег, пошла попрошайничать и пила до тех пор, пока печень не отказала и не похоронили в сорокалетнем возрасте. Другая женщина, интеллектуалка, работавшая ниже ее образования и достоинства, пристрастилась к спиртным напиткам, семья перепробовала все, но ничего не помогло, и вскоре ее прах был развеян над рекой. И еще и еще, были и другие, которые, как и Эдит, катились по наклонной, развратничали, список жертв можно продолжать бесконечно, Эдит была лишь одной из многих, которых невозможно было спасти.

Ее живот начал расти, как будто была беременна. Становилась все более нетребовательной к себе, ее распадающиеся, некрашенные волосы, одутловатое лицо, мешки под глазами, вздувающийся живот, шаткая походка и запах, что исходил от нее, разочаровывали, удручали.

– В конце недели вечером позвонила ее подруга и сказала, что утром нашли Эдит мертвой.

– Рвала кровью. В пищевод сосуда лопнул.

– Характерно при печеночной недостаточности.

– Ее лицо как живое передо мной, почти могу дотронуться.

– Дорого заплатила. Два года почти летала, на третий, скорее, страдала от самой себя.

– И я дорого заплатил. А сейчас еще и проценты плачу.

– Хватит жрать, на ночь больше нельзя.

– О, ночи, наверное, надо пить тройную дозу, чтобы уснуть!

Вытирает нож, кладет оставшийся хлеб обратно в целлофановый мешок и вместе с тщательно упакованным салом ставит в шкаф.

– Давай, закурим, а крепкое оставим напоследок!

– Ой, окно, окошечко, ну-ка подкатимся к нему, вот так, откроем немножко, отлично, а теперь закурим. Не в постели, не так как Тибор!

– Даже если бы захотел, сигнализация сработала бы.

– Как на западе, там прямо срали от страха, проверяли противопожарную систему каждые два месяца.

– Возможно, именно в ней было подсматривающее устройство, позор, если оно не работает.

– Снашались на кровати, пожарная сигнализация была прямо над нами, мигала в такт наших движений. Ну, подумал я, кто-то, возможно, ловит кайф, глядя на нас.

– У Тибора не было сигнализации, это точно.

– Ходили слухи, что его убрал родственник, но никто не мог этого доказать.

– В любом случае, авария Ольги сделала историю жуткой.

– И я спал в его комнате-кухне-сарайе на той кровати, блядь, там, где Тибор был сожжен дотла.

Тибор был знакомым Тарайи, иногда его собутыльником. Жил на окраине маленького городка в одном доме со своим двоюродным братом. Из прихожей налево и направо открывались маленькие квартиры – комната с кухней, правая принадлежала Тибору. Хозяйственные постройки во дворе, склад, мастерская, коптильня, летний туалет и небольшой сад были общими. Точнее, Тибор, кроме туалета, все уступил своему двоюродному брату, который жил с женой и дочерью Ольгой, пусть им будет уютнее, так как их больше.

Конечно, жилище Тибора можно было назвать квартирой только с явной доброжелательностью. Внутреннее помещение было более или менее похоже на комнату, внешнее, куда входили прямо из коридора, и должно было быть кухней, ну, это было чем угодно, только не кухней, кроме плиты со столом, похожим более на верстак, там мирно приютились диван, придвинутый к стене, на котором, кстати, он спал больше, чем на своей кровати в комнате, умывальник на табурете, маленький винный бочонок, бутылки-демиджоны, а в углу метла, совок, лопата, грабли, пила, корзина, ведра, лестница, те немногие инструменты, которыми он иногда пользовался.

Половина населения города работала на местном химическом заводе. Тибор впервые приехал сюда студентом-практикантом, и в кратчайшие сроки определился со своим будущим, договорившись о работе, настолько ему понравилась доступность к неограниченному количеству спирта.

– Быстро прикинул, если будет пить и бесплатно спаивать своих приятелей в течение сорока лет, то на этом сколько сэкономит.

– А вот поступок родственника в его расчетах не фигурировал.

– И печень тоже. Возможно, и без родственника долго не протянул бы.

Тибор на покупку жилья получил небольшую помощь от завода, но ее было недостаточно, чтобы самостоятельно что-то сообразить, поэтому уговорил своего старшего двоюродного брата с семьей, вместе купить этот дом в пригороде.

Когда начали заселяться, жители окрестных домов наблюдали за ними с любопытством и некоторым недоумением. Помимо интереса к тому, с кем им суждено быть соседями, в их взглядах было и что-то другое.

Могли бы бросить жребий, какая сторона кому достанется, но Тибор позволил своему брату выбирать, и даже доволен был его выбором, так как ему сразу симпатичней показалась квартира направо.

Позже от соседей слышали сплетни о том, что со времен войны, когда в доме растерзали спрятавшегося солдата, дом стал проклятым, особенно кухня справа, где несчастный в конце концов испустил дух, и это проклятие, в виде трагического конца, с тех пор преследовало всех кто там жил. Призрак солдата, перед теми, кто выходит ночью по нужде, с тех пор иногда появляется в летнем туалете, там, где на него напал враг и проткнул штыком.

Махнули рукой, это сказка о сером бычке, главное, дом достался дешево, никто из них никогда не видел живого призрака, но, если такой появится, пошлют его на фиг, пусть оставит их в покое, они не имеют никакого отношения к его смерти.

Тибор вначале относительно хорошо ладил со своим двоюродным братом, который тоже устроился работать на заводе. Утром вместе ходили на работу, вечером возвращались домой, правда не всегда, ведь Тибор мог свободно гулять, семья его не ждала. Время от времени родственник даже присоединялся к все более частым, а затем и постоянным гулянкам Тибора. Не долго, жена об этом позаботилась.

Пьянки были убойные, алкоголь в неограниченном количестве всегда был под рукой, его просто немного разбавляли, иногда добавляли ароматизатор, и хлестали.

Жена наблюдала за происходящим все более озадаченными глазами, как перед ее подрастающей дочерью кричат, танцуют до полуночи, блюют, мочатся во дворе, на рассвете, шатаясь, возвращаются домой. На таких вечеринках собирались в основном мужики, но появлялись и женщины, что заставляло жену брата психовать еще больше. Она запретила мужу посещать эти мероприятия, тот всегда должен был что-то придумать, почему как раз в тот день не может принять участие. Со временем Тибор и его кореша на такие отговорки просто махали рукой и бурчали что-то о том, кто же у них носит шляпу.

Тарай несколько раз появлялся на этих попойках. Их было человек десять. Спиртного никому не нужно было приносить с собой, только закуски. Поскольку Тарай приезжал издалека, он ночевал на месте, если только какая-нибудь женщина не забирала его с собой. Иногда спал в комнате, но чаще на диване в той самой проклятой кухне.

В первый раз, когда пришел, во дворе встретились с Ольгой. Он был поражен нетронутым очарованием нежной девочки-подростка, по крайней мере на первый взгляд ему так показалось, хотя к тому времени Ольга многое повидала, тонкая перегородка между двумя квартирами пропускала звуки одичавшего мира соседа, и атмосфера в их собственной квартире тоже становилась все более невыносимой, поскольку ее родители год за годом все более беспощадно расправлялись друг с другом словесно, а затем и физически. Конечно, они винили в своих ссорах исключительно Тибора, моля Всевышнего положить конец их мучениям, покончить с кошмарным борделем рядом и уничтожить этого проклятого ублюдка. Из-под светлых волос Ольга с любопытством, смыслено наблюдала за Тараем, при разговоре толково отвечала, между ними светилась симпатия, но в то же время, однажды, когда Тарай заходил в дом и неожиданно обернулся, чтобы еще раз взглянуть на это ангельское существо, он ужаснулся, как будто это не та девочка-ребенок, с которой он только что болтал, стояла посреди двора, из ее глаз ему вслед сверкали злобные, темные молнии, словно почерневшие солнечные лучи ударили в золотые пшеничные поля.

Со временем образ жизни Тибора становился все более несносным, трезвым он почти никогда не показывался, его походка стала шаткой, часто, когда шел к кому-то на встречу, невозможно было определить, с какой стороны хочет обойти человека, и поскольку сам не мог контролировать свои намерения и решать, предпочитал остановиться и с глупой ухмылкой ждать, пока другой обойдет его. Как бы извиняясь смеялся, видишь ли, батя, так дела обстоят. Запасаясь едой, копченым салом, хлебом, солеными огурцами, регулярно закрывался в своей пещере, не выходя оттуда по несколько дней. Если он возвращался домой без сетки, держа в руках продукты, все были уверены в продолжении, теперь он напьется как свинья до бессознательности, бухать будет на кухне, курить, валяться на диване, пока его тело наконец не скажет "хватит". Сквозь щели в двери в общий коридор и в другую квартиру, распространялась ужасная вонь, резкий запах алкоголя, сигарет, огурцов, нестираной одежды и всех человеческих выделений, потому что он, пьяный в доску, ходил под себя.

Прошло несколько лет, и Ольга стала преждевременно состарившимся выпускником этой ежедневной школы непростого соседства. С самого раннего возраста

она была свидетелем грязных отношений между мужчиной и женщиной, и эта грязь прилипла к ней, как масло с копотью к пассажирам поезда, просочилась глубоко в ее тело и уже начала выходить наружу.

Ей было еще далеко до двадцати, когда она впервые вернулась домой, прижавшись к мужчине лет на пять-семь старше ее, облизывали друг друга и на улице, а войдя в квартиру, тем более, ее мать окаменела, а потом, словно внезапно вспомнив, что хотела принести из кладовки, вышла, опустив голову.

Ольга своих кавалеров меняла довольно часто, некоторые были совсем порядочными, даже мать окружала их доброжелательной суетой, но большинство из них вызывало у нее только материнское недоумение. Вскоре они стали там ночевать, и то, что было достаточно для троих, при скудности комнаты и кухни, оказалось болезненно недостаточным для четверых. Человек не может же затыкать уши. Двоюродный брат и его жена все чаще шептались между собой, как их дочь нуждается в отдельной жилплощади, что это уже и так поздно, что Тибор, этот никудышный алкоголик, которого давно уже с работы выгнали, и как только он еще содержит себя, лучше бы эта прирожденная крыса куда-нибудь убралась, – и здесь отметили, что другие уже давно бы отбросили копыта от такого количества спиртного – тогда у них наконец-то были бы человеческие условия, рано или поздно дочь обязательно выйдет замуж, родит детей, и какое счастье, если бы они смогли жить вместе в доме.

По словам злоязычных, именно в это время решалась судьба Тибора. Соседи говорили, что все было придумано ловко, казалось вполне естественным. Возможно, это и было естественным, ведь человек может быть коварен не только в совершении зла, но и в том, как клеветает на других.

Как бы то ни было, Тибор вскоре сгорел на своей проклятой койке. В полицейском протоколе отмечалось, что он пьяный закурил, заснул, постельное белье загорелось, и беспомощный мужчина задохнулся в дыму и сгорел заживо. Родственники из соседней квартиры почувствовали запах гари и, чтобы предотвратить пожар во всем доме, выломали дверь и потушили пламя, но было слишком поздно, чтобы спасти жизнь Тибора.

Ходили слухи, что по наущению жены его двоюродный брат и Ольга взяли дело в свои руки.

– Немного помогли биологии, раз уж она не была достаточно последовательной.

– По их мнению два или три года для такого алкоголика не имеют никакого значения. Он уже давно должен был бы сдохнуть.

– А вот для них такой срок не маловажен.

– О, эта сигарета восхитительна!

Говорят, что родственники достали ключ от входной двери Тибора, сделали копию, и когда он в очередной раз напился до потери сознания, вошли внутрь, из демиджона, стоявшего рядом со столом, обрызгали койку и ее окрестности чистым спиртом, а поскольку окурок уже давно погас во рту потерявшего сознание мужчины, просто подожгли все спичками. Снаружи подождали, пока пламя разгорится, на отчаянные стоны Тибора внимания не обращали, а когда он утих, и при зловещем треске огня дым начал пробиваться сквозь щели в двери, и грозило, что не смогут справиться с огнем, что часть дома, которую они собирались приобрести, или, не дай Бог, даже их собственная часть дома может быть уничтожена, решили, что пришло время громко позвать на помощь. Подождав, пока прибегут первые соседи, ведь свидетели вторжения были нужны, двоюродный брат ногой выбил входную дверь, и все бросились тушить пожар. Воду тащили в ведрах, лоханках, тазиках, и прежде чем загорелись потолочные балки, пожар был успешно потушен. Тибор лежал мертвый и обгоревший на полу рядом с койкой, и все видели, что изо рта торчит окурок. К

моменту прибытия пожарных и милиции все жители окрестных домов столпились во дворе. Ольга вроде горько рыдала, в том, чтобы слезы обильно лились, ей помогал все еще просачивающийся дым. Пожарные приступили к своей теперь уже совершенно ненужной задаче, поливали квартиру огромными струями воды, что все же оказалось полезным, после дезинфицирующего пожара ослабла невыносимая вонь внутри, которую полностью устранить можно было только спустя долгое время, с помощью неоднократной побелки хлорной известью. Полиция зафиксировала происшествие, которое, конечно же, было квалифицировано как несчастный случай, а у семьи двоюродного брата с души скатился огромный камень, и в тот день они наконец-то спали спокойно.

Так гласила молва. А правда не была известна никому, кроме них троих, то есть теперь уже только двоюродному брату и его жене, потому что Ольга, которая со странной, неземной улыбкой сидела на бревне в дальнем конце двора, наблюдая за пожарными и полицейскими, за всем, что происходит, недолго наслаждалась своим приобретением. Продолжало ли действовать проклятие, или же просто злой человеческий умысел и случайность делали историю все более печальной, так и осталось под вопросом. Некоторые, отвергая сверхъестественную силу, придерживаются мнения о коварном вмешательстве родственников, а в продолжении событий обвиняют бесшабашного пьяного тракториста – постоянного собутыльника Тибора – другие же говорят о проклятии и смертоносной силе призрака.

Квартира Тибора, конечно же, была быстро приобретена двоюродным братом, который немедленно приступил к ремонту и обустройству ее для Ольги. Он стал довольно угрюмым, часто придирался к рабочим, как будто что-то беспокоило его изнутри, в то время, когда он должен был бы радоваться новому приличному жилью своей дочери. При ремонте пропитали стены хлорной известью, соскоблили старую краску, побелили и покрасили, отшлифовали полы, заменили входную дверь, повесили люстры, купили новую мебель, и через несколько недель квартира стала неузнаваемой.

Ольга вскоре переселилась, родителям теперь стало удобнее жить на старом месте, а она могла принимать столько ухажеров, сколько и когда хотела. Плясала от радости, включала музыку, чуть не летала по квартире, делая круги в комнате, оттуда на кухню и обратно. Приглашала друзей, праздновала, в оставшихся бочонках Тибора спиртному не давали пропасть, и, хотя эти вечеринки не достигали прежней дикости, соседи заметили сходство. По их словам, эта гетера иногда даже превосходила Тибора, так что по вечерам, проходя мимо дома, отворачивали головы от окон, если они случайно оставались незашторенными, настолько бесстыжая оргия происходила внутри.

– Хоть бы она раньше начала свой разврат, когда еще и я туда ходил!

– Ух ты, какое тело было у этой сучки!

– Даже старуха может забеременеть от такого количества спермы!

– А затем, полагаю, она выбрала, на кого свалить свою беременность.

– Оп, малыш, я тебя поймала! Точно так, как и я попался. Это все, что мне от моей шлюхи досталось, женский метод.

Счастье от этого райского состояния все же недолго продержалось на лице Ольги, над ней нависло облако, заслонив солнце. После таких вечеринок она приветствовала людей на улице ворчливо, сквозь зубы, отворачивалась, чтобы они не видели ее опухшую кожу и мешки под глазами, и только азарт следующей гулянки возвращал ее к жизни.

Родители с беспокойством наблюдали за этим, пытались удержать ее, но ей было наплевать на них. Движение увеличивалось особенно по выходным, с наступлением сумерек сразу прибывало несколько мужчин, на местном автобусе, пешком, на

велосипеде, на мотоцикле целыми бандами, иногда они подъезжали на машине, с громким шумом выскакивали и маршировали внутрь. Само мероприятие проводилось не так дико, как громкие вечеринки Тибора, акцент с пьянства сместился на разврат, что меньше мешало окружающим жителям спокойно смотреть телевизор, но вызывало бурные моральные вспышки у домохозяек и желтую зависть, замаскированную под ворчание, у их мужей.

Криво усмехнувшись, Ольга констатировала, что менструация не пришла. Все шло по плану. Стоя перед зеркалом, рассматривала себя спереди и сбоку, потягиваясь как кошечка, конечно, на ее фигуре еще ничего не было видно, но она уже очень хорошо представляла продолжение. Ни на мгновение не сомневалась в том, кто будет отцом ребенка, надо только, прижимаясь к нему, нашептывать эту сенсацию в ухо, пока его не переполнит мужская гордость. Остальные? Не шути! В таких делах женщины не ошибаются. Она точно знает, когда это произошло, почувствовала даже момент, и, кстати, в том периоде никого другого у нее не было. А кто же будет этот болван? – Без сомнений тот относительно солидный, худощавый парень с обеспеченными родителями, собственной тачкой, двухкомнатной квартирой в центре города, который привозил к ней остальных, конечно, не оставлял Ольгу без внимания, но в основном мирно сидел в кресле и пил, наблюдая за весельем компании и, было такое, несколько раз появлялся у нее и один. А родители парня квартиру в кратчайшие сроки обменяют на столько комнат, сколько только Ольга захочет.

По мере того как ситуация менялась, Ольга корректировала свое поведение. Главной целью теперь стало поймать парня, а для этого ей нужно было продемонстрировать более скромный образ жизни, приверженность к своей беременности и к отцу ребенка, поэтому она на время резко прекратила вечеринки, к ней мог приходить только худощавый владелец автомобиля, над которым она немедленно начала психологическую обработку. Притянула его ухо к своему животу, из которого, конечно, пока не было слышно ничего, кроме перистальтики, и позволила ему ласкать ее сладко, как, в отличие от других, он делал это и раньше, а затем осторожно, чтобы случайно не повредить собственное потомство, проникнуть в нее и завершить акт как можно быстрее. Начала играть с ним в мужа и жену.

Пока что каждый оставался у себя дома. Возможно, Ольга и это предусмотрела, парень должен научиться ходить к ней, что-то делать ради нее, она ему не просто так дается.

Сначала соседи не могли понять, в чем дело, почему такая тишина и где гости, но самые догадливые женщины вдруг раскусили секрет. Слава Богу, охали, наконец-то наступит мир!

Конечно, иногда ночи проводили вместе в отремонтированной квартире, он не возвращался домой каждый вечер, все чаще оставался со своей невестой, и постепенно стали вести себя как помолвленная пара, почти как супруги. Остальные парни, которые лишились вечеринок, конечно, были в шоке от происходящего, не так-то просто найти такую крутую сучку, это серьезная потеря, однако не могли решить, завидовать или сочувствовать попавшему в капкан корешу. За пивом громко смеялись и рассуждали, кто же отец, после рождения ребенка, мол, станут мудрее, по его мордашке можно будет определить, кто из них папаша. Тот, на кого больше всего будет смахивать, может покупать ему каждый месяц шоколадку.

Там, где стояла койка Тибора, Ольга, перпендикулярно стене, поставила стол. Завтракая и обедая, они сидели примерно там, где Тибор лежал мертвым на камне, один у его головы, другой у ног.

Кстати, эта история с Тибором начала забываться, перемены в повседневной жизни и особенно два последних важных события, беременность Ольги и ее

предстоящее замужество, заставили забыть неприятности даже недалекого прошлого. Начали планировать свадьбу, двоюродный брат даже немного испугался, потому что прозвучали такие требования и планы, которым их кошелек не соответствовал, как они примут участие в организации роскошного пира наравне с богатыми сватами, но молодые успокоили их, пусть расслабятся, от них никто ничего не ждет, их задача быть там, все остальное дело другой семьи. И чтобы подчеркнуть свои возможности, родители жениха подложили под попу сына новенький внедорожник.

Свадьба должна была состояться как можно быстрее, когда беременность еще не видна или едва заметна. Для этого им пришлось много работать. Планировали пригласить около двухсот человек, сто восемьдесят со стороны жениха, так как у них полно друзей, деловых контактов и родственников, а со стороны Ольги едва набралось двадцать, и то скорее только десять, остальные десять остались в качестве резерва.

ЗАГС и церковное бракосочетание, ресторан, оркестр, шафер, фото, видео, одежда, приглашения, размещение гостей, приехавших издалека, медовый месяц, покупка новой квартиры и переезд туда после медового месяца, миллион мелочей, пришлось им немало бегать, чтобы все шло как по маслу. Дни пролетали незаметно, утром только начали крутиться, как моментально наступал вечер. Были вещи, которые делали вместе, например, личные приглашения и покупка одежды, но для эффективности, когда могли, шли в разных направлениях.

К фотографу, например, Ольга пошла одна. Почему бы и нет, он был одним из старых приятелей, на вечеринки обычно приезжал с женихом на машине, всегда был очень эффективен, выдыхался последним.

– Приветик!

– О, красавица, наконец-то я тебя вижу! Захотелось меня?

– А кроме этого ты еще что-нибудь умеешь? Например, фотографировать. Или фотками больше не занимаешься?

– Хочешь обнаженку?

– Сейчас я бы не смотрелась. Через год.

– Не плохо звучит. Ловлю на слове. А до тех пор? Неужели придется так долго ждать?

– Свадебные фотки можешь делать и раньше. Устраивает?

– Я польщен. Договорились.

– Договорились? А цена?

– Свадьба – подарок, а через год обнаженка.

– Идет. Дату и время знаешь. Не опаздывай, хочу запечатлеть все. А заканчиваем примерно в пять утра.

– Харе.

– Спасибо, бегу дальше.

– Подожди! А аванс?

– Аванс? Ведь говорил, что подарок.

– Да, свадьба. Аванс обнаженки.

– Отстань, это сейчас не к месту.

– Как же нет? Не волнуйся, вдвойне не забеременеешь. Уж актуальнее не может быть.

Не дожидаясь ответа обнял Ольгу, как делал это всегда, стащил с нее и с себя легкую одежду, подхватил умеренно, но бесшумно сопротивляющуюся девушку и понес в лабораторию, положил ее на рабочий стол и в красном свете фотолампы занялся своим делом. Узкое помещение мгновенно затуманилось от их пыхтения, а он, как на вечеринках в пригородной квартире, уже почти грубо сношал ее, пока не кончил и выдохся.

– Прими ванну.
– Какая вежливость! Помоюсь дома. А ты не изменился, все тот же придурок, что и был.
– Просто мужик. Не такой, как тот, кто женится.
– За тебя не вышла бы ни за какие деньги.
– Хотя очень даже любишь бабки. Не страшно, главное, чтобы иногда приходила побаловаться моей твердой игрушкой.
– Ну, до свидания. Как-нибудь обвиснет твоя эта игрушка.
– Дорогая, давай не будем обижать друг друга, мы в некотором смысле хорошая пара. Чао. Пока. Я буду там.

Полностью были заняты подготовкой. Особенно нравилось им приглашать друзей, и за одно поболтать с ними, обменяться многозначными взглядами и посмеяться. Визит к старым родственникам был другой крайностью, даже заказ газировки к свадебному столу и то больше поднял их настроение.

Когда произошла трагедия, они как раз возвращались домой от родственника. Примерно в десяти километрах от города на ферме жил один из предков жениха. В парне было немного алкоголя, не слишком много, но достаточно, чтобы нажать на газ внедорожника чуть сильнее, и смеяться немного больше, чем следовало. Свернули с грунтовой дороги на асфальт, разогнались, хохотали над стариком, летели по прямой дороге. Он должен был бы вовремя заметить трактор, выехавший из-под прикрытия лесной полосы с другой грунтовой дороги, но как раз переглянулся с Ольгой, и не заметил, а только увидев отчаянный взгляд девушки, повернул голову назад. Было уже поздно. Трактор оказался перед машиной, и они врезались в него, не тормозя. К боку трактора был прикреплен железный прут, видимо, его так неуклюже везли куда-то, прут пробил лобовое стекло и впился Ольге в грудь под шеей. Пробил даже сиденье. Жених обошелся незначительными травмами, подушка безопасности сработала, ремень придержал его, внедорожник тоже не из простой жести сделан, а вот Ольга погибла на месте. Тракторист, один из бывших собутыльников Тибора, и тогда пьяный, вылез из кабины без единой царапины.

– Не штык, а железный прут.
– Двоюродный брат, как мне сказали, практически свихнулся.
– Жизнь, пожалуй, – это фабрика смерти!
– А наш социальный дом центральное здание в ней.
– Хм, я помню, одна женщина рассказывала, как она подростком лежала на кровати в темноте, считала секунды и думала, что с каждой секундой все ближе к своей смерти.

– Уважаю ее за это. Женщины редко думают о таком.
– И я спал на том диване, неслучайно я тут, и меня солдат зарубит.
– Еще табачку?
– Завтра Юля все равно принесет.
– Ладно, давай!
– Какой аромат, какой вкус! На хлопковых полях чувствовал что-то подобное. Палящее солнце, политый, влажный песок, бесконечные поля хлопка, все вместе пахло так здорово. Ветер приносил этот запах, и я всей грудью вдыхал его, словно аромат гигантской сигареты.

– Хлопковые поля. Какая прелесть! Как и та песня. Черт, тысячу лет прошло!
– Как я любил ее! Какой это был хит! Криденс.
– Рок-группа Хенрика исполняла ее потрясающе. Этот деревенский ансамбль, под названием Атрах, с Хенриком во главе, играл ее так хорошо, почти лучше, чем оригинал!

– Хенрик играл на соло-гитаре, а иногда и пел. В детстве я никогда бы не подумал, что он это может. Песню о хлопковых полях пел тоже он.

– Жаль, что я немного опоздал на них. Из-за возраста и из-за учебы.

– Ну да. Но позже, на их ностальгические концерты ходил как только мог.

– Из окна самолета прекрасно было видно, где поливают и где нет.

– Впервые увидел пустыню. Песок, песок, песок, кругом пустота. Затем внезапно появилась зелень, как раз там, где проходил канал.

– Неужели все-таки вода важнее алкоголя? Да, за коптилкой не росли сорняки. Между стеной и коптилкой всегда было сухо, туда дождь не попадал, там пропалывать мне никогда не приходилось.

– Все всегда чем-то поддерживается. Иногда это вода. А что поддерживает во мне жизнь? – если это можно назвать еще жизнью.

Тарайа отправили в командировку, и он провел несколько недель в пустыне, точнее в большом городе на краю пустыни. Из окна самолета смотрел, куда же прибывает, тогда заметил границу между пустотой и жизнью, сеть каналов, которые блестили между зелеными полями, и решил посмотреть их поближе, попросить коллег вывести его, как пассажиры подсказали, на хлопковые поля.

Край оказал на него сильное впечатление, был совершенно новой средой, в которой никогда раньше не бывал, да и позже лишь несколько раз. Оплаченный компанией гостиничный номер был оборудован довольно скромно: кровать, шкаф, стол со стулом, телевизор и холодильник.

– Ого, да я тут живу в условиях отеля! А еще жалуюсь. Гостиница "Дом престарелых"!

– Даже пыль и жара, как и там.

Жара атаковала с элементарной силой, ударила его по голове так, что вырубился. В те года в таких местах о кондиционерах не могло быть и речи, каждый купался в собственном поту. Он попытался закрыть ставни, но задыхался, пусть лучше жара циркулирует, подумал, и открыл дверь, но болтовня и топот людей в коридоре мешали, и закрыл ее обратно. Лежал и думал, что, вероятно, взял на себя слишком много этого ужаса, хватило бы и половины. Или трети.

В первую ночь почти не спал. Лежал голый, даже талию не прикрыл простыней или чем-либо другим, как мать учила его беречь почки и при жаре. Первый раз испытал такую жару, что даже самый легкий материал был бы невыносимым.

Профессиональные программы были очень короткими, два три часа в день, после чего он мог сам распоряжаться своим временем, или принимать предложения компании, что он делал с удовольствием, ведь тогда был гостем и получал все бесплатно, они организовывали, куда пойти, что посмотреть, объясняли, старались показать ему лучшее, что есть в стране. Охотно возили его с одного пира на другой, тащили на автобусные экскурсии, конечно же, с руководителями компании, которым, очевидно, не составляло особого труда расслабиться с ним. Хлопковые поля также попали в программу, и просить не надо было.

А вот его желудок не мог долго выдержать такую нагрузку. Необычные продукты и напитки, их количество и качество, хотя он не чувствовал ничего плохого, когда употреблял их, повлияли неблагоприятно. Каждый край имеет свою микрофлору, и даже совершенно хорошая пища может вызвать кишечное расстройство у тех, кто к ней не привык. У Тарайа это очень быстро проявилось. Началась такая диарея, какой он еще никогда не испытывал, водянистый понос фонтаном бил из него, причем в самых неудобных местах, и он ничего не мог с этим поделать.

Сотрудники компании постоянно подшучивали над ним, сколько метров до ближайшего туалета. По дороге на хлопковые поля в автобусе тоже приспичило в

туалет. Ехали по ухабам, а вокруг ничего, кроме нескольких карликовых кустиков и оросительного канала шириной в добрых пятнадцать метров, вдоль которого пролежала безбожно пыльная, песочная дорога. Видели агонию на его лице, знали, что это лишь вопрос нескольких минут, когда он наделает в штаны, остановили автобус, сказали сорвать с себя всю одежду и прыгнуть в канал. Там, так сказать, он немного поплавает, опорожнится, вымоет попу и все.

Такой поход в туалет остался незабываемым: приятная, теплая вода канала, радостные возгласы и смех коллег на берегу, водитель микроавтобуса, сигналивший от восторга, чтобы птицы хотя бы смотрели – слава Богу посторонних людей, будто все вымерли, не было, – его облегчение, подмывание, а в конце, когда выбирался на песчаный берег, аплодисменты.

Не доезжая до хлопковых полей, свернули к гидроузлу, который подавал живительную воду на плантации. В органическое и минеральное содержание этой воды теперь уже он лично внес свой вклад. Никогда в жизни еще не видел такого грандиозного сооружения. Перегнувшись через перила, посмотрел вниз и был поражен. На глубине нескольких этажей в котловине грохотала насосная система, поднимая пятьсот кубометров воды в секунду – водоносность средней реки. Стоял и смотрел, не веря своим глазам. Бетон, железо, электрические провода, звуки и зрелище – все это вместе создавало удивительный эффект, который невозможно описать, и понять можно только став его частью. Ну да, этот песок впитает любое количество воды. Данный гидроузел отводил в каналы более половины воды реки.

Выезжая на хлопковые поля, он не был уверен, что все это стоит того, чтобы платить такую непомерную цену за воду. Только вид бесконечных зеленых плантаций и их божественный запах разрешили его сомнения. Аромат был подобен наркотику, который овладел им, опьяняя до глубины души и вызывая желание взять этот райский запах с собой повсюду.

– Что за сентиментальность, откуда она, черт возьми, взялась?

– Люди обычно более порочные, конкретные – как, например, Ольга.

– Или тот тип, который скупил почти всю землю вокруг деревни. Что он говорил? – "Можно делать все, что не является преступлением или изменой". Покупал и покупал до последней копейки.

– Золотая корона, баллы! Ха-ха-ха, я даже не представляю, что это значит. Плевать мне на это! Очевидно, не о той короне идет речь, которую надевают на голову.

– Хотя, когда слышу, она всегда появляется передо мной.

– Когда речь шла о земле, уголки его рта дрожали и брызгал слюной.

– Большинство людей, – кричал он, – не имеют ни малейшего представления о том, что такое земля! Моя жена тоже. Дура растратила бы все состояние на путешествия.

– Старый мудак, через несколько лет он свои владения даже на велосипеде объехать не сможет, не говоря уже о ведении хозяйства.

– Потом сыновья унаследуют, погрызутся, продадут, а деньги пустят на ветер.

– Земля. Слава Богу для меня это планета.

– И яма, куда закопают.

– Развелись. Вот так. Жена, похоже, думая о земле, имела в виду кругосветное путешествие и плен замужества с таким грубияном.

– Земля – это что-то возвышенное, как запах хлопковых полей.

– Так же, как и человек. Понятие человек тоже не означает кого-то одного, кто родился, скажем, тринадцатого июля. Человек – это нечто большее и выше всего.

– Бог? Да ладно! Никакой Бог не может сравниться с человеком.

– А если он хапуга? Или гнусный хам?

- Даже и тогда. Это все ерунда по сравнению с беспощадностью Бога.
- Мне всегда было грустно смотреть на то многоэтажное здание.
- На то, полуготовое, на повороте бульвара.

Он глубоко затягивается сигаретой, медленно выдыхает. Задумывается, и перед ним предстает дом, каким он видел его в последний раз и каким, несомненно, стоит с тех пор: стены подняты, но не оштукатурены, черепица осыпается, бревна гниют от непогоды, окна без стекол, не здание, а призрак. Хорошо знал парня, который строил, молодого человека с женой и маленьким ребенком. Что-то переборщил, скорее всего хотел на этом слишком жирно заработать. Вот и пришлось ему повеситься в лесу. Или кредиторы вздернули его, инсценировав самоубийство.

- Участок, на том дерьмовом месте, должно быть, достался по дешевке.
- Фасад дома чуть не выходил на четырехполосную дорогу, был использован каждый квадратный дюйм.
- Какой дурак купит квартиру на таком месте? Пролетел. Расправились с ним.
- Стоит там уже лет двадцать как памятник. Не достраивают и не сносят. Странно. Это его настоящее надгробье, а не то, что на кладбище.
- Но не особенно поучительно для тех, кто сейчас ловит рыбу в мутной воде! Также лезут, толкаются.
- Кореш на скорости поскользнулся, врезался в дерево? Его проблема, я ловче. Мне такое не грозит. И действительно не случится. А регулярно пренебрегая красным светом, через год столкнется с бетономешалкой.
- Конечно, человеческая жадность всегда была безграничной.
- А ошибки, которые совершили из-за этого, исправляем как-то по-детски.
- Тонкую резиновую простыню подомной заменят на стослойную бумагу во имя сохранения окружающей среды! Возможно, столько слоев будет достаточно.
- Долой пластик!
- Человек – несчастный ублюдок, неспособный контролировать и ограничивать себя, а потом свои грехи пытается исправить клишированными решениями.
- Истерики мы все, живем по моде. Понятно, так удобнее. Не надо думать. И животные собираются в стада.
- Наконец, изобрели что-то нормальное, гигиеничное, например, соломинку, и сразу начинаем хаять, запрещать пользоваться.
- Потому что мы идиоты, после употребления разбрасываем ее по всему миру, вместо того, чтобы найти ей умное применение! Снова будем пить из еле помытого стакана. Пусть вирусы распространяются, как этот!
- Человек – дурак дураком, но все же лучше Бога.
- Дочь Беллы типичный пример этому.
- Как может у женщины с благородным сердцем быть такой ребенок-робот, как эта стервочка?
- Как такая добрая и красивая женщина, как Белла, может оказаться в полном одиночестве, а ее дочь, настоящая ведьма, пункт за пунктом осуществит свои любовные махинации?
- Аромат хлопковых полей, Земля, человек, возвышенные категории! Глуп я, что ли? Говорю, как Белла. А ее дочь рвется вперед и хлопок ей знаком только по роскошной хлопковой одежде.
- Мой табачок, как здорово, что с твоей помощью я вспомнил Беллу. – И глубоко затягивается сигаретой с ароматом мокрых плантаций.

Тарай встретил Беллу в самом начале учебы в университете и до конца поддерживал с ней отношения, первое время близкие, позже более случайные, но никогда не терял ее из виду, сглаживая ее путь, как только мог. Сглаживал? В конце

концов, Тарайу даже самому себе не удалось выбрать гладкий путь, а Белла постоянно сворачивала на ухабистые второстепенные дороги. Он время от времени давал ей советы, но, возможно, не самые лучшие. Эта забота продолжалась до недавнего времени, потому что после окончания университета, рассеянные по миру, они иногда обменивались письмами, а в последний раз, перед тем, как он стал жителем этого люка между жизнью и смертью, поговорили по телефону, горько смеясь над собственным несчастьем.

Тарай выбрал девушку вполне осознанно. После первого курса летом он решил вступить с кем-нибудь в более или менее стабильные отношения, а не ловить каждый вечер партнершу как побитый пес. Лежа дома на диване перебрал в голове всех симпатичных однокурсниц, и выбрал двух, самых приятных, за которыми в сентябре начнет ухаживать. Если ни одна не подойдет, выберет других. Все шло по плану, вернувшись с каникул, подкололся к одной, чье имя сейчас и вспомнить трудно, пригласил ее куда-то, куда она, не сообщив ему, не пришла, с ней на этом и закончил, и еще в тот же день вечером постучал в дверь Беллы и объявил, что с этого момента они дружат, улыбнулись, поцеловали друг друга, и ночь уже провели в общей постели. Больше двигались, чем спали.

Им было комфортно в обществе друг друга, Белла, одна из красавиц курса, была очень стройной, симпатичной девушкой, которой нужна была компания парней, и Тарай с его мужественностью импонировал ей, а грудь Тарая вздымалась, когда она, прищурившись, обнимала его, заглядывала в глаза с искренней женской улыбкой, самозабвенно демонстрируя, что они партнеры. Оба успокоились, выйдя из бурных поисков в мирные воды, наслаждаясь интимной близостью.

Университет диктовал относительно спокойный темп, по вечерам ходили в кино и театр, если только Тарай не бродил со своими приятелями по кабакам, куда Белла никогда не сопровождала его, да и у нее тоже бывали свои программы. Им никогда не приходило в голову ревновать друг друга, какое-то время даже пропало желание лечь с другими, однако было естественно сохранить немного независимости, паб, сауна, – хотя Тарай в сауну никогда не ходил, всей душой ненавидел – или даже небольшой, поверхностный флирт. Он был почти уверен, что, когда переспал с симпатичной танцовщицей примерно через шесть месяцев после того, как они с Беллой сошлись, именно он, Тарай нарушил верность между ними. Позже пожалел, что не согласовал это с Беллой, она почувствовала, ничего не сказала, но была немного расстроена, возможно, не потому, что Тарай вдруг захотел кого-то другого, а потому, что промолчал. Дело не имело бы никакого значения, это была симпатичная, стройная девушка из института, народная танцовщица, выступавшая в их университете, Тарай видел, как ее плиссированная юбка развевается на сцене, и не мог не отыскать ее потом, чтобы взять в руки твердую, отработанную плоть и все остальное. Белла легко отпустила бы его, нежели потом молча в напряженке страдать от этого инцидента, который, как из снежного комка образуется снеговик, мог стать началом их постепенного разрыва.

Не были идеалистами. Той же осенью, через несколько недель как начали ходить, воспользовавшись выходными на праздники, организовали себе недельный отгул, и поехали к Белле домой. На следующее утро, сидя у Беллы на кухне, завтракали, ее родители пошли на работу, входная дверь за ними только закрылась, их шаги еще были слышны, когда Тарай снял свои штаны, с Беллы стянул трусики, посадил ее себе на колени, лицом к лицу, и занимаясь сексом продолжали кушать, целовались, смеялись, и, самое главное, обменялись несколькими короткими, решающими фразами.

– Как ты думаешь, мы поженимся? – нажал Тарай указательным пальцем на кончик носа Беллы.

Девушка на мгновение заглянула в будущее и ответила без всякого притворства:

– Я не думаю.

– Я тоже, – кивнул Тарай, – но очень здорово с тобой.

– И мне с тобой. Люблю тебя.

Возможно, больше ничего и не прозвучало. Эта была таинственная, всепонимающая мудрость осознать события в самом начале, такая мудрость, которой иногда обладают очень маленькие дети, когда необъяснимо точно понимают и предсказывают события, происходящие намного позже.

К зачетам и к экзаменам готовились вместе. Совместная работа с Беллой дала ему большой толчок в учебе, не то чтобы она была умнее его – хотя, несомненно, не только красотой обладала, но и умом – однако была гораздо более систематичной и настойчивой, чем Тарай. Кроме того, Тарай начал значительно больше времени проводить над книгой, чем на первом курсе, поэтому быстро догнал девушку, которая уже в предыдущем году регулярно получала надбавку к стипендии. Когда Тарай впервые увидел свою надбавку, чуть не упал в обморок, это же надо, дополнительные денежки такому разгильдяю?

Всякий раз, когда он думал о Белле, вспоминал их ночное катание на лыжах. По предложению Тарая, два глупыша, без опыта катания, воспользовавшись внезапным снегопадом, с лыжами, взятыми напрокат, побежали кататься в окрестные горы. Когда добрались до места, было уже совсем темно, только на дороге, ведущей наверх, горели ртутные лампы, и чтобы хоть что-то видеть, выбрали менее заросший кустарником и не очень крутой участок холма над дорогой, куда свет ламп хоть тускло, но попадал, взобрались на вершину и бах, спустились вниз! Один раз. И так едва выжили. Крича и визжа, слепо неслись к дороге, их вынесло в кювет, и практически перелетели через серпантин, к счастью, машин не было, и остановились на другой стороне дороги, ударившись о забор. Таким образом хоть не продолжали нестись по крутому склону на другой стороне! Каким-то чудом вышли из приключения без потерь, обошлись без переломов, лыжи тоже остались целы, никакую машину не повредили, собрались, и, как ни в чем не бывало, покинули место своей бесславной попытки, однако она не закончилась бесследно. Белла была рискованной девушкой, но, сама бы до такой глупости, наверное, не додумалась бы, хотя, кто знает, однажды по телефону она рассказала Тарайе, как плыла со своей дилетантской техникой посреди настоящей реки во время разлива, в нескольких метрах от лодки, в которой болтал веслами ее тогдашний друг. Водная полиция спасла ее, обругали, о чем только думает такая дуреха, хочет в новости попасть? После лыж Белла начала сомневаться в непогрешимости Тарая, что ей следует прислушиваться к нему, и, вероятно, именно поэтому часто воспринимала его последующие советы со слишком резкой критикой, делая все наоборот, даже когда его совет, по чистой случайности, мог оказать ей реальную помощь.

У Тарая неоднократно складывалось впечатление, что его недостаточно для Беллы. В смысле секса. Он постоянно наблюдал за ней, осталась ли она довольна, но почти каждый раз ему казалось, что нет, оргазма так и не достигла, и разочарована тем, что они уже заканчивают, хотя по опыту Тарая занимались любовью порядочно долго и с наслаждением. Возможно, в этом и была причина его весеннего приключения с народной танцовщицей, он наконец-то хотел удовлетворить женщину, почувствовать в ней экстаз, и за одно проверить, с ним что-то не так, или с Беллой не все в порядке.

После второго курса на летних каникулах они провели недели две у Тарая. Ходили купаться к близлежащему озеру, путешествовали автостопом по окрестностям,

жили той, почти супружеской жизнью, которая, как они определили с самого начала, никогда не сбудется.

Родителям Тарайа девушка понравилась, ему это и не приходилось выяснять, было совершенно очевидно. Отец и мать остались очень довольны, когда они в саду собрали мак, очистили его, вымыли, высушили и упаковали в мешки. Тарай специально отложил эту работу до приезда Беллы. Мак должны были собрать дней на десять раньше, он созрел и был сухим, а каждый день промедления только увеличивал риск намокнуть под внезапным дождем, начать плесневеть в головке. Отец Тарайа уже почти взялся за работу, но Тарай остановил его, хотел посмотреть, как Белла проявит себя в физическом труде. Пусть знает, в их доме все работают и ничего не бывает бесплатно. Белла трудилась. Без опыта, но героически. Она не была ни ленивой, ни неуклюжей, но ее интересовали другие материи, не крестьянский труд. Соседи пригласили их на свадьбу, и они вдруг заметили, что с любопытством вся деревня наблюдает за ними, а не за невестой. Тарай был доволен и чувствовал, что широкая публика дала им свое благословение, так что танцевали, пировали, как он это любил на свадьбах с детства.

Еще один запоминающийся и заставляющий задуматься случай произошел, когда Белла отправлялась домой. Пришли на вокзал, поезд опаздывал, ждать надо было довольно долго. Тарай обратил внимание на молодую девушку, ему незнакомую, то ли потому, что она была не местной, то ли расцвела за время его отсутствия, и он ее не узнал. Наблюдал за ней, Белла это очевидно заметила, но ничего не сказала. Поезд подошел, Тарай посадил Беллу и с грустью увидел, что неизвестная девушка тоже уезжает, а не пришла провожать или встречать, и так мог любоваться ею всего лишь несколько минут. По дороге домой он пытался понять, что это было на платформе – вечный охотничий инстинкт здорового мужчины? Триумф более молодой, более свежей женщины над Беллой? Его неудовлетворенность, отсутствие чего-то между ними даже после такой массивной, почти двухнедельной близости? Работа его подсознания? В конце концов, Белла не будущая жена; он должен продолжать искать ту единственную, настоящую. Дома лег на диван, как и год назад, размышляя, что теперь с собой делать, он просто не мог оставаться в этом состоянии, в состоянии неопределенности. Нет, он не по Белле скучал, она уехала, значит ее здесь нет, он скучал по чему-то другому, даже сам не знал, точно по чему.

Тарай решил навестить бывшую одноклассницу из средней школы, с которой симпатизировали в то время, но и не более, серьезные отношения между ними не сложились. Пришел, увидел, победил. Все шло как по маслу, хорошо знали друг друга, не приходилось делать лишних кругов, было ясно, кто чего хочет, да и девушка радовалась появлению такого неожиданного кавалера, который украсит ее летнее одиночество. Не строили больших планов, сосредоточились только на тех нескольких часах, когда могли доставить друг другу наибольшее удовольствие. Надо сказать, что одноклассница к тому времени приобрела особую технику в сексе, и баловала Тарайа так, как никто и никогда. Бедному стукнула в голову мысль, что опять будут им недовольны, из огня да в полымя, и, наверное, в этом что-то было, если и не в такой степени, как с Беллой, однако все получилось не так уж плохо.

Но чувство нехватки не исчезло полностью. Это огорчало его, потому что просто не понимал себя. Страдал, будто был болен, но не имел ни малейшего представления о том, в чем дело.

Придя домой, он совершил еще одну ошибку, стремясь исправить свое упущение весной, молчание о народной танцовщице, на этот раз подробно написал Белле свои мысли по поводу их проблемы, рассказывая об интрижке с одноклассницей

и с энтузиазмом изложил материал взятого им тренинга по сексу, который они вместе будут практиковать осенью.

Немедленной негативной реакции на это письмо не последовало, но было ясно, что такие вещи лучше обсуждать устно, с глазу на глаз, а не в письменном виде. Это дело спокойно могло бы подождать начала учебного года.

А вот отдаленные последствия письмо все-таки вызвало. Они счастливо встретились осенью, но Белла не пригласила Тарайа на свою первую поездку домой, и пока Тарай пытался заменить ее кем-то, в последующие недели Белла не только искала замену, но и нашла, причем не кого либо, а чернокожего иностранного студента, а затем и его чернокожего друга. Везде показывались втроем, что вызывало немалый переполох. С временем вовлекли в свой круг одну из подруг Беллы, и так шумихи стало меньше, а наслаждений больше.

Интересно, что такое развитие событий несколько не смутило Тарайа, не затронуло его мужского тщеславия. Однако его беспокоило, в каком направлении будут развиваться отношения дальше, сможет ли Белла вовремя остановиться, не подхватит ли какую-нибудь заразу, что будет, если случайно забеременеет, не ухудшатся ли ее результаты в учебе, волновался за нее как за сестру или за ребенка. Продолжал приходить к ней, давал советы, которые она с улыбкой выслушивала, а потом игнорировала ими, вместе ходили в кино, в оперу, куда черные ухажеры ее никогда не приглашали, вместе готовили, кушали, но секс между ними прекратился надолго, чтобы со временем вспыхнуть снова, а потом угаснуть навсегда. Тарай признал, что Белле действительно нужно больше, не чуть, а гораздо больше.

Здесь их отношения вступили в новую фазу, когда еще шли параллельно, но по совершенно разным путям. Именно с этого момента, а не с окончания университета началась их отдельная жизнь.

То, чего он боялся, произошло, хотя Тарай не отличался своей дальновидностью, Белла забеременела. Один из кавалеров исчез из поля зрения, а с другим она начала совсем серьезные отношения, и, естественно, практиковали все, что входит в это понятие. Тарай, наверное, должен был бы взять ее за шиворот, мол, детка, садись, давай обсудим твои планы, но он этого не сделал. Почему? Черт его знает. Может быть, потому что он и для себя ничего не планировал, жил одним днем. Когда Белла остановила его у входа в лекционный зал, и приглушенным голосом сказала, что беременна, а срок уже на неделю больше, чем когда еще можно делать аборт, и попросила его срочно придумать что-нибудь, он тут же понял, как эта милая, когда-то столь близкая женщина представляет свое будущее.

Значит, она не хочет рожать. А если не хочет, то и не будет, и он, Тарай, во что бы то ни стало, поможет ей. В тот же вечер он нашел среди своих собутыльников молодого врача, в двух предложениях описал ситуацию и объявил, что решать эту заваруху будет он. Тот кивнул, а на следующий день сообщил, завтра куда, к кому и в какое время Белла должна явиться. И на этом все закончилось. После вмешательства Белла с благодарностью приласкала его, как делала это раньше, давая понять, что, несмотря ни на что, они самые верные друзья.

– Мне жаль Беллу?

– И жаль, и не жаль.

– Мог бы прожить с ней хоть всю жизнь, как и с Соней. Да, и таких было еще несколько.

– Жаль, потому что она заслужила большего, как и Соня.

– Погубил я их?

– Уж Беллу точно нет.

В последнем семестре, параллельно с экзотическим партнером она, приклеившись к однокурснику, завела еще одни отношения. Это была ее последняя попытка выйти замуж все же в университете. Тарай сразу же понял, что все это тщетно, ведь парень был абсолютно недостоин ее, и пожалел Беллу. Тот умом не отличался, да и ростом был заметно ниже ее, примерно на голову, хотя она не считалась особо высокой. Ее стройная фигура как раз подходила к Тарайу. Тарай не ведал, почему чернокожий парень и Белла в конце учебы расстались, но после окончания она устроилась на работу вместе со своим карликом. Печальным и типичным концом этих запоздалых усилий стало то, что бывший однокурсник на удивление быстро женился на администраторе их отдела, и Белле, чтобы не быть осмеянной всем коллективом, не оставалось ничего другого, как перевестись в далекий город без всего и без всех и начать новую жизнь.

Закончив университет и разъехавшись, их отношения с Тараем стали очень случайными, изредка переписывались и разговаривали по телефону. Тарай чувствовал, что девушка запуталась, жизнь бросает ее туда-сюда, мужчины приходят и уходят, нет своего жилья, работой недовольна, ничего у нее нет, кроме веры в непостижимое, которая исходила из ее чрезвычайно милой души.

За последние десятилетия они встретились всего лишь единственный раз, через несколько лет после получения диплома. К тому времени Тарай успел многое повидать, и взглянув на женщину, в ту же минуту мог увидеть всю ее биографию. Сидя в кафе, он с тоской искал дорогое лицо бывшей Беллы, но не находил, и если бы не было стыдно признаться самому себе, он бы сказал, я пью коньяк с проституткой.

Годы шли, а он так и не услышал от Беллы в их редких телефонных разговорах о каких-либо существенных переменах, да и сам не мог сообщить ничего сокрушительного или хотя бы обнадеживающего. Она упоминала военных офицеров, с которыми крутила, жаловалась, не может забеременеть, хотя тогда уже согласилась бы рожать и как мать-одиночка, наверное, думала, дело в аборте, там напортачили, и в воображении Тарая появилось, как ее тащат с дивана на диван, используя грубо, без всякой осторожности, поскольку всем известно, что последствий все равно не будет, и на вопрос, кто что когда накосячил, он дал совсем другой ответ, чем Белла. Она заразилась вирусным гепатитом, который, видимо, передал ей один из многочисленных любовников. Хотя и выздоровела, ее трудоспособность подорвалась, и к тридцати пяти годам смотрела на себя и на будущее в полном отчаянии.

И вдруг произошло чудо. Она забеременела. Однажды по телефону зазвучал радостный, щебечущий голос прежней Беллы, и похвасталась, у нее будет ребенок, кажется, девочка.

- Ты вышла замуж?
- Нет, и не собираюсь! Сыта вами по горло.
- А кто отец? Это хоть знаешь?
- Не будь свиньей! Конечно, знаю.
- А кто же?
- Военный. Сержант.
- Поздравляю. Он женат?
- Нет, но это не имеет значения, я же говорила, не собираюсь выходить за него.
- Могу понять. Да, тогда уж лучше попробуй сама.
- Ребенка жду, сечешь? Если будет девочка, назову ее Норой.
- А его мнение?
- Какое еще мнение? Не его дело!
- Он ведь отец, не дури!

– Тогда надо было думать, когда на меня лез. Плевать мне. Будет малышка, малышка, малышка!

– Ну, мать, и не представляешь, во что ввязываешься.

– Да хоть ты не каркай! На этот раз не позволю спустить ее в унитаз! Это мой последний шанс.

– А его семья? Что за люди?

– Ну, – и тут последовала долгая пауза, – я буду воспитывать ее по-другому.

– Ты и воспитание! Даже с собой справиться не можешь.

Они еще немного поговорили, потом нежно попрощались, но во рту у Тарайа осталась горечь, его мучило плохое предчувствие, и подумал, может, Белле было бы лучше, если бы биология не пощадила ее.

Много позже он подробно узнал ответ на свой вопрос, что за люди. Это трагедия, когда проклятие обернуто благословением, когда ад обрушивается на кого-то с рождением маленькой девочки по имени Нора.

Вскоре после родов Тарай позвонил Белле, она была уставшая, жаловалась, не может спать, дочь все время плачет, ни она, ни врачи ничего не могут с этим поделать. Отца, которому сразу же запретила видаться с малышкой, послала вон, мол лучше пусть не платит алименты, но оставит их в покое. А он потребовал показать ему девочку, чтобы убедиться, действительно ли похожа на него, выломал дверь, избил Беллу, обозвал проституткой, а после того, как признал в Норе фамильные черты подал в суд, чтобы забрать ребенка.

– Такая семья, мать шизофреничка, и сыну досталось, – фыркнула Белла, но опомнилась и замолчала. – Вырастет, перестанет, – сказала и повесила трубку.

Но не перестала. Тарай не мог так позвонить, чтобы Нора не орала на заднем плане. Это был даже не человеческий вой, а больше похожий на вой маленького зверя, которого морят голодом или обижают. Ей было уже около трех, другие дети в таком возрасте ведут себя адекватно, подумал Тарай, и, поскольку ему надоело слушать это, да и своих проблем хватало, решил не звонить Белле.

Когда он звонил в следующий раз, Норе было лет пять.

– Привет, Белла, это ты?

Тишина.

– Белла, ты меня слышишь? Скажи хоть что-нибудь!

Ответа нет, но слышно чье-то дыхание.

– Эй, кто там?

– Это я, – ответил детский голос.

– Нора, это ты? Здорово! Ты уже умеешь трубку брать? Молодец! Как дела?

Опять тишина.

– Ладно, тогда позови маму, пожалуйста!

– Нет ее.

– Нет? Как это нет? Где она?

– В больнице.

– Не шути! А ты с кем дома? Позови тогда, пожалуйста, взрослого, который за тобой присматривает. А что с мамой?

– Я ударила ее ножом.

– Что ты сделала? Чем ты ее ударила?

– Ножом.

На заднем плане раздался голос Беллы, который становился все громче по мере того, как она приближалась к телефону.

– Что ты делаешь, Нора? Почему в руках трубка? Кто-то звонил?

– Нет. Никто.

– Ну-ка дай сюда! Алло! Есть там кто-нибудь?

– Конечно, есть. Привет, Белла. Слушай, твоя дочка не из простых.

– Привет, Тарай. Извини, только что заметила. Последнее время она отвечает на все звонки, да так быстро, что я часто даже не слышу, что кто-то звонит. А если беру трубку, закатывает такую истерику, что лучше делать вид, будто не слышу. Как давно не говорили! Как у тебя дела, Тарай?

– Лучше ты расскажи о себе? Твоя ведьмочка соврала, что ты в больнице, нож в тебя всадила.

– О, это ее последний трюк. И не только по телефону. Если что-то не понравится ее светлости, она тут же грозит, что чуть еще подрастет и воткнет в меня кухонный нож. От своего отца слышала.

– Ужас! Это же ненормально!

– А что мне теперь делать? Моя дочь.

– Ты их не боишься?

– Бывает. Ладно, оставим эту тему, давай поговорим о чем-нибудь другом.

Сержант жил отдельно со свихнувшейся матерью, но регулярно приходил к Белле, открывал дверь полученным ранее ключом, и заходил в квартиру словно к себе домой. Через несколько лет у него обнаружили опухоль толстой кишки. Прооперировали, причем на редкость удачно, он полностью выздоровел, однако к тому времени пропало желание работать, поэтому добился инвалидности и устроился на завод ночным сторожем, где мог спокойно проспать всю ночь, а утром первым делом отправлялся в кабак. Так как этот доход не мог позволить ему пьянствовать и играть в азартные игры, как прежняя зарплата военного, он настойчиво внушал Белле, что она, мать их ребенка, не должна дать несчастному отцу умереть от голода, и ее долг содержать его. На этой основе каждый месяц обыскивал квартиру, и, хотя Белла прятала деньги всегда в новые места, он с невероятным чутьем находил их и забирал все до последней копейки. Вероятно, именно Нора, за небольшую сумму помогала ему, так как обычно выслеживала, куда мать прячет свою зарплату.

Тарай предупредил Беллу, что ситуация будет только ухудшаться, надеяться не на что. Ничего нового он этим не сказал, к тому времени она уже рассталась со своими иллюзиями, и ясно видела печальное будущее. Спросила, а что же ей делать, но Тарай не смог дать полезного совета.

С годами дочь-подросток и ее непутевый отец высосали из Беллы всю кровь. Пытаясь сводить концы с концами, она вынуждена была подрабатывать, начинала работать в шесть утра и возвращалась домой в семь вечера. Ее дочь-стервочка тратила умопомрачительную сумму на тряпки, пачули, телефоны и тусовки со своими многочисленными поклонниками. А в квартире постепенно все приходило в упадок, сломалась стиральная машина, Белла не могла позволить себе купить новую, стирала вручную, лампочка в комнате перегорела, взяли из туалета, а туда ходили в темноте, стены испачкались, некому и нечем было их белить, за горячую воду не могла платить, ее отключили, мылись в холодной, иногда грела воду на газе, их квартира обветшала до такой степени, что жить стало невозможно, а потом, в довершение всего, Норочка украла у мамы мобильник, потому что ее уже был отключен поставщиком услуг, и наделала счет в размере шестимесячной зарплаты Беллы, звонила одному из своих кавалеров, которого одурачила, что они чертовски богаты, показала ему балкон роскошной квартиры на соседней лестничной площадке, мол, это их квартира, и, чтобы ее ложь не раскрылась, не позволяла себя провожать дальше угла дома, говоря, что это не прилично, а когда он начал что-то подозревать, выгнала его, сказав, что за ней не должен ухаживать типичный крестьянин, пусть ищет себе подобную.

Тарай помог Белле оплатить тот ужасный счет, перевел нужную сумму денег.

– Бедная Белла! Однажды так вздохнула: Дай Бог, чтобы быстрее выросла, встала на ноги, и я от нее избавилась!

– Ну, подумал я, после дождика в четверг.

– Эта дрянь будет висеть у нее на шее до самой смерти.

– Сейчас она учительница, но я бы не хотел быть ее учеником.

– Да и сколько денег стоило, чтобы ее не выгнали из института!

– А госпожой еще очень даже может стать, если ей удастся удержать в узде того богатого глупыша, с которым ходит. Ну, тогда и будет всеми командовать!

– Белла, бедняга дрожит, чтобы дочку до свадьбы не выставили за дверь, если вернется домой, ей крышка.

– Кстати, сколько раз сучка угрожала убить ее!

Институт, готовивший учителей начальных классов, куда мать запихнула Нору после трудно приобретенного среднего образования, находился через дорогу от них. И так ей не приходилось далеко ходить, когда просила пощаду для дочери у преподавателей, декана и ректора. Она будет лишь воспитательницей продленного дня, только пусть ей позволят получить диплом.

И ей позволили. Конечно, это не означало, что Нора приступила к работе в сентябре. О, нет! Она занялась частным репетиторством, подсчитав, что за треть времени сможет получить столько же денег, как за весь день горбясь на работе. Но их квартира была в таком состоянии, что туда не могла никого привести, поэтому сошлась с одним из своих старых, заезженных бойфрендов, у них была квартирка, которую сдавали, Нора выгнала оттуда жильца и там принимала детей, платили сразу и наличными, пусть все знают, что она в долг не работает.

Спустя год или два, ей все-таки пришлось взяться за класс, но не потому, что поддалась судьбе, а в рамках более далекого, амбициозного плана. Положила глаз на чадо из богатой семьи, и знала, что родители, успешные бизнесмены, имеющие привычку проверять тех, с кем имеют дело, будут спрашивать ее, чем занимается, и гораздо лучше сказать, что она школьный преподаватель, чем внештатный репетитор, которым сама себя назначила.

Что ж, в последний раз, когда Тарай по телефону разговаривал с Беллой, прямо перед тем, как он попал на эту фабрику смерти, ее ситуация казалась ненамного радужней, чем его собственная. Хотя, может быть, и немножко лучше, она, наконец, одна жила в квартире, да и бывший сержант оставил ее в покое, предпочитая выкачивать деньги у дочери, которая, переехав к богачам, приблизилась к огромному богатству. Парень возил ее на своем внедорожнике даже в школу, метрах в восьмистах, родители пока терпели, а пацану почему бы не терпеть, сучка неплохо выучила сексуальные приемы в предыдущих приключениях, он был доволен ею.

– Возможно, с тех пор она смогла заставить его жениться на ней.

– Таким, как она, обычно это удается.

– Могла даже и родить, и Белла стала бабушкой.

– Да и еще и няней, потому что свою мать без работы такая не оставит. А то еще у ее величества потрескаются накладные ногти.

– Ладно, такой исход, по крайней мере, мог бы гарантировать Белле более-менее спокойную старость.

– Только чтобы не осуществила свою угрозу насчет ножа, елки палки!

– Надо будет попросить Юлю позвонить Белле, узнать, как обстоят ее дела.

– Пора собраться с силами и в постель! Черт возьми, лишь бы ночей не было никогда!

– Закрою окно, а то замерзну. Вот так!

– Простужусь, а потом скажут, что из-за вируса кашляю.

– Моментально уложат в больницу, а там уж действительно подхвачу заразу и крышка.

– Интересно, как это переносят Агнесса, Белла, Соня, Даник, Эрнест, Одетт и остальные, все, кто мне дорог? Живы?

– Надеюсь, пока пронесло. Уж как-нибудь эту проклятую вакцину произведут, не понимаю, почему так медлят!

– Боже мой, Эрнест, отличным парнем был!

– Надо выпить за него!

– Ну-ка еще самогоночки! Последнюю, на ночь. А вдруг поможет.

– Эрнест не из дерьма был сделан, умел держать слово, если что-то пообещал, то кровь из носа, но сделал.

– Хоть и был фарцовщиком, но при этом обладал особой элегантностью. Конечно, ведь он был еще поэтом, художником, а иногда даже вел занятия в институте.

– Писанием стихов и размазыванием кисточкой и в той стране трудно было прожить.

– Как он говорил? – "Раз воруют мое искусство, пусть заткнутся, когда я фарцую!"

Подкатывает к шкафу, достает бутылку самогонки, взболтает, кивает, как будто оценивает, насколько большим может быть глоток, чтобы хватило и на завтра, пока Юля не принесет новую бутылку, потянет, щелкнет языком, ставит бутылку на место, закрывает дверцу шкафа. Переберется к тумбочке, включает ночник, чтобы мог выключить свет из постели, если он вообще его выключит. Пробовал уже и не выключать, а вдруг будет спать более крепко, не видеть таких диких снов, как в темноте, но понял, что все равно, не стал лучше отдыхать, так что насчет света будет решать в зависимости от настроения. Подкатывает к входу, выключает центральный свет, возвращается к кровати. При нормальном зрении теперь он мог бы наслаждаться приятным полумраком, но для него разница едва ощутима, мебель в виде пятен стала чернее, размытее, вот и вся разница.

– Если бы не этот никчемный Вальтер, я бы не познакомился с Эрнестом.

В то время Тарай работал далеко на Востоке, за не очень большие деньги, и чтобы делать свои дни беззаботнее, он всегда брал с собой что-нибудь на продажу. Не собирался сколотить целое состояние, как некоторые, а делал это просто ради более комфортной, спокойной жизни.

– Плевать мне на капусту!

– Пиво, женщины, да и все!

– Не по заказу привозил. Брал то, что котировалось, а потом искал покупателя.

– Этот гребаный Вальтер обещал мне помочь загнать товар. Алкаш. Как и я, только худшего издания.

– И в более жалком состоянии. По крайней мере тогда еще.

– Ой, как он разозлил меня после обеда!

Вальтер, друг по футболу и, конечно же собутыльник, предложил ему за двадцать процентов сплавить вещи, да и сделать это за день. Тарайу не придется возиться неделями, хвастался, что у него есть приятели, которые мгновенно возьмут в десять раз больше товара. В той стране такое развлечение стоило делать с некоторой осторожностью, не было запрещено, но иногда налетала полиция, и нельзя было знать, что допустимо и на чем можно пролететь. Тарай согласился, так ему казалось безопаснее. Вальтер тут же купил себе одну из кожаных курток по очень дружественной, действительно, партнерской цене.

Они встретились утром, Вальтер приехал на своей полуразвалившейся тачке, что было все же комфортнее, чем ехать в невообразимо набитом автобусе. Тарай не мог

поверить своим глазам, сколько людей может поместиться в маленьком, с закругленными углами и почти без сидений автобусе, он никогда в жизни так не ездил, буквально не мог дышать, настолько сильно со всех сторон давили на его грудь. Туда даже свой большой чемодан с вещами не смог бы запихнуть, так что побитая машина пришлась как нельзя кстати. Сначала Вальтер предложил заглянуть к двум перекупщикам на противоположных концах города, в районах вилл.

Первого дома не застали, но жена уговорила подождать, скоро должен прийти. Просидели в машине почти час, он так и не появился, поэтому решили поехать к другому и, если останутся вещи, вернуться.

Торгаш номер два скривил рот, не вовремя пришли, он только что вернулся из своего тура и будет дома два месяца, тут, в городе он не торгует, его клиентура в совсем другом районе, но все же открыл чемодан и со скучающим лицом просмотрел товар. Купил два фирменных лифчика, а все остальное, вторую кожаную куртку, джинсы, трусики, другие лифчики, блузки и самое ценное, женскую дубленку, со словами, зима далеко, он флегматично бросил обратно в чемодан и закрыл крышку.

Молча и разочарованно рулили обратно в город. Вдруг Вальтер заявил, что к первому фарцовщику в обеденное время возвращаться не стоит, он и сам проголодался, да и полосу неудач надо прервать, предложил сделать перерыв на обед и встретиться в том же месте, что и утром, в три часа. Тарай считал такой перерыв слишком длинным, по его мнению одного часа хватило бы, чтобы пообедать и не приехать как раз в полдень, но махнул рукой, и оставив чемодан в машине, вышел в центре города около своей квартиры.

Перекусил, запил пивом, пролистал газету и пошел прогуляться. Остановился на мосту реки, пересекающей центр города, посмотрел вниз на маслянистую воду – говорят, под городом так много нефти, что она даже просачивается в подвалы и канализацию, а оттуда попадает в реку – на грязь, которую течением вынесло на берег, а там было все, шины, ведра из-под краски, пластиковые бутылки, мешки – невероятно, подумал он, неужели нельзя было все это переработать, проявив немного осторожности –, глазел на непривычное хаотичное движение автомобилей, посмотрел на часы, чтобы не опоздать, и прибыл на место встречи за пять минут до трех.

В половине четвертого он крепко упомянул мамочку Вальтера и в то же время обругал себя, что согласился на столь длинный перерыв. Через десять минут машина, наконец, в осторожном темпе появилась, проехала мимо Тарайи, одним колесом с большим трудом заехала на тротуар, остановилась и пьяный Вальтер вывалился из нее. Тарайя охватила неопишуемая, редко испытываемая ярость, он чувствовал, что если сейчас заговорит, то снесет парню голову и полгорода будет на них смотреть, поэтому молча подошел к машине, открыл багажник, вынул чемодан и оставил шатающегося и по-идиотски ухмыляющегося Вальтера.

Дома он достал из шкафа свою небольшую дорожную сумку, сложил в нее мелкие женские вещи, кожаную куртку, и без какого-либо определенного плана, просто доверяя своему инстинкту, отправился в город.

Нужда заставит, и, хотя он не испытывал недостатка в деньгах, они ему не помешали бы, поэтому постарался как можно скорее продать хотя бы часть своего товара. Считал, что легче всего загнать мелкие женские вещи.

Шел по улице, оглядываясь по сторонам, размышляя о том, как начать. Наверное стоит спросить молодую женщину, следящую за модой, которой не безразлично какие шмотки снимет с себя в определенных местах, готова тратить на это деньги, да и не мильтон, однако чувствовал, насколько неловко на улице подойти к незнакомой даме и спросить, не желает ли купить себе фирменные трусики с кружевами или модный бюстгальтер. В нем, в типичном мачо, нет смущения, когда подходит к женщине как

мужчина, даже наслаждается этим, но как торгаш, чувствует себя глупо. Рассмеялся про себя, а вот помочь примерить не против. Уже собирался бросить свою затею, решив, что будет распространять информацию на футболе, на пьянках, на работе – бизнес не срочный, только рефлекс в нем сработал, ведь было так, что с Вальтером еще сегодня загонят все шмотки, – и вдруг заметил симпатичную молодую девушку перед витриной магазина. Она ждала кого-то, заглядывая внутрь. Тарай подошел и указал на сумку.

– Привет! Извини, что так бесцеремонно. Там есть несколько классных женских вещей. Интересует?

В ее голове за долю секунды пронеслось все: от домогательства до неуклюжей продажи и хитрого знакомства. Улыбнулась.

– Нет, спасибо, я жду друга.

Тарай сожалел, что она отказывается, ведь подходит во всех отношениях, и добавил:

– Действительно так: трусики, бюстгалтеры, блузки. Фирменные.

Тут девушка от души рассмеялась, как будто в голове у нее промелькнул образ, что она сейчас все это примеряет на улице, перед витриной, с помощью этого мужчины. Она поняла, что он добрый, безобидный и забавный человек, с которым можно поговорить, заняться бизнесом, и даже другими делами, если бы это не было так не кстати.

– В другой раз, хорошо? А вот и он! Спасибо, пока, – и встретив приближающегося молодого человека, завернула за угол.

Тарай уже собирался бросить это дело и идти домой, когда к нему подошел мужчина его возраста с длинными черными волосами и бородой.

– Ищете что-нибудь? Могу вам помочь?

– Нет, спасибо. Разберусь.

– Эту девушку я знаю. Скоро замуж выходит. К ней стоит клеиться через год или два.

– Дело в том, что тогда уже меня здесь, возможно, и не будет, – усмехнулся Тарай.

– Проблема. Я не думаю, что сможете добиться успеха раньше. Учитесь у нас?

– Работаю.

– Вижу, вы с Запада. Может у вас найдется нечто лишнее? – и окинул Тарайа легким, дружелюбным взглядом.

Тарай тоже посмотрел на него приветливо. Не был похож на стукача, поэтому согласился.

– Есть кое-что. Что вас интересует?

– Что угодно. Здесь востребовано все.

– Я как раз загнать собирался – сказал Тарай, и поднял сумку. А на девушку, значит, стоит посмотреть другими глазами, не как на покупателя. Тогда, наверное, буду более результативным.

– Попробуйте. Удачи. Несложно ее тут встретить, город небольшой. Это и преимущество, и недостаток. А что в сумке?

– Женские шмотки, нижнее белье, блузки и кожаная куртка.

– Можно взглянуть?

Тарай уже потянулся к застежке, но мужчина остановил его.

– Не здесь. Пойдемте в парк, там спокойнее.

Парком он назвал небольшую территорию перед универмагом, заросшую кустами, которая больше походила на еще незастроенный участок, где стояло несколько скамеек, и трава осталась кое-где, не везде была вытоптана, так что, с

небольшим преувеличением, можно было считать парком. Тарай поставил сумку на одну из скамеек, и мужчина тщательно, но не слишком придирчиво, ощупал и осмотрел вещи. Прежде чем закрыть сумку, он назвал цифру. Тарай не сразу понял, что это цена за весь товар. Когда до него дошло, удивился, это было больше, чем он ожидал получить, поэтому кивнул, хорошо.

– С сумкой, – добавил мужчина.

Значит, как раз столько, сколько стоит, подумал Тарай и согласился.

– Плачу, – сказал он, полез во внутренний карман, вынул довольно толстую пачку денег и стал считать сумму, которую должен был отдать.

В этот момент к ним подошли двое полицейских. Как только мужчина заметил их краем глаза, сунул деньги обратно в карман, схватил сумку, и исчез. Один из полицейских крикнул ему, чтобы остановился, но к тому времени его уже не было видно из-за кустов, скрылся за углом улицы.

Полицейские занялись Тараем.

– Ваш паспорт.

– Я иностранец. Заграничный подходит?

– Ах, иностранец! Что вы продали? Наркотики?

– Ничего. Пожалуйста, – и протянул свой паспорт.

– В таком случае пойдем в полицейский участок. За что он хотел вам заплатить?

– Ни за что. Мы просто разговаривали. Хм, все таки он был стукачем – подумал Тарай, – а ведь по нем не было видно.

– А какие деньги он считал? Ну-ка, скажите, что за деньги? Он считал деньги, не так ли?

– Может быть. Очевидно собирался в универмаг, что-то купить.

– В универмаг. В участке вспомните.

Они направились к ближайшему участку, Тарай посередине, а полицейские по обе стороны. В участке начали его расспрашивать, кто он такой, почему здесь, в какой компании работает, где живет, звонили по телефону налево и направо, все более и более подавленные, потому что дело все меньше походило на крупную добычу, даже собаку привели, явно искали наркотики, она обнюхала его с головы до ног, но никаких знаков не подала, после этого еще скучнее стали вести дело, написали протокол на пяти страницах, и после трех часового издевательства он мог покинуть участок с громким предупреждением, чтобы с незнакомыми не слишком связывался, а был тише воды, ниже травы, пусть радуется, что работает здесь, а сейчас может убираться на все четыре стороны.

Тарай отправился домой, улыбаясь про себя, но в то же время чувствуя легкую грусть.

– Черт, ни денег, ни товара, – пробормотал, и в тот же момент услышал два резких свистка с другой стороны улицы.

Он огляделся, ничего не увидел, на другой стороне широкой дороги стояло старое, величественное здание, а перед ним росли огромные деревья, на обочине были припаркованы машины, людей почти не было. Затем из-за одного из деревьев высунулся бородатый мужчина, снова свистнул и помахал Тарайу, чтобы тот подошел к нему. Тарай улыбнулся, такого не ожидал, интересный тип, и переходя дорогу, за деревом заметил свою сумку.

– Ну, что?

– Ничего. Повезло. Прошляпили.

– Да какой хрен прошляпили, суют свой нос куда не следует! Пусть преступников ловят, у нас их хватает! За свои деньги куплю то, что хочу! А капитан

собою цену на мое полотно на четверть стоимости. Я должен любить его? К счастью, эти два идиота меня не узнали. Или узнали?

– Нет. Какое полотно?

– То, что рисую. Давай на ты. Я Эрнест.

– А я Тарай. Привет.

– На, вот твои шиши.

– Спасибо.

– Мне пора идти, долго возились с тобой, часа три жду.

– Есть еще кое-что, если тебя интересует.

– Да? А что?

– Дубленка, джинсы. Приходи завтра после пяти, – и Тарай дал ему свой адрес.

– Буду. Пока.

– Пока.

Так началась их дружба.

В очередной раз на футболе Вальтер с лукавой улыбкой, изображая глубокое сожаление, извинился перед Тараем, и предложил загладить свою вину в следующие выходные.

– Не актуально. Я все продал.

– Прогдал? – недоверчиво хмыкнул Вальтер. – Кому?

– Не все ли равно.

И так он эту тему одним махом закрыл, однако освободиться от Вальтера ему не удалось, тот быстро сообразил и выдал заранее приготовленную просьбу.

– Значит, ты свободен в эти выходные.

– Смотря на что.

– Ну, если у тебя ничего другого нет, взамен можешь помочь мне на картофельном поле.

– Взамен? Это интересно. А чем я тебе обязан? Окучивать не буду. Это ненавижу и дома.

– Да нет, гораздо легче работа.

– А именно?

– Жуков собирать. И яйца давить.

– Ты шутишь? Руками? Это же делают с помощью химикатов!

– На это мне не хватает.

– Если тебе это дорого, так придется ползать по полю каждые десять дней в течение двух трех месяцев, иначе они мгновенно все сожрут. Нужно средство, которое впитывается в растение. Площадь какая?

– А, не большой участок, вот увидишь.

Та не очень большая площадь была пятьдесят соток, полностью забитая жуками, местами торчала только голая ботва. Тарай уже тогда начал с подозрением относиться к размеру участка и количеству жуков, когда Вальтер загружал ведра в машину. Поздновато спохватился, еще дня два и урожаю конец. Надели резиновые сапоги и перчатки, встали между двумя рядами, так двигались вперед, работая налево и направо. Добрая сотня метров в длину и пятьдесят в ширину. Ведра наполнялись быстро, а их перчатки покрылись месивом от раздавленных яиц. Полные ведра относили на край участка, вываливали содержимое, сапогами растаптывали, а затем лужу засыпали землей. Работа была ужасная, хоть и не очень сложная, но наклоняться с постоянно наполняющимся ведром, переворачивать листву кустов, раздавливая ржаво-коричневые яйца, было не весело. Труд был монотонный, неряшливый и раздражающий, ведь Тарай прекрасно знал, что с двадцатью бачками садового опрыскивателя они могли бы за несколько часов все обработать химикатами, и до сбора урожая не было бы никаких

проблем. Терпеть не мог жмотов и их халтурные решения. Весь день у него пропал. Взамен.

Он дал Вальтеру понять, чтобы поискал кого-нибудь другого для следующего сбора жуков, тот это учел, однако все равно стянул с Тарайа еще одну шкуру. Когда теща Вальтера неожиданно умерла, и ему пришлось взять на себя организацию похорон со всеми расходами, к кому же он опять обратился, – к Тарайу. Умолял дать ему займы, ведь он продал шмотки и теперь при деньгах, зачем ему такие бабки прямо сейчас, пусть не волнуется, все вернет, но Тарай отказал, видел, с кем имеет дело, и не было желания еще раз проверять надежность Вальтера. Идти на похороны и быть одним из тех, кто несет гроб он согласился, таким образом знаменитый зять сможет сэкономить на найме рабочего.

Тарай приехал за час до траурной церемонии, Вальтер, стоявший рядом с гробом, с трясущимися руками и уголком рта сразу же подошел к нему, сетуя на то, что утрата так тяжела для него – ну да, с пенсией тещи он действительно потерял значительный постоянный доход, – его нервы настолько расшатаны, что если не может сейчас опрокинуть две, нет, три рюмки, то до конца похорон не продержится, рухнет возле ямы, могут бросить его к теще и закопать вместе с ней.

– Слушай, Тарай, в двух шагах от входа есть небольшой буфет, пригласи меня на пару рюмок, не можешь же бессердечно смотреть, как я страдаю!

– Успеем?

– Успеем, пошли, пошли!

Торопясь отправились, интересно, что Вальтер шагал с такой уверенностью, как будто шли на матч. Выпил три рюмки и хотел попросить четвертую, но Тарай заплатил и вытолкнул его, сказав, что упадет в яму от алкоголя.

Еле успели к началу церемонии. Похороны прошли без особых сюрпризов, Тарай мог даже наблюдать за одеждой и обычаями, они здесь были своеобразны, и в итоге, не смотря на то, что его кошелек пострадал, не пожалел, что нес один угол гроба.

Близко подъезжает к кровати, из этого положения может самостоятельно, без посторонней помощи, забраться на постель. Обратно, в инвалидное кресло сесть сложнее, не всегда получается, в таком случае приходится звать одну из медсестер. Как можно дольше откладывает отход ко сну, а утром встает с рассветом, или, если остается в постели, то не дает себе заснуть, чтобы ночь была покороче.

– Поздно, пора ложиться.

– В кресле я еще не пробовал, а вдруг в нем спал бы лучше всего.

– Дремал бы, просыпался. Мало ли, не снилось бы ничего.

– Днем, если прикорну, то сон никогда не бывает таким мучительным.

– А на следующий день был бы как тряпка.

– В конце концов не все ли равно! Ну, вздремнул бы днем. Кому какое дело?

– Давай, вперед!

Приподнимается на подлокотнике кресла и относительно плавно перебирается на кровать. На мягкой, широкой поверхности это возможно, на нее можно упасть, в туалете этот номер не проходит. Забирается под одеяло, смотрит на прикроватную лампу, но оставляет ее включенной.

– Как прошла наша первая партия с Эрнестом?

– Я дал ему играть белыми.

– e4, c5, конь f3, e6, d4, c5 бьет d4, конь бьет d4, а6, не дам коню на b5.

– Конь c3, ферзь c7, слон e2, конь f6, рокировка, конь c6, двигаюсь в центр.

– f4, конь бьет d4, e5, ферзем не может брать коня, потому что следует слон c5 и король окажется в связке. Фигура!

– Конь бьет e2 шах, ферзь бьет e2, слон c5 шах, король h1, конь d5, конь e4, рокировка, ферзь g4, слон e3, меня устраивает обмен, он старается атаковать на королевском фланге, но нет достаточного материала, чтобы напасть на моего короля.

– Ладья f3, слон бьет c1, ладья g3, давление, которое он надеется оказать на g7, легко отбивается.

– g6, ладья бьет c1, f5, ферзь h5, его ферзь пока в безопасности из-за вскрытого шаха.

– Конь бьет f4, конь f6 шах, в надежде, что я пойду король g7, и тогда мат на h7, но его коня спокойно можно брать ладьей, потому что мой конь атакует его ферзя.

– Ладья бьет f6, ферзь h6, ферзь бьет e5 и сдался.

– Ничего особенного, простая была игра, но наслаждались.

Эрнест, как договорились, пришел за остальными вещами. Купил все. Еще бы, ему особенно понравилась дубленка, похвалил ее, она была прекрасно сшита, даже немного приталена, любая женщина влюбится в такую, а зима наступит мгновенно.

– Этим зарабатываешь на жизнь?

– И этим. И всем, чем только могу.

– Ты что-то говорил о картинах.

– Да, я рисую.

– Какие картины?

– Для себя не фигуративные, но покупатели больше интересуются пейзажами.

– Картин много?

– Много.

– Значит ты не очень популярен.

– Оригиналы не продаю, только копии. Имею в виду копии своих собственных произведений.

– О таком еще не слышал. Правда, на это не обращал внимания. Тупой я для такого.

– Это деловая часть, и у тебя есть к ней чутье. Человек должен быть креативным, чтобы прожить в этом мире. Ограбили бы меня сразу. А я хочу иметь их всех.

– Так они стоят дешевле.

– Видишь, отлично разбираешься. Нумерую копии. Всем скажу, сколько их было, и установим соответствующую цену.

– Могу на них взглянуть?

– Естественно. Придешь, лучшие висят на стенах. Там, где нет книжных полок.

Эрнест не стал задерживаться, еще коротко поговорили, обсудили, когда Тарай навестит их, взял вещи и ушел. Жили они вдвоем с женой и дочкой в не очень большой, тем не менее уютной квартире у реки на севере города. Не жди пира, сказал, что-нибудь перекусим, посмотришь картины и поболтаем. Поскольку об алкоголе речь не шла, Тарай понял, что стоит взять бутылку для себя, если не хочет пить чай или минеральную воду.

Так он и сделал, купил две бутылки фирменного вина, так сказать, для Эрнеста, хотя предполагал, что тот прекрасно обходится и без него, красивый букет цветов для жены и плитку шоколада с орехом для девочки.

Дверь открыл Эрнест, похлопал его по спине и пригласил войти. Жена, Талия, выбежала из кухни, представилась, предложила сесть, но Тарай остался стоять и у него неожиданно отвисла челюсть, квартира была так не похожа на то, что обычно можно увидеть в жилом комплексе, и на то, что ожидал. Он готовился к мещанской квартире картинного купца, полной тяжелой мебели, ковров, безделушек и собственных халтурных полотен, а точнее ни к чему не готовился, просто принял бы без заминки

если что-то подобное найдет, а здесь он увидел отдельный мир, настоящее жизненное пространство, наполненное духовностью, на что приятно было смотреть.

– Это вам, – и Тарай протянул молодой женщине цветы.

– О, спасибо большое, прекрасный букет! Поставлю его в воду, – развернула, поместила в вазу и побежала обратно на кухню, чтобы залить водой, через несколько секунд вернулась, разместила на комод, где букет действительно выглядел эффектно.

– Предлагаю перейти на ты, – сказала Талия, протягивая руку Тарайу.

– Спасибо, – ответил он, и пожал ее руку. Значит цветы тебе.

– Давно не получала ничего похожего, наши друзья приходят без подарков, и, конечно, это так и правильно.

– А это тебе, – и отдал вино Эрнесту.

– Спасибо. Два? Это мне на два года. Если только ты не выпьешь сейчас. Спокойно пей, я их не коллекционирую.

– А где дочь? Ей шоколад принес.

– Атланта? Она в школьном кружке – сказала мать, – я передам ей. Любит, слишком даже, но спасибо. Извините, на пару минут вернусь на кухню. Сейчас буду.

Тарай кивнул, вошел глубже. Его удивило огромное пространство, не характерное для блочного дома.

– Как ты это сделал? – и развел руками.

– Соединили большую комнату с прихожей, коридором и одной из маленьких комнат. К счастью, кирпич, а не панель. Две другие комнаты – это наша спальня и комната Атланты.

– Могу посмотреть?

– Конечно, заходи.

Гостиная по сути, представляла собой комбинацию библиотеки и выставочного зала. Вокруг от пола до потолка стояли книжные полки, заполненные книгами до отказа, а кое-где между ними свободные поверхности стен с картинами Эрнеста. Странные, мистические образы, никогда еще картины не производили на Тарайа такого впечатления, как эти. В комнате было тридцать, а то и сорок тысяч книг, и висело около пятнадцати картин.

– Ты знаешь сколько у тебя томов?

– Моих то четыре, а вот сколько здесь всего, не знаю, не за количеством гонюсь.

– Ты имеешь в виду свои собственные четыре тома? То, что ты написал?

– Да. Стихи.

– Ничего себе! А что ты еще умеешь? Может и музыку сочиняешь?

– Нет, хотя раньше я пытался подобрать ноты под свои стихи, но не хватает слуха.

– Картины фантастические!

– Спасибо.

– Просто завораживают.

Глубже в комнате, примерно в золотом сечении пространства располагался диван в форме буквы "П" с маленьким столиком посередине и небольшим ковриком под ним, почти предлагая сесть и поговорить. На полке рядом с диваном между книгами втиснулся усилитель, наверняка где-то были и динамики, но их не было видно. Что сразу привлекло внимание Тарайа, так это небольшой мраморный столик в самом дальнем углу, на котором стояла шахматная доска, рядом старые механические шахматные часы и два стула.

– Здорово! Шахматы! Они всегда здесь?

– Всегда. Дочку обучаю.

– Как давно я не играл!

– Хочешь?

– Можно.

– Тогда давай сядем. По пять минут подходит? Думаю, к тому времени Талия вернется.

Часы уже были установлены по пять минут. Сели и быстро сыграли ту самую первую партию. И половины времени не использовали, ведь до эндшпиля не дошли.

– Молодец, похвалил Эрнест Тарайа, поставил фигуры на место и установил время на часах.

– Брось ты, увлечение детских времен, но люблю.

Тарай скривился. Вспомнил время за границей, когда деньги у него кончились, а пива пить все равно хотелось, и начал играть в шахматы на деньги с явно слабыми любителями. Было ли в его жизни еще какое-нибудь святое дело, которому он не плюнул в лицо?

– Давай сядем вон там, – кивнул Эрнест головой в сторону дивана.

Повернувшись, Тарай через открытые двери гостиной мог заглянуть в две другие комнаты. Они почти не отличались от гостиной. Повсюду книги, картины, правда, в комнате дочки более по-девичьи и немного свободнее, оставляя пространство для ее индивидуальности.

– Боже мой, этот парень не абы какой, подумал он, и попытался найти параллель между этой квартирой и их первой встречей на улице, их сделкой, полицейской авантюрой, покупкой оставшихся вещей в его убогой служебной квартире, и сердце болезненно сжалось. – Это везде так? Неужели это закономерно? Если у кого-то торчит голова, ее сразу надо отрубить?

В дверях кухни появилась Талия, с улыбкой принесла две тарелки бутербродов, поставила их на стол, вернулась за минеральной водой, маленькими тарелками, столовыми приборами, стаканами, штопором, принесла одно из вин Тарайа и так как все не помещалось на столе, воду и вино разместила на паркете.

– Что налить? – спросил Эрнест.

– Если можно, мне вино.

– Угощайся, Тарай, всего лишь бутерброды, мы редко предлагаем что-то круче, – сказала Талия и присела полубоком на диван, как будто не собиралась оставаться там надолго, а присутствовала только из вежливости.

Пока они ели, пили, Тарай постоянно рассматривал картины, висящие напротив, задерживая взгляд то на одной, то на другой. Многие из них изображали одну или несколько безликих фигур, символизирующих человеческую тень, с какими-то изгибами вокруг, от светлого до более темного тона того же цвета. Почти на всех из них что-то светилось, что привлекало к себе внимание, подчеркивая суть.

– Не разбираюсь в таких вещах. Мне они очень нравятся, но понятия не имею, что я вижу. Можешь показать мне пейзаж?

Эрнест улыбнулся, понял, встал, прошел в комнату Атланты и вынес зимний пейзаж окраины города размером со школьную чертежную доску. Стал перед Тарайем и поднял картину вверх. Тарай взглянул на нее, затем перевел глаза на Эрнеста, кивнул, можно уносить. Убедил.

Спрашивали его, откуда он родом, каков там мир, чем занимается, что привело его в их страну, кто его работодатель, доволен ли своей работой, нравится ли ему эта страна, как долго тут пробудет, задавали рутинные вопросы, которые местные жители задают практически всем, кто приехал издалека. Он отвечал относительно подробно, для него это было несложно, так как не приходилось каждый день повторять одно и то же, тут он не обзавелся широким кругом друзей, здешние люди были более замкнутыми, чем там, где он был раньше.

Когда у них кончились вопросы, Талия встала и, как бы оставив их ненадолго, пошла на кухню, но не вернулась, дав мужчинам поговорить между собой. В конце концов, она была в курсе дел о чем Эрнест может рассказать гостю.

Тарай заранее решил на первый раз не задерживаться слишком долго. Время покажет, встретятся ли они снова, будут ли интересны друг другу в дальнейшем. Теперь он был уверен, что да.

– Ты играешь в футбол?

– Нет. Почему?

– Думал завербовать тебя к нам в команду, где иногда бегаю за мячом.

– Когда время позволяет, я хожу в лес над городом. Поднимаюсь на гору, глазею, отдыхаю. Подходит вместо спорта.

– А где рисуешь? Для этого ведь нужна студия.

– В гараже. У нас не всегда есть машина, помещаюсь, а картины лежат на чердаке гаража.

– Ты их рекламируешь?

– Да, нет! Покупатели делают это вместо меня.

– Картины оценивались?

– Оригиналы – да. Копии – нет.

– Ты какую-нибудь школу окончил или любитель?

– Неправильный вопрос. Я считаю, что любитель – это качество. А "школа" говорит о том, являешься ли ты прирожденным гением, как величайшие – ну, конечно, они тоже учатся, совершенно без обучения никому не удастся – или просто почувствовал в себе определенную склонность, отшлифовал ее, натренировал себя, как солдат, и стал наемником искусства, своего рода мастером-ремесленником.

– Разве любитель не тот, кто зарабатывает на жизнь чем-то другим?

– О, тогда было бы много профессионалов. Сколько людей зарабатывает на жизнь своим малеваньем, а их живопись не стоит и ломаного гроша! Большинство профессионалов – в твоём понимании этого слова – бездарны.

– И так, кто из них ты?

– Я рисую по вдохновению, так же как пишу стихи. Конечно, научился нескольким приемам в университете, – помогает. Теперь это преподаю другим. А вот внутренней мотивации не научить.

– Ты преподаешь? Как, privately? Приходят к тебе сюда?

– У меня есть несколько занятий в институте. История литературы и искусства, но и о технике идет речь.

– И этого достаточно, чтобы заработать на жизнь?

– Сам видишь, что недостаточно. Остальное фарцовка.

– Очевидно и книги приносят какой-то доход.

– За свои стихи я получаю ноль, тем более сейчас, когда последний сборник вышел в самиздате. Эх, понял я, надо было приобрести гражданскую профессию, которая обеспечивала бы мне стабильный доход! Если бы я был юристом, архитектором или врачом с ежемесячной зарплатой, меня бы гораздо меньше могли шантажировать, было бы легче сохранить свою художественную самостоятельность, рисовать и писать то, что волнует меня изнутри, а не выполнять заказы. Промахнулся, елки палки! То, к чему пришел потом, это болезненная коррекция, попытка остаться самим собой, независимым.

– Не пинай себя! Думаешь, приняли бы в свои круги? Показывали бы на тебя пальцем, что ты не профессионал. Заткнись, любитель! Так хоть теперь ты часть – чего? – звучит странно, – профессии.

– Вот, вот! Ты прав. Член гильдии, большого ничтожества, шайки самовлюбленных типов. Вот они кто. Думаешь, если бы я был юристом, рисовал, писал бы хуже? Дудки.

– Однако меньше, а в итоге, может быть и хуже. Самиздат? Почему? Покажешь?

Эрнест встает, подходит к полке напротив, берет последнюю из четырех книг, которые не стоят, а лежат, передает Тарайу, и тот внимательно ее перелистывает.

– Для меня это потемки, но посмотрится. Графика твоя, я полагаю.

– Да, конечно. Спасибо. Почему собственное издание? Просто потому, что именно таким образом может быть моим. Так я решаю, каким стихам там место, в какой очередности, чтобы создали определенную атмосферу, уж если я смог их написать, то составить сборник тем более могу, пусть никакие платные халтурщики не лезут в мой материал, как это раньше бывало, я сам занимаюсь даже обложкой, суперобложкой, шрифтом, качеством бумаги, форматом, переплетом. Вся книга – это я сам. И, знаешь, таким образом она выйдет через три месяца, а не через четыре года. Она такая, какой я именно сейчас. Понимаешь? Сейчас!

– Да брось ты! Четыре года – это, наверное, слишком.

– Вовсе нет. Самая первая пролежала в издательстве именно столько, но слышал и о семи годах. Да, теперь это, возможно, займет меньше времени, но если им не понравится, рукопись могут и выкинуть. Телефон и у меня есть, позвоню в типографию, два раза встретимся, обговорим. Если захочу, подпишу контракт с дистрибьютором, – в данном случае обошелся без него, они сдирают больше половины стоимости. Если даже буду дарить книгу, так вторую половину расходов могу воспринимать как стоимость рекламы. Главное, что авторские права остаются у меня. Почему я должен отдавать их какому-то кухонному издателю за полтора дня работы в течение четырех лет? Имею в виду издательство, где директор – о, не смешите меня! – делает те же звонки, что и я, готовя кофе у себя на кухне. Мир меняется, бумажный формат будет иметь только литературно-историческое значение, он, конечно, должен будет выйти в свет, но минимальным тиражом, акцент смещается на цифровой формат, в нем книгу можно где угодно опубликовать, и поскольку авторские права принадлежат мне, я и опубликую, и это самое главное, потому что моя задача служить читателю, а не выполнять бизнес-план издателя и дистрибьютора.

– Удивительно, что они еще не пристрелили тебя.

– Это действительно чудо, но не волнуйся, поставят подножку.

– Издательство все-таки какая-то гарантия качества.

– Что ты не пойдешь против сильных мира сего?

– Что ты получишь что-то стоящее за свои деньги.

– Серьезно? Что-то я не помню издателя Гомера. Это бизнес, Тарай, ничего другого. Книгоиздание, это деньги, как и любая другая отрасль, поэтому необязательную услугу, которая изначально была введена для тех авторов, которые не могли себя финансировать – можно назвать кредитом, – капитал превратил в обязательный элемент, и теперь его обойти практически невозможно. Прибыль направлена в нужное русло.

– Но если все будут печатать что угодно, как ориентироваться в куче мусора?

– Почему ты у меня в гостях, Тарай?

– Потому что мне нравится быть с тобой.

– Кто-то помог тебе принять это решение?

– Да брось, такие вещи я сам решаю!

– Ко всем придешь с кем познакомился?

– Ясно.

– Видишь ли, на Земле живет несколько миллиардов людей. Самые разные, есть и бандиты. Но ты ведь их обходишь, а другие выбирают именно их. Люди не идиоты, очень даже способны выбирать, им не нужна вечная опека.

– Ого, это заходит уж слишком далеко!

– Ладно, не будем.

– И что на все это скажет твой читатель? Смотрит на титульный лист, ищет издателя и находит тебя. Не можешь прийти к каждому и рассказать свои аргументы. Что, если не станет читать?

– Будет и такой. Это мой риск. Я не говорю, что путь легкий.

– Зачем ты все это делаешь?

– Потому что не могу не делать.

– Хорошо. По крайней мере думаю, что хорошо. Я тоже всегда чувствовал себя лучше всего с теми женщинами, с которыми трудно было не быть. Их немного. Так какова же твоя цель?

– Нет у меня цели. Делаю, потому что должен делать. Цель, это сам путь, и чтобы я на нем не заблудился, надо мной парят три звезды, как пояс Ориона, человек, искусство и наука. Мне нравится научный подход, возможно, наука работает на той же основе, что и искусство. Все остальное продается, блин.

– Молодец, а я почему-то всегда сбиваюсь с пути. Цели у меня тоже нет, только совсем по-другому нет, и боюсь, что даже и пути нет, просто иду по свету туда, куда меня несет жизнь.

– Возьми еще бутерброд!

– Я бы лучше выпил еще один стаканчик.

– Ах, что ж ты мне не сказал, у меня нет в этом опыта, друзья, которые к нам приходят, обслуживают себя сами. Приятное вино, довольно плотное красное.

– Я догадался, что покупаю его себе.

– На здоровье!

– Спасибо. И на твое. А что если они насядут на тебя из-за бизнеса? Прижмут, и как ты сказал, шантажировать начнут?

– Чтобы я их не высмеял в своих произведениях?

– Типа того. Чего же тут выделяется этот фарцовщик?

– Ха-ха-ха! Фарцовщик! Благодарю! Я не ставлю им палки в колеса! Надеюсь эти прихлебательские натуры бизнесмены не хуже чем я, отдаю себя почти бесплатно, пусть иногда закроют глаза и на мои проделки. Ты прав, в конце концов я делаю за них грязную работу, держу себя в руках.

– Ты прямо как партизан.

– Здорово сказано! А еще говоришь, не разбираешься в этом. Профессия есть профессия, конечно, нельзя все делать в одиночку. Но я могу только так, и мне подобных есть еще много. И человечество по одному человеку рожают женщины.

– Как Талия относится к этому?

– О, она золотое существо, поддерживает меня во всем.

– Работает?

– Конечно. Учительница, преподает математику и физику в средней школе.

– Интересное сочетание с тобой. Слушай, я пойду, освобожу вас от себя.

– Ты мне не мешаешь, но как хочешь. Позвать Талию?

– Пожалуйста, хотел бы попрощаться.

Эрнест заглянул на кухню и вернулся с Талией, но они уже не сели, потому что к тому времени Тарай встал. Мило попрощались и договорились, что представят Тарайя своему близкому кругу друзей и будут рады видеть его в любое время, пусть не стесняется и приходит. Он еще раз окинул взглядом картины, книжные полки, взглянул

на сборник стихов на столе, словно пытаюсь унести с собой частичку этого сокровенного, недостижимого для него маленького мира.

– Остались Атланта и гараж с картинами, – сказал он, направляясь к двери.

– Еще многое осталось, – улыбнулся Эрнест.

И тут его шаги стали подозрительно легкими, почти парящими, и входная дверь сама собой отворилась. На дворе стояла ночь, хотя еще не должно было быть ночи, валил густой снег, а ведь зима еще далеко, если даже Эрнест считал, что она наступит мгновенно. Тарай вышел, и натянув на шею рубашку с короткими рукавами, погрузился в снежную тьму.

Только грудь Тарайа поднимается медленно, ритмично, в немигающем желтом свете ночника, который разительно отличается от падающих в окно подвижных солнечных лучей, постоянно преломляемых облаками, листьями, птицами, жуками. Где-то глубоко внутри он уже знает, что ужас, который называется ночью, уже начался, что, то, что он в дальнейшем думает и видит, лишь отчасти реальность, другая часть сон. Возможно, именно самая невероятная, болезненная неразбериха и является реальностью, или превратится в нее. Это ужасно! Его трясет, потому что чувствует, что спит.

Сначала он быстро плывет через длинный ряд деревьев проспекта, в нос ударяет сладкий запах далеко разносящихся ароматных паров близлежащей конфетной фабрики, он любит гулять в этом районе, по проспекту, на котором находится лесотехнический университет, под тяжелой листвой столетних деревьев или голыми ветвями, отягощенными снегом, теперь над ним одновременно зеленое, черное и белое небо, его легкие наполняются свежим морозным воздухом, это почти как будто он высосал целый пакет леденцов, когда летит, его лицо краснеет от холода, от врезающегося в него снега, облизывая края рта, чувствует вкус молодости, его тело сильное и непобедимое, заполняет весь проспект и широкую круглую площадь с кольцевой развязкой в конце, где должен появиться троллейбус, но пока что два приветливых огонька не светятся на повороте, он опускается на общую троллейбусную и автобусную остановку, но только ногами, остальные части тела с наслаждением плывут над окраиной, нетронутая, девственная стихия мягко прикрывает его сандалии, он привык ходить в них без носков, снег идет и идет, охлаждая ноги после полуденного зноя, нигде ни души, троллейбус приедет пустой? – сегодня прекрасный день, думает он, и вдруг до его ушей доносится женский писк, немолодой женщины, очень даже пожилой, откуда-то знакомый голос, просачивается к нему издалека, судя по слабому звуку километров за две тысячи, или все же нет, ведь вот она стоит на другой стороне дороги, ее легкое шелковое платье обтягивает грузную фигуру, издавая звуки боли качает головой, тяжелой рукой в беспомощности гладит пучок волос, смотрит вдаль, где должен появиться троллейбус, и тут Тарай вспоминает железную кровать на складе, рядом с ней в глубокой бетонной яме гидрофор, который, когда кто-то в здании включает кран или смывает туалет, хотя бы каждые четверть часа гремит, вот где она должна спать, летом нет другого места, все комнаты заняты, она вздрагивает, когда заводится компрессор, просыпается, измученная недосыпанием и дневной работой, десятилетняя усталость губит сердце, приходит врач, чтобы сделать ей укол, и с ним переговорить невозможно, за это время мотор набирает обороты по меньшей мере дважды, врач запретил ей вставать сразу после укола, лежит там целый час, но потом с помощью длинного резинового шланга поливает только что забетонированный фонарный столб, боится бетон пересохнет, рабочие оставили, будет, что будет, если не затвердеет, разве что ветер вывернет столб, ничего, поставят другой, оплата ведь почасовая, но она тащит туда шланг и поливает два раза в день в течение нескольких суток, а затем в другом месте идет в летнюю кухню, чтобы смешать яйцо с сахаром, у

нее нет денег на шоколад, берет два яйца у молодой женщины, позже молодая ищет, куда делись ее два яйца, они бедные, господи, два яйца пропали, это для них большая потеря, и когда догадается, кричит, чтобы старая сама зарабатывала себе на жизнь, та смотрит вдаль, видит реку, перед ней плывут трупы, они, очевидно, тоже яйца крали, на виселице качается дорогой ей человек, он насыпал сахар в свою безымянную, пропахшую хлоркой могилу, чтобы его бросили туда, народы маршируют, одни на юг, другие на север, ищут свои яйца, свои ревущие гидрофоры, свои железные кровати, чтобы проснуться среди ночи и почувствовать себя живыми, еще не качаясь на веревке, не лежа в гробу без таблички, на другой стороне дороги стоит женщина и ждет, почему она не идет сюда, ведь если ей нужен троллейбус, идущий в ту же сторону, куда и он, так остановка на этой стороне, он бы крикнул ей, но из горла не вырывается ни звука, помахал бы, но не в состоянии поднять руки, парализовано парит над дорогой и площадью, топчет белоснежную красоту, сверкающую под резиновыми подошвами его сандалий, кружится вокруг женщины, хочет обнять и ощутить ее, почувствовать, что она рядом, пусть согреют друг друга во внезапно нагрянувшей зиме, на противоположной стороне проспекта шириной две тысячи километров, на противоположной стороне жизни, и тогда загорятся, как крошечные глаза, желтоватые прожекторы троллейбуса, машина пробирается вперед между сугробами, подъезжает все ближе, как ни странно без номера и никто ею не управляет, скользя выезжает на широкую асфальтовую полосу остановки, тормозит, внутри живительным дневным светом вспыхивают лампочки, двери открываются, и Тарай, со всеми витающими над местностью частями тела, энергично прыгает внутрь, двери моментально захлопываются, он смотрит на другую сторону, там все еще стоит женщина, ну почему она не подошла, он же звал ее, стоит и смотрит в противоположную сторону, как будто оттуда может что-то прийти, троллейбус трогается, Тарай хочет крикнуть, постучать, кто-то не успел сесть, но сияние завораживает его, и они едут дальше и дальше, все быстрее летят с искрящимся блеском в зимней тьме, оставляя площадь и женщину позади, а снег начинает таять на его шее и на тогда еще густой шевелюре, стекая по спине тонкими ручейками, вот так струйки пота стекают по его телу в возрасте десяти лет перед книжной полкой деревенского хозяйственного магазина, где продают все подряд, мыло, стиральный порошок, пестициды, краски, школьные принадлежности, фарфор и книги, книжная полка прямо у входа, эти книги свежие, в отличие от библиотеки, таких там нет, тем более та, которую держит в руках, прежде чем углубиться в нее, пролистал пять-шесть других, чтобы не привлекать к себе внимание, хотя продавцы довольно заняты, постоянно кто-то заходит и что-то спрашивает, покупает, в магазине только полусамобслуживание, большую часть товара приходится просить у продавцов, к счастью, с книгой не так, каждый может взять ее с полки и, если понравится, оплатить у кассы, но было бы удачнее, если бы полка располагалась не у входа, а в самом дальнем углу, тогда ему не пришлось бы изо всех сил контролировать свои десятилетние нервы, чтобы от сексуального содержания не краснеть, задыхаться и кашлять, немного отворачивается от прилавка, чтобы его тело закрыло то, что он держит в руках, здесь есть все, от изданий для школьников, вполне подходящих для его возраста, до серьезной взрослой литературы, и даже книги сального содержания, как та, которая привлекла его внимание, как здорово было бы оказаться с ней дома, где-нибудь в тихом месте, например, на летней кухне, впитывая каждое слово, а здесь он только ловит суть, переворачивая страницы, как делал это позже в университете, где также не было возможности читая мечтать, хм, этот юношеский опыт тогда очень пригодился, однако сейчас никак не пролистать книгу до конца, придется вернуться через день или два, может быть, повезет, и не продадут, к сожалению, это единственный экземпляр, иллюстрации прямо завораживают, Тарай уже знает многое из того, что там

изображено, хоть и не помнит точно, что от кого слышал, это просто у него в голове, а сейчас кроме разума в чтение включается что-то еще, что совсем недавно не сработало бы, гормоны, которые несмотря на то, что он не изучал о них в школе, очень даже существуют, и начали действовать, пробиваясь сквозь стенки клеток, заливают все его тело, но вдруг до него доносится знакомый хриплый голос деревенского врача, даже не заметил, когда вошел, они в хороших отношениях, врач чувствует в Тарайе способности, поэтому никогда не дает проскользнуть мимо себя, всегда останавливает, спрашивает его о чем-то, скажем, сколько будет шесть в третьей, или четыре в пятой степени, что в школе будут проходить только через несколько лет, и когда откашляет: тысяча двести сорок, кивает и отпускает, а теперь, когда он торчит у входа и нет шансов убежать, врач, конечно, задается вопросом, что же его так увлекает, такие вещи много говорят о человеке, так что когда Тарай оглядывается через плечо и смущенно здоровается, врач с благородной простотой протягивает руку, поворачивает к себе титульный лист книги, крикает, правильно, говорит, если хочешь, можем побеседовать об этом, книга чуть не падает из рук Тарайа, он быстро закрывает ее и ставит обратно на полку, но в спешке и смятении зацепляет фарфоровую чашу на соседней полке, она падает на каменный пол магазина и разбивается на миллион осколков, а потом почему-то начинают падать и другие фарфоровые изделия, которые в реальности не падали, а теперь, во сне, то по одному, то сразу несколько летят и разбиваются о бетон, как будто вся полка хочет рухнуть в центр магазина, доктор как-то неестественно хихикает, машет продавцам, которые с понимающей ухмылкой наблюдают за происходящим, я заплачу, говорит, это был несчастный случай, посчитайте сколько будет, книгу тоже возьму! – и достает с полки тот самый томик, громко кричит в высокий потолок бывшего кулацкого дома: "Школа сексуальной жизни", куплю пацану, раз уж так этим озабочен, надо вовремя научиться не стыдиться этой темы! – и на следующий день на улице вся деревня смеется над ним, или, по крайней мере, ему так кажется, позже толпы приходят к нему, чтобы одолжить книгу, хотя бы на полчаса, перед их воротами выстраивается длинная очередь, поэтому он решает читать ее вслух на улице, стоит посреди дороги, весь в поту, публика на тротуаре, поджимая ноги, сидит и слушает его, движение останавливается, и он оглашает вслух то, что станет определяющей практикой его дальнейшей жизни, и с той девушкой хочет заниматься этим, которую спустя десятилетия снова видит и обнимает в прихожей, и которая сейчас уже называет себя мамашей, он заходит, она спешит выйти, восторженно восклицают, это ты! – и старое доброе знакомство разгорается в их объятиях, вспыхивает желание, но когда он хочет залезть в ее волосы и в блузку, вдруг она исчезает, он хватается воздух, разочарованный идет дальше, что за видения мучают его, не слишком ли много в последнее время пребывал в одиночестве, а куда ты идешь? – спрашивает она, он оглядывается, женщина стоит у выхода, улыбается ему, обольстительно зовет своим взглядом, ее глаза неотразимы, ладно, он разворачивается, с женщинами такое бывает, заставляют мужиков бегать, поработать, чтобы получить добычу, он следует за ней, дверь открывается, идут по коридору, не спеши, если хочешь, чтобы я тебя догнал, – говорит он, отставая, но она и ухом не шевелит, почти бежит, о, Боже, она не заигрывает со мной, думает Тарай, ведь убегает, я не в ее вкусе, что-то не так понял, но тут худая, нереально тощая женщина машет рукой, пусть следует за ней, куда мы рвемся? – задыхаясь спрашивает Тарай, на концерт, – отвечает она, – торопись, опаздываем! – они уже на улице, Тарай из-за больных ног отстает от нее, давай возьмем такси! – кричит ей вдогонку, она останавливается, скрестив ноги, подперев голову ладонью, недовольнечает, да тут за поворотом, совсем близко, зачем нам такси, уж мог бы поторопиться ради меня! – и стремятся дальше, между ними расстояние метров тридцать, и постоянно увеличивается, примерно час идут по пустой улице, когда,

наконец, появляется стадион, где, вероятно, состоится концерт, по крайней мере так предполагает Тарай, но тогда и другие торопились бы к входу, а никого нет, очевидно мы опоздали, все уже внутри, вот почему так тихо, женщина исчезает у входа, Тарай, хромая, проходит через оставленную настежь стеклянную дверь, судя по афише играет всемирно известная группа, но громко гласной музыки не слышно, он тащится по широкому круговому коридору, двери, ведущие в сектора, тоже открыты, заглядывает внутрь, трибуны, ряды кресел на арене и встроенная сцена пусты, тут легко будет заметить ее, думает, она, должно быть, села на свое место, но не видит ее, и начинает дрожать из-за холода внутри, ну, вот и все, хотя и с удовольствием послушал бы настоящий рок, причем в исполнении всемирно известного ансамбля, даже не помнит, когда в последний раз ходил на концерт, он бы обнял за плечи старую подругу, но если никого нет, то нет, направляется к выходу, она ждет его у большой стеклянной двери, однако прежде чем успевает дотронуться до нее, она начинает идти, и, оглядываясь, спрашивает, ну, как тебе понравилось? – Это было здорово, да? – Я в восторге! – Ведь они звезды! – давай, пойдем в мамину квартиру, с тех пор как ее не стало, стоит пустая на самом верхнем, десятом этаже! – вот здорово, думает Тарай, там он сможет наконец снова обнять ее, почувствовать женское тепло, подпитываемое желанием, как тогда в прихожей, и даже испытать в новом качестве, которое иное, чем старый друг, он сможет гладить ее волосы, целовать, брать в ладони прелестную грудь, там она наконец-то станет его любовницей, не потому, что хочет подчинить ее себе, нет, напротив, ему хочется, на что он всегда был неспособен, почтить кого-то своей лаской и привязанностью, сделать с женщиной что-то другое, чем он делал до сих пор, и почему бы не с таким старым другом может сбыться это желание, кому можно доверять, кто не причинит ему вреда, ведь и она может верить Тарайу, о, как хорошо, только, пожалуйста, не делай мне больно! – кричит ей вслед, да как я могу тебя обидеть? – смеется она в ответ, далеко еще? – спрашивает Тарай, и, спотыкаясь, бросается бежать ей вслед, сначала она не отвечает, потом говорит, я не чувствую необходимости постоянно отвечать! – примерно в ста километрах, не в этом городе! – в конце концов, нам не вплавь же надо добираться, – добавляет она, хотя Тарайу такое расстояние, наверное, было бы легче проплыть, а для нее точно, ведь извивается среди домов, а потом, выбравшись из города, среди деревьев и кустов, как гибкий угорь, скользящий по берегу, их мучительное шествие длится до следующего дня, Тарай, до смерти замерзший и уставший, добирается до микрорайона, где квартира, якобы, находится на десятом этаже центрального многоэтажного дома, ты можешь подняться на лифте – говорит она, перепрыгивая через две ступени, Тарай нажимает на кнопку, но ничего не происходит, лифт не двигается, должно быть, сломан, вот неудача, но он туда пешком не пойдет, решает, выбирается из дома, скучно осматривает окрестность, он здесь чужой, незнакомец, да и весь край не дружелюбный, и, вероятно, останется таким навсегда, интересно, в каком городе он вообще находится и как отсюда вернется домой, его взгляд случайно скользит по шильдику звонков – там девять этажей имен и кнопок, неужели нет десятого этажа? – делает шаг назад, считает этажи, их девять, возвращается к шильдику, замечает наклеенную надпись над именами жителей девятого этажа "Ледяной холод", и болезненно улыбается, потому что он наконец-то хотел бы согреть своего ближнего друга, женщину, но ее беспощадный внутренний холод победил его, холод такой же ледяной, как у той женщины, которая в детстве накладывает ему макароны в тарелку, они садятся обедать на открытое крыльцо длинного, прямого дома, летом заходящее солнце палит прямо под крышу, но в обеденное время черепица еще дает сносную тень, вот только с мухами, вылетающими из свинарника, ничего не могут делать, еда еще даже не подана, а они уже чувствуют, пора им собираться, возможно, нарезанный хлеб на углу стола дает им сигнал, она

спрашивает Тарайа, что он больше всего любит, все перечислить от жаркого до пельменей невозможно, список был бы слишком длинным, поэтому бормочет, томатный суп и шпинат, ой, тебе повезло, хоть одно из них сбылось! – вскрикивает женщина, я как раз томатный суп приготовила, ты с макаронами или с рисом предпочитаешь? – с макаронами – отвечает, а потом добавляет – а на самом деле сок самый вкусный, как удачно! – улыбается женщина и несет исходящую паром красную кастрюлю, ставит ее на чугунную подставку в центре стола, покрытого воощенной скатертью, с этого момента мухи словно сошли с ума, снуют в пар, пытаются удержаться на краю кастрюли, но многие из них от жары падают в суп, наверное, было бы лучше обедать в доме, думает Тарай, женщина половником скрупулезно наливает всем, не жалеет, хватит? – спрашивает она, Тарай кивает и начинает помешивать ложкой горячий, красивый красный суп, блестящий от жирных колец, дует, вынимает ложку, дает остыть, снова окунает, помешивает, вытаскивает, остужает и снова в тарелку, затем начинает свою обычную игру, как будто бы тянул невод в пруду, проносит ложку поперек тарелки, прежде чем поднять ее, дает супу вытечь с обеих сторон, на ложке остаются только макароны, с несколькими мухами среди них, потому что они круто летят и на тарелку, и их все больше и больше тонет в ней, от своей жадности гибнут в том, чем жить хотели, урок, который он запомнит на всю жизнь, запрещено перебарщивать, не попадай в сеть собственных достижений, а то станешь их жертвой, хороший вывод, особенно если на уме и обратное, не будь жертвой собственной слабости, видимых мух вытаскивает, как семечки из дыни, потом ест тесто, ловит опять, в ложке все еще полно рыбы, то есть макарон, не страшно, сколько бы чего-либо ни было, все равно когда-то кончится, это умозаключение тоже связано с томатным супом, и слава Богу, действительно все меньше макарон попадает в ложку, так что в конце концов в пруду уже не остается ни одной рыбки, на этом его игра заканчивается, наконец наступает время вкусного обеда, когда любимый томатный суп, уже только его сок – он бы не возражал, если бы дурацких макарон и риса там вообще не было бы, – можно со вкусом хлебать, пока по вечному закону, к сожалению, и это кончится, исключение сейчас, когда рой мух и странная доброта женщины продолжают сгущать суп, ее зубы блеснут, копаются в кастрюле и вытаскивает пол половника макарон, вижу, тебе нравится, я делаю с двумя яйцами, не с одним, как другие, – говорит, а затем проворным движением поворачивает на кухню, выносит целую глубокую тарелку холодных, слипшихся макарон и бросает в тарелку Тарайа, красный сок забрызгивает его рубашку, ой, дома опять обругают, что я испачкался, а достаточно большой, чтобы быть осторожным, макароны уже возвышаются над супом, и когда мухи кидаются на них, а он перемешивает, чтобы все выглядело как суп, тесто больше и больше чернеет от насекомых, и вдруг становится похожим на тесто с маком, ха-ха-ха, смеется она, у тебя уже есть макароны с маком, мне даже не нужно их приносить, а это будет второе, к сожалению, в этом году у нас только немного шпината росло возле забора, его уже нет, я придумала такое второе, хорошо сочетается с томатным супом, ешь, сынок, если тебе нравится, не голодай! – ведь вы никогда не голодали – говорит доктор, – провели бы лет десять в зоне жестокой войны, точно потеряли бы килограмм тридцать, да и сейчас помогло бы, если каждые два дня кто-то гонялся бы за вами с ножом! – тут он выдвигает ящик стола, достает огромную финку, и резким движением втыкает ее в стол прямо рядом с рукой Тарайа, тот испуганно отдергивает руку, что, в штаны наделали, лучше переживайте из-за своих изгаженных сосудов, не такая уж большая разница, воткну ли я в вас этот ножичек прямо сейчас, или сдохнете от инфаркта через три года! – погнаться за вами? – хотите? – платить не надо, входит в стоимость! – Тарай осторожно пытается забрать результаты анализов, которые дал врачу и слинять, но доктор шлепает его по руке, чего вы дергаетесь, от того, что

ударите, жир, сахар в крови, артериальное давление, которое выше, чем наша двухэтажная клиника, не нормализуются, и ваши сосуды останутся каменно-твердыми, как фарфоровая соломинка! – вы думаете, все обойдется? – ослепнете, друг мой! – показать? – можно попробовать, я с удовольствием выколю вам глаза! – он тычет Тарайу в лицо двумя пальцами, тот еле успевает откинуть голову назад, попивали не слабо, вижу по ферментам, и печень никудышная, чего приперли сюда в последнюю минуту, лопату, мотыгу, веревку с собой принесли? – какого черта вам от меня нужно, крадете мое время, энергию, отнимаете у пациентов, которых еще можно вылечить, такие люди как вы, опустошают страховую казну, лучше идите к гробовщику, по крайней мере, спасете какого-нибудь несчастного родственника от хлопот и лишних растрат! – действуйте, ублюдок, когда организуете, будет как раз актуально! – ну-ка, залезайте на стол для обследования! – Тарай с настороженным видом ложится, подозрительным взглядом следит за каждым движением доктора, туфли снять, мужик, носки тоже! – говорит доктор, подтягивает обе штанины Тарайа, ощупывает ступни, при этом щелкает языком, я так и знал, а почему бы и нет, холодные, как холодец из пороссячей ножки, вынутый из холодильника, и пульс такой же, посолить и поперчить? – можно еще уксусом сбрызнуть, так вкуснее! – ничего не поделаешь, эти две ноги совершенно бесполезны, все равно сгниют, так хоть их можно использовать для чего-то, пока они не стали отвратительными от гангрены, что скажете? – давайте сварим вкусный холодец из них, только надо покоптить, а то вкус будет сладковатый, я вас угощу, не волнуйтесь! – хоть какая-то польза будет для вас, потом можете выпить пару стаканчиков винца, если хотите, а вдруг доживете до тех пор, подождите, я принесу топор, только не глазейте, закройте глаза, пусть будет немного анестезии! – он подходит к белому встроенному шкафу, открывает его, достает огромный тесак, проверяет большим пальцем острие, снова щелкает языком, сделаю мгновенно, вы даже не заметите, – Тарай хочет вскочить со стола, но его тело словно налито свинцом, шевелиться еле, а кричать совсем не может, падает на пол, доктор возвышается над ним, отрабатывает свой замах, Тарай тащится, до двери всего шаг или два, а вдруг сволочь не запер ее, ключа по крайней мере не видит, медленно дотягивается до ручки, дверь открывается, тогда доктор орет индейским ревом, томагавка нет, но топор здесь! – и с ужасающей силой огромное лезвие врезается в дверь в нескольких сантиметрах от дверной ручки, и чуть задев руку Тарайа, прорезает толстую доску с белой обивкой, от этого толчка дверь открывается, и Тарай наконец может выползти в коридор, а там уж наверное, кто-то его заметит и он сможет восстановить свои силы, его обувь и результаты анализов, правда, останутся внутри, но, по крайней мере, он может босиком убежать, хоть и не слишком далеко, разве что только до холма, у подножия которого с четырехлетним мальчиком играет на небольшой детской площадке, бросают мяч, лицо ребенка напряжено, ни легкой улыбки, ни смеха, с поджатыми губами и стиснутыми зубами кидает мяч так далеко, как только может, часто не в том направлении, куда надо, слушай, братишка, – говорит ему Тарай, сейчас цель бросить мяч точно, а не далеко! – цель, развиваться и наслаждаться игрой! – бросай мне, я поймаю, а ты лови то, что брошу я, если будешь швырять, мяч упадет, и никогда не будет гармоничной, приятной игры, а просто резка! – малый выполняет просьбу в течении нескольких бросков, но потом снова огрызается и швыряет мяч куда глаза глядят, тот скатывается в канаву, Тарай вытаскивает его и говорит, знаешь что, я лучше поднимусь на холм, посмотрю на другую сторону, никогда еще не видел, – ребенок ждет некоторое время, смотрит, как он карабкается по протоптанной дорожке, потом громко визжит, я тоже, подожди, я тоже иду! – Тарай оборачивается, ребенок изо всех сил мчится вверх по узкой тропинке, приближается мелкими, быстрыми шагами, словно катится, мгновение, и догоняет, обгоняет его, это энергия будущего, или нечто большее? – размышляет

Тарай и следует за ребенком, который уже на вершине, стоит растерянный, он достиг своей цели, но понятия не имеет, зачем туда пришел и, поднявшись, что должен там делать, Тарай берет его за руку, оглядывается, почему-то он ожидал чего-то другого, думал, что с другой стороны будет спуск в долину, но нет, там простирается широкая равнина, бескрайний горизонт, блестит синее зеркало озера, сквозь рыхлую лесную полосу проглядывают красные черепичные крыши нескольких домов, они как будто не на пик поднялись, а наоборот, перед ними был нормальный уровень мира, и скорее то была пропасть, откуда пришли, пойдем дальше! – кричит ребенок и тянет Тарайа, но тот его удерживает, подожди, мне туда уже нет дороги, только тебе, но еще не сейчас, позже, давай вернемся, пошли! – я не хочу! – упрямится малый, однако Тарай медленно начинает спускаться, осторожно, потому что спуск всегда опаснее подъема, в горах, как впрочем и везде, несчастные случаи обычно случаются на обратном пути, ребенок теперь не обгоняет его, идет позади, спотыкается, молчит, как только спустились, Тарай ногой отбрасывает мяч, и на детской площадке садится на скамейку, и поскольку хочет пить, достает из сумки свою полулитровую бутылку минеральной воды, хочешь? – обращается к ребенку, конечно! – говорит тот, и Тарай достает из сумки еще одну бутылку, пьют, потом ребенок небрежно ставит свою воду на скамейку, та падает на вялую траву, из нее булькает газировка, подними ее, а то вся вытечет! – говорит Тарай, но малый смотрит на него недоумевая, что это за просьба, не понимает, как кто-то может предполагать, что он наклонится и поднимет, пусть поднимет тот, кому это не нравится, ему не с этим стариком, а совсем с другими суждено жить в том вышележащем мире, где только что были, и он все равно получит бутылку минеральной воды, если будет ныть, кричать, обеспечит его тот, чья эта задача, а вот отброшенный Тараем мяч катится на страшный дерн деревенского футбольного поля, с ним собираются играть следующий матч чемпионата, вот только соперник к счастью еще не приехал, из местной команды только Тарай пришел и ходит туда-сюда по краю поля, зрители говорят, из-за эпидемии не разрешают провести игру здесь, она состоится в одном из классов школы, поэтому они по прямой асфальтированной дороге отправляются обратно в деревню, Тарай катит мяч перед собой, когда приходят, противник уже тренируется между оставленными в классе скамейками, но не с мячом, а с черно-зеленым круглым арбузом, играют трое, зрители ходят между скамейками, к сожалению, из местной команды все еще никого нет, о Боже, вздыхает Тарай, как только соперник его увидит, начнут кричать, что время начала матча уже давно прошло, они не могут больше ждать, пусть он играет против них один, Тарай бормочет, что они не здесь должны были бы играть, конечно опоздал, пришлось добираться сюда с прежнего места, но из-за шума этого никто не слышит, и что он может сделать, так как кроме него не прибыл ни один другой игрок, вынужден сражаться против троих, начинается матч, Тарай то защищается, то атакует, они едва умещаются между скамейками и ногами зрителей, Тарай сражается с огромным энтузиазмом, чтобы сыграть хотя бы вничью, бегают вперед, назад, делает обманные движения, часто оказывается у ворот соперника и почти забивает гол, но как-то ноги не совсем слушаются, да и вратарь ловкий, однако и Тарай хорошо защищает собственные ворота, и счет все еще ноль-ноль, Тарай атакует, как вдруг соперник объявляет, что матч окончен, судьи нет, они удаляются, ну, думает Тарай, это чудо, что ему удалось добиться ничьей, но поскольку находится у пустых ворот соперника, пять раз прокатывает арбуз через линию ворот, затем вытирает пот, одевается и гордо идет домой, к нему присоединяется, держащий в руке какую-то бумагу, один из зрителей, Тарай доволен, говорит, что этот матч получился вполне достойным, ноль-ноль их очень даже устраивает, а зритель возмущается, какой ноль-ноль, соперник выиграл со счетом четыре-ноль, дудки! – отвечает Тарай – вы видели хотя бы один гол? – ни

одного гола не было! – и тогда зритель рассказывает ему, что когда Тарай еще не пришел, соперник объявил о начале матча, и забил четыре гола в их ворота, но ведь нельзя начинать матч без присутствия другой команды, возмущается Тарай, победу присудить можно, но забить гол уж никак нельзя, к тому же, когда они вдруг взяли и ушли, он пять раз отправил арбуз в их ворота, значит результат пять четыре в пользу Тарайа, их версию надо опротестовать, он позаботится об этом, правда должна выйти наружу, да нет, этого уже никто не изменит! – кричит зритель, результат внесен в протокол матча и опубликован в последних газетах, вот, посмотрите, и он размахивает газетой в руке, с огромным заголовком на первой странице, местная команда проиграла со счетом четыре – ноль, и Тарайа затошнило, как будто съел отравленное пирожное, как собака, которая сдохла от рождественского пирога, а сны продолжают приходить с ужасающей силой, в дикой, бессвязной последовательности, как будто в его мозгу воспоминания не зарождались и затем соединялись со свежими образами, а нейроны, в глубине которых в тайных химических связях хранится прошлое, распадались на части, и все их содержимое выплескивалось на извилины, чтобы терзать его, портить ему ночь, когда он мог бы, наконец, найти облегчение от мук дня, забыть на время, кто он и в каком состоянии находится в этом мире, едет на конференцию в отдаленный город, отрабатывает последние дни перед отъездом на длительную стажировку к океану, на улице его преследует какая-то бездомная собака, вертится возле ног, а вдруг пригодится как хозяин, или она просто голодная, зимой меньше отходов, немножко подожди, скоро Рождество, выбросят много остатков еды, хм, жаль, что ты не умеешь говорить, подсказала бы, как пройти к этому чертовскому конференц-залу! – улицы здесь совсем пустые, людей почти нет, чтобы спросить у кого-то, в каком направлении идти, наконец, находит сам, собака разочаровано ложится у входа перед дверью, которая захлопывается за спиной Тарайа, внутри собрались коллеги из самых разных регионов страны, в коридоре со многими разговаривает и смеется, кушают бутерброды, другие пьют напитки, он не пьет ничего, интересно, многие уже знают о том – ведь сплетни распространяются со скоростью света, – что снова собирается уехать, ну что, тебе опять не сидится? – спрашивают некоторые, даже завидуют, хотя такая поездка не так уж проста, сами могли бы попробовать, если бы не трусили, одна сотрудница со странной улыбкой замечает, вернешься домой прямо профессором, продвинешься, можешь даже стать моим начальником! – видишь, я думала о тебе, испекла на дорогу рождественский пирог, он распространен в наших краях, со специями, на вкус немного странный, но не плохой, вот, удачной поездки, до свидания, позвони, когда вернешься! – спасибо, и он уже собирается отведать, когда просят всех войти в лекционный зал, кладет пирог в сумку и забывает о нем, во время перерыва сумка остается на его стуле, он возвращается к шведскому столу с бутербродами, кокетничает и обнимает девушек, которых давно не видел, под вечер, уже после закрытия мероприятия, с веселой компанией направляется к выходу, смотрит на часы, сколько осталось до поезда, ладно, торопиться не надо, продолжает подкалываться к приятной блондинке, выходя из здания видит собаку, она стоит у двери, наблюдает, ждет, зная, что он должен выйти, блондинка прощается, они приехали на машине, и когда Тарай направляется к вокзалу, собака следует за ним, ее когти стучат по морозному асфальту тротуара, смотрит на Тарайа, хочет что-то сказать, спросить, но не может, голодная, это первое, что приходит Тарайу на ум, наверняка кушать хочет, что же ей дать, ничего такого у него нет, и тут он вспоминает о пироге, не совсем собачье лакомство, но отличное средство от голода, если в животе урчит, не будет разборчива, съест и это, он замедляет шаг, достает из сумки пирог, разворачивает его, нюхает, действительно пахнет особенному, разламывает пополам, собака понимает, что это для нее, жадно подходит ближе, нет, в рот я ей класть не буду, а то укусит, думает Тарай, и бросает отломанный

кусочек на землю, он бы и сам попробовал, но после стольких бутербродов не хочется, ладно, позже в поезде, думает, кладет остатки пирога обратно в сумку и чуть более быстрым шагом идет в сторону вокзала, оглядывается, чтобы убедиться, действительно ли собака ест пирог, еще бы, мгновенно проглотила, и ее когти снова стучат за спиной Тарай, нет уж, милая моя, не каждый день праздник, теперь ищи себе другого благодетеля! – и когда стук когтей внезапно прекращается, улыбается про себя, не глупая, явно поняла, однако через несколько шагов опять оглядывается, интересно, куда же она пошла, и с ужасом видит, что собака, извиваясь от судорог, лежит посреди тротуара, черт возьми! – смотрит на часы, подходит к ней, животное болезненно, обвиняющим взглядом глядит ему в глаза, из пасти вытекает кровавая рвота, в ней кусочки пирога, проходит минута-другая, и в жестких муках погибает, Тарай стоит потрясенный, открывает сумку, достает оставшуюся половину пирога, с ужасом бросает рядом с трупом животного и мчится к вокзалу, добравшись, тяжело дыша, врывается в вестибюль, на противоположной стороне, над выходом, висят большие часы, время еще есть, обратный билет купил заранее, заниматься этим не надо, но, возможно, стоит взять что-нибудь в дорогу, думает, не для того, чтобы утолить голод, а скорее, чтобы побороть свою нервозность, волнение, глазами ищет буфет, знак указывает на боковой коридор, идет туда, действительно он там, молодой человек стоит перед прилавком, уже расплачивается, Тарай смотрит, что можно купить, продают в основном выпечку, шоколад и бутерброды, но тут на прилавке, немного в стороне, замечает красивое яблоко, последнее, крупное, румяное яблоко, натертое до блеска, подойдет после бутербродов, вот это буду просить, – решает он, как вдруг молодой человек говорит, пожалуйста, дайте мне еще и это яблоко! – черт, похоже, сегодня такой день! – думает Тарай, тот берет яблоко и, прежде чем за него заплатить, откусывает, свежая мякоть хрустит, этот звук раздражает Тарай, парень жует, роется в бумажнике, разложенном на прилавке, хочет избавиться от мелочи, вдруг коченеет, хватается за сердце, мне плохо, Господи, сердце! – стонет, приседает, ложится на пол, яблоко откатывается от него, останавливается на месте укуса, вызывайте скорую! – бормочет молодой человек, Тарай кричит продавцу, вызывайте скорую, немедленно! – и наклоняется над парнем, хочет спросить, лучше ли ему, что он чувствует, но скорая помощь, как ни странно, уже примчалась, хотя продавец все еще держит телефон в руке, молодого человека грузят на носилки и быстро уносят, слышно только как он удивительно громким голосом кричит санитарам, или ожидающим поезда, я юрист, юрист! – у Тарай капли пота стекают со лба, в горле пересохло, надо что-то попить, но буфет сейчас кажется не лучшей идеей, он вспоминает, что можно попить из крана в туалете, и направляется туда по коридору, видит бомжа, который сидит на полу, прислонившись к стене, рядом с ним на батарее большой кусок хлеба, совершенно высохший, даже согнулся, удивленно смотрит, а бомж объясняет, я люблю хрустящий хлеб! – Тарай делает несколько шагов, и вдруг замечает крошечное кафе почти напротив туалета, надо же, в таком месте открыть кафешку! – неодобрительно смотрит, но входит, все же лучше, чем пить в уборной, просит чай, странно, ждать абсолютно не приходится, тут же приносят, платит, берет пластиковый стаканчик, он горячий, обжигает руки, выходит в коридор, там не так тесно и темно, и как только подносит стакан ко рту, в нос ударяет неприятный запах, кислый и едкий, совсем не похожий на замечательный аромат чая и воздух кафешки, скорее типичный запах хозяйственного магазина, вроде того, в котором он в детстве книгу читал, ах, тогда уж лучше туалет, этот чай ему очень не нравится, и цвет скорее желтоватый, чем коричневый, заходит в туалет, одним махом выливает его в раковину, и тут же в ужасе отпрыгивает назад, из раковины поднимается облако едкого хлорного газа, шипит крепкая кислота, он бросает стакан, выбегает, но застревает в коридоре, дорогу преграждают те самые

санитары с носилками, которые увезли молодого юриста, как раз бомжа грузят на носилки, а на батарее уже нет куска сухого хлеба, его остатки валяются на полу, санитары очень довольны, на редкость плодородный день, чего вы суетитесь, спокуха, куда вам торопиться, если уже помочились, это не может быть так срочно! – кричат Тарайу, а он в панике, вон отсюда, вон из этого идиотского города, мчится по коридору, в вестибюле смотрит на часы, слава Богу поезд скоро будет, и в тот самый момент громкоговоритель объявляет о его прибытии, он резко распахивает выходную дверь, торопится вперед, как можно дальше уйти от главного корпуса вокзала, вглядывается в путь, поезд приближается как угрюмый великан, уже слышен грохот колес, и тут его сердце схватывает предчувствие, что он попадет под локомотив, тот отрежет ему ноги, и он ничего не может с собой поделывать, никак не перебороть это чувство, с ужасом представляет, что еще несколько метров, и он соскользнет на рельсы, поэтому останавливается, приседает, становится на четвереньки, чтобы как можно крепче зацепиться за землю, к нему подходит один из пассажиров, вам плохо, помочь, вызвать скорую? – поезд грохочет уже совсем близко, нет, нет, скорую не надо! – кричит Тарай – все в порядке, я потерял очки, ищу, вы их не видите? – и опередив всех, первым забирается в вагон второго класса, оглядывается, никаких очков тут нет! – отвечает мужчина, еще бы, думает Тарай, откуда им взяться, плетётся в вагон глубже, опускается на свободное место и ждет не дожидается, когда они, наконец, тронутся, и поезд едет, тарыхтит, ревет, возвращаясь на десять лет назад, увозя еще совсем молодого Тарайа на другую трехдневную конференцию, где у него презентация, простой доклад, ничего особенного, эта конференция не является грандиозным научным событием, но все равно интересная, приятно время от времени пообщаться с дальними коллегами, всегда слышишь что-то новое, немного профессионального чуда, частные сплетни, можно хорошо покушать и выпить, а по вечерам поплясать, некоторые приезжают сюда вообще как в казино, забьются в зал для презентации постеров, где из-за них потом никто ничего не может демонстрировать, и режутся в карты с утра до ночи, в густом дыму чудом видят собственные карты, пустые бутылки из-под пива и вина громоздятся вокруг их стола, им даже в туалет сходить непросто, когда кому-то очень приспичит, и – какая беда! – вынужден на несколько минут бросить компанию, вставая и выкарабкиваясь, непременно опрокидывает пару бутылок, пьют постоянно, три пива вместо обеда, два вместо ужина, если бы они неожиданно появились в лекционном зале, аудитория заподозрила бы что-то нехорошее, интересно, что Тарай, несмотря на всю свою расхлябанность, считает – тогда еще – что до такого уровня он никогда не опустится, тем более до уровня курящего сигары, раздающего всем карты, издевающегося над всеми мудака, который ведет себя будто он здесь вожак, его дух витает на уровне ржавеющей, обосранной мухами неоновой лампы, вздымается вместе с собственным сигарным дымом и просится к вентиляции, кто-то должен наконец избавить эту комнату от смеси старых, гнилых идей, дыма, выпивки и человеческой вони, но такого нет, и так, когда Тарай входит в эту пещеру, чтобы еще раз просмотреть свои слайды, кто-то как раз выигрывает ставку, и поскольку карта не сдана они начинают приставать к незваному гостю, какого черта ему здесь надо, то ли сядет среди них, хотя на первый взгляд это кажется довольно безнадежной попыткой, он все равно не вписывается в их возвышенную компанию, то ли пусть идет в лекционный зал к придуркам, на которых больше похож, и тут у Тарайа пластинка снова и снова заедает, он бы ответил, с тех пор тысячу раз прокричал бы безудержно, то, что было у него на языке, но не вышло из него тогда, и не выходит и сейчас, каждый звук застревает в горле, что он, пытается уважать в них сотрудников национального института, но все меньше и меньше получается, вместо этого он просто берет проектор, выходит и закрывает за собой

дверь, пусть они задохнутся, и это примерно самый верный и глубокий вывод этой конференции, позже трясется в поезде домой, снова путешествует в новом времени, в купе душно, хочется спать, он перелистывает экзаменационные билеты, ведь сегодня его ожидает неприятный экзамен, где раньше уже было полно провалов, все равно не сдашь, утешают его, нет смысла судорожничать, и действительно, шанс получить пару не малый, почти каждого хотя бы раз выгнали, очевидно для коллег было бы большим утешением, если бы у Тарайа так же не получилось, как и у них, среди которых было довольно много влиятельных лиц, наверное, Тарайу не надо было весь вечер и ночь провести в гостях, лучше бы готовился, зато он не перенервничал, приехав в свой город выходит из поезда, на вокзале сонное утро, у него нет времени зайти домой перекусить, принять ванну, идет прямо на письменный экзамен, народ уже собрался, человек тридцать, столько помещается в зале, чтобы сидели только на каждом третьем стуле, не дай Бог будут перешептываться или обмениваться шпаргалками, ой, здесь полный контроль, очень строго, пусть никто не думает, что только ради красивых глаз ставят тройки, в этом честном до мозга костей мире не дадут сеять семена нечестности, когда все занимают свое место, зачитывается список имен, тот, чье имя прозвучит, говорит "да", когда дойдут до Тарайа, и он отвечает "да", проверяющий отрывает взгляд от списка, где вы сидите? – спрашивает, и ему приходится встать, показать себя, как никому другому, кажется, нашелся доброжелатель, обратить на него внимание, любопытно, что тот мог сказать по телефону, у Тарайа столько шпаргалок, сколько у собаки блох, или в шутку упомянул кому-то из начальства, хвастался мальчик, разработал такую совершенную технику, что его все равно не поймают, в любом случае, один из инспекторов становится за его спиной, возле стула, и пока остальные трое инспекторов, как пузырьки в жидкости, перемещаются между рядами, этот несчастный неподвижно торчит рядом с Тарайем в довольно неудобной позе, находясь в его периферийном зрении, мешает работать, а в то же время Тарайу как-то жалко его, провести три часа на одном месте, должно быть неловко для бедняги, а то, насколько это Тарайу неловко и в работе и перед остальными, им наплевать, главное, любой ценой провалить его, и осознание такого коварства взвинчивает Тарайа, будоражит глубинные слои его души, пробуждая способности, которые после ночи и поездки на поезде, как это было на протяжении большей части его развратной жизни, вероятно, остались бы в спящем состоянии, и он действительно мог бы провалиться, но таким образом, откопав прежнего Тарайа, – единственного кто решил на школьной олимпиаде по математике экстра задачу для старших классов – его перо просто мчится по бумаге, – видя это, о чем может думать наблюдающий за ним инспектор? – содержание материала появляется в его памяти, будто он сейчас читает, просто должен его дословно скопировать из своих извилин в это чрезвычайно честное, никудышное настоящее, и тогда инспектор располагает напротив, чтобы видеть его еще лучше, ничего не пропустить, например, шпаргалку в ручке или четыреста страниц материала, нацарапанных крошечными буквами на ногте, но, к его огорчению, Тарай вдруг собирает все свои листы и, поскольку уже готов, выносит и отдает инспектору, который делал переключку, тот нервным жестом берет, ведь рушится вся хореография желанного скандала, Тарай разворачивается и покидает зал, оставляя их в своей славной респектабельности, и когда бывшие неудачники-коллеги спрашивают его еще до объявления результатов, ну, пользовался шпаргалками, удалось? – словно надеясь в последний момент выудить из него какую-то информацию, чтобы заложить и аннулировать результат, он улыбается, ни о чем не думает, даже о том, что они примерно такие же мудрые, как добродушные, просто стоит, смотрит им в глаза с идиотской улыбкой, как однажды заметила его бывшая возлюбленная, и вдруг ему хочется куда-то пойти, беда в том, что не может понять, куда именно, возможно, к

девушке, которая, находясь за тысячу километров от него, скоро навсегда покинет тот уголок мира, откуда пока идут вести о ней, где взгляд Тарайа еще может ее достичь, и тогда поезд, который неудержимо мчится сквозь время и пространство снова уносит Тарайа на новое место, и высаживает его на станции, которую он никогда раньше не видел, выходит с чемоданом, уже за полночь, как же тут ее найти, размышляет, но вдруг замечает молодую женщину, которая медленными, размеренными шагами приближается к нему, теперь она уверена в том, что человек, ради которого она годами жила на вокзале, с чемоданом в руке стоит перед ней, никто не мог предположить, что он станет ее искать, появится в этом странном месте, она одна верила в то, что этот момент наступит, стоят лицом к лицу, не двигаясь, безмолвно, просто глядя друг на друга, наблюдая за трепетом складок лица, за катящимися слезами, между ними примерно метр, и они стоят неподвижно, не в силах насытиться друг другом, понимают, перед разлукой на веки любое прикосновение, любое слово было бы нелепым пустяком, Тарайу не верится, что ему это ясно, не привык понимать такие вещи, он тот, кто улавливает малейшую реальность, но сейчас они просто продолжают смотреть друг на друга, пока в разгорающемся на востоке рассвете не придет следующий длинный зеленый состав, тогда Тарай машет левой рукой, она в ответ правой, он со своим чемоданом забирается в вагон, в дверях оборачивается, их глаза наполнены страхом и печальным покоем, поезд трогается, унося его так далеко, словно переселился на другую планету, или туда, куда только воображение может проникнуть, или же ангелы с трепещущими крыльями, состав мчится по широким полям, по мостам через речки, по туннелям, воздух становится все холоднее и холоднее, и как только он взглянет на открытое окно, чтобы уже закрыть его, залетает настоящий ангел, точно такой, каким он его представлял, устраивается рядом с Тарайем, я согрею тебя, шепчет, и своими пушистыми крыльями нежно накрывает его плечи и спину, где ты скитался так долго? – спрашивает – твое тело износилось, кожа зачерствела! – Тарай глядит в окно на просторные снежные поля, сменяющие покрытые инеем луга, и хочет ответить, я искал тебя повсюду, где бы ни был, во всех странах, в горах и на равнине, у моря, в городских закоулках, на бетонной и щебневой дороге, в барах и борделях, в небе, летая на самолете, везде надеялся найти твое лицо, твой хрупкий облик, я хотел, чтобы твой голос звучал в моих ушах, искал твои забытые черты, твою фигуру, но только время пронеслось надо мной, чтобы ты становился все более далеким и недостижимым, чтобы мои поиски были безнадежными, вот так Тарай собирается ответить ангелу, но не может, сидит рядом с ним с застрявшим в легких ответом, а голова покоится на его плече, морозный северный ветер дует в окно холод снега по колено, знобящий поток истины, вытесненной за спину Бога, ангел гладит лысеющую голову Тарайа, не горюй, это так должно было быть, – говорит – я здесь приобрел свою родину, и ты тоже нашел то, что искал, я всегда был с тобой, так, как это было лучше всего для тебя – и тут Тарай от его ласки закрывает глаза, откуда-то льется такое благодатное, проникающее, живительное, любящее тепло, которого он никогда в жизни не чувствовал, тепло настоящего ангела, который, о чудо, сидит рядом с ним, вот только прикоснись к нему, и он тут, и Тарай пытается прикоснуться, но тщетно, открывает глаза, оглядывается, в купе никого нет, только колышущаяся теплота потустороннего мира, и окно, которое он хотел закрыть, наглухо закрыто, так же, как и дверь туалета почему-то заперта, хотя еще никогда не случалось, чтобы он тут не мог облегчиться, засорился слив или лопнула труба? – он уже несколько раз забежал в эту столовую, находясь в городе, когда трудно было ждать, пока доберется до дома, здесь добрые и понимающие люди, не осуждают, если кто-то не поев или не попив, сразу направляется в туалет, делают вид, будто не замечают, а их сортир чистый и культурный, не так, как во многих местах, сейчас дело не очень срочное, поэтому может пойти через дорогу к конкуренту,

иногда уже бывал там, но переходя зебру, сразу замечает, что вокруг входа тихо, хотя у них обычно большое движение, к сожалению, это отражается и на состоянии туалета, не случайно никого нет, выясняется, что они закрыты, на вывеске, висящей на стекле изнутри, написано, что всю неделю идет внутренняя реконструкция, ну, значит придется топтать чуть дальше на небольшую заправочную станцию в центре города, там уж не должно быть никаких проблем, они открыты круглые сутки, вот только школьный экскурсионный автобус заправляется, и в единственный туалет стоит длинная очередь, мальчики и девочки вперемешку, ой, какое неприятное совпадение, и прямо сейчас! – бормочет Тарай, идет дальше, можно зайти в офис муниципалитета, как будто у него там дела, смотрит на часы, не пройдет, уже слишком поздно, давление в мочевом пузыре начинает беспокоить, не мешало бы, наконец, найти что-нибудь, может стоит вернуться домой, это было бы самым оптимальным решением, или вот там в парке облегчиться в кустах, о, как неудобно! – а если увидят? – растительность не такая густая, все же выбирает дорогу через парк, добираться до дома немного дольше, но, может быть, по пути будет возможность сходить в туалет, оглядывается, смотрит, кто идет за ним, кто на встречу, или по боковой аллее, дети на велосипедах чаще всего появляются внезапно, непредсказуемо, какой пример он им даст, ах, возможно, лучше отказаться от этой авантюры, хотя одно из толстых деревьев предлагает себя, он подходит, вокруг несколько кустов, место выглядит подходящим, к сожалению, с его увеличенной простатой избавляется от мочи медленнее, чем раньше, хе-хе, когда он был молод, после пива какой фонтан производил в писсуарах кабаков! – куда все ушло! – а теперь моча еле вытекает даже при таком неприятном напоре, уже собирается расстегнуть молнию на ширинке, когда с громким шумом вылетают пацаны скейтбордисты, нет, это невозможно, две три минуты, пока вытечет, я лучше пойду домой! – но раздражение растет быстрее, чем он ожидал, и не доходя до кольцевой дороги уже с трудом идет из-за страшного желания пописать, Господи, я сейчас обмочусь, что со мной будет, брюки намокнут, все надо мной будут смеяться, но если даже каким-то чудом никто не увидит, все равно позор, как маленький ребенок, обмочиться на улице! – я должен как-то добраться до дома! – и он старается спешить, насколько позволяют его больные ноги, но они почему-то слабеют, спешить не может, еле плетется, на углу надо повернуть налево, оттуда всего метров двести до дома, у входа ищет свой ключ, но не может найти, потом звенит связка ключей, но в спешке выпадает из рук, поднимает ее, уже очень, очень нужно в туалет, находит нужный ключ, наконец, вставляет его в замок, ворота открываются, еще несколько шагов до двери квартиры, там тоже неуклюжесть с ключами, замок щелкает, он распахивает дверь, бежит в туалет, быстро, быстро расстегивает молнию, и когда наконец, уже может пописать, какой-то древний инстинкт останавливает его, это точно туалет? – это на самом деле реальность? – он действительно может пописать, унитаз не только снится, а моча потом попадет куда-то в совсем другое место? – но уже не в состоянии принять решение по поводу ситуации, давление настолько невыносимо, он так неудержимо хочет облегчиться, что рефлекс, заложенный в основах его мозга в возрасте двух лет, медленно ослабевают, чувствует, что поступает нехорошо, что он, весь измученный, может промахнуться мимо унитаза, или еще какое-нибудь препятствие возникнет, но все же, и все же он сейчас пописает, уже даже слезы текут от колебания, можно мочиться или нет? – что на самом деле с ним тут происходит? – и тогда уже нет ни ответа, ни контраргумента, он начинает испускать мочу и плачет, плачет, плачет, потому что даже во сне понимает, что спит, что ему все это только снится, проклятый сон, который преследует его каждый день, мучает, унижает, и полусознательно понимает, что лежит без ног в весьма простой комнате, освещенной ночником, никого и ничего у него нет, и только что помочился в свой подгузник.

Лежа на спине в равнодушном желтоватом свете ночника он ворочается и пыхтит, не проснулся, но и не спит, глаза закрыты, на мокром лице горечь, правой рукой тянется к тумбочке, нащупывает лампочку и выключает ее. Безнадежная, мертвая тьма оседает на комнату, тьма космоса может быть такой беспросветной, он ненавидит эту темноту, но теперь, возможно, она сжалится над ним и погрузит его в глубокий, беспамятный сон, где он сможет наконец отдохнуть и забыть о том, что он существует вообще, ведь существование приносит ему только боль и страдание. Но все происходит не так, его последние вечерние мысли мелькают в голове и ответ Эрнеста о том, что многое еще впереди.

Как ты сюда попал? – спрашивает он Эрнеста, который восседает на унитазе в туалете Тарайа, он появился там с одного момента на другой, заметно напрягается, как будто у него запор или понос, агония в глазах, он не отвечает, сосредоточившись на своей нижней половине тела, а с его губ срывается едва разборчивое урчание, – я остался свободомыслящим человеком! – повторяет и повторяет, Тарай с трудом понимает, слух у него уже не тот, это семейная черта, все его родственники на старости лет стали полуглухими, но во всем плохом есть что-то хорошее, так, например, шум двух близлежащихстроек меньше беспокоит его, но в конце концов сомнений не остается, Эрнест действительно эту мантру твердит про себя, я остался свободомыслящим человеком! – я остался свободомыслящим человеком! – я остался свободомыслящим человеком! – я остался свободомыслящим человеком! – я остался свободомыслящим человеком! – я остался свободомыслящим человеком! – я остался свободомыслящим человеком! – он достает из кармана свою последнюю книгу, ту самую, которую показывал Тарайу, самиздат, вырывает страницы одну за другой, вытирает ими свою задницу, но не перестает произносить мантру, – я остался свободомыслящим человеком! – я остался свободомыслящим человеком! – знаю, друг мой милый, говорит ему Тарай, вот увидишь, у тебя все получится, все будет хорошо, не горюй, не кори себя, и сидя на унитазе, гладит макушку головы, которая заваливается вперед, также, как гладит голову Тарайа странный молодой человек на берегу озера, стоят с Юлией, иногда делая несколько шагов по дорожке на дамбе, его правая нога еще здорова, левая ампутирована ниже колена, недавно получил протез, с трудом привыкает к нему, небольшая помощь очень помогает держать равновесие, вдвоем ходить безопаснее, чем в одиночку, смотрят на воду, на золотое сияние послеполуденного солнца, на купальщиков и молодежь, которая дурачится с мячом, на медленно плавающих пожилых, некоторые из них примерно возраста Тарайа, только с неповрежденными ногами, правда, в воде этого не видно, но, очевидно они не без ног, он вспоминает старые времена, большие заплывы, озера, реки, моря, ему вдруг так хочется окунуться в коричневатую-блестящую йодистую воду, что просит Юлию довести его до самого края берега, где он осторожно наклонившись, может окунуть хотя бы руки, набрызгать на затылок и лицо немного воды, здесь берег – грязь вперемешку с песком, дальше камыши, и знает, что далеко за камышами есть бетонная лестница, по которой можно удобно спуститься к воде, но туда дойти не может, а желание хорошенько поплескаться, смешанное с юношеским озорством, не дает покоя, спрашивает мнение Юли, она колеблется, в таком случае ей тоже надо будет раздеться, он должен отсоединить свой протез и опираясь на нее, может войти в воду хотя бы до пояса, где, вероятно, уже справится сам, однако следует опасаться, если он отважится войти глубже, и не сможет плыть с одной ногой, утонет, поэтому Тарай обращается к четырем молодым парням, рядом играющим с мячом, эй, ребята, не могли бы вы помочь мне войти в воду? – конечно, папаша, в одежде, или разденетесь? – смеются в ответ, но когда Тарай снимает штаны и они видят его протез, немного затихают, ждут,

пока полностью разденется и вот он стоит в одних трусах, одежду держит Юля, она отходит немного назад, где трава совсем сухая, и укладывает шмотки туда, пусть руки будут свободны, на случай, если понадобится и ее помощь, подходит к Тарайу, тот отстегивает свой протез и кричит ребятам, ну, давайте! – они опять наглейт, подшучивают над ним, мол он похож на цаплю, и зачем снял свою деревянную ногу, она бы его держала, даже плавать не надо было бы, точнее трое веселятся, четвертый ведет себя более солидно, стоят возле Тарайа, сцепив руки, садитесь папаша, только не двигайтесь и держитесь за нас! – отправляются, несут легко, когда вода по грудь, опускают, ну что, старик, не передумали? – и тут более солидный парень, видя некоторую неуверенность в глазах Тарайа, гладит его лысину, не волнуйтесь, все получится, наслаждайтесь и дайте знать, когда достаточно! – и Тарай, как обычно, ныряет, а когда всплывает говорит, спасибо, ладно! – переворачивается на спину и начинает плыть, сначала осторожно, а потом все смелее и смелее параллельно берегу, ему приходится чуть сильнее работать руками, ведь одной ноги не хватает, быстро овладевает необходимыми движениями, чтобы держать направление, над ним небо ослепляет своими роскошными облаками, и ярким солнечным светом, он плывет, тело легкое, возможно, только душа легче, наблюдает за деревьями на берегу, за Юлей, идущей параллельно с ним, видит, что продвигается быстрее, чем когда шел по набережной, может в бассейн стоит ходить, думает, но вспоминает лаконичное замечание хирурга, это еще не конец! – так что вряд ли надо слишком принимать во внимание свои нынешние возможности, но как бы то ни было, он сейчас плавает, поэтому попытается как можно дольше понежиться в этой красоте, переворачивается на живот, может ли плыть брассом, но это сложно, вся нагрузка падает на руки, так что переворачивается обратно на спину и заодно разворачивается, нет, он пока не хочет выходить, но нежелательно оказаться далеко от того места, где осталась одежда и протез, Юля идет за ним по берегу, а вещи лежат в траве, правда, вряд ли их кто-нибудь возьмет, кому они нужны, разве что ради прикола, вдруг уши закладывает, между двумя темпами неуклюжими пальцами пытается помочь, не получается, звуки становятся совсем приглушенными, и у него возникает ощущение, что плывет один во всем озере, что в целом мире нет никого, кроме него самого, что над ним раскинулось бледно-голубое небо с облаками и тепленькая вода омывает его тело, берег почему-то становится все дальше и дальше, и уже не может разглядеть ни Юлю, ни деревья, купальщики исчезли, как в амниотической жидкости материнской утробы он плывет один, его судьба зависит исключительно от сил природы, сам ничего не может решить, все происходит запрограммировано так, как и должно происходить, может даже умереть, течением унести, нет, ведь это озеро, причем не очень большое, куда его унесет! – и все же, встревожен этой мыслью и чувством полного одиночества, пытается приблизиться к берегу, уж слишком далеко оказался от него, изо всех сил гребет руками, понятия не имеет, где он находится, когда вдруг его спина упирается в мелководье, о хорошо! – вздыхает, это было превосходно! – хочет позвать Юлю, переворачивается на живот, чтобы увидеть ее, но не видит, как и молодых людей, черт побери, а ведь обещали помочь выйти, особенно четвертый, как любезно он это говорил! – такова молодость, эгоистична и забывчива! – разве я сам был другим? – вот только никого не видно, пляж совершенно пуст, как после сезона, когда он бывает таким жалко осиротевшим, никого нигде, тишина, как будто лето умерло навсегда, сердце чуть не разрывается от этого зрелища, от горя, которое испытывает человек от потери летних удовольствий, нет тебе помощи, Тарай, ты остался один! – и как тюлень начинает вылезать на берег, его тело покрывается песком, смешанным с илом, подтягивается на руках, а здоровой ногой толкает себя, подползает к лежащему на траве свертку одежды, на которой лежит протез, пристегивает его, рубашкой стирает с

тела песок и начинает одеваться, а когда наконец-то одет, пытается самостоятельно подняться, еще не имея в этом достаточной практики, но добивается успеха, стоя снова оглядывает совершенно пустынную местность, даже не представляет, куда теперь ему идти, и после своего счастливого, легкого плавания начинает карабкаться своим снова отяжелевшим телом на дамбу к дорожке, чтобы там решить, в какую сторону хромая податься, ходит по городу, ищет себе женщину, он приехал всего на несколько дней, тут должен кого-нибудь подцепить, не оставаться же без бабы в такой знаменитый день, день святого Ивана, праздник плотских наслаждений, в голове пусто, он немного устал от пьянки предыдущей ночи, но сейчас предпочел бы женщину больше, чем выпивку, понятия не имеет, с чего начать, бродит по центру города, заглядывая в глаза симпатичным девушкам, а вдруг кто-то клюнет, но после многократного хождения из одного конца площади в другой, ни одна из них многозначительно не оглядывается, уже сереет, звонит колокол церкви, черт возьми, давно не тратил столько времени зря, не понимает, сам лопух, или этот город полон девственниц, что это за место? – кажется, к одной из продавщиц мороженого успешно подкалывается, но в итоге кроме шарика мороженого не может ничего добиться, неохотно кушает, и недоев выбрасывает в мусорное ведро, на площади сцена, к счастью там уже идет подготовка программы, будут народные танцы, а затем рок-концерт, туда уж точно привалит народ, среди них и раскрепощенные девушки, правда, к тому времени он хотел бы все уладить, или хотя бы познакомиться, нехорошо такое дело откладывать на последний момент, и в своем нынешнем состоянии он бы не против сделать разминочный круг, оставив главное развлечение на после концерта, но увы, на встречу ему идут пары, или целые группы девушек, хорошей добычи, одиночных женщин, или хотя бы двух вместе, что гораздо перспективнее чем влюбленные парочки и стаи девиц, не видно, возле сцены он рассматривает танцовщиц в народных костюмах, ожидающих своего выступления, их упругие, стройные фигуры напоминают ему девушку, с которой крутил во времена Беллы, если один раз получилось, почему бы не попробовать второй раз, поплясать и в постель, но что-то его расстраивает, чувствует себя подавленным, он уже не вписывается в их ряды, ему уже нужны тертые, ищущие добычу самки, такие как и он сам, сучки для самцов, сливается с густеющей толпой, начинает играть музыка, танцоры пляшут, поют, солнце уже село, но еще не темно, под приятную мелодию обходит скамейки по краю площади, разведать, не сидит ли там подходящий товар, пустых скамеек нет, на некоторых сидит по несколько человек, хотя обычно, если она уже занята другие туда не прут, на одной из скамеек, которая дальше от других, между кустами, осталось особенно много места, на ней расположилась молодая пара, но не бок о бок, а девушка на коленях у парня, лицом к нему, ее ноги свисают сзади, иногда она упирается в задний край сиденья, при этом тело немного приподнимается, юбка расправлена, даже прикрывает колени парня, с этого места открывается отличный вид на площадь, естественно только для парня, так как девушка сидит на его коленях спиной к сцене, похоже, что ее внимание не привлекает праздничная программа, как и парня тоже, его взгляд теряется где-то вдаль, совсем не следит за танцами, скамейка в кустах, поэтому не бросается в глаза, Тарай тоже не обратил бы на нее внимание, если бы как раз не охотился, а вот она прекрасно подошла бы присесть там и с этого отличного ракурса понаблюдать за местностью, и когда что-то заметит, напасть как паук, медленно проходя мимо молодых людей, думает, что их не особенно потревожит его присутствие, поэтому спрашивает, можно присесть? – парень молча кивает, вот и весь ответ, Тарай садится на другую, свободную сторону не слишком длинного сиденья, между ними сантиметров тридцать, спасибо! – говорит, но не смотрит на пару, не хочет выглядеть совсем бестактным, раз уж он вошел в их сферу, подчеркнуто направляет свое внимание на сцену, там ничего не меняется, один народный ансамбль

следует за другим, публики становится все больше, видимо скоро последует рок-группа, уже достаточно темно для цветомузыки, в такой толкучке теряет надежду найти партнершу, начинает мириться с тем, что сегодня ничего не получится, что-то испортил, бывает, и тогда, от скуки и рефлексивно, он осторожно начинает наблюдать за парой, удивляясь, как им не надоедает так долго эта немного неудобная поза, замечает одухотворенное лицо девушки, ее ритмичные движения, вздохи парня, и понимает, что вторгся не просто в какую-то сферу, а в особо интимную, смотрит на них с озорным любопытством, делая это все чаще и чаще, и после того, как он и девушка, взаимно улыбаясь, глянут друг на друга, больше не отводит глаза в сторону сцены, как будто их действие происходит для его развлечения, полностью поворачивается в их сторону, скрещивает ноги и наблюдает за зрелищем полового акта, не упуская ни секунды, когда уже полчаса почти участвует в их занятиях любовью, придвигается ближе, чуть не касаясь их, вытягивает ноги, полностью откидывается на спинку скамейки, чтобы как можно лучше видеть ее лицо, таким образом они оказываются настолько близко друг к другу, что почти не разобрать, на чьих коленях она сидит, Тарай понимает, что она именно та женщина, которую он представлял себе для этого праздника, улыбаются, строят глазки, она действительно очень милая, и возможно, в присутствии Тарая вдвойне ловит кайф, парень тоже не стеснительный, делает свою работу, и тогда Тарай, вдруг, глядя на нее, совершенно естественно, ему самому странно, насколько непринужденно спрашивает, ты потом пересядешь ко мне? – а девушка, видимо, так же относится к вопросу, потому что отвечает с тихой простотой, можно, но только после полуночи, до тех пор он продержится – и Тарай делает большой глоток, ух ты, это не скоро, но звучит чертовски хорошо, какая женщина! – до тех пор он может от зрелища и обещания поймать кайф, площадь и сцена с гремющей музыкой перестают для него существовать, мигающие желтые, красные, синие, зеленые огни и зигзагообразный лазер освещают занятие любовью, происходящее прямо рядом с ним, ее ноги время от времени касаются ягодиц Тарая, и он начинает их гладить забираясь под юбку, ее кожа бархатистая и влажная, его ладонь движется вверх по раздвинутым бедрам, в промежутке между двумя режущими барабанными перепонками музыкальными номерами девушка вдруг говорит, завтра у меня операция, уберут одно легкое – Тарай слегка отшатывается, почему? – спрашивает, – у меня рак, метастазы, – отвечает она, – в таком молодом возрасте? – этого не может быть! – недоумевает Тарай, я не так уж молода, – отвечает девушка, и музыка вновь гремит, да так, что больше ничего не слышно, даже ее хриплый, неудержимый кашель, когда она разбрызгивает свою заразную слюну прямо в лицо Тарая, ее физиономия морщится от боли, она превращается в женщину лет пятидесяти и орет, ее рев прорывается даже сквозь музыку, мне сорок восемь, если хочешь знать, и я курю по две пачки в день! – от усилий кровавая пена появляется на губах, ее движения на парне становятся совсем дикими, как будто она хочет доставить себе удовольствие на десятилетия назад и вперед, жди, после полуночи! – кричит снова, но к тому времени Тарай уже отдергивает от нее руку, и его тело, ожидающее эротику, вдруг сжимается в комок, затем он вскакивает и ныряет в толпу, бешено трясущуюся в этом гвалте, хочет убежать, но нечем, обрубки его ног до крови натерты булыжником, голова по пояс другим, как старый ребенок, мечется между ними, его толкают и топчут, он беспомощен и обречен, как бегущий петух с отрубленной головой, пытается расчистить себе дорогу руками, но не получается, музыка рвет уши, толпа, суматоха тащит его за собой, хихикая прыгают ему на грудь, на шею, он задыхается, перед ним на столе вкусные закуски и напитки, но кому они нужны, в зале гремят динамики, одноклассники Юли танцуют до упада, Тарай забился в угол, рядом Юля с тревогой наблюдает за выражением его лица, ежеминутно надеясь, что, может быть, ему уже

лучше, но от чего ему станет лучше, тем более так быстро, нога вот-вот отвалится, голова тяжелая, как мешок с зерном, его тошнит, хочется выблевать из себя весь мир, тело похоже на раскаленную печь, ладонь Юли на лбу кажется ледяной, он должен как-то дотянуть до завтрашнего утра, чтобы не сорвать эту фантастическую встречу одноклассников, некоторые уже бросают на него обеспокоенные, однако раздраженные взгляды, чтобы в следующий момент снова погрузиться в поток ритма, он сбрасывает левый ботинок, чтобы не давил ногу, от этого движения боль как нож пронзает его большой палец, он чуть не плачет, палец совсем черный, уже утром был серый, когда отправлялись, наступить на ногу было невозможно, опирался на пятку, теперь его нога стала чужой, от которой хотел бы немедленно избавиться, как от негодного инструмента, который причиняет только муку, сломать, выбросить, неважно, главное, чтобы эта мучительная боль перестала его терзать, возможно, лучше было бы посидеть на террасе, по крайней мере, вне поля зрения остальных, прохлада могла бы облегчить его страдания, успокоить невыносимую пульсацию в левой ноге, но у него нет сил двигаться, и хотя весь зал превращается в дергающуюся массу плоти, отвратительное месиво, откуда он, возможно, и без боли должен был бы выбраться, Тарай не может оторваться от стула, от стола, куда он упирается локтями, поддерживая измученную голову, к ним подходит организатор, спрашивает с обеспокоенным лицом, действительно ли его состояние так ухудшилось, как ему кажется со стороны? – и того более! – отвечает Юля, надо что-то делать, нельзя ждать до утра, может развиваться сепсис, его надо отвезти в больницу, но поскольку Тарай качает головой, она просит организатора помочь его переубедить, на этом курорте нет серьезных медицинских услуг, надо отвезти его пока не поздно, пока еще не наступила ночь, организатор кивает, уходит, возвращается через несколько минут с мужем одноклассницы Юли, говорит, что договорился с их больницей, они ждут Тарайа, отодвигают стол, берут Тарайа под мышку, поднимают и сажают в машину мужа одноклассницы, Юля тоже садится и сразу же уезжают, если надо ложиться в больницу, что очень вероятно, то хотя бы в своем городе, музыка не прекращается ни на миг, только когда захлопывается дверь машины она становится заметно тише, какой-то потусторонней, и как только авто трогается, Тарайу кажется, что он снова сидит за столом, лихорадит, его грудь от удущья прямо разрывается, невыносимо болит, пульсирует нога, а через стол бывший класс Юли трясется под дикую музыку, Юля и организатор агитируют его поехать в отделение неотложной помощи, он протестует, тогда организатор и еще кто-то берут его под руки, выносят и запикивают на заднее сиденье автомобиля, как будто выбрасывают, избавляются от него, музыка начинает затихать по мере того, как они удаляются, да и двигатель заглушает ее, затем снова начинаются бурные ритмы, он смотрит на узоры скатерти, корчится от боли, рядом с ним Юля что-то кричит ему на ухо, у него остаются силы только протестовать, агония отнимает последние силы, появляется какой-то тип, потом уходит и возвращается с другим, хватают его, тащат к машине, втискивают на заднее сиденье, дверь тачки, нет, дверь мира захлопывается, двигатель ревет, и это видение повторяется снова и снова, и когда отправляются он знает, что все, что было жизнью, остается позади и начинается последняя, проклятая фаза его существования, мир переворачивается с ног на голову, но не так, как простой пьяница, когда ранним утром после десяти кружек пива, двух бутылок вина и нескольких крепких напитков бродит по улицам, цепляясь за стены домов, и смеясь над собой с большим трудом идет домой, нет, мир зловеще теряет равновесие, поднимаясь по ступенькам своего крыльца, он вдруг пошатнется в сторону террасы, едва успевает ухватиться за перила, словно против воли взлетает в воздух и делает сальто с непредсказуемым исходом, или, кушая мороженое, вдруг закружится голова и окружающий мир, кажется, начинает покачиваться вправо-влево, и возникает

сомнение, сможет ли человек когда-нибудь твердо стоять на ногах, подвергается новым и новым толчкам, вынужден прислониться к столбу аркады, чтобы не упасть, но этого недостаточно, поэтому приседает, пытается удержать мороженое в вертикальном положении, прохожие даже не замечают его ступора, думают, что он любит кушать мороженое как подросток, или, просыпаясь утром, его кровать, как плот, качается вместе с ним по комнате, никак не выбраться на берег, ему приходит в голову мысль, может быть, уже по волнам Стикса плывет на другой свет, только на плоту, а не на лодке, если это закупорка сосуда мозга, так ему конец, это его последнее утро, либо прижавшись к стене пожарной части, ожидает, когда здание наконец успокоится, чтобы продолжить движение по почти пустой улице, где вряд ли кто-либо поможет, ибо пока весь город шатается и кружится, не может сделать ни шагу, но отныне не только город, но и мир никогда не будет прежним, дрейфует дальше, вверх тормашками, безнадежный в своей древней бесцельности, может быть, ему следует что-то с этим сделать, взять двухсотмиллиметровый гвоздь и со страшным махом молотка, лежащего в ящике с инструментами, внезапным, отчаянным движением пригвоздить мир к стволу платана, огромный хаос возникает, когда мир останавливается хоть на мгновение, вещи разлетаются на все стороны, все привычное к вращению летит дальше и врезается в то, что останавливается, неизвестно, кто виноват, кого затормозит, или тот, кто бешено летит дальше вперед, человек входит в лифт, соврав по домофону, что он почтальон, поднимается на самый верх, вот вниз полетит на много быстрее, любопытно, о чем будет думать в те две секунды, или около того, пока летит, а как прыгать, ногами или головой вперед, если головой, то разбрызганные мозги будут представлять собой довольно отвратительное зрелище, но как бы он ни бросился, может перевернуться в воздухе, хотя, те, кто прыгает со скалы в глубокую прохладную воду не переворачиваются, они проникают в глубину как стрела, может дело в технике, у них есть возможность потренироваться, у отчаянно тормозящего обычно один шанс, лифт шелкает, останавливается, дрожит, ведь при остановке все трясется, дверь открывается, он выходит, обычная лестничная площадка, ничего особенного, окно завинчено, но он принес инструменты, несколько ловких движений и открывает окно, вот этот опыт тоже шлепнется на бетонную дорожку вниз, он не должен долго раздумывать, жалеть себя, раз уж решил, то надо делать, как будто после успешного труда он может пойти домой на обед, но ступить на подоконник нелегко, стоило бы заняться этим раньше, когда еще находился в лучшей физической форме, наконец удастся, ух ты, как высоко, черт возьми, и представить себе не мог, бедные птички, как их не тошнит, и тогда прыгает, и перелетает на чердак своего деревенского дома, где на первом, приподнятом уровне новостройки возле короткой лестницы вместо перил канат, даже в средневековье не могли бы придумать более простого, остроумного способа, позавидовали бы, увидев толстую веревку с несколькими узлами, чтобы не соскользнула ладонь, всего две ступеньки по крохотной дощатой лестнице на приподнятый уровень, этого более чем достаточно для петли, все равно не петля задушит, а шея сломается от тяжести тела, здесь сухая жара, он когда-то бушующим летом занимался тут любовью до пота, шагает вперед с петлей на шее, чтобы потом задыхаться в кровати, на тумбочке кружка, чашка, в кружке вода, в чашке тридцать таблеток снотворного, начинает их глотать, одну за другой, ... шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... к тому времени, как закончит, уже клонит в сон, а может быть, это просто холод брошенного жребия, хотя он все еще может выbleвать, но не для того же он их принимал, чтобы выbleвать, недомогание нарастает, он дышит еще тяжелее, затем решетка на окне сама собой опускается, и комната вокруг него исчезает, вдруг он оказывается на железнодорожном переезде, стоя рядом с путями у шлагбаума, потому там, чтобы не привлекать внимания, почему так долго стоит возле рельсов,

шлагбаум опущен, поезд будет совсем скоро, да, уже слышно, приближается, ничего себе, такого еще не было, кому-то дважды отрезали одну и ту же ногу, на поезд лучше не смотреть, просто шагнуть между двумя рельсами, когда будет достаточно близко, он не дурак, чтобы пытаться глазами остановить такой монстр, наоборот, должен ждать, пока тот не сможет тормозить, машинисту подозрительна его близость, сигналит, но он делает свой последний шаг, и его кровь льется в ванну, полную теплой воды, она покрывает его тело, уже совсем красная, а кровь все еще пульсируя струится из порезанного локтя, так делали латиняне, в качестве последней индальгенции, уходя со славой, и чтобы нагло посмеяться в лицо смерти, кухонный нож на камне рядом с ванной, он больше не понадобится, ничего уже не понадобится, все завершено, только скрип тормозов приходится терпеть тем немногим, кому неприятно вызывать внимание на себя, да ладно! – потом за ним наведут порядок и снова наберут обороты, нажимая на педаль газа, подобно тому, как капитал гонит своих современных рабов, открывая новый, блестящий биологический цикл между шестьюдесятью и могилой, и по всему городу, из выключенных лампочек, над лежащими в ночной бессознательности телами, ревет крепкий мужской голос, это первое поколение, которое имеет возможность работать до самой смерти, гордо, ощущая себя юным, потому что нет такого понятия, как старость, давай! – все равно, что ты, загипнотизированный старый балван делаешь, кошка устроится у тебя на столе, насрет на твой хлеб, вылакает суп, заползет к тебе под одеяло? – да пусть, ты ведь больше никому не нужен, какая разница, существуешь, как хочешь, как можешь, придумай чушь, чтобы в нее поверить, или, если слабоумие не дает тебе никаких идей, мы, глобальные эксплуататоры, придумаем все за тебя, завалим ими через эфир, главное, пусть в пять утра звонят твои часы, визжат, бьют по голове и вытащат тебя из головокружительной усталости, блеклого состояния, волочись, ползи, если не можешь бегать как раньше, шатаясь бреди к крану, к ведру, к тому, что у тебя есть, плесни водой себе на лицо, взбодрись, старое дерьмо, за работу! – вот в чем суть, волшебная прибыль, которую мы еще можем извлечь из твоего существа, лежащего в руинах! – детский труд пока лицемерно запрещен, ничего, мы решим и эту проблему, научно доказано, что твои перекормленные внуки взрослеют раньше своих предков, в шестнадцать, нет! – в четырнадцать, дудки! – они могут быть направлены на убийственный фронт труда уже в двенадцать лет, мы это организуем, только еще не сейчас, а пока вы, гребаные старцы – гм, все равно больше ни к чему не пригодны, шепчет лампочка, а ведь такое публично говорить ошибка, как раз наоборот, пусть поверят, они самые лучшие, ха-ха-ха! – а потом снова кричит, прите самосознательно, и по утрам не смотрите в зеркало, спешите, толкайтесь в пригородных поездах, метро, автобусах, крутите свои дряхлые велосипеды, успеете до гудка, хороший трудяга не опаздывает и работает до последнего дыхания, иначе кто вас будет содержать, эй, лентяи, тунеядцами собираетесь стать после сорока пяти лет упорного труда? – разве это честно? – хотелось бы, чтобы вам все подавали на подносе? – ну-ка считайте, а еще лучше мы посчитаем за вас, из общего бюджета завтра не хватит на холодную воду и сухой хлеб, папаша, содержите себя, если хотите есть, цель – прибыль, прибыль, выгода! – кто инвестирует бесплатно? – что вы себе представляете, давайте, вкалывайте! – герои резинового стажа, вечно юные квартиранты могил, бездельники прозябают, оглянитесь, оцените! – и спящий Тарай вздрагивает, когда лампочка ночника заорет на прикроватной тумбочке, голос хрипло гремит, беспомощные, безногие старые хрычи, проснитесь! – чего вы тут спите, дармоеды, деградированные трутни, гнилые паразиты, вашего трудолюбия не хватает в расцветающем мире, так пусть хотя бы ваша совесть воняет удушливым смрадом, который испаряется из всего вашего существа, с чувством вины бессонно пьетесь в потолок в вашем комфортабельном санатории, бормочите молитвы день и ночь, неверные, если ваши

уста на это еще сгодятся и Бог когда-либо существовал в ваших развращенных умах, что этот санаторий стал вашим домом, ибо нераскаявшихся легко может унести чума!

Тарай просыпается корчась, хватая ртом воздух, приоткрывает глаза, и даже он видит, что за окном посерело, немного успокаивается, о, это хорошо, утро уже близко! – если бы мы только могли справедливо раздавать все награбленное! – разбойники! – бормочет, немного слюны пенится в уголке рта, отодвигает ночник и снова засыпает, грудь вздымается и опускается тише, реже, лицо разглаживается, ночной ужас потихоньку проходит.

На рынке, куда он с девушкой идет купить арбуз, добрых две три тонны арбуза и дыни лежит у подножья бетонного забора под навесом, солнце палит, в тени около сорока пяти градусов, находиться под жарким солнцем невозможно, продавцы прячутся под навесом, не особо беспокоясь о покупателях, которые время от времени появляются, выбирать и пробовать арбуз здесь совершенно бессмысленно, они все сладкие как мед, нужно только подобрать по размеру, взвесить, заплатить и можно забирать, перед каждым продавцом есть стол, это может быть железная бочка, деревянный ящик, перевернутый вверх дном, на нем лежит разрезанный пополам арбуз, от которого отрезает кусочки, если хочет пить, только из середины, край никого не интересует, метод, который разработал Тарай в детстве у себя дома, и заключается в том, что отрежет всю мякоть и начинает есть ее снизу, оставив лучшую, самую сладкую часть, середину, напоследок, тут совершенно смешон, во первых, арбуз тут не нарезают, а рассекают пополам, или делят на куски, которые уже можно есть, лучшую часть употребляют, остальное идет животным или на помойку, а ведь в детстве Тарайа какая редкость была арбуз, почти наказывали, если на коже оставлял хоть чуть красной мякоти, Тарай выбирает солидный арбуз, больше десяти килограммов, почему бы нет, стоит дешево, которые покрупнее, нектарно-сладкие, края у них вкуснее, чем сердцевина у домашних, не безразлично, ибо душа не позволяет выбросить края, начинает его кушать сидя на теплом каменном полу кухни, именно так как ему это привычно, точнее начал бы, только и девушка тоже приступает к арбузу так, как она ела с малых лет, прямо с середины, по ее мнению они делятся справедливо, вся середина ее, а его края, над этим много смеются, только тогда раздосадованный Тарай начинает делить мясной пирог по этому же принципу, вынимает начинку из середины и подталкивает пустое тесто девушке, которая, конечно же, в полном шоке, несправедливость, кто хоть раз видел, что мясной пирог потрошат! – кричит она – нет в мире такого, чтобы кому-то доставалось только самое лучшее! – и когда она бьет Тарайа по лицу жирным тестом, вместе падают на теплый пол, служащий столом, катаются там, едва одетые, Тарай хватается ее за талию, а вот серединка! – как же нет такого? – и девушка дотягивается до середины Тарайа, мне тоже достаточно этого! – и они в конце концов на этом легко соглашаются, самое ценное из них обоих складывают вместе, кувыркаются, давят остатки арбуза, пирог прилипает к коже, их счастье это счастье животных, резвящихся на природе, только Тарай во сне уже понимает, что все это прошло, разум просто отражает безграничное наслаждение давно минувших дней, чтобы утешить его за прежние мучения, или, наоборот, еще больше помучить, дав понять, что все потеряно навсегда, вернуть невозможно, пусть он, кто сейчас только в полусне, сокрушается о безысходности настоящего, которое уже очень ясно осознает, но Тарай позволяет убаюкать себя в этой горько-сладкой фазе сна, кошмарные видения его настолько закалили, что предпочитает сосредоточиться на красоте этого циничного кино, собирая немного сил, перейти в бодрствующий новый день, и в этом состоянии он даже способен выбрать тему для сновидений, но поскольку еще не полностью контролирует свой разум, то тем, как разворачивается тема, он все еще не в силах управлять, иду на рыбалку, решает он и улыбается, уж наверное к этой детской забаве

его подсознание не примешает ничего ужасного, так вот, ему лет десять, бродит по заднему двору, с огородом и животными расправился, отец, как обычно, на работе, мать прилегла, значит может себе позволить немного порыбачить, поэтому берет лопату, стеклянную банку для червей, выходит в сад, туда, куда стекает вода от дождя и куда падает тень от кустов бузины, где всегда можно найти много дождевых червей, лопатой переворачивает землю, ногами раздвигает комочки, не тычет в них лопатой, чтобы не порезать червей, собирает их, самые лучшие упругие, желтоватые среднего размера, они долго держатся на крючке, мягкие, длинные, толстые хороши для ловли более крупной рыбы со дна, но сейчас он спускается к озеру ненадолго, рыбачить будет с маленьким крючком и поплавком, крупные черви ему не нужны, когда уже набрал штук тридцать, выравнивает землю, ведь надо навести порядок, да и пусть в нее снова поселятся черви, он часто ходит на рыбалку, и тогда тоже нужна будет наживка, насыпает в банку сухую землю, встряхивает, чтобы земля касалась всех червей, это очень важно, потому что она впитывает их слизь, не будут слипаться и не загниют, чистит лопату, кладет на место, в летней кухне отрезает толстый ломоть хлеба с большой мякотью и маленькой корочкой, одна наживка не наживка, должно быть как минимум две, третью из муки и перца не замешивает, для этого короткого времени достаточно двух, оставляет записку на столе, что идет на озеро, берет свою удочку, коробку с запасными крючками, лесками, поплавками, свинцовыми дробинками и всем прочим, тихонько вытаскивает за ворота велосипед и вперед к озеру! – где он чувствует себя как дома, как на своем собственном дворе, знает каждый куст, каждый выход к воде и удобную стойку, каждую подводную корягу, нанизывает первого червяка и забрасывает не слишком далеко и глубоко, так не слишком большая, осторожная рыба будет клевать, но и не мелкие уклейки, хотелось бы как можно скорее подцепить хотя бы одну, чтобы был первый улов дня, да и чтобы можно было вмешивать слизь рыбы в наживку из хлеба, тогда она не сможет промокнуть, съесть ее гораздо труднее, со слизью в хлебе ловля в тысячу раз успешнее, чем без нее, а Тарай смеется во сне над выдумками своего мозга, ведь при хорошем клеве так и ничего не поймал, в десяти летнем возрасте с его рефлексам этого не произошло бы, разум снова его дразнит, глядь, вытаскивает леску не только без наживки, но и без крючка, ах, как ты глуп, мой сон! – думает, мог бы сочинить что-то более реальное, крючок не мог оторваться, ни за что не зацепился! – железо расплавилось в воде или что за чертовщина? – привязывает запасной крючок, насаживает на него красивого желтого, твердого червя, бросает на то же место, и начинает замешивать хлеб с простой водой, но так даже если и есть закваска, все равно наживка не будет хорошей, нужна хоть одна рыбка, однако, не уверен, что стоит менять наживку, клев неплохой и с червяком, поплавок интенсивно дергается, немного приподнимается, а потом боком погружается глубоко под поверхность, такое даже трехлетний ребенок не испортит, а Тарай тем более, и вот, пожалуйста, снова ничего, и действительно ничего, потому что крючок опять исчез, ну, похоже, так оно и останется, рыбы – пожиратели крючков, старые извилины компенсируют успехи молодости, черт возьми, думает, моя глупая голова опять издевается надо мной! – привязывает третий крючок, не без крючка же оставить удочку, сматывает леску, разбрасывает червей в траве, маленькими кусочками бросает в воду хлеб, уклейки сразу начинают нападать, озеро как зеркало, здесь прекрасно быть молодым, думает он в полусне, а ведь тогда это его мало волновало, берет велосипед и едет домой, лучше читать, уж наверняка буквы не исчезнут из книги, годится для следующего сна, решает он, пробирается обратно во двор, осторожно закрывая калитку, чтобы мать не разбудить, ставит велосипед на место, убирает рыболовные принадлежности, куры с интересом ходят вокруг, но сегодня им не везет, как Тарай не достается жареный лещ, так и им не перепадет настоящий деликатес, кишки, которые

вырывая друг у друга, жадно глотают, идет в летнюю кухню, оставляет дверь открытой, чтобы попадало больше света и воздуха, на столе лежит книга, один из индийских рассказов, недавно начал читать, нравится ему, но он также любит фантастическую литературу и охотничьи приключения, когда закончит, придет их очередь, открывает книгу и убеждается, все в порядке, буквы на месте, пробегает по строчкам, что за черт, мое воображение попопостничать исчерпало себя? – но как только об этом думает, в дверном проеме появляется странная маленькая тень, оглядывается, там стоит их поросенок и с любопытством смотрит на Тарайя своими милыми, умными глазками, а ты, друг любезный, как выбрался из хлева? – оставляет книгу, приседает рядом с поросенком, начинает чесать ему уши, живот, тот удовлетворенно хрюкает, ну-ка, возвращайся на место! – и направляет его к хлеву, дверь которого настежь распахнута, хотя задвижка, должно быть, была задвинута снаружи, в последний раз дверь была открыта, когда убирали навоз, корм кладут в корыто наклонившись через дверь, заталкивает маленькую хрюшку внутрь, похлопывая ее по пухлой спине и по попке, закрывает дверь и задвижку, снова садится за книгу, но не успевает прочитать и страницы, как тень снова появляется, поросенок опять заглядывает в кухню, ох ты! – читать хочешь или что, черт возьми? – куда мне положить твою книгу, в корыто? – Да и какую? – полагаю, охота тебя особенно не интересует, тем более на бородавочников, дать тебе фантастику? – к сожалению, у меня нет книги о том, как свиньи превращаются в людей, но можешь слетать на Марс, если это тебе интересно! – потом расскажешь, как понравилось, стоит ли мне тратить на это время! – он снимает одну из книг с полки, это библиотечные, с ними нужно быть осторожным, слышишь, малыш, нельзя их листать грязными лапами! – хрюшка весело виляя хвостом идет за ним к хлеву, знаешь что, я лучше повешу книгу на столб, на всякий случай! – он вытаскивает веревку, которой был перевязан соломенный тюк, привязывает книгу к столбу на уровне головы поросенка, задвигает задвижку, хотя, думает, в конце концов, судя по тому, как он выбирается оттуда, это совсем лишнее, и возвращается к чтению, день продолжается, скоро должна появиться его мать, но она еще не успеет выйти из затененной, прохладной комнаты, как вдруг снова на пороге стоит поросенок, книга у него во рту, держит только за уголок, похоже, очень заботится о ней, веревка исчезла, глаза блестят, будто говорит, что это было чертовски интересно, неужели ты уже прочитал? – спрашивает Тарай, животное кивает, действительно? – это невероятно! – и понравилось? – в ответ опять кивает, удовлетворенно хрюкает, ладно, но на сегодня хватит! – Тарай берет книгу, осматривает, на ней нет следов грязи, окей, старик, могу дать и в другой раз, а сейчас давай, возвращайся на свое место, скоро получишь кукурузу и травку! – загоняет свинку в хлев и по привычке нажимает на задвижку, еще не успеет вернуться в летнюю кухню, когда из передней комнаты, потягиваясь, появляется его мать, Тарай закрывает книгу, наверное, я заснул над ней и мне снилось всякое, думает, мать просит его принести свежей воды из колодца, он берет пустое ведро, из бидона в таз выливает остатки воды, чтобы руки мыть, и с обеими емкостями идет к колодцу, откуда все, у кого нет водопровода, приносят питьевую воду, по дороге она расплескивается, потому что ему еще тяжело нести, ставит их на свои места на табуретки, идет на задний двор, а мать, бросив кукурузу и траву, как раз возвращается из свинарника и, качая головой, спрашивает, слушай, не знаешь почему на столбе веревка висит? – ты ее туда привязал? – это опасно, свинья может случайно повеситься! – и Тарай даже не знает, что больше, его удивление в то время, или смех сейчас над ситуацией, уверен только в том, что ему еще раз хочется поплавать, как он это делал в детстве, без протезов, вот какую тему он выберет себе для следующего сна, и именно на том озере, где можно не только рыбачить, но и купаться, оно подальше от них, порядочное расстояние на велосипеде, или одна остановка на старом поезде, а оттуда

еще автобус, так что садится на велосипед, бодро крутит педалями, его юношеская энергия бурлит, на дорогу уходит добрых три четверти часа, иногда целый час, если на последних километрах размечтается в оливково-зеленом туннеле из тополей, окружающем дорогу, отпустив руль выпрямляется и смотрит на пейзаж, который много раз видел, однако насмотреться им невозможно, любит так кататься, отпустив руль, была бы еще спинка на велосипеде и не надо было бы крутить педали, просто сидеть и наслаждаться поездкой, это было бы круче, ну да, называется машина, смотрит на далекие церковные шпили, на обработанные поля вокруг, а затем, въезжая в туннель из тополей, открывается совершенно ослепительное зрелище, на дороге почти нет движения, листва огромных, десятилетних тополей, стоящих прямо вдоль узкой дороги, совсем закрывает небо, едет в сумрачном полумраке, в длинном живом туннеле, и еще не доезжая до озера, направляется на железнодорожную станцию, расположенную недалеко от их дома, расписание он знает, ждать почти не приходится, только успевает выкупить билет, подъезжает старый поезд, пахнет невероятно характерным и приятным запахом поезда, садится на деревянное сиденье вагона, трогаются, он видит те же поля, что и с велосипеда, асфальтированная дорога и железная идут параллельно, в нескольких сотнях метров друг от друга, встает, опускает окно, дует ветер, иногда проникает дым паровоза, это неторопливое, гудящее, пахнущее, путешествие есть квинтэссенция жизни, как будто поезд мчится в бесконечность, но ему не проблема сойти на следующей, кстати, конечной станции, естественно, что путешествие, раньше казавшееся вечным, прерывается, солнце припекает, автобус, который отвезет его к озеру, то ли уже стоит на станции, то ли приедет через четверть, или через полчаса, кто знает, никто не торопится, терпеливо ждут, все движется в каком то плотном, маслянистом, размеренном пространстве, кажется, существование никогда не кончается, а если и приходит конец, за ним сразу следует что-то новое, а пока перед ним солнечная, пыльная сельская станция со стрелочными и сигнальными устройствами, вагоны, ожидающие разгрузки, кошка, лежащая в тени вагона, бурьян, белый забор, несколько курящих сельских пассажиров, миллион деталей, которые глаза десятилетнего глубоко впитывают, чтобы сложить из них весь мир, и вдруг подъезжает автобус, на этот раз довольно быстро, садится, остается впереди рядом с водителем, оттуда еще интереснее смотреть на пейзаж, чем через боковое окно, например на ту же полосу асфальта, окруженную тополями, где, о чудо, он, отпустив руль, едет на велосипеде прямо перед их автобусом, но услышав позади рев мотора, ловко хватая руль, съезжает на обочину, дав проехать огромной машине, на которой он как раз обгоняет самого себя, и вот они доезжают до остановки, принадлежащей нескольким дачам, где Тарай выходит, автобус продолжает движение в сторону города, а Тарай спускается к близлежащему берегу озера, куда он одновременно добирался на поезде, автобусе, пешком и на велосипеде, прислоняет свой велик к дереву, не нужно запирать, да и замка у него нет, это еще не те времена, когда охранники везде, даже перед выходом из аптеки с оскорбительным недоверием следят за выходящими, это еще не эпоха всемирного грабителя капитала, просто дружелюбно светит желтое солнце, никакого ветерка, гладь воды не дрогнет, камыши неподвижны, все именно такое, каким показывает себя, все имеет смысл и вес, он снимает сандалии, раздевается, плавки еще дома надел под шорты, стройными, уже вовсе не детскими ногами, о, какие это были ноги! – заходит в воду, поверхность кругами расходится вокруг него, когда вода достигает бедер, он обильно брызгает ее на себя, особенно на голову, чтобы тело привыкло к прохладе, затем глубоко погружается, всплыв делает несколько гребков брассом, а потом ложится на спину, смотрит над собой на безоблачное, однородное, бледно-голубое небо, переворачивается на живот и плывет, и плывет, у него есть руки, ноги, все, что делает его человеком, и,

повернувшись на юг, солнце слегка бьет ему в глаза, шуруется, перед ним сверкает зеркало воды, и в самой естественной реальности, за гранью всех чудес, он, Тарай, купается там, как этого трепетно желал, и тут сверкающие лучи будят его, свет льется в окно, наступает утро, он окна не видит, только прямоугольную, утешительную яркость, своими неуклюжими пальцами вытирает слезы и вздыхает, жизнь укорачивается еще на один день, но на одну ночь мучений становится меньше.

– Ой, Боже, ангел мой! – что это такое было?

– Ангел? Действительно, явился какой-то ангел. Как он был добр! Но лица не помню. Жаль. Было так тепло, когда он своими крыльями обнимал меня!

– Господи, в каких муках та собака сдохла! Хорошо, что сны, снящиеся в начале ночи, не запоминаются подробно. Какая муть!

– Елки-палки, уж лучше бы арбузы снились!

– Я описался. Когда не спишь, легче. Наверное, опять надо.

– Да, вот так. Бррр! Сука ты, жизнь!

– Скоро Ица придет, перепеленает. Если справится со мной. Или подождет Жужу? Бывало, когда и сама справлялась. Если будет ждать, так это растянется чуть не до обеда.

– Хорошо бы послушать новости. Интересно, что говорят об эпидемии?

– Да что могут сказать? Становится все хуже. Включу радио чуть позже.

– Позвать Ицу? Могла бы пересадить меня в коляску. Чертова кровать! Лежать буду еще достаточно. Даже слишком много! Вечно.

– Интересно, который час?

Утренняя программа довольно стабильная. Когда большинство проснулось, ночная медсестра обходит всех, есть ли у кого-нибудь проблемы после ночи, помогает умыться, побриться, приводит в порядок тех, с кем может справиться сама, иначе ждет дневную медсестру и делают вместе. После этого небольшой перерыв, а потом раздают завтрак и лекарство. Позже, до обеда уже не сильно беспокоят, особенно сейчас, во время эпидемии, раньше еще организовывали мероприятия в холле, водили на прогулки, помогали с телефонными звонками, убирали, меняли постельное белье и т.д., но с тех пор, как эта чума началась, стараются максимально сократить всякие контакты.

Тарай лежит в постели на спине и смотрит в потолок, как будто он что-то там видит. Там ничего нет, но даже если бы и было, он бы не увидел. В его голове крутится всякое: начало утра с его относительной занятостью, гул и стук, которые скоро начнутся снаружи на стройках, эпидемия, последний визит Юли, передачи, что попросить и как ловко обойти контроль, сны, которые снова основательно замучили, взбудоражили его, мысли об Эрнесте и его семье, о его картинах и сочинениях, о том, о чем они говорили прошлой ночью, перед тем, как заснуть. Глядя в никуда, в блаженном спокойствии, последовавшем за пробуждением, пока его не тревожат шумы и суета Ицы он еще немного живет в прошедшем вечере, в голове перебирая встречу с Эрнестом.

Гараж, где Эрнест рисовал и хранил свои картины, стал постоянным местом их встреч. Конечно, Тарай приходил к ним и в квартиру, особенно после того, как по обоюдному решению начал обучать Атланту игре в шахматы, но в гараже они чувствовали себя свободнее, их ничего не ограничивало, болтали, Тарай потягивал принесенное для себя вино, в этом озлобленном мире они проводили время как мужики. Попросил Эрнеста притащить с чердака свои картины, просмотрел их все от первой до последней, очарованный ими, решил, что они ничем не уступают тем, что висят в квартире, выбрал столько, сколько поместится на стенах гаража, и развесил их по всему гаражу, не оставив пустого места. Сидел, наблюдая за движением руки

Эрнеста по холсту, по бумаге, и поражался тому, как из ничего после нескольких метких движений оживала картина.

– Кто-нибудь еще рисует похожие?

– Очевидно. Я не обращаю на это особого внимания. Идей не ворую, если это имеешь в виду.

– Я имею в виду, это направление?

– О, нет! Формы точно нет. Символизм, цвета, возможно. В этом смысле, видишь ли, я могу быть немного продвинутым.

– Допустим, на данный момент ты являешься первым и единственным художником такого жанра. Можешь основать школу!

– Единственный? То, что делает только один человек, может быть неправильным.

– Почему, если что-то хорошо для многих, то это обязательно правильно? Где поиск нового пути?

– Америку каждый день не открывают – Эрнест поднимает глаза от рисунка, – но то, что делают многие, это, наверное, имеет смысл.

– Это именно ты говоришь? А то, ради чего все пыхтят, точно дерьмо!

– Может быть.

– Подражать будут.

– Слушай, мне плевать, что делают другие.

На одной из встреч в гараже Эрнест упомянул, что его пригласили в две близлежащие деревни на литературный вечер. На одном из них он представляет себя и свою поэзию, на другом дети начальной школы читают его и местных поэтов стихи. Оба мероприятия проводятся в местном доме культуры.

– Ты пойдешь?

– Да.

– Не смущает, что это деревня?

– Нет.

– Когда будет?

– Через две недели в выходные, а потом еще через неделю. Хочешь пойти со мной?

– Конечно!

Сначала было чтение стихов. В зале на удивление собралось много народу, Тарай был поражен, что в таком провинциальном поселке так много интересующихся поэзией, но потом он понял, что публика это авторы произведений и их семьи, дети, декламирующие стихи и их родители, бабушки и дедушки, члены школьного детского оркестра, играющего между стихами, и их семьи. Несмотря на это, было приятно видеть переполненный зал и лица детей, которые в приподнятом настроении ждали своего выступления.

Авторы сидели в первом ряду зрительного зала, дети, читающие стихи, находились по одну сторону небольшой сцены, оркестр по другую. Мероприятие открыл священник местной церкви, чем Тарай был весьма поражен, а затем организатор сказал несколько слов, поблагодарив всех за поддержку, особенно предпринимателей, благодаря которым после программы будет небольшая вечеринка с бутербродами и возможностью неформально побеседовать, и он попросил всех принять участие, чтобы вечер остался как можно более запоминающимся и эта культурная инициатива стала традицией.

Поскольку Тарай не мог сидеть в ряду авторов рядом с Эрнестом, он сел сзади за ним. Позже, во время чтения стихов, очень жалел, что не может видеть его лицо, было бы любопытно наблюдать за ним, как он относится к произведениям своих коллег и к

самому представлению. В конце концов, все было очень мило, в духе сельской невинности и наивности, Тарай иногда совершенно забывал о том, что возможен и другой подход к этому мероприятию, кроме как предоставить возможность детям, любящим стихи и музыку, с румянцем восторга на лицах выступить, и чтобы это немного сплотило общину.

Еще до начала Эрнест разместил на краю сцены двадцать пять-тридцать оставшихся томов из своих предыдущих книг. Среди авторов, как и следовало ожидать, пока ни у кого еще не была издана книга. В конце программы авторов по очереди попросили встать, чтобы зрители им поаплодировали, а организатор вручил каждому небольшой подарок. Эрнест взял у него микрофон, поблагодарил за приглашение и сказал, что кто желает, может взять бесплатный экземпляр его книги. Ему зааплодировали, и когда публика встала, книги исчезли в одно мгновение.

По дороге домой разговаривали.

– Ты доволен?

– Если бы я ответил, это означало бы, что я нечто ожидал.

– Ничего не ожидал? Не может быть!

– Главное, все прошло очень мило.

– А тебя поставили в один ряд с местными рифмоплетами.

– Никто не становится хорошим или плохим поэтом от того, с кем тусуется.

– Все же быть в компании тех, кого издадут – как бы это выразиться – коллег, это совсем другое, чем вот так! Только не говори, что это непрестижно!

– А где встречаться, в кабаках?

– Откуда мне знать, где появляется возможность, но я уверен, что можно найти. В Союзе Писателей, на книжных ярмарках, на авторских встречах с читателями, вроде той, куда идешь на следующей неделе, в телеинтервью, или на юбилеях.

– Плохо переносу. К счастью, к сути не имеют никакого отношения.

– В литературных журналах публикуешься?

– Раньше публиковался, но давно перестал посылать рукописи. Это не имеет значения, поверь мне. Кроме того, журналы полны мусора. Самое смешное, что это тоже вполне нормально. Разве бывает пшеница без охвостья? Ха-ха-ха! – Кстати, что ты предлагаешь, умник, талантливым не публиковаться вообще, отделяя себя от мусора, или журнал должен выходить с тремя, все еще читаемыми работами, где-то на восьми страницах?

– Преувеличиваешь.

– Это ты только думаешь.

– Разница между журналом и этим событием, небо и земля. Быть постоянным автором литературного журнала, это совсем другое, чем сидеть в компании таких! Не притворяйся!

– По крайней мере, они честны. Не хотят казаться больше, чем они есть.

– Значит ты доволен. Чертовски понравились стихи и многому из них научился!

– Ты меня не разозлишь. В основном я обращал внимание на декламирование стихов, где можно было бы чуть отшлифовать. Еще чуть-чуть, и уже звучало бы приятнее.

– Они декламировали как дети.

– Потому что они дети.

– Думаешь, кто-то из них хочет стать профессионалом?

– Никогда не узнать, у кого какая мечта.

– В таком случае уже сейчас, инстинктивно должны гораздо лучше выступать.

– Пусть мечтают!

– Зря потраченное время. Хм, я умничаю, тот, кто потратил всю свою жизнь впустую!

– Если они научатся хорошо читать стихи, так и понимать будут лучше. Почему ты думаешь, что потратил жизнь впустую?

– Тема сложная. А я бы очень хотел посмотреть на твое лицо во время программы!

– Ты бы ничего не увидел. Я не сравниваю. Иду своим путем. Что, я, перекупщик, лучше их?

– Ну, хватит вежливости. Не надо прикидываться! Неправда, что ты не чувствуешь боли внутри от того, что корчился на табуретке в деревенской глуши, а не в Национальном Театре проходил твой поэтический вечер.

– Частично прав, но еще будет, если судьба даст.

– Судьба! И те, кто дергает ее за вожжи!

– Судьбу обуздать невозможно.

– И это для тебя утешение?

– Не нуждаюсь в утешении. Скажи, если ты такого высокого мнения обо мне, почему все еще со мной? Почему не удалишься из моего общества как недостойный? Или я должен от тебя избавиться?

– Черт, ты меня поймал!

– Не поймал, потому что и не ловил, просто хочу, чтобы ты понял, что каждое произведение живет своей жизнью. Оно само найдет свой путь, если того заслуживает. Автор – человек. Церковь – это здание. Пангея была континентом, а теперь ее нет.

– Зачем там был священник?

– Ты же видел, он открыл вечер.

– Но почему именно он?

– Церковь теперь ко всякой бочке затычка.

Через неделю дом культуры другого поселка ждал их почти пустым. В большом зале поэтов не остались, а все – по подсчетам Тарайа восемнадцать человек – перешли в библиотеку, где в атмосфере созданной книгами чувствовали себя более уютно. Что ж, вот сколько людей на самом деле интересуется литературой, подумал Тарай, и, вероятно, некоторые из присутствующих предпочли бы остаться дома, только не могли себе этого позволить, однако, конечно, были и такие, кто с удовольствием пришел бы, но их одолела лень или занимались другими, кажущимися более важными делами. Эрнест поставил свою масляную лампу на стол, зажег ее, попросил сесть к столу полукругом и, по возможности, задавать вопросы, высказывать свое мнение о литературе, в том числе о поэзии, как будто они обсуждали школьную программу своих детей. Но из этого ничего не вышло – прямо как у нас, подумал Тарай – вернее, больше половины времени все сидели и молчали как рыбы, ожидая готового, и только к концу вечера некоторые открылись, когда получили достаточно информации, и духовного толчка, чтобы сформулировать хотя бы несколько общих вопросов. Ну, да, этого следовало ожидать, они никогда не слышали об Эрнесте, тем более не читали его стихов, а томик, который Эрнест вручил каждому в качестве подарка, будут подробно листать вернувшись домой. Те, кто вообще займется этим.

Эрнест тщательно обдумал, о чем говорить и сколько. Вел программу по-дружески, почти спонтанно, структура, которую он сформулировал заранее, и по которой двигался примерно в хронологическом порядке, была едва заметна. Иногда он уходил в сторону, немного развлекая публику, рассказывал интересные истории, как, например случай, когда его попросили принести для публикации новые стихи, взамен старых, но у него их не было, поэтому за одну ночь написал двадцать одно стихотворение и принес их в качестве плодов последнего периода. В конце концов, они

действительно принадлежали к последнему периоду, настолько, что родились в самую последнюю ночь. Редактор сразу же кивнул, что вот это уже совсем другое, и опубликовал одно из них. Время от времени декламировал относительно короткие стихи, но не переусердствовал. Свое творчество разбирал и по темам, говорил, что он социально чрезвычайно чувствителен, поэтому его социальная лирика весьма богата. Как и его поэзия о любви. Мужчина он, ну, мужчина до мозга костей! В это время на него смотрели почти с благоговением, в полной тишине, даже не шевелясь. Стихи, декламированные здесь, были очень красивыми. Потом упомянул некоторые из его скандалов, а также частную публикацию, по поводу которой изложил примерно те же аргументы, которые раньше перечислял Тарайу, с выводом, что те, кто судят о книге по ее издателю, пусть пеняют на себя. При этом неоднократно предлагал задавать ему вопросы, но безрезультатно, пока после одной из его просьб не заговорила женщина средних лет.

– Можно ли зарабатывать этим на жизнь?

– Нет. У меня есть несколько небольших дополнительных доходов, рисую и продаю картины, читаю лекции в колледже, а самый надежный доход, фарцовка.

Заохотали.

– Вы всегда так честны? – спросил кто-то сзади.

– Почти. Однако пытаюсь остаться в живых. Во всяком случае, два наиболее фундаментальных элемента поэзии, это искренность и система поэтических образов. Без них она не стоит ни копейки. Недостаточно ставить красивые слова рядом друг с другом.

– Разве вы пишете только правду? – продолжил тот.

– Лирика не документальный жанр. Суть стихотворения должна быть истинной, смертельно серьезной и правдивой. Между прочим, это относится не только к поэзии, но и ко всему искусству, и не в последнюю очередь к науке. Кто сжульничает, хоть раз, тому конец.

– А ваша жена что говорит о любовных стихах? – снова спросила женщина средних лет.

– О, об этом долго можно рассуждать! Мой ответ прост, они ей нравятся, любит их, но, чтобы объяснить причину, потребуется целый вечер. Коротко я бы резюмировал это так: мы верим друг другу и любим друг друга хотя бы чуть больше, чем собственное тщеславие. Видите ли, могу говорить только о себе, о том, как я решаю в себе ее и свою свободу. Моя жена превосходна, ангел, но это уже результат ее поведения, как она этого достигает, надо спросить у нее. Я относительно часто уезжаю по делам, и мы, обычно, не отчитываемся друг перед другом за каждую минуту. Она свободная женщина. Верю, что в конце нашего пути мы не будем чувствовать, что один из нас был рабом другого.

– Часто ли вы посещаете такие литературные встречи? Могу ли я пригласить вас в нашу деревню? – спросила девушка, сидящая напротив Эрнеста по другую сторону масляной лампы.

– Значит, вы не местная.

– Приехала из соседней деревни, мне было интересно, что вы расскажете. Иногда и я пишу, хотелось бы развиваться.

– Для меня это честь. Нет, не часто. Конечно, рад вас видеть, немного даже льстит самолюбию, но я знаю, что мы мало что можем изменить друг в друге.

– Почему вы так считаете? Мне очень понравилось то, что я здесь услышала, – ответила она.

– Спасибо. Знаете, я не верю в то, что смогу сделать поэта из того, кто им не является. Читателя может быть, но и это не точно. Так почему я здесь? Чтобы

насладиться друг другом, как, скажем, ужином в ресторане, куда мы ходим в первую очередь не для того, чтобы утолить голод, ведь у себя дома могли бы проще и дешевле поест из холодильника на кухне.

– Значит могу вас пригласить?

– О, да! С радостью пойду. Поговорим об этом позже.

И так продолжался вечер, почти два часа, то Эрнест говорил, то, теперь уже более смело, его спрашивали. Публику, в основном, интересовали его планы, но он ответил, что рассказывать о планах запрещено. Однажды, когда он был еще слишком молод, нарушил это правило, выдал свой план, и тема, крайне интересная, была потеряна навсегда, так как обсуждение ее сняло напряжение в душе, необходимое для творчества. На вопрос о его живописи он также ответил кратко, пояснив, что картин, к сожалению, не принес, а без них говорить о живописи, все равно что рассказывать слепому человеку о радуге. В конце поблагодарил за приглашение и участие в вечере, и погасил лампу. Перед уходом обсудили с девушкой творческую встречу в соседней деревне, но дату пока не назначили.

По дороге домой Тарай достал свою плоскую фляжку и выпил несколько глотков бренди. Они оба были явно более взволнованы, чем неделю назад, но при этом мало что говорили друг другу.

– В этот раз было лучше, не так ли? – заметил Тарай между двумя глотками.

– Лучше? Бог знает. Это затронуло меня более глубоко и лично.

– В сегодняшнем выступлении проявилась твоя личность, поднял их дух, они перенеслись в другое измерение.

– Так видишь? Я рад.

– Ты не похож на них, понимаешь? Их глаза сверкали, настолько были сосредоточены!

– Значит, я живу не напрасно.

– Тот раз все проходило гораздо площе. Как новости по радио.

– Дети, должно быть, воспринимали по-другому. Есть разные аспекты.

– Я говорю о твоём творчестве, черт возьми!

– А я о жизни.

Тряслись дальше в машине, молчали, погруженные в свои мысли. Перед тем, как расстались, Эрнест спросил, когда Тарай придет на тренировку по шахматам с Атлантой. Договорились, что через два дня.

В назначенное время Талия открыла дверь Тарайу.

– Привет, Тарай! Эрнест немного задержится, он встречается с кем-то в центре.

– Привет, Талия! Наконец-то я могу побыть наедине с классной женщиной.

– Даже с двумя! Видишь, как судьба тебя балует! Атланта ждет в доме.

– Не надо меня так баловать, я бы согласился и на меньшее. Ну, шучу, где чемпионка? – и направился в гостиную, к шахматному столу, где Атланта рассматривала сложную позицию.

– Привет, Тарай!

– Привет, милая. Кто выигрывает?

– К сожалению, ты.

– Я черными, да?

– Нет, тебя здесь нет.

– Не волнуйся, детка, будешь еще и ты побеждать.

Обучение Атланты Тарай начал с азов на новой основе. Сняв все фигуры с доски, выучили координаты. Когда с этим было кончено, занятие всегда начиналось с вопросов о координатах, повернувшись спиной к доске, Атланта должна была сразу сказать, какого цвета названное поле, например, g4 белое, потом перечислить поля по

диагонали, а когда Тарай ставил куда-нибудь фигуру, скажем, коня, девочке надо было вслепую назвать все возможные ходы. Затем последовала более сложная задача: Тарай ставил три фигуры одного цвета и одну противоположного, Атланта снова должна была вслепую сказать, какая из трех фигур под ударом. Позже фигуры начали менять свои позиции, и их количество увеличилось. Дальше обучение стало интереснее, решали комбинации, но не вслепую, такого прогресса достичь не удалось, девочке приходилось искать мат в один, два или три хода. Перед окончанием занятия обязательно играли на время, чтобы она научилась пользоваться часами. Партии записывали так, как будто они были сыграны в турнире, поэтому их могли в любое время реконструировать. В самом конце всегда обобщили основные принципы игры.

- Куда ты смотришь на доске?
- Всегда смотрю на всю доску.
- С какого хода считаешь варианты?
- Все варианты считаю с первого хода, включая разветвления.
- Сколько намеченных ходов должно быть?
- По крайней мере, три.
- Что сильнее – угроза или удар?
- Угроза сильнее удара.
- Что делаешь перед тем, как ходить?
- Проверю еще раз, каким был последний ход противника.

И так далее, до двадцати или около того основных, универсальных принципов. Атланта развивалась блестяще, Эрнест, просматривая нотации их игр, сразу заметил прогресс, играя с дочерью все больше и больше потел, а потом вдруг начал и проигрывать.

В тот день Тарай не встретился с Эрнестом, потому что время, которое могли посвятить шахматам, закончилось, а Эрнест все еще не вернулся. Не хотел задерживаться у них, зная, что Атланта с мамой будет заниматься школьными делами. Попрощался и ушел.

Так в основном и проходила нерабочая часть контракта Тарайа: очень солидно, на удивление сдержанно по сравнению с предыдущей жизнью вел себя в кабаках с женщинами. Часто с Эрнестом и его семьей вел душевные разговоры об искусстве, и наслаждался освежающей близостью маленькой девочки, добившейся многообещающих успехов в шахматах.

Во время его последнего визита к Эрнесту, когда пришел попрощаться, все даже прослезились. Им казалось невероятным, что прихоть судьбы, которая свела их вместе, теперь, очевидно, разлучит их раз и навсегда. Физическое расстояние между ними станет непреодолимым. Эрнест подошел к стене гостиной, снял со стены картину, оригинал, который Тарай, сидя на диване, всегда с большим вниманием рассматривал, и вложил в руки Тарайа. Борясь со своим рыданием, тот вышел из квартиры, и только услышал позади себя:

- Иди и не оглядывайся!

Тарай тянется к тумбочке возле кровати и берет свой старый, дряхлый радиоприемник. Включает его, трещит, как всегда, потом становится более слышимым. Говорят время, он кивает головой, скоро появится Ица, начнется работа на стройках. Слушает музыку, затем идут утренние новости, немного политики, экономика, более длинный раздел об эпидемии, число зараженных и умерших снова возросло, повторяется центральное решение о запрете посещений, затем спорт, то, что от него осталось, потому что почти все спортивные мероприятия запрещены, дорожная информация, погода. После новостей, когда продолжается музыкальная программа, приемник выключает и ставит на место.

– На сегодня достаточно. Если только не врублю вечером.

– Где та картина? И ее не стало. Дочь украла. Никто другой не мог взять.

– Это была единственная вещь из моего прошлого, которую я сохранил. Висела в спальне над головой.

– Однажды, когда ложился спать, увидел, что исчезла.

– Она практически все, что можно было сдвинуть с места, украла и продала.

– Пора Ице прийти, если поможет сесть в коляску, хлебну крепенького.

– И перекусить не против. Сало с хлебом. Да, проголодался.

Пока перебирает в голове каждодневные утренние делишки, его телефон внезапно звонит. Точнее громко пикнет, как когда еще получал эсэмески.

– Ой! Что это было?

– Черт, очевидно, Юля. Елки палки, наверное, не может прийти!

– Такого не может быть, чтобы она не пришла! Нет, и все! Самогоночка кончается! Не может не принести нового спиртного и сала!

– Боже, даже прочитать не могу, придется Ицу ждать, чтобы посмотрела, что за хрень пришла!

– Теперь Ица действительно могла бы поторопиться, ведь речь уже идет не только о подгузниках и о коляске.

И как будто Ица читает мысли, из коридора доносится стук колес уборочной тележки, затем открывается дверь и входит медсестра.

– Доброе утро, дядя Лайош!

– Целую руки, Ица! Я бы уже сидел как на иголках, если бы мог сесть один.

– Вы так скучали по мне?

– К сожалению, мы еще не дошли до того, чтобы я скучал лично по вам – можем попробовать, – но мне очень пригодилась бы ваша помощь.

– Я вижу, вы пережили ночь в целостности и сохранности, такой же дразнилка, как и вчера вечером.

– Это только кажется, Ица, я едва выжил.

– Вам было плохо? Почему меня не позвали?

– Ица, вы бы сошли с ума, если бы вас мучили мои сны.

– Всего лишь сны! Это ерунда! Что вам приснилось?

– Вокруг прыгали обезьяны, потом хотели переехать меня машиной прямо в кровати, но я их дубинкой прогнал.

– Ничего страшного, хуже всего, когда падаешь откуда-то или надо бежать, но не можешь.

– Последнему не надо чтобы снилось, уж слишком мне знакомо.

– Покакать удалось, дядя Лайош?

– Ой, какая проза!

– Значит нет?

– Нет, слава богу. Даже мочиться больно.

– Вот это настоящая проблема. Я оставлю вам слабительное, сегодня у вас уже должен быть стул. А теперь поменяю подгузник, если справлюсь сама, не лежите в мокром, и можем попробовать сесть в коляску, если хотите.

– Конечно хочу, но сначала, пожалуйста, посмотрите мой телефон. Что-то получил. Боюсь, Юля не сможет прийти.

– Где телефон?

– На тумбочке.

Ица подходит, берет его и начинает нажимать на иконки.

– Мой не такой.

– Однако это тоже телефон.

– Seriously? Не умничайте! Нет, это не Юля. Знаете, что это такое, – это ссылка. Кажется, видео. Скачать его?

– Видео? Надо же! Главное, что проблема не с Юлей. Конечно, скачайте. Кто прислал?

– Ну, это довольно странно! Без имени. Число является отправителем. Тысяча семьсот три.

– Это число? Действительно странно. Однако знакомо.

– Вы знаете, кто это?

– Нет. Скачайте!

– Хорошо. Вот оно. Запустить?

– Давайте!

Звучит особая южная мелодия, но не только южная, в ней пульсирует еще какой-то другой темперамент, и тут начинает петь мужской голос. На иностранном языке, но Тарай понимает. Поет приятным голосом элегантно и решительно. Тарай слушает с полным вниманием, и когда песня заканчивается, по его щеке скатывается слеза.

– Вы понимаете?

Тарай кивает и угловатым жестом вытирает щеку.

– Так и думала, раз уж заплакали. Хорошая песня.

– Ица, будьте добры, достаньте зарядное устройство из тумбочки и подключите телефон к сети. Могли бы поставить песню на повтор?

– Попробуюсь. – Возится с телефоном, но без успеха. – Почему-то не получается.

– Запустите воспроизведение снова, затем попробуйте войти в меню.

Звучит мелодия, Ица тычет по иконкам, а затем кладет телефон на тумбочку.

– По-моему получилось. Сейчас выяснится.

Песня заканчивается и сразу начинается снова.

– Ура! Удалось! Все-таки я не безнадежна!

– Спасибо, Ица.

Тарай на волнах мелодии покидает настоящий мир и уплывает куда-то далеко-далеко, но Ица этого не замечает.

– Можно начинать?

– Что?

– Менять подгузник и садиться в коляску. Разве не это хотели?

– О, да, конечно. Начинайте.

Тарай настолько неуклюж при смене подгузника, что Ица почти покидает его. Она бранит его, толкает, просит повернуться в сторону, но все бесполезно, как будто он никогда раньше не принимал участия в подобном, лежит совершенно беспомощный, Ица едва может стянуть с него мокрый подгузник, протереть попу влажной губкой, припудрить, а затем одеть его. Даже пересест в инвалидное кресло с первого раза не удастся. В конце концов, все же перебирается. Ица расправляет постель, выносит промокший подгузник, швыряет в мешок для отходов, берет ведро и швабру, моет пол дезинфицирующим раствором, затем протирает губкой поверхности, уделяя особое внимание тумбочке, столу, выключателям и крану. Раньше такую уборку, а то еще и более тщательную делали после завтрака, сейчас все максимально совмещают. Пока она работает, по телефону звучит песня.

– Вас побрить?

– Что? Да, пожалуйста.

Она подкатывает Тарай к крану, готовит его к бритью, и наконец-то понимает, от чего Тарай такой неуклюжий.

– О чем песня?

– О дружбе и о том, что жизнь прожита не зря.

– Это хорошо. Наклонитесь поближе! Теперь обращайтесь внимание на меня, а то я вас случайно порежу.

– Вы сказали тысяча семьсот три, не так ли?

– Да. Без имени. Я имею в виду, это и есть имя. Когда ухажу, телефон включенным оставить?

– Конечно, пусть играет. Я не слушал музыку целую вечность, и теперь, если она звучит три дня подряд, я восполню лишь малую часть того времени.

– Вечером, когда будет и Жужа, мы вместе поможем вам принять душ. К тому времени и покакаете, вместе с лекарством я дам вам слабительное.

– Я приму его только после ухода Юли.

– Можно. До вечера и так успеете выложиться. На всякий случай принесу, пусть будет тут.

– Хорошо – и несмотря на то, что его бреют, Тарай опять уходит куда-то за пределы Земли.

– Странно. Я еще никогда не видела вас в таком состоянии, дядя Лайош. И не подозревала, что вы можете быть таким. Насколько плохо мы знаем друг друга! Вам теперь действительно кого-то лично не хватает, я правильно понимаю? Догадались уже, кого именно?

– Нет. И никогда не знал. Моя беда, дорогая Ица, в том, что всю жизнь понятия не имею, кого мне не хватает.

Медсестра протирает лицо Тарайа, собирает свои инструменты, выносит и ставит их на тележку.

– Подтолкнуть вас ближе к столу?

– Не надо. Я сам.

– Скоро принесу завтрак, должно быть, проголодались. А пока не опустошайте свой шкаф, сегодня будет вкуснятина.

– Конечно.

– Вижу, напрасно все говорю, как об стенку горохом, вас и то не волнует, что это за вкуснятина, а это копченая колбаска. Однако должна отметить, что вы, дядя Лайош, довольно мило выглядите таким влюбленным. Ладно, слушайте свою песню!

Ица выходит, закрывает дверь. Тарай остается наедине с песней. Теперь он наконец-то может расслабиться и дать волю своим эмоциям. Поворачивает инвалидное кресло к окну, поднимает голову к блестящему пятну окна, его плечи трясутся. Вот он, Тарай, оказывается, дорог для кого-то, чей-то возлюбленный, чей-то друг, не зная чей, но какому-то человеку он важен. И только потому, что не знает кому, возможно многим, хоть всем из прошлого. Песня на том другом языке, характерная мелодия, мужественное, мужское пение проникают в неведомые глубины его души, возникают эмоции, неглубокие от рождения и иссушенные старостью. Он плачет и ничего не может с собой поделать. Понятия не имеет, о чем плачет, о прошлом, настоящем или будущем, но слезы льются из него неудержимо.

Через некоторое время, когда окончательно успокаивается, начинает концентрироваться на тексте. Не то чтобы это было важнее, чем пение или мелодия, просто он пленен смыслом, тем другим языком, который так ему дорог:

Задумчиво гляди на нашу гибель,
не кривись брезгливо, если тебе двадцать,
пусть ты все на свете уже видел
и сердцу твоему по нам не плакать,
пусть мы пророки каменного века, прятать

нашу правду не стремись, придет
уйти и твоя очередь,
бьют часы: тревога, проповедь.

Помощь Богов стоит дорого,
твой дом не замок, а простая хата,
на стене известь, не золото,
а любовь твою крадет чужая слава.
Оружие не освободит от рабства,
без посева жатвы не бывает,
в цепях и мудрый глуп,
в диком саду сорнякам уют.

Верного друга за деньги не купить,
постой, поговори, если спросят.
До суда пора все здраво обсудить.
Шубу зимой, не жарким летом носят.
Кто во всем знаток, скорее тебе враг.
Зовут? Иди! Будь их сокровищем бесплатно.
Гордый никому не верит,
пиши ему, хоть и не ответит.

Бери в ладони щеки спутника,
ласкай, поцелуями засыпай,
чтоб' забыл свой страшный бой. Не было выбора.
Пусть верит, что не бессмысленно тут пал,
кто пал, ведь за валом идет другой вал,
чтоб' горячей кровью било его сердце,
но пусть смело идет,
когда час его пробьет.

- Смело пойду.
- Да. Все выдержу.
- Спасибо. Я люблю вас всех! Спасибо!

На стройках начинается работа. Звук отбойного молотка, бетонореза, шлифовальной машины, бульдозера, крики рабочих проникают даже через закрытое окно, а его скоро надо будет открыть, солнце поднимается, воздух нагревается, становится все невыносимее. Что хуже – изнуряющая жара при закрытом окне или пыль, проникающая внутрь при открытом? Он подкатывается к окну и открывает его. Внезапно весь шум усиливается, несколько заглушая музыку, тихо доносящуюся из телефона.

- В руки взять не могу, разрядится. Надо оставить на зарядке.
- Ладно, немного слышу, этого достаточно.

Тарай в мыслях снова путешествует, вплоть до океана. Возможно, шум строек напоминает ему ту поездку, и Одетт, которая могла прислать песню. И, конечно, еще человек двадцать или пятьдесят.

Он уже не считался молодым, когда выиграл ту зарубежную командировку. Интересно, что именно той поездке завидовали больше всего, настолько, что даже пытались поставить ему подножку. Возможность была открыта для всех, но легче

завидовать, чем делать. Он упорно трудился, чтобы выиграть в конкурсе, да и там, на месте работал не покладая рук. Не ради денег и не для того, чтобы подняться по карьерной лестнице, нет! Он просто решил, что будет держать темп и даже будет лучше, чем местные, которые так гордятся своим трудолюбием.

Чтобы сэкономить деньги, он ходил на работу пешком, хотя к тому времени у него уже болели ноги. Иногда проходил мимо строек. Огромный офисный блок поднимался возле моста, пролегающего над железнодорожными путями. Строился прямо возле рельсов. Он недоумевал, почему именно там? Участок, должно быть, был дешевым. Поезда ходили каждые пять минут, еле помещаясь рядом с быстро поднимающейся стеной здания легкой конструкции, так что будущие чиновники – он покачал головой – постоянно будут опасаться, что локомотив врежется в первый этаж. На нижние этажи из-за двух дамб, тянувшихся вдоль путей, не попадет свет, а четвертый этаж, к моменту завершения строительства, достигнет уровня моста и дорог на дамбах, машины будут проноситься прямо под окнами. Как людям тут работать? Переходя мост, он наблюдал за строительством, иногда, ужасаясь, даже останавливался. Какой инженер или скупой инвестор придумал такую сюрреалистическую штуковину? Здание из досок с встроенными пластиковыми водными блоками в совершенно непригодном окружении. Тем, кому придется работать на четвертом, будет проще войти через окно, прямо с моста. Это сэкономит время, повысит эффективность и предотвратит износ деревянных лестниц. Такое здание сколько может служить? Пятнадцать лет? Двадцать? Это уж точно, никто и глазом не моргнет, когда его придется сносить. Он представил, что сейчас не строят, а сносят, и эта мысль показалась вполне приемлемой, гораздо более приемлемой, чем то, что его строят.

Частные дома тоже были не фонтан. Раньше, когда он видел их только на картинках и в кино, они казались ему аккуратными и крепкими, думал о них гораздо лучше, чем потом, когда бывал и жил в них. Он испытывал полную противоположность тому, что предполагал, и это касалось не только зданий, но и многого другого. Что-то выглядит как одно, а на самом деле совсем другое. Он задал себе вопрос, есть ли вообще нормальный уголок в этом мире, если даже тут все не так? Принял как есть, остатки прошлого, столько дерьма сразу снести невозможно, а потихоньку, по мере их пришествия в негодность, новые будут строить более современными и надежными. Но нет. По дороге на работу он также проходил мимо строящихся домов и с удивлением видел, что на блочные стены кладут деревянный потолок, а затем идет следующий этаж. Спросил, почему? Чего же не используют бетонные балки и плиты вместо ужасно дорогого и устаревшего дерева, тогда их дома не были бы как звуковые колонки, где каждое движение отзывается эхом по всему зданию? Они только улыбались и пожимали плечами, говоря, что это традиция, так здесь принято.

С Одетт Тарай познакомился на вечеринке по случаю дня рождения начальника Тарайа. Весь коллектив отправился играть в боулинг. Он заранее решил вести себя хладнокровно, участвовать, но не прилагать больших усилий, а в жизни запланированные дела часто принимают неожиданный оборот, и вот так произошло и тогда. Вначале каждый выбрал себе шар, Тарай взял фиолетовый, ему понравился цвет и отверстия казались просторными для пальцев. Не подозревал, что это будет иметь значение, просто шар был симпатичен, может быть думал и о пальцах, что они не застрянут, но очень уж на заднем плане. Так что несознательно выбирал, ведь никогда не был знатоком боулинга.

Их результаты игры долго почти не отличались, однако постепенно он начал набирать больше очков, чем остальные. Какое-то время каждый бросал одним и тем же шаром, потом его коллеги стали использовать и другие. Тарай придерживался своего фиолетового, если автомат не возвращал вовремя, он брал зеленый, тоже с широкими

отверстиями. Понял, что размер отверстия имеет большое значение. Шеф, чей день рождения отмечали, заметил, что, возможно, шар – ключ успеха, и тоже попробовал им играть, но ничего не вышло, а вот у Тарайа получалось. Тогда шеф подождал, пока автомат вернет шар и отнес к пульту, сказав, что он бракованный, пусть уберут. Мог бы поставить на полку, однако хватило ума сдать, чтобы лишить Тарайа возможности им играть.

– Вот, зараза!

– Кто бы подумал?

– Хм, он всегда хотел побеждать, только побеждать.

Тарай посмотрел шары на полке, к сожалению, нашел только один подходящий, взял его, но свой следующий бросок с ним напрочь испортил. Впервые за всю игру. Обернувшись, он увидел торжествующий взгляд шефа, спрятанный под маской сожаления. Разум Тарайа помутился, наполнился какой-то древней яростью, и он решил играть на победу. Старался не показывать этого, но они могли заметить. С небольшими ошибками, которых не совершил бы при более спокойном уме и старом шаре, игру все же выиграл. Последний бросок был решающим.

– Я очень был сосредоточен на нем.

– Вот тебе, ублюдох!

– В конце игры все меня поздравляли. К тому времени удалось полностью восстановить свою флегму. Видел, им нравится, что я не придаю большого значения победе.

– И это действительно было так, не придавал, за исключением пары бросков, которые мне обязательно надо было сделать из-за маневра моего дурацкого шефа.

– Такие типы злоупотребляют малейшей добротой и слабостью!

– Хотя эту закономерность я знал с самого начала, к сожалению, почти никогда не принимал во внимание.

– Для меня все всегда было слишком неважным.

Как потом выяснилось, Одетт, официантка, видела всю игру. Она стояла у стойки бара и, поскольку в зале не было других гостей, наблюдала за игрой. После боулинга, конечно, все побежали в бар, прося напитки, некоторые и бутерброды. Вместе заказали шампанское, прозвучали тосты в честь шефа, вручили ему совместный подарок. Тарай слегка отошел в сторону, стоял в одиночестве, прислонившись к торцу стойки. Одетт устроила так, чтобы ей было удобно возвращаться к стойке возле Тарайа, и, проходя мимо, хихикнула:

– Ну, ты молодец! Вот так и надо таким тугодумам!

– Да это же только игра – улыбнулся в ответ Тарай.

– Почему скромничаешь? Ты был крут!

Торча у стойки бара, Тарай смотрел на шуструю девушку, моложе его примерно на поколение, и понимал, что да, она вполне могла бы быть его ребенком. В нем поселилась печаль, что эта категория уже не для него, и он не ошибся, почувствовав, что ближайшее будущее сулит ему разрушение, которое принесет внезапное и полное уничтожение его сексуальности, да и самой его человеческой сути. Их компания пробыла недолго, – там, где вся жизнь расписана в электронной таблице, такой протокольный день рождения тоже рассчитан до минуты. Внезапно все встали, как будто в их головах пронеслась одна и та же программа, собрались и направились домой. У Тарайа уже не было возможности пообщаться с официанткой, направился к выходу с остальными, но в дверях что-то повернуло его назад. Он оглянулся, и девушка, следившая за ним взглядом, дружелюбно помахала ему и послала воздушный поцелуй. Тарай, немного смутившись, помахал в ответ и вышел на улицу. Тот, кто

машет рукой, либо зовет, либо прощается, подумал он, и решил принять это за зов, попрощаться пока было не с чем.

– По сравнению со мной она была безнадежно молода.

– Повезло, что заглянул к ней через несколько дней!

– В то утро я нашел деньги, пятерку.

– Забавно, раньше почти никогда денег не находил.

– Это было спустя пару дней после дня рождения. Я остановился, чтобы поправить портфель, хотя мог бы поправить и не останавливаясь, поставил его на тротуар, хотя мог бы держать и в руках. Купюра валялась прямо перед носом.

– Хотел положить ее в свой кошелек, ой, а кошелька нет!

– Двойная удача, подумал я, забыл дома. Целый день без денег, т.е. с пятеркой, невесело. Так как еще далеко не ушел, вернулся, но кошелька и дома не нашел.

– Вспомнил, что накануне вечером из кармана куртки бросил его в портфель.

– Заглянул в портфель, да, он был там. Все сразу посерело. Вот так волшебные силы превращаются в серые будни.

– Однако пятерка была в плюсе, и раз уж день начался с небольшого везения, да и поучительно, я решил заглянуть к ней на работу.

Девушка стояла за стойкой, как только увидела Тарайа, помахала ему рукой. Людей в зале было немного, но пришлось ждать, пока она освободится, и даже тогда смогли обменяться лишь парой слов. Договорились, что Тарай вернется к шести, когда ее сменил ночная коллега, и встретятся у входа. В подтверждение она быстро поцеловала его в щеку. От этого он полностью растаял и, шлепая под почти вечно моросящим дождем, с удивлением обнаружил, что поцелуй, который только что получил, насколько отличается от тех, что получал в барах раньше, как будто его дала не женщина, а какое-то бесполое существо, человек, очень даже человек, но о женственности которого не могло быть и речи, например, его дочь или какая-то другая родственница.

– Моя дочь? Моя дочь меня никогда так не целовала. Никогда. Вообще не целовала.

– Да у меня и дочери нет. Она шлюха! Вся в мать.

Одетт родилась в семье матери-иммигрантки и местного отца. Ее жесткие темные волосы, слегка раскосые глаза и гораздо более открытая личность, чем у местных, несомненно были связаны с ее происхождением. В шесть часов, выходя из боулинг центра, она, теперь уже по привычке, чмокнула Тарайа и, вместо того чтобы открыть свой зонт, прижавшись к нему, втиснулась под его зонт. Болтала, смеялась, и через несколько кварталов начала тащить Тарайа в переулок, в маленькое кафе, говоря, что теперь пусть ее обслужат.

Они уселись, поехали, воздух на улице остыл и вдвоем под одним зонтом слегка промокли.

– Давно тянешь лямку в баре? Вряд ли, если только там не родилась.

– Да нет, три месяца, и еще столько буду.

– А потом?

– Смоюсь. На все четыре стороны.

– Это у вас в моде. Из того, что заработаешь?

– Ага! И еще то, что в пути соображу.

– А что будет когда вернешься? Или это для тебя непостижимо далекая перспектива? Малолетки не планируют на целый год вперед.

– Я не малолетка. Окончила среднюю школу. Поступила в университет. И между прочим, если хочешь знать, планирую на двадцать лет вперед.

– Неужели! Это что-то новое. А именно?

– Сейчас на годик ухажу в академку, поживу, потом пять лет буду заниматься океанологией, на практике объезжу все моря мира, займусь дайвингом. Когда получу диплом, это значит будет через шесть лет, устроюсь на работу в университете, да, меня примут, любят умных девушек, помимо работы начну аспирантуру, которую, включая публикации, диссертацию и защиту, думаю, смогу закончить за четыре года, и получив докторскую степень, что произойдет лет через десять – мне тогда еще не будет и тридцати, – выйду замуж за какого-нибудь профессионального гения, мы купим усадьбу на побережье океана, рожу троих детей, двух девочек и мальчика, вместе сделаем важное открытие, скажем, о влиянии температуры океана и концентрации стратосферного озона на изменение климата, получим международную премию, и ровно через двадцать лет, когда мне не будет и сорока, стану самой счастливой женщиной в мире.

– Ослепительно! И я как в это вписываюсь?

– Идеально. У меня останутся воспоминания о моей юности, которыми, гуляя по берегу океана и глядя на заходящее за горизонт солнце, я буду время от времени развлекаться, и формулировать ностальгические, трогательные мудрости на полпути жизни.

– Это буду я? Эта мудрость?

– Да. Ты станешь превосходной мудростью.

– Интересно, мне об этом еще никто не говорил, в основном, как и я самого себя, считали меня неудачником, использовали в своих интересах.

– О, потому что они тебя не понимали. Такие же, как ваш тугодум. Хоть и начальник, он неотесанный колхозник. Ты интеллигент. Тебя приятно будет вспоминать.

– Слушай, умница, тогда я пас, распоряжайся мной. Мне уже все равно ничего не светит, бери из меня что и сколько хочешь. Вот вожжи. По крайней мере, молодых развращать не буду.

– Думаешь, у тебя был бы другой выбор?

– Следи за своим ртом, радуйся, пока я сплю, а то доиграешься как колхозник.

– О, я даже спровоцирую эту революцию в тебе, люблю, когда мужчина чувствует себя кем-то рядом со мной.

– Только чтобы знал предел?

– Память вечна, она не может быть какой угодно. Мне не нужна память о рабе!

К тому времени, когда они вышли из кафе, дождь практически прекратился, согрелись, немного выпитого спиртного тоже пошло на пользу. Долго гуляли по улицам, так что могли разговаривать еще более непринужденно, чем внутри, просто реагируя на замечания друг друга и меняя тему. Разговор шел и о разнице в возрасте между ними, которую Тарай считал весьма катастрофической. И действительно, любой, кто смотрел на них издали, мог подумать, что это гуляют отец и дочь. Внезапно Одетт остановилась перед одним из очень типичных домов рядовой застройки.

– Здесь я живу.

– И? – повернулся к ней Тарай с бесконечным спокойствием.

Одетт слегка удивилась. Скорее, ожидала, что ей придется что-то преодолевать. Ну и ну, этот парень действительно передал бразды правления! После небольшой паузы продолжила.

– Можешь зайти, если хочешь. И даже задержаться, только чтобы привыкнуть к тебе.

– Снимаешь одна?

– Одна.

– Молодчина.

– Знаю. Не ожидай слишком многого. И позже необязательно займусь с тобой любовью. Пусть память будет чиста. Потом решу.

– К сожалению, только твоя мать приезжая.

– Этого как раз достаточно. Одного нормального человека можно собрать из десятка среднестатистических, а я состою хотя бы из двух, поэтому в два раза круче остальных.

– Хоре. А зубную щетку получу?

– Даже поцелуй. Что-то мне в тебе нравится, ты, старик! – и поцеловав его, схватила за руку и потащила в дом.

Тарай дернется в инвалидной коляске, как будто его куда-то везут, но ничего не происходит. Играет музыка, сливаясь с уличным шумом, играет и играет, приятная, южная, зажигательная.

– Не помешало бы самогоночки.

– До завтрака. Было бы как раз.

– Да, и Одетт могла песню послать.

– Какая мелодия! Эти ритмы! Интересно, где она живет? На берегу какого океана ее усадьба? Стоит на скале, созерцает горизонт, и между двумя мудростями обо мне, послала эту песню. Может быть, а может и кто-то другой.

– Еще нигде не видел столько разбросанных монет, как там. Люди даже не нагибались за ними, а переступали, я один подбирал.

– Так и сказал своим корешам, смотрите, грянет крах, где расточительность, там и разорение. Нет такого богатства, которое нельзя было бы разбазарить.

– Кризис начался через пару лет.

– Пошли к шкафу! Кто я, провидец? И того не знаю, как в карантине приворожить сюда крепкое с Юлей!

Достаёт бутылку, затягивается и немного оставляет. Никогда не следует употреблять все полностью, учила его мать. К сожалению, этой мудрости придерживался не всегда, она не была его собственной, но иногда в нем воскресала, чтобы на время выглядел разумным человеком, а затем вновь становился жертвой своей врожденной безалаберности.

– Курить лучше после завтрака. Скоро старухи принесут лекарство и еду.

– Будет вонять сигаретами. Зачем дразнить их без необходимости? Так спокойнее, захочу, выкурю и две, пусть никто не мешает.

– Из-за песни все равно будут донимать.

– Как нормально звучит: "Верного друга за деньги не купить, / постой, поговори, если спросят..." – отлично, задорно поет парень!

Сначала они сели в гостиной внизу, где позже Одетт постелила Тарайу, сама спала в спальне наверху, так как практически жила на верхнем этаже. Когда приходил гость, она принимала его внизу, в классических, обязательных условиях, которые требовались от всех, ее гостиная функционировала как совершенно безупречный выставочный зал, а наверх приводила только самых близких, которые могли видеть этот, так называемый приезжий беспорядок, не бардак, а артистическую обстановку "поставлю, подождет".

Они продолжали разговаривать, было еще не так поздно, чтобы сразу лечь. Конечно, спать тоже важно, утром на работу, и несмотря на то, что график Тарайа был относительно свободным, продуктивности от него тоже ожидали, и она была, даже лучше, чем у той, как он говорил, никудышной компании. Одетт тихо включила какую-то экзотическую музыку, потом прошла на кухню и оттуда отозвалась:

– Чай будешь?

– Нет.

– Боишься отравиться?
– Заметила?
– Да мне то что!
– Я ведь останусь лишь воспоминанием. А эту часть забудешь.
– Ты недооцениваешь свою роль, – и вернулась с чаем в руках. – Тогда что будешь?

– Пока ничего.
– Только знай, обижаться не стоит.
– Я, конечно, не буду, но напомним тебе об этом. Туалет?
– Вторая дверь после кухни.
– Ну и дурак я, эти дома все одинаковые.
– В таком же живешь?
– Нет, но уже бывал в таких. Какие еще дома! Убогие здания, чуть шире зимнего пальто.

Флегматично помочился и снова отметил, насколько тоньше стала струя его мочи, чем когда был моложе. Затем вошел в первое помещение после кухни, помыть руки. Ванная, как и все остальное в этих домах, была совсем крошечной, но симпатичной, естественно с ковровым покрытием. Естественно? Только здесь. Удивительно, какая причуда, во всем мире в ванной каменный пол, а тут ковер. Лишь бы было не так, как в других местах. Двести лет назад таз в углу на ковре как раз подходил промыть утром глаза, и что ж, традиция – могущественная сила. Точно, как деревянные балки. Он слышал, как Одетт тем временем поднялась вверх – ни одна кошка не смогла бы прокрасться по этой деревянной лестнице так, чтобы все не услышали – и, выйдя из ванной, последовал за Одетт. Конечно, она тоже слышала, что он идет.

– Паспорт?
– Сейчас принесу, – и, поднявшись, подошел к Одетт и поцеловал ее в лоб.
– Хорошо. Действителен.
Тарай огляделся, криво усмехнулся.
– Не нравится? Можешь идти обратно.
– Гнездо голубя не похоже на ласточкино гнездо.
– Однако голуби еще не вымерли.
– К счастью. Я их люблю. Слушай, ангел мой, мне тут офигенно нравится! – и растянулся на установленной на полу не застеленной кровати-плот.
– Мне тоже. Только вдвоем не поместимся. Особенно сейчас еще. Значит твое место внизу. Но теперь оставайся так, лежа.

Она наклонилась и вытащила свою пижаму из-под Тарайа.
– Хотелось бы, чтобы ты не ошибся в оценке ситуации – сказала она и начала сбрасывать с себя одежду.

Делала это красиво, размеренно, как будто была одна в комнате. Лицом к Тарайу. Когда сняла лифчик, трусики и бросила их прямо рядом с рукой Тарайа, он спросил:

– Слушай, это твой повседневный садизм, или часть тренировки? А может все-таки еще что-то другое?
– Нет, ничего другого. Я тебе нравлюсь?
– Ну, я бы солгал, если бы сказал, что совершенно спокоен. Ты уверена, что выдержишься до тридцати, до твоего гения?
– Предоставь это мне.
– Может сжалишься надо мной?

– Ладно – и надела пижаму. Подожди, скоро станем друзьями. Ну-ка стань на мое место! – и когда Тарай поднялся, она легла на кровать в такой же позе. – Твоя очередь!

– Имеешь в виду раздеваться?

– Наконец мужчина догадывается, но и то не до конца!

Тарай помрачнел. Не только из-за настоящего. Застенчив он не был. Вспоминал, за много лет сколько раз раздевался наголо и с каким итогом. Увидел себя полулысого, со слегка отвисшим животом, с венозными ногами, с потерявшей эластичность кожей, стоящего обнаженным там, где только что стояла эта русалка, где вчера, возможно, стоял какой-нибудь двадцатилетний гладиатор, и тогда исчез в нем мужчина, до сих пор кое-как сохранившийся в их отношениях типа отца и дочери. Одетт быстро все поняла и не стала медлить. Вскочила, обняла его за шею, нажала указательным пальцем на кончик носа.

– Помогу тебе. Хочу, чтобы ты стал моим другом. Чтобы то, что тебя сейчас волнует, прошло между нами. Не переживай, теперь я вижу только тебя. И даже не того, кто ты есть, а того, кем ты станешь, – и начала расстегивать рубашку Тарайа, затем брюки, раздевая его наголо. Погладила и член, который в какой-то степени обрел себя. Она обняла обнаженного мужчину, все еще поглощенного собой, и многозначительно погладила его по голове. – Хорошо. Для начала. А теперь одевайся, у меня нет мужской пижамы. Знаешь, что бы ты ни думал, я не занимаюсь этим каждый день с кем попало. Внизу ляжешь спать в таком виде, как хочешь, хоть в туфлях, мне все равно.

После так называемой церемонии посвящения, они вернулись вниз, но сидели уже не в двух креслах, а в одном, Одетт на коленях Тарайа, свесив ноги через подлокотник. Разговаривали, ласкали друг друга, она пила свой чай.

– Твоя страна довольно далеко.

– Забудь о моей стране – попытался отвлечься от темы Тарай.

– Я загляну туда во время своего кругосветного путешествия.

– Это можно. Посмотри.

– А ты не любишь свою страну?

– Я не люблю, когда кто-то не может говорить ни о чем, кроме как о своей стране. И о своем народе. Это меня ужасно злит.

– А о чем ты любишь говорить? Кроме своего возраста.

– Не знаю. Может быть, уже ни о чем.

– Очевидно и я такой стану. Возможно, уже такая. Иногда хочу просто с кем-то вместе молчать. Обожаю.

– Трудно поверить. Могу я погладить твою грудь?

– Конечно.

– Под пижамой?

– И я так думала.

Они просидели так еще полчаса, болтая ни о чем, делая перерывы, слушая музыку, ладонь Тарайа лежала на груди Одетт, иногда на животе.

– Нам пора спать – неожиданно заявила Одетт.

– Давай ляжем.

– Спасибо, я рада за тебя, хотя была уверена, что не ошибаюсь.

– Ты супер, доченька моя, прямо гений!

Одетт быстро постелила Тарайу на диване, и слышно было за три дома как она взбежала по деревянной лестнице с ковровым покрытием.

– Не держит кота, – тихо заметил Тарай, выключая свет.

О переезде к Одетте не было и речи, но он довольно часто оставался у нее ночевать. Особенно в выходные и праздничные дни. Их отношения, казалось бы, неземные, но нет, они были очень даже человеческими, в земной реальности. Тарай часто вспоминал Соню, только с ней они были равны, а здесь словно молодая девушка пришла к бессильному старику, чтобы помочь ему перейти дорогу. А что ждет старика по ту сторону?

На работе Тарай познакомился с интересной женщиной, моложе его, но значительно ближе по возрасту, чем Одетт. Мать четверых детей, умница, кандидат наук, муж профессор, вилла прямо на берегу океана, в общем, то, кем Одетт мечтает стать лет через двадцать. Когда они одновременно работали, разговаривали. Это бывало редко, так как график их работы был совершенно разным.

Она регулярно посещала тот или иной курс в университете, в то время, например, ради развлечения, слушала киноэстетику, до этого изучала египтологию, регулярно ходила на лекции по генетике, и другим непонятным для Тарая предметам, необходимым для работы следователем. Она также преподавала в университете и курировала аспирантов. Конечно, Тарай не считал, что человек ценен пропорционально его образованию, ученой степени или состоянию, как и не думал, что после каких-то курсов он обязательно будет легче или правильнее ориентироваться по тому или иному предмету. Он не отрицал, что такое обучение может быть полезным, однако не был им ошеломлен.

– Иду в лес и получаю удовольствие. Нравится. А другой лес не нравится. Ухожу.

– Есть те, кто изучает, как должен выглядеть лес или сад. На каком расстоянии друг от друга должны находиться деревья, как их посадить, какая растительность оптимальна для той или иной почвы, должны ли быть кусты или нет, как за всем этим ухаживать, подрезать ли их или, наоборот, дать им немного одичать.

– Тот, кто привык в своей работе ко всему подходить с научной точки зрения, и в личной жизни не может отойти от этого. Это точно.

– Но, очевидно, не самый профессиональный лес нравится большинству людей!

– Более того, по важным вопросам мнение широкой, совершенно непрофессиональной публики совпадает с мнением наиболее осведомленных. Это давно известно. Всеобщее избирательное право. Не глупость, просто выборы не должны быть сфальсифицированы.

– Она спросила, каков мой профессиональный опыт, имею ли какие-либо публикации. Нет, ответил я. Мне потребовалось много сил, чтобы не иметь их. Удалось сохранить свою научную девственность.

– Засмеялись. Она обещала помочь лишиться этой девственности.

– Ты лучше займись другой моей девственностью! – подумал я. Комбинаций было уже много, но еще никогда не спал с университетским преподавателем, женой профессора с четырьмя детьми.

– Не могла уйти от собственных взглядов, снова и снова рассматривала проблему со своей точки зрения и предполагала, что я, как и она, стремлюсь к научной карьере. Хотя я только что обрисовал ей, и она поняла, что для меня это не является целью.

– Научная работа в университете! Нет ничего проще, чем трахаться в борделе. Не трахаться сложнее.

– Кстати, есть ли у меня какая-нибудь цель? В том-то и дело, что нет! Если честно, уложить в постель многодетную жену профессора тоже не является целью, а всего лишь привычная мужская рутина.

Когда он в следующий раз встретился с Одетт, спросил, какое у нее мнение об этом случае.

– Тугодумка, – ответила она.

– Ты сама становишься такой.

– Нет. Мне снятся фиолетовые шары.

В полдень на выходных Тарай вышел на прогулку, сильный ветер несколько подсушил землю, поэтому он отправился на гору, которая возвышалась недалеко от его дома. В предыдущие дни шел дождь, то больше, то меньше, но постоянно, из квартиры выходил только по самым необходимым делам, на работу, к Одетт, в магазин. Его тело нуждалось в движении и хотелось выйти на природу подышать свежим воздухом. Взобрался на самый верх горы и, хотя она снизу выглядела не очень высокой, сильно запыхался, – действительно обмяк. На вершине, чуть сбоку, заметил источник, да какой он был источник, вода вытекала не из какой-то определенной точки, из какого-то хорошо заметного отверстия, как можно было бы представить, а просто просачивалась из-под земли с площади около полутора квадратных метров, а затем через несколько шагов уже текла дальше как ручей.

– Прямо как Одетт, все в ней бурлило, и за считанные секунды собиралось в живительную силу.

По дороге домой зашел в свой любимый магазин за продуктами. Темные тучи уже сгущались, когда спускался с горы, ему, наверное, лучше было бы направиться прямо домой, но холодильник был настолько пуст, что решил затариться. Ходя между прилавками, услышал, что на улице опять начался сильный дождь. Пока шел домой, ветер вывернул и сломал его зонт, промок до нитки. Повесил сушить одежду, осмотрел зонт, можно ли починить. Определил, что можно, но для этого нужен крепкий кусок проволоки, сантиметров шесть-восемь длиной. Когда стихло, он огляделся в поисках проволоки, возле заборов обычно валяется, но здесь не нашел. Вспомнил о большой скрепке в своей сумке, воткнул ее туда перед отъездом, что ж, сделал заключение, всему придет свое время и роль, нашел скрепку, выпрямил и починил зонт.

– Какова была цель, черт возьми, моего пребывания там?

– Не помню, выяснилось ли вообще.

– Те, кто стартуют с нуля и не могут набрать нужную скорость, пропадают окончательно.

Часов в одиннадцать вечера Тарай сидел у окна и смотрел на улицу. Лил дождь, от ветра прямо хлестало по стеклу. У рамы сквозило, и подтекала вода. Даже к Одетт не хотелось идти.

– Окно было главным достоинством комнаты.

– Без него это была бы клетка.

– По сравнению с теперешней все же удобнее.

– Прямо как в театре, особенно со старомодными занавесками, подвязанными по бокам.

– Торчишь, смотришь на дождь, на желтый свет фонарей на другой стороне улицы, на людей в плащах или под зонтиками. Спектакль несколько однообразный, но не скучный.

– Что ж, еще выяснится, в чем был смысл всей той поездки! Вот где судьба и начала меня приучать ко всему этому, что происходит сейчас!

На следующий вечер на без четверти семь он договорился с одним из своих коллег, который, как и жена профессора, приходил лишь изредка и работал в основном из дома, встретиться перед школой, где они арендовали спортзал для игры в футбол. Тот сказал, что кто-то выбыл из команды, пусть Тарай принесет кеды, он познакомит его с остальными и сразу можно играть. Начинают ровно в семь. Назвал цену.

Пообещал еще звякнуть. Звонка не было, и парень не пришел к без четверти семь, хотя Тарай был уже там в половине, лучше подождать, чем случайно опоздать. Один за другим появлялись члены двух команд, но, конечно, Тарай к ним не подошел. Его коллега так и не появился. После семи Тарай отправился к Одетт.

– Ну, конечно, недотроги, если обязанность, то тянут на все сто, а услугу делать слабо.

– Когда дело касается работы, они терпимы, а вот в личных делах подосрут. Наносят удар там, где меньше всего ожидаешь. Глазом не моргнув.

Обо всем рассказал Одетт. Она промолчала. Знала, что он прав. Не стала защищать своих. В этом духе и прошел весь вечер. Вышли погулять, но недооценили насколько воздух остыл, слишком легко оделись, дрожали от холода, поэтому сели в бар. Не успели расположиться, как их вытеснила пьяная, шумная компания, переполнившая все заведение. Еще не ушли далеко, как толпа выплеснулась на улицу, пританцовывая, швыряясь вареной картошкой, а некоторых рвало на асфальт. Пинали картошку вокруг своих машин, шел футбольный матч, Тарай все же не полностью лишился игры в этот вечер, они явно посчитали, что нельзя сразу садиться за руль, проветрили головы, и смотались.

– Поздравляю! – уколол Тарай Одетт.

– А что, ты делаешь это по-другому? – И Тарай не нашел ответа.

Уже темнело, но решили поехать на горячие источники за город на электричке, СПА-центр с баром открыт до полуночи, можно окунуться и погреться в приятной, почти сорокаградусной термальной воде. Тарай думал и о том, что могут переночевать в мотеле и вернуться только утром. Вестибюль железнодорожной кассы был пуст, Тарай подошел к окошку купить билет, Одетт ждала в нескольких шагах от него в углу, куда свет фонарей не попадал. Он попросил два билета туда и обратно на этот вечер, цена которых со скидкой была только чуть выше, чем билет в один конец, но после небольшого перерыва спросил, а если вернуться завтра утром, будет ли их обратный билет действителен? Из этого кассир сделал вывод, что они хотят вернуться завтра, и поскольку льгота распространялась на обратную дорогу только в тот же день, он выдал два билета, туда на сегодняшний день, а обратно без льготы на следующий. Это означало примерно двойную цену. Тарай, увидев то, что получил, пожаловался, что он не это просил. Кассир был взбешен, утверждал, что Тарай говорил об утреннем обратном рейсе и начал кричать, что идиот-иностранец – должно быть, догадался об этом по акценту – несет чушь, пусть решает, что ему нужно, теперь у него останутся неправильно оформленные билеты. Одетт все слышала, но не вмешивалась, Тарай мужик, разберется. К счастью, Тарай смог остаться таким спокойным, каким он уже давно не был, и кассир, наконец, выдал билеты, которые он изначально просил. Идя по платформе, Одетт погладила Тарайа, успокаивая его – хотя, о, чудо, тот в этом не нуждался, – что он все сказал очень правильно, а кассир сидел на ушах, вместо того чтобы дать ему, что просил, дал то, что он себе представлял, и его поведение было весьма непривычным, парень недолго просидит в кассе, потому что если позволил себе такую грубость сейчас, то сделает это и в другой раз, а в их стране таких выгоняют.

Но проклятие кассира, которое он, вероятно, пробормотал им вслед, их настигло, потому что когда добрались до СПА-центра, там было совсем темно, на двери висела табличка с извинениями, что они всю неделю закрываются в шесть, ночью идет реконструкция и санитарная уборка. Работа, очевидно, велась очень скрытно, в полной тишине и затемнении, потому что ни один писк или слабый свет не проникал наружу. Обманывают даже в самых лучших местах, подумал Тарай, и вспомнил случай, когда неожиданно выпало примерно два сантиметра снега, едва покрыв дороги белым слоем, сколько же везде накосячили. Сразу все закрыли и даже на следующий день,

воспользовавшись жуткими зимними условиями, саботировали утро, уже был полдень, когда жизнь началась. Начальники смылись как только пошел снег, затем ситуация демократизировалась, и, к счастью для работяг, снега выпало достаточно, край стал белым, и тогда они тоже могли уйти.

Вернулись в город и, основательно замерзнув, пошли к Одетт. Приняли вместе теплый душ, прижавшись друг к другу под приятной струей воды, а затем, постелив Тарайу внизу, поднялись вверх и в полночь прилегли на кровать-плот Одетт, укрылись шерстяным одеялом и заснули. Наступил следующий день и проклятие предыдущего дня уже не работало. Проспали до утра, впервые вместе в одной постели.

Входит Ица в маске, с испуганными глазами. На шум Тарай поворачивает инвалидную коляску в сторону двери.

– Беда, дядя Лайош!

– Я знаю, Ица, именно так и думаю.

– Вам уже сказали? Кто?

– О чем, Ица? Я знаю это и без чьей-либо подсказки.

– Вы опять пудрите мозги! Теперь у нас настоящая проблема.

– Говорите, ради Бога!

– Жужа заболела. Ночью у нее поднялась температура, ее трясло, начала задыхаться. Отвезли в больницу. Сказали, вирус.

– Ну, да, никто не знает когда наступит его очередь.

– О какой очереди вы тут несете?

– О какой? Кто и когда в мешок для трупов попадет.

– Вам даже ваша музыка не помогла стать нормальным. Слышу, все еще играет. Не надоело?

– Здесь давно все одно и то же, почему именно музыка должна надоесть?

– Послушайте, я не знаю, как все будет, но теперь мне самой придется раскручиваться с завтраком и выдачей лекарства. Возможно, всех, кто был в контакте с Жужей, отправят домой и приведут сюда новых сестер. Конечно, если найдут.

– Нас тоже отправят домой и новых жителей приведут?

– Дядя Лайош, не говорите глупостей!

– Почему? Мы ведь тоже имели контакт с Жужей.

– Это, кстати, правда. Возможно, вам действительно не стоит принимать слабительное, пока не выяснится, что будет дальше. А то, кто вас помоеет? Может быть, разберутся с этим до полудня. Господи, как я устала! Всю ночь что-то происходило, почти не спала, а теперь не могу пойти домой, смены нет.

– Присядьте на минутку, Ица. На стул или на кровать.

– Я занята. Нет времени.

– Ну, хоть немножко присядьте!

– Подождите, принесу вам завтрак и лекарство.

Выходит, и через несколько минут приносит чай, завтрак, упакованный в полиэтилен и лекарство. Кладет на стол, садится.

– Будет ужасно, если мы все сейчас вырубимся! Еще и домашних заразим.

– Но сначала вы заразите нас. А когда мы все сдохнем, весь этот базар закроют, вас выгонят, естественно, и как это вы хотели, не будет больше никакого риска.

– Шутите, моя дочь беременна, а внуку скоро в школу идти!

– Молодых не берет, не волнуйтесь! Что вы сказали будет на завтрак, колбаса?

– Да. Вкусная, не самая дешевая.

– Может, порежете ее для меня? На мелкие куски, так хоть могу погрызть. Откройте шкаф, там найдете нож.

Ица подходит к шкафу, достает нож, разворачивает пакет с завтраком и начинает нарезать колбасу.

– Надо же, вчера вечером я не заметила ничего плохого, а утром она уже еле жива! Какое хорошее настроение у нее было, даже с вами шутила!

– А многие думают, как я слышу по радио, что вообще никакого вируса нет.

– Сначала и я так думала.

– Булочку дали или хлеб?

– Хлеб. Вам только один кусочек. Из-за сахара...

– Как им повезло со мной!

– Песня действительно милая. Ну вот и готова ваша колбаса, можно завтракать!

– Потом. Правда прекрасна?

– Ага. Господи, когда же это все кончится?

– Пока не разработают вакцину, точно нет.

– А я не буду прививаться.

– Лучше умрете?

– Не надо на мне эксперименты ставить! Не нужен их чип под кожу!

– А что, боитесь превратиться в телефон?

– Всех только деньги интересуют и власть!

– Лет двадцать пять – тридцать еще можете продержаться на батарееке, все лучше, чем быть закопанным. Как это скоро будет со мной. Или сожгут в крематории, столько людей гибнет, некогда могилы копать.

– Этот цирк с масками тоже очередной клоунский номер. Вдыхаю через нее то же самое, что и без. Я что, хирург? Не собираюсь вас оперировать, дядя Лайош. Горы масок продают, это точно. Ну иду, есть еще голодные, много времени пролетело из-за этой заварухи.

– Ица, когда вы придумаете что-нибудь, то делайте прямо противоположное. Уберите нож, пожалуйста, если не собираетесь оперировать! Из меня уже больше нечего вырезать.

– Зачем? После такого завтрака все равно будете подъедать.

– Порядок должен быть во всем. Вытрите и положите на место.

– Станный вы, дядя Лайош. Как эти два человека в вас могут терпеть друг друга?

– Да еще во все меньшем и меньшем теле.

– Теперь уже действительно мне пора. Зайду позже, но не рассчитывайте на меня слишком сильно. Слушайте свою песню, видите, кто-то думал о вас. Не хороните себя пока! Возможно, вы правы насчет мешка для трупов, любой может вас опередить, даже я.

Она встает, поправляет стул, кладет нож в шкаф и выходит из комнаты.

Тарай подкатывает к столу, нащупывает, что и где оставила Ица. Начинает грызть колбасу. Вспоминает свое детство, рыбалку, когда взрослые, которые ловили угря рядом, насаживали на крючок кусочки колбасы, а он с тоской смотрел и думал, что за расточительство, он лучше бы насаживал дождевого червя, пусть клюет не угорь, а что-нибудь другое, кого и червяк устраивает, а колбасу съел бы сам. Жили бедно, не могли позволить себе фирменную колбаску, ели только ту, что сами делали, когда кололи свинью, слава Богу, хоть эту мог есть, сколько душе угодно.

– Меня не утешит, если Жужа или Ица опередят, умрут завтра, а я только послезавтра.

– Вкусная колбаса. И этот жалкий ломоть хлеба тоже уничтожу.

– Наш деревенский сосед как-то хвастался, что после успешной продажи чего-то, уже не помню чего, возвращаясь домой на поезде, в буфете вокзала, окрыленный

успехом, купил сто грамм нарезанной колбасы, съел без хлеба, а потом повторил это еще дважды. Я был пацаном, а он взрослым молодым человеком, я, блин, завидовал ему, помню.

– Чип под кожу ей поставят, Боже, сколько дураков на свете! Все, что бы не слышали, осмыслить не могут.

– Значит, Бог был прав насчет яблока, знание приносит вред!

– Чай попить, что ли? Нужно что-то теплое.

– Вода с лимонной кислотой да еще и без сахара. Пусть пьет тот, кто это придумал! Лучше на обед суп похлебаю.

– Теперь я ем, как те у океана. Рукой прямо из фольги.

– Но я хоть по нужде.

– Я чуть не упал в обморок, когда впервые увидел, что все обедают за письменным столом. Даже самый высокопоставленный менеджер в полдень выудил откуда-то свой бутербродик и, сидя за компьютером, начал его грызть.

– Точно как крестьяне в старину на кукурузном поле, сели на травку, достали лук, хлеб, сало, но даже они разложили кухонное полотенце, в которое был завернут хлеб.

– С тех пор капитал позаботился о том, чтобы такая неотесанность и тут вошла в моду.

– Как приятно слышать эту песню! И в то же время как странно!

– Что изменилось вокруг меня? Ничего. Точно так же у меня нет ног, волос, зубов, глаз, ничего и никого, немного по-другому вибрирует воздух, и мои уши едва, но все еще слышат, и от этого кажется, будто что-то изменилось. Действительно изменилось?

– Разница только в восприятии. Стоит ли это чего-нибудь?

– Человек, который прислал мне эту песню, думал обо мне и раньше, а человек, который ничего не прислал, иногда тоже думает обо мне. Если я откину копыта, тот, кто не узнает об этом, будет вспоминать меня так же часто, как будто я еще жив.

– Живу или сдохну, какое это имеет значение?

– Дурак, конечно имеет!

– Почему?

– А потому. Жужа может объяснить.

– Отличная песня. Приятно слушать! У парня крутой темперамент!

С тех пор, когда Тарай оставался у Одетт, они всегда спали на верхнем этаже, обнявшись на кровати-плоту. Действительно только спали. Вскоре после неудачного вечера удалось одновременно взять несколько дней отпуска, и они запланировали поездку в малонаселенный район побережья, чтобы провести несколько дней вместе, бродя по окрестностям, с утра до вечера наслаждаясь близостью друг друга. Выбирали между хуторами по фотографиям и описаниям, стараясь найти подходящий, где могут уединиться, где достаточно комфортно, но не слишком дорого. Ни один из них не был раньше в тех местах, что не облегчило их выбор. В итоге забронировали приятный на вид часть хутора, отбросив мысль, что по приезду начнут бегать в поисках жилья.

До ближайшего небольшого городка доехали на поезде, а оттуда последние несколько километров на автобусе. Автобус останавливался практически у каждого перекрестка, поэтому могли сойти прямо у дороги, ведущей к хутору. Огляделись, пока были довольны. В слегка холмистой местности основную дорогу окружала обычная полоса леса, хутор находился примерно в ста метрах от нее, к нему и к еще одному хутору на заднем плане вела грунтовая, слегка пыльная дорожка. Направились к дому. Было видно, что хутор строился в несколько этапов, к основному корпусу были пристроены еще два небольших здания, а хозяйственные постройки – сарай, гараж –

также свидетельствовали о том, что были сделаны в разное время и из разных материалов. Позади дома был небольшой сад, а за ним более обширное открытое пространство, где паслось несколько лошадей. Примерно в ста пятидесяти метрах находился солидный соседский хутор, который с одной стороны имел небольшой вспаханный участок, а с другой несколько запущенный лес, который производил впечатление естественного именно потому, что был таким неухоженным. Добрались, нашли ключ, после оплаты аренды хозяин сказал им, где он спрятан и попросил положить обратно на то же место, когда уходят. Вошли в дом, осмотревшись, были полностью удовлетворены интерьером. Эта не совсем молодая центральная часть здания была превращена в довольно просторную, удобно обставленную, со вкусом и практичностью оборудованную, съемную квартиру, и, что самое главное, вокруг никого нет, они действительно будут полностью предоставлены сами себе. Владелец их предупредил, что в каждом из двух пристроенных крыльев здания проживает по одному пожилому жителю, но они редко появляются и, никоим образом, не будут мешать отдыху. Обнялись, а затем пошли на верхний этаж, посмотреть, что там. Нашли гостевую комнату с ванной и туалетом, так что могли бы разместить как минимум еще двоих, в общем жилье сделали пригодным для размещения небольшой семьи.

Поселились внизу, чтобы все было под рукой, кухня, столовая, прачечная, выход на заднюю террасу, которую они сразу же выбрали своим основным местом пребывания. Могли бы даже играть на рояле, если бы умели, в гостиной стоял красивый белый рояль, но не имея музыкального слуха, им пришлось только довольствоваться возвышенным видом инструмента.

Распаковали вещи, сложили одежду в шкаф в спальне, положили в холодильник еду, которую взяли с собой, совсем немного, и решили, что, вероятно, придется начать с магазина, потому что еды на ужин хватит, но уж на завтрак точно нет. Одетт поставила чайник, Тарай открыл одну из двух бутылок вина, которые они привезли с собой, и сели на террасе пить вино и чай.

– Это мне подошло бы с неплохой пожизненной рентой – пробормотал Тарай в сторону лошадей и одним глотком осушил первый бокал вина. – Я бы торчал здесь до самой смерти.

– Неплохо. Однако слишком много кротов, – с озорной улыбкой заметила Одетт, мотнув головой в сторону заднего сада, где кротовые холмики действительно возвышались в шокирующем количестве.

– Конечно, не со скалы созерцаешь океан! Там уж кротов нет! Тебя ждет такая панорама. А я простой деревенский парень, мне это сойдет. Интересно, чьи это лошади?

– Я думаю, они принадлежат другому хутору.

– Возможно. Двое стариков, о которых говорил хозяин, вряд ли держат лошадей. Грех использовать такое местечко только для того, чтобы сдавать.

– Может быть, и владелец приезжает сюда. Или, например, живет здесь зимой. А если работа приковывает его к другому месту?

– Гм. Как ты думаешь, лучше пешком пойти в город за покупками, или подождать автобус? – и Тарай опять наполнил свой бокал.

– В город? Здесь должен быть магазинчик поближе! Мы не собираемся затариваться на неделю.

– Тогда давай погуляем, посмотримся и по дороге спросим, где хавку можно купить.

– Окей. Налить горячей воды в вино? Кстати, это вкусно.

– Без разбавления вкусно, да еще чуть сахара и трав.

– Ой, ты мой алкаш, смотри, там олененок, только что из леса вышел!

– Вижу. И у нас их полно. Пожирают весь урожай. Охотники не успевают их отстреливать. Ну что, пойдем?

– Какая бесчувственность! Эй, ты, мой дорогой чурбан, разве они не прекрасны?

– Моя милая городская акселератка, это настоящий хутор, а не открытка с оленем! Еды почти нет, последняя бутылка вина, как насчет того, чтобы отправиться разведать, где магазин?

Собрались, заперли дом и пошли. На главной дороге вскоре встретили местную женщину, которая очень любезно подсказала им, что примерно на километр вниз по дороге есть небольшой магазин, принадлежащий владельцу хутора, открыт до восьми вечера, в нем найдут все самое необходимое. Тогда они решили сначала погулять, а в магазин зайти на обратном пути, чтобы не таскать покупки с собой. На вопрос, где им стоит походить, она указала на открытую местность за полосой леса, где найдут туристическую тропу, по которой отдыхающие обычно гуляют.

Они поблагодарили, приняли совет и направились в указанном направлении. Но местность казалась открытой и сплошной только на расстоянии их разговора, а подойдя ближе, обнаружили, что это совсем не так. Вся территория была разделена на участки, огороженные высокими проволочными заборами, между которыми шла узкая пешеходная тропинка.

– Мы шли вдоль двустороннего забора примерно час.

– Блин, там почти вся земля чья-то частная собственность и ее огораживают.

– Забор за забором, вход, разумеется, запрещен.

– Проход между заборами не больше полутора метра, не дай Бог, на пару рядов кукурузы меньше посадят, мы вдвоем еле помещались рядом друг с другом.

– Как будто в тюрьме нас вывели на оздоровительную прогулку.

– Я бы не позволил никому владеть землей. Разрешил бы только долгосрочную аренду без ограждений.

– Никто не может владеть воздушным пространством над собой, так почему же владеют землей под ногами?

– Или, зная человеческую жадность, сделают наоборот, вместо запрета приобретения земли, поощрят покупку неба.

Разочарованные, они повернули назад, с уверенностью, что больше не пойдут в этом направлении. В таком случае куда? Океан, конечно, никуда не денется, туда обязательно поедут, но хотелось бы найти приятные места и поближе, где можно бродить по утрам и вечерам. Терраса, конечно, прекрасна, особенно пока есть возможность двигаться туда-сюда, но с того момента, как чувствуешь себя закрытым на ней, она действует удручающе.

– Не вешай нос, дитя мое, почесали в магазин, а завтра айда к воде!

– Да, дорогой дедушка! – Одett резво потянулась и поцеловала Тарайа в лоб.

Нормального хлеба купить не могли, был только фасованный, похожий на пластилин, который продается повсюду. Зато купили абсолютно хорошего качества мясное ассорти, сыр, масло, яйца, помидоры, огурцы, несколько луковиц и картофель на случай, если захотят что-то приготовить. Купили и прекрасное вино, выбор которого не соответствовал месту, поэтому Тарай взял столько, чтобы хватило до конца их пребывания.

Вечер был максимально упрощен, расположились на террасе, Одett поставила на стол все для бутербродов, а Тарай быстро пожарил омлет из четырех яиц, пили чай, вино, в тишине сельской местности слушали легкие звуки, доносившиеся из леса, наблюдая, как темнеют силуэты друг друга, и небо начинает сиять над ними как алмаз. Одett скользнула глубоко в кресло, чтобы удобнее было смотреть на это зрелище ночи, столь редкое для нее из-за частых облаков, дождей и светового загрязнения города.

– Невероятно, какая красота там, наверху! Только не говори мне, что это Млечный Путь, и он состоит из двухсот миллиардов звезд!

– Хорошо, не буду. Действительно прекрасна. Жаль, что недосыгаема.

– У тебя есть звезда?

– Нет. У друга было даже три.

– Какие?

– Пояс Ориона.

– Серьезно? И я смотрю на них. В такое время года не видны.

– Да, возможно, вы бы подошли друг другу.

– А что, тебе не подхожу?

– Тебе лучше знать, ты меня выбрала.

– Мог бы немного польстить, что ты меня выбрал.

– Не знаю, выбирал ли я когда-нибудь кого-то или что-то.

– Ну вот и закрутил. Не надо. Я тебя не брошу. Будешь сиять в моем сознании, как самая яркая там, наверху.

– Если бы я только знал, чем я это заслужил. Но главное, чтобы ты знала.

Они рано легли спать и долго не засыпали, чтобы как можно дольше ощущать близость друг друга. И вдруг наступило утро.

– А тот омлет был супер, с ним не сравнится даже самая отменная колбаса!

– Плюс вино и тишина. И какое-то настораживающее спокойствие.

– Ну да, я ведь уже тогда почувствовал конец.

– Или даже не понимал, что я чувствую, просто фон стал таким давящим, как между заборами.

– Ну, а теперь всю колбасу съел, кусочками легко пошла. И в другой раз попрошу нарезать. Сальца еще, что ли? Лучше чуть позже.

– Да, хорошо, сначала закурю, потом перерыв, сальцо и опять табачок. Будем праздновать. Скоро Юля вновь все принесет.

Тарай подкатывает к шкафу, прикуривает, закрывает дверцу шкафа, придвигается ближе к окну, делает глубокую затяжку.

К океану могли бы пойти пешком, но предпочли дожидаться автобуса, чтобы от ходьбы не устали, особенно Тарай, и потом хватило сил на прогулку по побережью. Правильно решили, ведь даже от того места, где они высадились из автобуса, до воды, то есть до скалистого, крутого берега, откуда открывался захватывающий и в то же время ужасающий вид на океан, оставалось значительное расстояние. Тарай почувствовал тошноту, глядя на бесконечную воду, не на такую, в которой резвились с Соней, эта была совсем другая, коричневато-мутная, как будто глинистая, и хоть не бурлила, все же излучала жгучую, безграничную мощь, порождая в Тарайе подозрение, что если эта мразь поселится между кем либо, то будет непобедимо распространяться между ними до скончания времен.

– И ты хочешь смотреть на это день за днем? – говорил, наклонившись поближе к уху Одетт, чтобы она могла слышать его сквозь шум волн и умеренного ветра, который все же трепал ее одежду.

– А что, тебе не нравится? В этом есть что-то звериное. Как большая кошка, тигр или лев.

– Но у тебя же нет кошки!

– Потому что такую держать не могу.

– Продержишься до тридцати, – пробормотал Тарай себе под нос.

– Давай спустимся к подножью скалы! Видишь лестницу впереди? Ведет до самого низа. Хочу воды рукой прикоснуться.

– Глупышка, в нее нельзя опустить руку, сразу по пояс накроет!

– Тогда разденусь. Мне это нужно!

Спустились по лестнице с высоты нескольких этажей и попытались подобраться ближе к воде по камням, которые сверху выглядели не очень большими, но на самом деле были в половину человеческого роста. Однако в таком месте нет четкого берега, где бы вода стояла на месте и женщина, движимая желанием, могла бы грациозно окунуть в пену свою нежную ручку, тем самым укрощая и овладевая океаном. Волны катятся к камням и разбиваются о них с большими брызгами, и если кто-то не осторожен, волна может его даже унести, что бы показать, кто здесь хозяин.

– Не входи! – закричал Тарай.

– Если ты трус, оставайся на месте, тебе не обязательно идти, – ответила она, перекрикивая рев волн.

Внезапно девушка начала раздеваться, поставила свои кроссовки, штаны, блузку на один из более плоских камней и в нижнем белье продолжала карабкаться, пока, наконец, не достигла воды, которая журчала между скалами, вихрясь и постоянно меняя свой уровень. Она вошла в бурлящую воду и начала прыгать, разбрызгивая ее обеими руками. Потом серьезная волна погрузила Одетт по живот, повергнув ее в полный экстаз. Повернулась к Тарайу, который стоял на берегу, и помахала ему рукой, а Тарайу не верилось, что это та самая женщина, которая спала, свернувшись калачиком у него на коленях, а вчера наслаждалась видом робкого оленя. Зрелище завораживало, мрачные камни, хрупкая девушка, весь океан за ней. Незабываемо впечатляюще.

Когда Одетт вылезла, ей, конечно же, пришлось снять трусики, но это не составило для нее никакой проблемы, не оглядываясь, сняла их, натянула штаны на голую попу, одела кроссовки, влезла в блузку и выкарабкалась к Тарайу.

– Ты даже не потрогал океан?

– Я не скучаю по этому подонку. В нем есть что-то враждебное.

– Ладно, пойдем. Я теперь с ним знакома. Надеюсь, он учел, с кем имеет дело и как со мной себя вести.

Когда они поднимались по лестнице, Тарай почувствовал странное давление в груди, он стал тяжелее дышать, левая рука онемела, и казалось, онемело даже подбородком. Раньше никогда не чувствовал ничего подобного. Иногда кололо в области сердца, но такого коварного давления не испытывал. Он остановился, Одетт, которая шла впереди, переместилась намного выше, Тарай попытался следовать за ней, но из-за нарастающего удушья ему пришлось замедлить шаг, хотя очень не хотел, чтобы она заметила его проблему. Одетт поднялась, обернулась, думая, что Тарай следует за ней, и не поняла, почему он стоит на лестнице примерно на полпути. Неужели наслаждается зрелищем подонка, к чему не хотел даже прикоснуться? Она спустилась и тут же поняла, что с Тараем что-то не так.

– Что с тобой?

– Я думаю, сердце.

– Болит?

– Давит.

– Раньше такое было?

– Нет. Но мне уже лучше. Подожди немного.

– Ты бледный, а губы синие.

Через несколько минут они начали подниматься, Тарай стал дышать гораздо легче, давление и онемение прошли. До вершины добрались без проблем.

– Не пугай меня!

– Я? И не собирался, это что-то во мне. Зря ты связалась со стариком.

– Может вернемся?

– Да, нет! Пошли дальше! Не беспокойся, я в порядке.

День прошел бы неплохо, если бы не этот случай. Приступ Тарайа бросил тень на их экскурсию, и, несмотря на то, что он настаивал на том, что с ним все в порядке, те несколько минут на лестнице омрачили всю их поездку. Они, конечно, отбыли оплаченные дни, но больше не решались уйти далеко, разочарованно бродили по окрестности. Сидя на террасе, завтракали, ужинали, попивали вино и чай, а в постели всегда чувствовали присутствие третьего, – болезни Тарайа.

С двумя стариками, живущими по соседству, не встречались, владельца другого хутора иногда видели, на своем участке занимался делами, несколько раз в день проносился мимо них на своей машине, однако в разговор никогда не вступали. Определили, что одиночество здесь действительно одиночество. Каждый может оценить такое, как угодно, в соответствии со своим душевным состоянием, но абсолютно не удивительно, что человек, сдающий это жилье, предпочитает жить в другом месте.

Настроение Одетт под конец улучшилось, иногда фальшиво напевала песни, говоря, что ей нравятся их тексты, поэтому может терпеть собственное исполнение.

Вещи упаковали в такой же резвой манере, как и распаковали по прибытии, навели порядок, заперли здание, положили ключ на место и поплелись к автобусу. Не попрощались с местом, хотя было очевидно, что никогда в жизни сюда не вернутся.

– Я вернусь. В мыслях. Думаю, и она тоже.

– То, как она, полуобнаженная, заигрывала с океаном, было потрясающе!

– В этом отражалась красота всего бытия.

– Также как в табаке.

– Жизнь всегда прет куда-то. Дымится, клубится, улетает. Через окно.

– И вдруг вам захочется того самого одиночества, взаперти с тигром.

– Пить надо. Жарко. Першит в горле. Что они там делают, от чего такая пыль поднимается?

– Едва песню слышу, настолько гремят.

– Давай подкатим к крану, сделаем пару глотков.

– Вот так! Чудесно! Благословенный артезианский колодец, влей прошлое в мои уста.

Начались обыкновенные будни, ходили на работу и встречались так же редко, как и раньше, иногда ночевали вместе, и, конечно, вместе проводили выходные. Обнявшись на кровати-плоту, наблюдая за реакцией Одетт, при свете уличного фонаря, падающего через окно, Тарай вдруг решил поднять вопрос о сексе, ведь ему нужно было найти решение.

– Хотелось бы, чтобы ты меня правильно поняла.

– Я тебя всегда правильно понимаю.

– Не пытаюсь давить на тебя, или шантажировать. Может, и не стоит об этом говорить, лучше мне самому разобраться, как всегда, но почему-то не хочется.

– Это хорошо – и Одетт уже точно знала, о чем пойдет речь, слегка напряглась и ее переполнило тепло.

– Мне не хватает женщины. Имею в виду секс.

– Ясно. Говори.

– Я думал подыщу кого-нибудь, в офисе есть кое-кто, – тут он сделал паузу, но поскольку Одетт молчала, продолжил. – Даже двое подошли бы. С одной из них уже переглядывался, кажется согласна. Мерзко это тебе так преподнести, но не хочется таить.

– Я люблю тебя, дедушка, – зевнула Одетт и поцеловала Тарайа в нос.

– Ты знаешь, мне это нужно. Я должен что-то придумать.

– Ладно, подумаю, – Одетт прижалась к Тарайу и заснула.

Тарай еще долго лежал без сна, несколько возбужденный разговором. Прислушивался к легкому дыханию девушки, чувствовал юношескую упругость ее теплого тела и думал, что это бесконечная милость судьбы, что он, Тарай, недостойный старик, может быть настолько близок к этому благословенному созданию, даже если как мужчина давно голодает возле нее.

Утром, перед тем как принять душ, Одетт, обнаженная, обняла его и прошептала на ухо:

– Я согласна.

– В тебе есть что-то извращенное, нечто тигриное, я думаю, ты бы перегрызла горло даже льву, подкралась бы к нему, обняла и загрызла.

– Потом расскажешь, хоре?

– Окей.

С сотрудницей, с которой Тарай переглядывался, нетрудно было договориться о свидании. Разведенная женщина, примерно его возраста, много лет жила в доме с сыном, но поскольку тот уехал учиться, она осталась совсем одна. С Тараем они работали в разных корпусах, обычно сталкивались в обеденном перерыве, а иногда встречались и по работе. Женщина, довольно симпатичная для своих лет, искала более-менее постоянного социального и сексуального партнера, а не будущего мужа. Тарай понял это мгновенно, и был поражен, редкий экземпляр, подумал, такие, как она, обычно, собираются выйти замуж. Она ему подходила, хотя для Тарая даже ее скромные требования были немного завышены, он нуждался только в ее теле. Ей он тоже годился, ведь она не могла слишком выбирать среди претендентов, другие мужчины, с семьей и женой на заднем плане, могли позволить себе очень непринужденные отношения, возможно, даже гораздо более сдержанные, чем отношение с Тараем. В итоге Тарай считал свои шансы вполне терпимыми, по крайней мере для начала.

Его суждение было абсолютно точным. Он уже давно перестал усложнять свои любовные отношения, да и они оба были взрослыми людьми, либо она поймет положение, а если нет, пусть заигрывает с другими. Она похвалила его прямооту, и быстро договорились о дне, когда он зайдет. Знали, что это не простой приход в гости, а собираются заняться любовью, и дальнейшее будет определяться обстоятельствами.

Подходя к дому, Тарай вдруг снова почувствовал странное давление в груди. Остановился, попытался глубоко дышать, но это не очень хорошо получалось. Постоял некоторое время, ожидая, когда давление ослабнет, но оно полностью не исчезло.

– Боже, почему именно сейчас!

– Надо будет провериться, что, черт возьми, происходит.

Фирменное красное вино, которое принес с собой, положил в сумку, чтобы соседи, подглядывая, не сразу догадались о ситуации. Позвонил, женщина тут же открыла дверь, как будто ждала звонка, чтобы чужой мужчина как можно меньше торчал перед дверью. Это глупые маленькие приемы, никого ими не обманешь, достойное поведение более эффективно, чем любые попытки скрыться. На ней был халат, и сквозь тонкую ткань не выглядела чрезмерно одетой.

Они начали с поцелуя. Тарай, наклонившись к лицу женщины, почувствовал ее взволнованное состояние. Когда она слегка отвернулась он опять притянул ее к себе и крепко поцеловал в губы. Почувствовал кисловатый привкус, ее поцелуй был совсем другой, чем поцелуй Одетт, это ошеломило его, он уже отвык от таких мимолетных приключений и временного сенсорного бремени, которое они влекут за собой. Вошли внутрь, он передал вино, осмотрелся. Оценил подходящие для секса места, такие как диван, кресло, толстый ковер на полу. Только бы давление в груди отпустило совсем,

думал он, оно его отвлекает и как-то высасывает силы, он так же слабеет, как струя воды из шланга, когда тот запутается. Тарай надеялся, что если откроют бутылку и опрокинут по стаканчику, это поможет. Налил, чокнулись, выпили до дна, и ему действительно стало легче. Смотрел на женщину в кресле напротив, и размышлял, как начать, с себя или с нее? Его мозг, его многолетний опыт дали правильный ответ, он встал, прошелся по гостиной, посмотрел туда-сюда, обменялись короткими, полными напряжения фразами, а затем Тарай, подойдя сзади, погладил ее по щеке, откуда его ладонь соскользнула вниз, под халат на грудь, тут женщина обеими руками взяла опускающиеся под одежду руки и поцеловала их. Дальше все шло очень просто, полностью расстегнул халат, опустил ладони к животу, затем вернулся к совсем стройной, еще едва обвисшей груди, обошел кресло, и уже лицом к лицу с женщиной, раздвинув бедра, погрузился головой в ее тело, словно с лодки ныряя в озеро.

Однако даже рутина и сиюминутное желание не могут обойтись без согласия тела. Тарай постоянно чувствовал, что борется не с этой женщиной, жаждущей быть тщательно оттраханной, она не собирается протестовать а честно, по-взрослому выполняет свою часть сделки, и оказывает ему даже больше помощи, чем ожидалось. Ему казалось, что он сражается со своим телом и духом, с Одетт в извилинах, и с какой-то коварной болью в груди. Перейду к делу, подумал он, дальше справлюсь, поэтому встал, сбросил с себя всю одежду – она в процессе наблюдала за тем, что разворачивается перед ней, более или менее была удовлетворена, – вернулся к креслу и без всякой суеты проник в женщину, хотя ему казалось, что эта атака была довольно слабой. Они немного подвигались, но чувствовали, что им следовало бы что-то изменить, вид другого так странный и непривычный среди бела дня, не в этом ли причина вялости Тарая и проистекающей от этой вялости смущенности женщины. Она встала и за руку повела Тарая по скрипучей лестнице в свою спальню наверху. Легли на незаправленную или очень даже подготовленную двуспальную кровать, и тут же началась еще одна попытка проникновения, но с еще более слабым успехом, чем раньше. Тарай снова почувствовал свою грудь, и принуждение к действию, расстройство, которое он ощущал в своем теле, как сверху, так и снизу, вид женщины, при всех ее достоинствах, очень отличающийся от вида Одетт, их молчание, сосредоточенное исключительно на акте – которое, конечно, несколько не мешало в предыдущие десятилетия, – все вместе вызвало странный протест в его теле. Он перевернул ее на колени и проник в нее сзади. Наконец-то, подумал, ведь в такой позе он был гораздо эффективнее. Взял ее грудь, оставив перед собой только безликую спину и крашенные в рыжий цвет полудлинные волосы. Теперь я должен довести это до конца, решил он, Бог знает, смогу ли сделать это позже, и, сосредоточившись только на себе, полужакрытыми глазами глядя в потолок, представив себя где-то и с кем-то, жесткими движениями поддерживал ритм. На потолке крошечными вспышками мигала пожарная сигнализация. Он почти засмеялся, набирая темп вспышек, это было чертовски хорошо для него, как для бегуна "заяц". Чувствовал, что осталось совсем немного, и хотя женские ягодички, в основном из-за разочарованности, двигались под ним без особого увлечения, несколькими мощными рывками довел дело до конца, и впервые за долгое время, наконец-то, кончил в женское тело.

– Что-то не так? – спросила она, когда уже лежали на спине бок о бок и пожарная сигнализация монотонно мигала над ними.

– Почему думаешь? Да нет.

– В твоём возрасте мужики обычно еще орлы. Пойдем по второму кругу?

Эта критика не повысила самооценку Тарая и не укрепила его сексуальное настроение. Она так же прямолинейно оценила его эффективность, как трезво договорилась о свидании, и у Тарая не нашлось ни слова против.

– Ты была еще далеко? – нерешительно спросил Тарай, хотя знал ответ и то, что она сейчас будет язвить.

– Да еще как! Мне это как слону булочка, – и она начала возиться с Тараем, пытаясь снова вдохнуть в него жизнь.

Перепробовала различные методы, которые он оценил по достоинству, большинство женщин в этом гораздо неуклюжее, но вместо того, чтобы добиться результатов, из-за какого-то внутреннего торможения Тарай попал в еще более катастрофическое состояние. Одетт, вместо того, чтобы заикливаться, тоже могла бы сделать что-нибудь подобное для него, но то ли потому, что она была молода и неопытна, то ли потому, что родилась анти талантом, даже не пыталась секс заменить петтингом. Если бы она это сделала, Тарай, возможно, не оказался бы в такой унижительной ситуации. Ничего страшного, Одетт все позволено и она может что угодно пропустить. Кстати, не исключено, оценил это его мужской мозг, что Одетт рассматривала такую возможность, однако не хотела предлагать заменитель вместо своей сущности, то ли она совершенна во всех отношениях, то ли не даст ничего. Пока женщина безрезультатно массировала и лизала его нижнюю часть тела, Тарай был уверен, что это их первая и последняя встреча в таком качестве, и что их отношения на работе будут абсолютно другими чем раньше.

– Можно мне принять душ?

– Конечно, – разочарованно ответила она.

– А где?

– Внизу, первая дверь после кухни.

– Да, ну и тупой я!

Скрип лестницы, плеск воды, хмурое, безмолвное одевание, вежливый поцелуй, – и он уже шел по улице, доверив своему автоматизму добраться до дома, а его мысли вращались вокруг последних полутора часов, небольшого, но осязаемого давления в груди и неземного существа Одетт.

Он тосковал по ней. Просто, чтобы быть рядом. Прижиматься друг к другу, засыпать вместе. На полпути изменил свой маршрут, повернул к Одетт, пусть она положит руку на его рану и снимет порчу.

Как только девушка открыла дверь и они посмотрели друг другу в глаза, она знала о мимолетном визите Тарайа к своей коллеге больше, чем сам Тарай.

– Входи, мой милый изгнанный песик! Как раз сегодня? Как много я о тебе сегодня думала!

– И я о тебе. Может быть, слишком даже.

– Тогда тоже?

– Да.

– Кушать хочешь?

– Нет, спасибо.

– Подожди, налью вина.

– Благодарю.

Они сели на диван, Одетт прижалась к Тарайу, обняв его за плечи, лаская лысеющую голову. Свет еще не включили, хотя на улице уже были сумерки, но в данный момент могли различить черты друг друга.

– У тебя есть какое-нибудь желание? – робко спросила Одетт, немного смущаясь. Внезапно испугалась, что разочаруется в Тарайе, что, играя на жалости, он попытается заставить ее отдалиться. Как бы в утешение, лекарство от его неудач.

– Нет. Просто хочу быть с тобой.

– Я тут, – с облегчением вздохнула Одетт.

– Как долго?

– Всегда.
– Брось ты! А твой профессор?
– Забудь о нем. Я только фантазировала.
– Нет, нет! Это как раз правильное направление. Можем пойти спать?
– Уже? – снова спросила с подозрением Одетт, и глянула в сторону все еще светлого окна.

– Не волнуйся, не причиню тебе никакого вреда, просто хочу лечь спать. Да не трогаю я тебя, дитя мое!

Они поднялись наверх, Тарай взял с собой вино оставшееся в бутылке и свой бокал. Разделись, но он свои трусы не снял. Одетт надела пижаму, затем внезапно, повернувшись к нему лицом, сбросила ее, так, как будто заигрывала с тигром или с самым разъяренным океаном, и потянула Тарайа на кровать.

– Только не сегодня, ладно, детка? – ласкал Тарай очаровательное тело Одетт. – Я просто хочу, чтобы ты была рядом, пока не поздно.

– Ты благословенный человек, дедушка! – и она, как обычно, устроилась на коленях Тарайа. – Рассказывай!

– Особенно нечего. С трудом кончил, а потом меня выдворили.

– И я была причиной этого?

– Частично. А отчасти мой возраст.

– Что ж, нам нужно что-то с этим делать. Я не могу допустить, чтобы моя любовь утонула в неудаче.

Так они разговаривали часами, Одетт интересовали даже мельчайшие подробности, о чем он думал, как поступал, даже переживания его далекого прошлого с удовольствием выкачала бы для себя из его головы, ласкала, повернулась к нему лицом, целовала щеки, и вдруг почувствовала на своем бедре его мужскую силу.

– Видишь, все тут в порядке, дедушка, не переживай слишком, – и она игриво залезла в трусы Тарайа, погладила виновника, потом повернулась к нему спиной, отодвинула в сторону пустую бутылку с бокалом и приказала спать.

В последующие дни Тарай определенно ощущал, что Одетт целенаправленно готовится спасти его душу, ее решимость, желание, любовь, все, что у нее было для Тарайа и что она была готова сделать для них обоих, вибрировало в воздухе. Он чувствовал, что любой момент может стать моментом решения, когда она позовет его, сейчас, сейчас, сейчас, сейчас, приди и будь моим, вокруг меня, для меня, будь тем, кем ты еще не был, прими то, что только я могу тебе дать, будь моим святым мужчиной! У Тарайа кружилась голова при мысли о том, что сейчас ураган его подхватит и потащит неизвестно куда, и все же, несмотря на всю ощутимую магию ситуации, в глубине его души на фоне этого надвигающегося блеска царила глубокая печаль, подобно предчувствию червей, когда под теплыми осенними лучами он тщетно искал их для ловли рыбы, а они уже зарылись на полтора метра вглубь, инстинктивно чувствуя приближающуюся, необыкновенно холодную зиму.

Одетт пришла к нему на работу. Он из окна увидел, что она идет, и сильно взволнована. Это не было волнением последних дней, а чем-то совсем другим, более тревожным. Тарай был уверен, что это означает что-то плохое, и что это то темное нечто, которое уже несколько дней тяготило его душу, мешая наслаждаться разворачивающимся счастьем. Пошел ей навстречу, в коридоре встретились. Одетт чуть не плакала.

– Боже, как мне больно до сих пор!

– Невыносимо вспоминать об этом, но выкинуть из головы не могу.

– Может быть, стоит немного поесть.

– Сальца. Ну-ка давай!

Тарай поворачивается к шкафу, достает нож, хлеб, сало, отрезает от сала ломтик потолще, остальное кладет на место, не оставляя шанса повтору. Он ест насильно размеренными движениями, чавкая, тщательно пережевывая каждый кусочек, как будто пережевывает те времена, пытаясь их проглотить и, наконец, переварить.

– Что случилось?

– Мои родители попали в аварию.

– Здесь, в городе, или за городом?

– О, нет. За океаном.

– За океаном?

– Да, неделю назад улетели. Там произошло, на автобусе.

– Почему ты мне не говорила?

– Да не все ли равно? Не имело значения, как не имеет и сейчас. Они оба в больнице, а вот это имеет значение.

– Тяжело ранены?

– Мама серьезно, отец полегче, но подробностей не знаю. Знаю одно – я должна туда лететь. Как можно скорее. Нет, немедленно.

– Каким образом?

– Уволюсь, посмотрю, когда смогу достать билет и полечу.

– Понятно. Окей – и по Тарайу распространилась темень, как в ванне краска для волос, когда открытый флакон неосторожным движением опрокидывают в воду.

– Сейчас я бегу обратно, парень из боулинга подменил меня, пока я схожу к тебе, потом попытаюсь разыскать босса и раздобыть билет.

– Хорошо. Иди. Увидимся у тебя вечером.

Это был грустный вечер. Одетт купила билет на следующее утро. Им надо было встать на рассвете, чтобы вовремя попасть в аэропорт. Еще перед сном собрали вещи, утром Одетт все же пришлось дополнительно запихнуть кое-что в чемодан, она спешно укладывала их, глядя на часы каждые пять минут, зевала, поглаживала Тарайа, вытирала слезы, сморкалась.

– Как долго, по-твоему, ты будешь там?

– Понятия не имею. Пока они оба не поправятся. Вернусь только с ними. Я тебе буду писать и звонить.

При посадке дрожа обнялись.

– Я вернусь, дедушка. Будь умницей.

– Береги себя! Буду ждать.

По дороге домой, иногда поглядывая на небо, где Одетт на большой скорости удалялась от него, Тарай чувствовал себя бесконечно осиротевшим, больным и старым. Думал о всяком, в том числе и об океане, с каким отвращением он стоял на его берегу, и как это уродливое чудовище теперь встало между ними. Если бы в течение следующих нескольких дней кто-нибудь обратил на Тарайа внимание, бросил хотя бы мимолетный взгляд на него, он бы мог увидеть, как за считанные дни сносный мужчина средних лет превращается в дряхлого старика.

Новости от Одетт были относительно обнадеживающими, правда, ее мать, к сожалению, получила травму позвоночника, но она поправится, обещали медики, это вопрос времени, а перелом ноги отца дело попроще, с наложенным гипсом, хромая, он уже ходил, так что, как с врачом пытались рассчитать, смогут улететь домой вместе примерно через три месяца. "Я к тому времени помру" – ответил Тарай. Одетт обругала его, после чего Тарай написал ей: "Придерживайся своего плана". Это было его последнее сообщение Одетт.

На следующее утро по дороге на работу у него заболело сердце. Не только так, как у океана или на свидании, гораздо хуже. Прохожим пришлось вызвать скорую, его

увезли в больницу. Обследования и анализы показали, что инфаркт, к счастью, не получил, однако нашли значительное сужение коронарных артерий, а сахар и кровяное давление были в небесах. Врачи подняли вопрос о возможной операции на сердце в более поздние сроки, что требует дополнительных исследований, но совершенно очевидно, что сахар и давление должны быть немедленно отрегулированы. О том, чтобы в ближайшем будущем он вернулся на работу, не могло быть и речи.

Ситуацию, конечно, он должен был обсудить со своим начальством, которое приняло практическое решение отправить его на родину.

Одетт звонила и писала несколько раз в день, умоляя его ответить, выйти на связь. Трубку он не брал, на письма не отвечал. В конце концов, не выдержав регулярных расспросов любимой женщины, вынул симку из телефона, надкусил ее и выбросил в мусорный бак. Новую покупать не стал, к тому времени у него уже был билет на самолет домой, и через несколько дней оставил страну за спиной, не только духом, но и физически, со всем хорошим и плохим, что она ему дала.

Тарай перестает чавкать, задумывается, глядя вдаль. Задаётся вопросом, почему все должно было произойти именно так, почему никогда не мог никого по-настоящему полюбить, а если и мог, то почему не сделал никого из них, Агнессу, Соню, Беллу, Одетт, постоянной частью своей повседневной жизни? А его друзья, Даник, Эрнест? Куда они делись? Почему все так получилось? Думает о Юле и ее почти профессиональной привязанности, с которой она поддерживает его. Прямо как сиделка, нанятая детьми для ухода за беспомощным дедом. Суют ей деньги, а она безмолвно должна ухаживать за стариком. Или Юля инстинктивно привязана к Тарайу, как собака к хозяину, ее даже не отогнать? Если бы он плюнул ей в лицо и обругал, и то приносила бы свой сверток?

Он продолжает есть и уже проглатывает последние кусочки. Хлеб и нож кладет на место, делает несколько глотков из горсти из-под крана, затем снова поворачивается к шкафу и роется в поисках табака. Прикуривает, закрывает дверцу шкафа, подкатывает к окну, выпускает дым.

Поликлиники и больницы мучительно вырисовываются в его памяти, так же как прощание с Одетт, он хотел бы вырвать их из своего разума, сделать их несостоявшимися, но они непобедимы, и никогда не сможет избавиться от них.

Тарай долго ждал в кардиологическом отделении, где старался стоять ближе к окну, нежели сидеть в тесных рядах кресел среди других пациентов, которые обычно были старше его. Таким образом пытался выразить протест против своего состояния, протест против предположения, что он стал приравняться к ним, малоценным, изношенным, отбросам жизни и существует только из простой жалости общества. Его во многих местах обследовали с ног до головы, и везде встречали переполненные коридоры. К нему подсоединяли провода, измеряли кровяное давление, заставляли бегать и кататься на велосипеде, давали пить или вводили контрастное вещество, делали рентген, КТ, в лабораториях брали кровь, сдавал мочу, повсюду результаты совали ему в руки, и уже собралась целая папка. Он ее всегда таскал с собой, где-то только качали головой, другие высказывали свое мнение, да, результаты могли бы быть лучше. После длительных обследований было принято решение, во многом такое же, как и за рубежом, что его сердце нуждается в лечении, необходимо срочно изменить образ жизни, его на время освободят от работы, пусть принимает лекарство, позже сделают контроль, при необходимости госпитализируют, возможно, и прооперируют.

Параллельно его осматривали и на диабет, опять же лаборатории, бумаги, мнения, выявление известных и ранее еще не обнаруженных отклонений. Оказалось, что из-за высокого сахара пострадали почки и зрение. Он заметил, что в последнее время видит гораздо хуже, даже красоту Одетт не мог четко разглядеть, но списывал

это на слепоту, которая приходит с возрастом, ведь он уже дед. Его рефлексы замедлились, а осязание притупилось, на что он не обратил внимания, хотя уже едва ощущал температуру предметов. На ногах появились красноватые пятна, которые он, конечно, видел, но не придавал им особого значения, как-нибудь загляну к дерматологу, подумал, и то скорее потому, что боялся заразить. Одеть каким-нибудь грибок или черт знает чем.

Оказалось, что с печенью тоже не все в порядке, уровень ферментов зашкаливает, нужно срочно прекратить пить. Выяснилось, что боли в животе и периодическая диарея, это не просто расстройство желудка, как думал Тарай, а за этим стоит гораздо более серьезная причина.

Восстановлением зубов он никогда не занимался и, со временем, пустота во рту стала заметна, это еще больше портило его потухший вид, да и не способствовало пищеварению, однако почему-то он был категорически против протезирования, хотя из всех его проблем это была самая легко устранимая.

Неожиданно в его сознании возник образ собственного тела, совершенно отличающийся от того, которое он эксплуатировал и казалось ему нерушимым. Начал видеть себя дряхлым и изношенным, поэтому стал жить еще более саморазрушительно. Вздохнул, черт возьми, если конец так близок, так стоит хотя бы достойно провести оставшееся время. Такая жизнь привела его к чрезвычайно быстрому разрушению, быстрее которого могло бы быть только самоубийство. Как только этот образ закрепился в его сознании, в поликлинике уже сидел на скамейку среди больных и глядел в пустоту.

– Когда меня вычеркнули из мира работы, вычеркнули и из жизни.

– Тогда всему пришел конец.

Пытались отрегулировать сахар, но даже с диетой не удалось, поэтому он полностью отказался от диеты и питался точно так же, как и раньше. Получил очки, но несколько не стал видеть лучше, хотя люди его возраста с очками прекрасно читали и жили как обычно. Выписывали другие? – он их даже не покупал. В доме валялись двое коммерческих очков, и их не носил, а потом они вообще пропали.

– Тратить что ли деньги на то, от чего нет никакой пользы?

– Цена бешеная, а в глазах двоится. Тогда зачем?

Об отказе от вина, пива, крепких напитков и табака не могло быть и речи, пусть не считают его живым мертвецом. Лекарство то принимал, то не принимал, а когда заканчивалось, то проходили недели, прежде чем он потрудился выписать и выкупить.

На него навалилась необычная печаль, такая, которая угнетает человека при расставании, когда он оставляет что-то дорогое, город, которым наслаждался, отпуск, друзей, даже приятно проведенные выходные, грустит при расставании, и то, что ждет впереди, скорее пугает его, чем привлекает. Возможно, даже не понимал, насколько был прав, испытывая это чувство прощания, что он теперь отдаляется от того человека, которым когда-то был, и медленно, или, кто знает, возможно, очень внезапно, уйдет за пределы досягаемости всего этого мирского существования. Его равнодушие все более и более овладевало им, оно переходило в угрюмость, похожую на апатию старых собак, когда они уже ни на кого не лают, а лежат на боку, словно никогда не знали юношеской позы – вытянуть две ноги и пристально смотреть вперед. Ворчат без причины и выходят из тени только для того, чтобы поесть и попить.

Чувство, охватившее его во время неудачного секса, когда над ним безжалостно издевались, и он убежал, прежде чем его вышвырнули, стало постоянным. Он начал забывать, каким он был раньше – здоровым, молодым, мужчиной, человеком.

Стоит ли удивляться, что в таком состоянии он становился все более одиноким? Неудивительно. Практически ни с кем не разговаривал, потерял интерес к новостям,

телевизор неделями не включал, радио не слушал, а читать тем более не мог. Если наткнулся на что-то необычное, сразу раздражался. Раньше, например, тех, кто рылся в мусорных баках, даже не замечал. Теперь он был совершенно взбешен тем, что после того, как они все перерыли и разбросали, ушли, оставив валяться мусор, хотя, должно быть, делали то же самое и в прошлом. На почте получил талон с номером, но до него очередь никак не доходила, работники флегматично болтали между собой, а ведь раньше, когда еще у маленького окошка толпились люди, трудились как миленькие. Почему старушка в магазине у кассы не может приготовить кошелек заранее, а копается в сумочке, когда уже надо платить? Тротуар был полон велосипедистов, скейтбордистов, катающихся на роликовых коньках и на роллерах, он возмущался, тротуар принадлежит всем, кроме пешеходов, ему приходится постоянно всех обходить, а когда окликал их, его высмеивали. Ошибки офисов и компаний совершенно выводили его из себя. Однажды муниципалитет начислил два вида налога отдельно, но прислал только один чек на их оплату. Он объединил суммы и оплатил их вместе, а контора вызвала его, чтобы явился лично и перевел одну из сумм на другой счет. Тогда сделал желчное замечание, как кстати, делал это в подобных случаях другим чиновникам тоже, можно заплакать, или со смеху упасть от их неумелости. Когда получил фотографию фруктов, выращенных другом, насыпанных горой на обеденном столе, а на заднем плане в дальнем конце стола сидел кот, он так обругал друга – ужас, кот на обеденном столе, как может культурный человек допускать такую нечистоплотность, – что тот не мог вставить даже слова. Внезапно раздражался, иногда, сам не зная почему, срывался на людей по пустякам, будь это человек, впервые встреченный на улице, или близкий друг, сосед, с которым был знаком десятилетиями. Кто хочет встречаться и дискутировать с невыносимой фигурой? Никто.

Стал более неуклюжим. Начал сильно ругаться, когда ошибался в рутинных, до этого миллион раз проделанных движениях. Однажды, когда он доставал шкварки из холодильника, кастрюля зацепилась за ручку дверцы холодильника, и полкило шкварок рассыпалось по полу, ну, если бы кто-то услышал это благословение! Очевидно, он ошибался, путал что-то и раньше, только тогда его это не волновало. Вероятно, подобные инциденты участились, и он не мог с этим смириться. Шнур газонокосилки или кустореза во время работы раньше никогда не перерезал, а вот теперь это случилось несколько раз подряд. "Ну, видишь, старый мудака, инструменты на батарейках изобрели для таких, как ты!" – бранил себя. Отправляя письма, все чаще неправильно их адресовал, в ярости бросал ручку на стол, что, конечно, ничего не меняло.

Он потерял креативность и стал более небрежно относиться к работе, если в доме надо было что-то починить, например, черепица на крыше соскользнула, стоял и смотрел на нее, не зная, как ее зафиксировать простым и надежным образом. А потом, наконец, пришел к выводу, который в прошлом не потребовал бы и сотой доли секунды размышлений, просто выдал бы даже не мозг, а скорее глаза в ту святую минуту, как только увидел проблему, что можно просверлить черепицу и прикрутить проволокой. Однако почувствовал, что он слишком ленив спуститься с чердака, найти дрель, плоскогубцы, провод, а потом лезть обратно, ползти под крышу, копаться там со своими полуслепыми глазами, ах, пусть все идет к черту, проще засунуть кусок черепицы под другую черепицу, это будет служить какое-то время, но недолго, и зная, что халтурит, все же выбрал это убогое, бездарное решение.

Дети начали его раздражать. Ему было невыносимо смотреть и слушать их. Детский плач совершенно выводил его из себя, он ускорял шаг на улице, а дома закрывал окна, если доносился детский рев. Со временем перестал терпеть детей в любой ситуации, его бесило их кажущаяся бесцельная беготня, дикие игры, крики, и

откровенный эгоизм. Они олицетворяли эпоху, к которой он уже не имеет никакого отношения.

Из приятного мужчины превратился в ворчливого, невыносимого старика.

– Дело было не только в глупых детях, мне было наплевать и на всех остальных.

– И поэтому никому не было дела до меня.

– Как будто я превратился в предмет. Хотя предмет еще можно использовать для чего-то, а я скорее стал ненужным бременем, хламом, барахлом.

– Вот тогда и начались мои ужасные сны.

Он метался и ворочался всю ночь напролет от своих снов, часто обильно потел. Промокнув, дрожа во влажной ткани, прилипшей к телу, вынужден был менять пижаму, иногда даже приходилось менять одеяло. Он боялся вечеров, ложиться в постель и засыпать. Поскольку не высыпался, днем ходил как лунатик, и все же день казался ему относительно более сносным, ведь он сам мог решать, чем заниматься, о чем думать, тогда как во сне этого делать не мог, метался и ворочался, полностью отдаваясь на милость своего подсознания.

Одним из его повторяющихся снов было разрушение их старого деревенского дома. Беду обычно видел с заднего двора. Пытаясь понять, почему, он пришел к выводу, что это может быть детское воспоминание о том, как рухнул их заброшенный задний сарай. Вспомнил его развалины, игру в войну с местными детьми, включая Яноша и Шандора, среди этих развалин, но удивился своей реакции, потому что тогда не переживал это как катастрофу. Как и родители, им это здание было не нужно, позже все равно снесли бы. Во сне перед ним представал старый дом, иногда совсем без крыши, бывало с широко открытой чердачной дверью, боковые стены чердачного проема обваливались, а забравшись на чердак, можно было через огромные дыры в потолке заглянуть в комнаты. Весь дом качался под ногами, потолок еле держался, дымоходы рухнули, большая часть черепицы была сорвана ураганом, иной раз даже комнаты рушились, и его охватывало отчаяние, как он все это восстановит.

Особенно в начальный период ночных кошмаров, перед ним представляли его университетские годы. По какой-то причине ему приходилось снова и снова начинать учебу, и Тарай тщетно протестовал, что он учился честно, окончил университет, все его доводы были опровергнуты, его заставляли начинать опять, потом надо было поступать в аспирантуру, и он никак не мог окончить учебу, хотя был уже почти стариком.

Часто в его снах появлялась неизвестная женщина, обычно в каком-то парке, который он не помнил и ему казалось, что он никогда там не бывал. На улице стояли каменные столы, скамейки, Тарай сел за один из столов, чтобы сыграть в шахматы. Женщина пришла с маленькой девочкой, села недалеко от них, наблюдая за игрой, иногда тихо переговариваясь с девочкой. Когда Тарай встал, чтобы уйти, пресытившись шахматами, она подошла к нему, представилась, назвала имя бывшей его коллеги, хотя была совсем не похожа на нее, достала из кармана серебряную шариковую ручку, отдала Тарайу, завтра ее хоронят, сказала, это эстафета, только чтобы в нужное время не забыл передать следующему. Тарай попытался сунуть ручку обратно в руку женщины, но она отстранилась, притянула к себе девочку и исчезла среди деревьев парка.

Он стал безутешным, так невозможно существовать, говорил, и решил вернуться на работу. Пошел обследоваться и, хотя его результаты не улучшились ни на йоту, на свой страх и риск настоял на том, чтобы его больничный лист был прерван, и приступил к работе. В то время он еще мог это сделать, еще не был инвалидом.

– Имело ли значение то, что я вернулся на конвейер? Нет.

– Могло ли быть какое-то другое, лучшее решение? Едва ли.

– Нет спасения от ухода из жизни.

Иногда ему приходило в голову, что, может быть, не стоит проходить через все это. Сколько таких, кто заканчивает жизнь, прежде чем судьба их окончательно унизит. А что если он выпьет две упаковки снотворного на ужин или поднимется на крышу одного из высотных зданий в центре города, а потом бах? Знакомый прыгнул со смотровой площадки, должно быть, даже с такой высоты он не видел для себя перспективы. Но Тарай ничего не предпринял, он горько рассмеялся, возможно, даже для этого был слишком ленив.

Постоянно слышен шум улицы и играет музыка, но даже не из телефона, а прямо изнутри его тела. Ее почти не слышно из-за шума снаружи, однако охватывает все его тело и резонирует в каждой клетке. Звучит песня или нет, небольшая разница, что-то вроде разницы между солнечным светом и облачностью, вокруг все то же самое и все же нет. А почему?

Окурки кладет в карман.

– Смело пойду. Все выдержу.

– Если бы Юля вошла прямо сейчас, она бы посоветовала мне подумать о чем-нибудь приятном.

– Как когда я был маленьким, перед тем, как заснуть, мама подходила ко мне, гладила, "Подумай о чем-нибудь хорошем, мой мальчик" – шептала, и я моментально засыпал.

– Позже я и сам думал о приятном. Обычно о девушках.

– Может быть, действительно не мешало бы в памяти найти что-нибудь приятное, даже если это будет нелегко.

– На самом деле, может стоило бы вздремнуть, я почти не спал прошлой ночью, – и зевает, чуть ли не шире светлого прямоугольника окна. – А вдруг обойдусь без ужасов.

– Так и Юлю легче будет ждать.

– Но, к сожалению, и вечер раньше наступит, черт побери!

Сидя лицом к окну, он наклоняет голову в сторону и расслабляется. Вместо приятных девушек, вспоминая которых в детстве убаюкивал себя, он видит большую коричневую кровать с соломенным матрасом, лежит на ней, а мать склоняется над ним, в тусклой комнате на толстых стенах узоры, печь потрескивает, и вдруг переносится куда-то, находится уже не там, и не в нынешнем доме, да и не здесь, в инвалидной коляске напротив окна, а в квартире, где он когда-то жил, лежит на двуспальном диване, только что проснувшись, и из этого он понимает, что вот-вот заснет, не сопротивляется, позволяет себе там проснуться, вернее, тут заснуть, чтобы его утомленное существо наконец могло бы найти некоторое облегчение.

Тарай выглядывает из-под торчащего перед лицом одеяла, и ему кажется, что кто-то сидит в кресле, наполовину спиной, наполовину боком к нему, а если бы кто-то на самом деле сидел, то подлокотник и бок крупного желтого кресла закрывали бы большую часть его тела, так что наверняка это не что иное, думает он, как либо продолжение утреннего сна, либо преломление света в гнойных глазах, и поскольку маловероятно, чтобы здесь действительно сидел кто-то посторонний, он поворачивается на другой бок и закрывает глаза, не потому что хочет снова заснуть, а чтобы защититься от лучей позднего утреннего света, проникающих через окно, несколько минут нежится, затем отбрасывает одеяло, пружинисто прыгает на толстый зеленый ковер, потягивается, зевает, как и положено после десятичасового сна в выходные, и на всякий случай бросает взгляд в сторону кресла, чтобы убедиться, конечно же, там никого нет, и вот чудо, пара живых, улыбающихся глаз блестит, прямо смеется, смотрит, какое удивление вызвал своим появлением, и он, Тарай, сразу узнает давно не виденное приветливое лицо, ты здесь, это фантастика! – кричит, как это тебе

удалось? – как ты вошла? – а та только озорно улыбается, я сегодня все могу, на все способна – отвечает, не вставая с кресла, Тарай в одних трусах подходит к ней, приседает, чтобы их головы были на одном уровне, берет дорогое лицо в руки, гладит его, целует в щеку и в лоб, а я пришла не одна – говорит девушка, вернее, уже женщина, лет тридцати пяти, и тут из коридора в комнату со смехом врываются еще двое, бывшие однокурсники по университету, подружка той, кто сидит в кресле и видный парень из их группы, обнимаются, лучше и придумать было нельзя! – Тарай хлопает их по плечу, как вам это пришло в голову, связано с чем-нибудь, или просто мимо проходили? – спрашивает, а они загадочно подмигивают друг другу и говорят, подожди, узнаешь! – Тарай перестает расспрашивать, да какая разница, главное, что они здесь, разве я оставил дверь открытой на ночь? – задает себе вопрос, ах, напившись, могу сделать что угодно – кивает, однако идет к входной двери, ключ внутри, нажимает на ручку, дверь не открывается, могли просто повернуть ключ после того, как вошли – интерпретирует ситуацию, кушать, пить будете? – спрашивает он, и уже направляется в сторону кухни, но они его останавливают, ничего не хотят, пока приятно посидят, отвечают, пусть займется своими делами, ладно, говорит, и начинает убирать постельное белье, поднимает матрас двуспальной кровати, бросает в ящик одеяло, подушку, простыню, опускает матрас, накрывает кровать темно-коричневым покрывалом, сшитым из плотной ткани, в процессе задает всевозможные вопросы, но они только подбадривают его, делай, делай, поговорим обо всем позже! – Тарай идет в туалет, потом в ванную, принимает душ, бреется, чистит зубы, бросает трусы в корзину для грязного белья и голый врывается в комнату, все трое даже глазом не моргнут, он достает из шкафа чистые трусы, рубашку, брюки, носки, одевается и предлагает друзьям выйти с ним на кухню, пусть не торчат здесь, пока он что-то перекусит, кивают, следуют за Тараем, еле помещаются в тесной кухне, однако девушки могут сесть, только парень остается стоять, он мог бы протиснуться между двумя девушками, но говорит, что ему и так хорошо, все таки берут по чашке чая, пьют с удовольствием, но есть действительно не хотят, Тарай открывает холодильник, достает колбасу, масло, помидоры, булочки, – зачем усложнять жизнь яичницей, – и когда проглатывает последний кусок и моет тарелку, кричит: я готов, я весь ваш! – а они дают команду, пошли! – куда? – удивленно смотрит Тарай, не волнуйся, не далеко, пошли, пошли! – и торопясь, подталкивая его сзади, направляются в город, пешком, значит действительно не слишком далеко, может быть в рыбацкий ресторан, или в торговый центр? – размышляет Тарай, и на самом деле они его не обманули, пройдя несколько кварталов, минут через десять, прибывают на территорию знакомого профессионального центра, только этот центр находится в совершенно другом городе, мелочи, – махнет рукой Тарай, раз сюда, так сюда, у них должна быть причина, а вот технику хотел бы изучить, как так быстро преодолели расстояние, проскочив под шлагбаумом и помахав вахтеру, который, видимо, в курсе дел, сразу поворачивают направо к центральному зданию, поднимаются по широкой, шикарной лестнице на второй этаж, где подходят к двери известной библиотеки, массивная, черная деревянная дверь сейчас украшена, качаются воздушные шары, прикрепленные к дверному косяку, тут должно произойти какое-то торжественное событие, неужели и мы приглашены сюда? – думает Тарай, это может быть годовщина или церемония назначения, увидим – и с любопытством, но с глубоким спокойствием входит в зал, и как только делает несколько шагов, восемь или десять человек, уже находящихся внутри, разражаются овацией, пришел Тарай! – привет Тарай! – странно! – удивляется Тарай, ведь меня здесь ждали! – почему? – и кричит в ответ, привет! – ведь он узнает своих бывших одноклассников из средней школы, и двоих из начальной, машут ему, бросаются к нему, обнимают его, летят всевозможные вопросы и ответы, все молодые, не очень, примерно такие же, как те

трое, которые пришли за ним, около тридцати пяти, целуют и обнимают друг друга, кажется, сегодня день объятий, проносится в голове Тарайа, здорово, будет все отлично, раз столько друзей собралось, неважно, кто и что тут празднует, плохо быть не может, а тем временем, пока они так радуются, снова открывается тяжелая деревянная дверь библиотеки и вваливается человек шесть, его бывшие коллеги, самое интересное, что он работал с ними в разное время и на разных работах, ну это просто безумие, кто бы ни сказал, что такие совпадения могут быть, я бы послал его на три буквы! – бормочет Тарай и с распростертыми объятиями подходит к новоприбывшим, которые тоже свежи и энергичны, он прямо удивлен, что ничуть не постарели, все выглядят точно так же, как когда вместе пахали! – тихо ворчит себе под усы, а в большой праздничной потасовке никто его не слышит, выносят бокалы и напитки, каждый хочет налить что-нибудь всем, даже тем, кого не знает, как будто они старые товарищи по оружию, и у них действительно есть что-то общее, все они верные друзья Тарайа, болтают друг с другом так, как будто ничего не может быть более естественным, как будто они связаны одной и той же нитью и владеют всей исходной информацией, которую нужно лишь освежить, лакомятся, одни принесли булочки, другие бутерброды, третьи пирожные, появился фруктовый салат и даже селедка под шубой, когда Тарай замечает ее на столе, восклицает, а это кто принес? – и тогда сияющие лица Риты и Кристины выделяются из компании, мы! – они прибыли когда Тарай занимался другими и даже не заметил, как снова открывалась черная деревянная дверь, – а я дарю тебе куртку! – размахивает Рита курточкой из больничной клеенки, а у меня подушечка! – хихикает Кристина и кладут вещи на стол возле селедки, Тарай протискивается через толпу к подругам, гладит их давно не виденные веселые и почему-то одновременно грустные личики, это невероятно! – оттуда сюда сейчас? – значит, вы меня очень любите! – а что тут происходит, вы в курсе, милые мои, ну-ка скажите! – но они прикладывают указательный палец ко рту и с улыбкой молча отступают, уступив место другим, желающим подойти к Тарайу, сказать ему пару слов, ведь не так просто добраться до него, его постоянно кто-то обнимает, шутит и смеется с ним, предлагает что-нибудь поесть или выпить, а тем временем черная деревянная дверь открывается все чаще, прибывает все больше и больше гостей, достают свистки, свистят, черт побери, чье бы мероприятие это ни было, нас вышвырнут отсюда, если будем так шуметь! – думает Тарай, смотрит в ту сторону, откуда доносится свист, его футбольные приятели гоняют мяч в углу, поднимая бокалы с пивом машут Тарайу, о, какие вы козлы! – кричит он им с ухмылкой, они даже могут здесь матч устроить! – беспокоится, но на это уж не решаются, веселятся своей шумной компанией, зал внизу полон, потому внизу, что под высоким потолком кругом выстроена галерея, где размещены энциклопедии и в декоративном переплете старая, научная литература, на галерее больше свободного места, хотя некоторые уже забрались туда, перегибаются через перила, чтобы лучше видеть присутствующих, правда, таким образом теряют возможность, по крайней мере временно, поприветствовать пришедших, игриво продолжают украшать зал, перебрасывая рулоны цветной бумаги на противоположную сторону, привязывая концы к перилам, красные, фиолетовые, желтые, зеленые, синие полосы крепа переплетаются, образуя подвесной потолок, вдобавок к этому появляются еще и фонари на батарейках, их подвешивают к перилам, горстями бросают конфетти, и зал начинает приобретать образ огромной новогодней вечеринки, с временем галерея наполняется, и туда приносят еду и напитки, все кушают бутерброды и пирожные, друзья поднимают бокалы с шампанским, поздравляя стоящих вокруг, машут и кричат, атмосфера великолепная, но это вовсе не вульгарная пьянка в приморском кабаке, к которой Тарай привык, здесь от людей веет какой-то торжественностью, они пришли не просто кутить, а с гораздо более высокой целью,

мир и любовь сияют в их глазах, Тарай все еще оглядывается в замешательстве, но не позволяет себе отвлекаться, давай примем то, что есть, это всегда было его принципом, никогда не стремился изменить то, что было, и когда встречался с трудностями, уходил от них, искал новое настоящее, сам себе никогда не создавал мир, пригодный для жизни, а вот теперь на самом деле пришло время не вмешиваться, лучше всего позволить себе плыть по течению, двое заносят колонки, держа их над головой, потом еще и аппаратуру, подключают, и тихо, чтобы не мешать беседующим, заиграет музыка, Тарай изумлен, мелодия такая знакомая, но ни название, ни место, где он эту песню слышал, не приходят на ум, музыка всегда существовала для него как неуловимая, недостижимая категория, он просто наслаждался ею, пока она звучала, а через мгновение ничего о ней уже не помнил, может лишь какие-то отрывки текста, как и сейчас кажется ему знакомой звучащая строчка: "...верного друга за деньги не купить, постой, поговори, если спросят...", но у него нет времени ломать себе голову над этим, на него уже набрасываются новые пришедшие, однако замечает, что как только песня заканчивается, начинается снова, должно быть, у пульта кому-то очень нравится, и надо признаться, что действительно миленькая песенка, в окна ярко светит солнце, народ суетится и не может наговориться друг с другом, все боятся, что если слишком сосредоточиться на одном человеке, не останется времени на других, поэтому сначала говорят всего несколько фраз, а встретившись снова, рассказывают уже подробнее, появляются бывшие деревенские соседи Тарайа, которые в детстве часто угощали его пирогом, испеченным из оставшегося после выпечки хлеба теста, они гладили его по голове и говорили, бери! – и он мог взять кусочек с горячего противня, только что вытасченного из печи, в которой огонь еще тлел, да, настоящие пироги пекутся только в печи, мама даже не пробовала испечь в духовке газовой плиты, он был бы коммерческим, черная деревенская одежда соседей выглядит странно среди молодежных цветных тряпок, они ведут себя тихо, улыбаются с добрыми намерениями, как всегда, ставят на стол старомодное глиняное блюдо с пирогом, слегка прикасаются к Тарайу и уже передают его приятелям-рыболовам, в руках которых висит нанизанная на веревку таранка, рыб штук двадцать, в тех краях, откуда Тарай, рыбу так не сушат, а вот красный перец, похожим образом, да, таранка является лучшим пивным скатом, однако известна только в некоторых районах страны, но его приятели действительно особые рыболовы, для них нет секрета, появляются Янош и Шандор, приглашают его выйти на лестничную площадку покурить, но Тарай отказывается, лучше потом, ему хотелось бы, но не может бросить здесь всех этих милых людей, а ведь не все еще пришли, и даже не представляет, как сюда втиснутся те, кто придет позже, может быть после начала мероприятия слинянут, а если им очень не терпится, пусть идут сами, подружески хлопает их по плечу, и потому что в тот же момент кто-то его отвлекает, не видит заговорщического подмигивания Яноша и Шандора, друзья хватают Тарайа и несут на галерею, и как только появляется там и гости внизу видят его, разражаются бурными аплодисментами, снова достают бутылки, в основном шампанское, но также вино и крепкие напитки, для футболистов, конечно, пиво наливают, произносят тосты, и когда Тарай идет по галерее среди оваций, его ноги вдруг каменеют, он становится серьезным, начинает понимать что с ним здесь происходит, потому что напротив, обнявшись за плечи, с бокалами стоят Кореш и Тибор, улыбаются потусторонними улыбками и ждут, чтобы Тарай подошел к ним, они, о чудо, тоже пришли, и тогда это не может означать ничего другого, кроме того, что это неземной бал, где работают сверхчеловеческие магические силы, это, пожалуй, слишком много, однако меньшего было бы недостаточно, и тогда народ замолкает, достигли решающего момента, они доверяют Тарайу, и все же должны подождать его реакцию, его согласия, и когда Тарай, с медленно расслабляющимися мышцами лица, глубоко дыша, широко раскинув

руки, подходит к Корешу и Тибору, обнимает их, весь зал громко и искренне кричит, "Да здравствует Тарай!", и с этого момента Тарай знает, что этот праздник для него, его бал, его торжество, а может быть и прощание с ним, организовать которое потребовалась сверхчеловеческая сила и мастерство, и кто тут, это все его друзья, в их любви заключена эта невероятная сила, а раз это так, он не может ни прибавить к ней, ни отнять от нее, то, что оживает здесь, уже произошло, это нельзя ни растоптать, ни обесчестить, он может отдать себя в руки этих фантастических людей, которые считают, что он заслужил нынешний пир, кто-то сует Тарайу бокал, полный шампанского, и они втроем, Кореш, Тибор и Тарай, произносят тост, затем выпивают бокалы до дна, обнимают друг друга, Кореш внезапно вырывается из объятий, да, я знал, что он нормальный мужик! – лезет с криком на перила, потом хохочет, ну что, можете поймать, сукины сыны? – и среди разноцветных бумажек и фонариков бросается на головы празднующих внизу, но его прыжок мягкий и культурный, как ни странно, он приземляется на ноги среди толпы, даже шампанское ни у кого не выплеснется, ну что мои придурки, наложили в штаны? – выхватывает полный стакан из рук ближайшего и опустошает его до дна, танцуем! – кричит, откидывается немного назад, выпучивает живот, держит указательный палец над головой, давайте, лентяи, пусть громче играет музыка! – прочь! – и пробивается к технике, немного прибавляет громкость, не слишком, только чтобы лучше были слышны такты, Тарай даже отмечает про себя, откуда, черт возьми, он набрался такой культуры, раньше он бы выжал всю мощь, пусть гремит, очевидно, на том свете получил жесткое воспитание! – Кореш с вялым покачиванием начинает танцевать, и остальные вместе с ним двигаются, весь зал покачивается, мелодия все та же милая песенка, которую они начали первой, не совсем подходит для танца, но никто не возражает, расслабившись пляшут, интересно, никто не пьян, хотя квасили не слабо, Тибор топчется довольно неуклюже, у него никогда не было репутации великого танцора, девушек приводил в свой дом разврата не танцевать, они цепляются друг за друга, их движения угловаты, Тарай задумывается, постепенно становится мрачным, все больше и больше находится вне события, наблюдает, видит все, что происходит вокруг, но при этом роется в своей душе, ищет в себе того, кто заслужил все это, и более того, кто счастлив и наслаждается этим, ведь раньше он был другим, проще, менее чувствительным, лишенным глубокой ностальгии, почти грубым, нетребовательным к торжеству, никогда не оглядывался назад, всегда просто отстранялся от того, что прошло, и шел дальше, не обижаясь и не злясь, не подсчитывая потери, не зализывая раны и тем более не переживая о прошлом, он шел вперед, как животное, скитающееся от одного места обитания к другому или убегающее, когда его преследуют, оставлял позади себя почти все: спутников, страну, город, работу, дом, свои воспоминания с их радостями и болью, не перенося ничего в новое, ни людей, ни предметов, ни переживаний, он все выбрасывал или терял, и теперь не знает, можно ли ему оглянуться назад, были уже такие, которые предупреждали его, что этого делать нельзя, его рука медленно расслабляется, соскальзывает с плеча Тибора, он в оцепенении идет назад по галерее, толпа колыхнется, все как-то уходит в себя, меньше внимания обращая на Тарайа, который устало, угрюмо начинает спускаться по лестнице, если это все для него, то дело гораздо серьезнее, чем просто хорошая вечеринка со старыми друзьями, это требует совершенно другой оценки, и когда он достигает нижней ступеньки лестницы, вдруг оказывается, что дальше дороги нет, какие-то люди, стоя перед ним полукругом, преграждают ему путь, утомленно поднимает склоненную голову, и внутренняя дрожь сотрясает его с элементарной силой, настолько мощно, что уже нет никаких размышлений или колебаний по поводу того, что она означает, она тянет и сметает за собой все, Тарай молчит, начинают течь слезы, перед ним стоят четыре любимые

женщины, Агнесса, Соня, Белла и Одетт, а за ними двое улыбающихся мужчин, Даник и Эрнест, и в этот священный момент шесть дорогих людей обнимают его и вместе с остальными начинают покачиваться под ту же экзотическую мелодию, прикасаются головами, обнимают друг друга за плечи, им хотелось бы перелиться друг в друга, чтобы создать одно божественное существо, если бы это было возможно, а почему бы и нет, ведь в этот день уже свершилось столько чудес, и вот они, раскачиваясь, шествуют к центру зала, все с умилением уступают им место, я счастлив – думает Тарай, то одно, то другое лицо прикасается к его щеке, да, может быть, это и есть счастье, мне кажется, я счастлив! – и танцуют долго, позже уже с поднятыми головами, смеясь и глядя друг другу в глаза, и двигаются странно медленно под южную мелодию, прижавшись друг к другу без единого слова, забыв о пространстве, времени, годах и границах, навсегда единые в священном месте, в сознании Тарайа, и так проходит весь день и большая часть вечера, нет никакой другой программы, ни речи, ни рассматривания фотографий, только наслаждение быть в обществе своих друзей, скромный ужин и танцы под единственную песню, которая играет с самого начала, окна медленно сереют, а затем темнеют, комнату освещает только тусклый свет висящих на перилах фонарей, затем включают несколько ламп в зале, все без устали танцуют и разговаривают, за исключением Тарайа и его друзей, которые продолжают молча покачиваться под чарами друг друга, и вдруг кто-то включает все лампы, обе створки большой черной деревянной двери распахиваются, и две бывшие одноклассницы Тарайа вкатывают в зал на тележке гигантский торт, аплодируют, тележка с тортом еле помещается, ее выкатывают на середину, гасят центральное освещение, при свете фонарей одна из одноклассниц в середине торта зажигает фейерверк, пламя искрится и шипит, да здравствует Тарай! – кричит Кореш, вскакивает на край тележки и причудливым движением всаживает лежащий на тележке большой нож в трехэтажное кондитерское чудо, спрыгивает с нее и заменяет спичку в руке одноклассницы на нож, ну, что мать тянешь, за работу! – и она начинает нарезать произведение искусства, снова загорается свет, каждый получает свой кусок на картонной тарелке с маленькой деревянной вилкой, остатки торта вместе с тележкой два друга тащат на галерею, когда и там все получают по куску, тележка почти опустеет, еще ни один гость не ушел, все наслаждались атмосферой, ожидая кульминации вечера, торта, а за тем коллективного поздравления Тарайа с шампанским, его разливают, бокалы наполняют, выпивают за Тарайа до дна, тележку выкатывают из зала, большая черная деревянная дверь остается открытой, обе створки распахнуты, часть света выключается, и танцы продолжают, с этого момента толпа постепенно рассасывается, уходящие не прощаются, ведь друзья, одноклассники, коллеги, соседи не прощаются каждый день, да и не хотят мешать тем, кто все еще наслаждается вечером, они основательно принадлежат к этой компании, уходят лишь на короткое время, на следующем подобном мероприятии, как ожидаемые участники, обязательно появятся, позже выключают оставшийся свет, продолжают танцевать среди лент и конфетти при освещении одних фонарей, все уйдут и только семеро остаются в центре зала, Агнесса, Соня, Белла, Одетт, Даник, Эрнест и Тарай, вдруг они многозначительно переглядываются, все кивают и, обняв друг друга за талию, выходят через большую черную дверь, оставляя за собой совершенно безлюдный зал, где экзотическая южная мелодия не слишком громко продолжает играть для напитков и еды на столах, для еще горящих фонарей, висящего разноцветного украшения, валяющихся повсюду конфетти и для забытой куртки и подушки, компания, спускаясь вниз со второго этажа, игриво прыгает по лестнице, у шлагбаума весело машут вахтеру, и по широкому тротуару направляются в сторону ближайшей площади, там никого нет, лишь несколько машин проезжает по центральному перекрестку, но только доходят до четырехполосного проспекта, как

ночной автобус номер сто, с ярко горящими фарами выезжает из боковой улицы, они одновременно оказываются у остановки, все вопросительно смотрят на Тарайа, он кивает, окей, так и быть! – распахивается передняя дверь, четыре девушки и два парня садятся в совершенно пустой автобус, изнутри смотрят на Тарайа, знают, что он с ними не поедет, на прощание машут друг другу руками, дверь захлопывается, мотор набирает обороты, автобус едет по проспекту, а затем исчезает совсем, Тарай вздыхает, то, что было счастьем, превратилось в глубокую боль, сиротство, он понятия не имеет, что делать с собой в пустынной ночи этого чужого города, но в своем мрачном одиночестве задается вопросом, кто тот таинственный человек, кто подарил ему этот странный, незабываемый день, у кого были силы и средства сотворить такое чудо, смотрит по сторонам, в какую сторону ему идти, как вернуться домой, и вдруг на другой стороне проспекта, на переходе видит знакомый женский силуэт, она переходит дорогу и он узнает ее, это же Юля, одета спортивно, потертые джинсы, красно-белые кроссовки, сумка на боку, идет прямо к нему, улыбается, протягивает руку, привет, как ты сюда попала? – спрашивает Тарай, Юля продолжает улыбаться, просто так, – отвечает, – может, нам пора домой! – и сжимает свисающую руку Тарайа, – каково твое мнение, можем идти? – он кивает, и они отправляются в ту сторону, откуда появился автобус-сотка, ну, это займет некоторое время! – беспокоится Тарай, и они молча идут к углу улицы, вокруг тишина, только откуда-то доносится экзотическая песенка, едва слышная, но отчетливо различимая, уж не из сумки ли Юли, или из открытого окна одной из квартир, а может прямо с неба? – размышляет Тарай, ты выглядишь таким грустным, хорошо провел время? – спрашивает Юля останавливаясь и смотря Тарайу в глаза, откуда она знает, где я был? – удивляется Тарай, о, черт, я что-то там оставил! – хлопает себя по лбу, ты это имеешь в виду? – приоткрывает сумку Юля, чтобы Тарай мог увидеть спрятанные туда куртку и маленькую подушку, и тут Тарайа осенило, он обнимает ее, целует в лоб, они проходят еще несколько метров по маленькой улочке, и бац, уже дома.

– Ой, лучше этого ничего присниться и не могло бы!

– Попробую и вечером.

– Как долго я спал? Который час? На стройках работают, значит, еще не полдень.

– Ну, не знаю, Тарайка, что из этого всего правда, а что просто сон! Можно ли вернуться в прошлое?

– Можно ли делать то, чего уже не желаешь, и заставлять себя творить такое, что больше не работает? Можно ли мечтать о таком, чего на самом деле больше не хочется?

– Я поехал на юг, не остался дома!

Когда он подал заявление о приеме на работу на юге, у него появилась прекрасная возможность и дома, подал заявление и туда. Это было чрезвычайно заманчивое предложение, мог бы уютно дурью маяться в тепле родной страны, обещали кучу денег, и несмотря на его молодой возраст, руководящую должность со всеми прочими льготами, ну, прямо сливки с маслом. Когда получил извещение о приеме на работу на юге, у него оставалось всего два дня до собеседования дома. Так как окончательное подтверждение, едет ли на юг, должен был дать в течение пяти дней, имел возможность пойти на интервью и на другой работе. Раздумывал, как поступить, пойти или нет. Если подкинут работу на родине, отменит ли юг? В конце концов, он подготовился к собеседованию, пересмотрел возможные вопросы, краткие ответы на них и явился за четверть часа до назначенного времени. Почему-то он ожидал, что претендентов будет несколько, несмотря на то, что на таком уровне принято приглашать кандидатов на отдельные приемы, и он оказался прав, в холле уже сидели

четыре человека, он был пятым. Все кивком поздоровались, посмотрели друг на друга, что показывает внешний вид, затем изобраили безразличие и продолжали сидеть, Тарай остался стоять возле входной двери. Не гении, подумал он. Постоял так несколько минут, затем размеренным шагом вышел, как будто в туалет, сел в кафе через несколько улиц,пил, смотрел на движение, и увидел себя на морском пляже. Позже, не сразу, он спросил себя, зачем пошел на это интервью, а если пошел, то почему не делал до конца? Ответа найти не мог.

Кстати, он вспомнил подобную историю, произошедшую ранее, возможно, это сработало в нем, когда таким необъяснимым образом отступил. Случилось это во время подготовки к вступительным экзаменам в университет. Из их класса еще один парень поступал на тот же факультет, куда и Тарай, но он подал заявление и за рубеж. Те, кто собирался учиться за границей, сдавали вступительные раньше, чтобы в случае неудачи могли попробовать поступить дома. Парня взяли за границу, уведомление об этом получил еще до выпускных экзаменов, весь класс хохотал, а что, если он сейчас расслабится и не пойдет их сдавать? Во всяком случае, все были уверены, что оставшиеся недели он проведет весело, не перетрудится. Были удивлены увидев, как он усердно готовится, причем не только к выпускным, но и к вступительным. Совместный письменный экзамен начинался в восемь утра, в половине восьмого перед зданием тусовалось около двухсот человек, глядя друг на друга не очень дружелюбно, и вдруг Тарай заметил приближающегося парня, одетого в белую рубашку и в галстук, как это было положено. Он действительно собирается снова поступать, ужаснулся Тарай. Конечно, будучи знакомыми среди множества незнакомых, они сразу же начали беседовать.

– Привет! Тебе нечем заняться?

– Давненько не видел столько нервных лиц.

– Ну, тебе не просто будет посещать лекции одновременно в двух местах!

– О чем и думаю, не хватит денег на самолет.

– Чего же ты тогда тут?

– Сам не знаю. Может, действительно лучше к подруге податься?

– А ты все еще не решил?

– Решил. Да, думаю, решил. Знаешь что, пока! Попрошу кого-нибудь подбросить меня до главной дороги. Поеду автостопом.

Он подошел к парню на мотоцикле, который как раз подъехал, перекинулся с ним парой слов, тот кивнул, одноклассник без шлема запрыгнул на заднее сиденье, и они уехали. Минут через десять, мотоциклист вернулся один, слез с мотоцикла, запер его. Широкую стеклянную дверь здания открыли и начали впускать народ.

Потом все шло своим чередом, бывший одноклассник Тарайа действительно уехал за границу, университет окончил без проблем, позже они пару раз пересекались, тот был доволен, ему нравилось за границей, не жалел о том, что там учился, но работать хотел исключительно дома.

– Почему после инвалидности я пошел отмечать Рождество на работу? Тогда у меня часть левой ноги уже отрубили.

– Показать им свой протез? Вызвать к себе жалость?

– Потому, что пригласили.

– Чушь, это еще не значит, что надо идти. Я что, Ванька-встанька?

– Не надо было бы туда идти. Больше и не ходил.

– Почему? Ты идиот, Тарайка! Они причинили тебе боль? Нет!

– Но я уже не входил в их круг.

– Так со всей жизнью. Надо наслаждаться ею пока она наша, а не хвататься, когда уходит.

- Есть ли смысл возвращаться, оглядываться назад? Дудки!
- Это был всего лишь сон, Тарайка, твой мозг выдал большую вонючую ностальгию, которая не имеет ничего общего с реальностью!
- О, небеса! Люди устают от жизни. Они устают от всего.
- Устали даже от этой гребаной эпидемии, им уже наплевать.
- А тем, кто устал, ничего не остается, кроме как цинично рассмеяться в лицо смерти.
- Смеяться над смертью, отвергать ее, разве это то же самое, что цепляться за жизнь?
- Да нет! Это только существование, а не жизнь. Все надоело, что будет, то будет!
- Девушка перерезала себе вены. Она съела пол кило шоколада и бритвой перерезала сосуды на локте. У ее младшей сестры была бурная карьера, если вообще карьерой можно считать профессиональный успех и два развода, а вот эта просто жрала шоколад, принимала горячие ванны, ходила в театр, наряжалась, без мужа, без детей, свободная как птица, еще довольно молодая, с приличной работой, стабильным доходом, собственным жильем, вокруг нее кружили парни, десятки тысяч женщин поменялись бы с ней, а она перерезала себе вены! Дура была, что ли?
- Ей что-то надоело. Наверное, сама себе.
- Что мне теперь делать, выключить чирикание?
- Наплевать, что ли, кто и зачем прислал мне эту песню?
- Что меняет эта песня? Что меняет мой сон? Какой смысл во всех воспоминаниях, если все уже прошло?
- Один из домов на нашей улице продали, хотя семья владела им сто двадцать лет.
- Почему? Им нужны были деньги? Абсолютно нет! Такую недвижимость продают за гроши, а ведь ее ценность куда больше.
- Дорого было бы держать дом пустым? Чушь!
- Зачем продали? Кто-нибудь скажет мне, почему? Зачем же продали его? Что творится в голове человека, что водит его туда-сюда, подобно сбитому магнитом компасу?
- Что это за поганая, необузданная сила, которая выводит человека из равновесия, уводит его от нормальной человечности?
- Чтобы не покупать десять домов, а сохранить тот один!
- Это мелочи, не развал империи или религии, и все же!
- О, эта песня! О чем эта песня? Кому нужна такая песня? Кто тот идиот, который пишет, поет, слушает, посылает такую песню?
- О, мой компас крутится туда-сюда! Помогите! Кто-нибудь перережьте мне вены на руке, чтобы хоть что-то случилось!
- Внезапно шум стройки затихает, становится слышным беспокойное дыхание Тарайа, и открывающаяся дверь, звон тарелок, который слышит даже он, хотя сидит спиной к входу.
- Принесла ваш обед, дядя Лайош. О, Боже, я так устала, прямо падаю!
- Спасибо, Ица.
- Даже не повернулись ко мне! Чего вы смотрите в окно? Там ничего нет.
- Вот и смотрю это ничего, знакомлюсь с ним.
- Ладно, не вешайте так сильно нос, скоро придет ваша жена, к тому времени можете съесть свой обед.
- А что принесли? Что на обед?
- Суп из костей, тушеная фасоль с фрикадельками, яблоко.

– Не могли бы вы порезать яблоко на маленькие кусочки?

– Я уже это сделала, дядя Лайош.

– Вот это да! Если бы мы были не здесь, я бы подумал, что вы от меня что-то хотите.

– Все, чего я хочу, это спать.

– До скольких вам надо здесь быть?

– Все еще не сказали, кто заменит Жужу и когда. Пока еда теплая, катитесь сюда и ешьте!

– На моем месте вы бы ели? – поворачивает коляску Тарай и подъезжает к столу.

– Не надо так нервничать, я вижу, вы очень напряжены. Жена придет, не волнуйтесь!

– Вы бы ели, или не ели?

– Я бы ела.

– Ради вашей дочери и внучки?

– Надо жить, пока Бог дает. Да, и ради них тоже.

– А если бы их не было? Если бы не было ни Бога, ни внучки, ни беременной дочери, чтобы иметь еще больше внуков, тогда как бы поступили?

– Опять комбинируете. Вот вам эта прекрасная песенка и тот, кто ее прислал. Быстро разлюбили, хотя вам это очень шло! Да и жена скоро будет тут.

– Ладно, Ица, не буду придираюсь. Вам, женщинам, проще, в вас запрограммировано будущее.

– Чая вообще не пили. Убрать кувшин?

– Если бы это был действительно чай, я бы его пил. Конечно, уберите. Буду хлебать суп. У меня был друг, художник, писатель, очевидно, таким тоже легче живется. Да, может быть. Когда вы белили свою квартиру последний раз?

– Что? Когда белила?

– Да, когда последний раз белили?

– Года два назад. Зачем вам это, дядя Лайош? Маляра ищите?

– Я выдержу без побелки сколько угодно, и уже двадцать пять лет выдержал. Древним в пещере было лучше всего, ее вообще не надо было белить. Вот потому вы и едите, потому что белите.

– Это слишком сложно для меня, дядя Лайош. Уйду, прежде чем упаду в обморок. Пещера! Почему вы тоскуете по прошлому, там вас уже не было бы в живых! Возможно, и меня тоже. Загнуться легко, тем более теперь. Что ж, приятного аппетита, меньше рассуждайте и наслаждайтесь своей песней. Если меня не сменят и останусь жива, позже заберу ваш поднос. Теперь ешьте, ешьте.

Тарай начинает черпать суп ложкой, довольно быстро, как он это всегда делал, машинально, не обращая внимания на вкус, как будто хочет поскорее покончить с этой ненужной тратой времени, и заняться чем-то более полезным. Но его не ждет ничего полезное, незачем торопиться, эта дурная привычка, которую он подхватил в детстве, стала самоцелью. Его темп замедлился всего лишь настолько, насколько ухудшились физические возможности, руки стали неуклюжими, без зубов неспособен жевать, постоянно приходится все искать, потому что не видит что где находится.

Суп из костей. Впервые он столкнулся с этим названием в возрасте десяти лет и хорошо помнит ситуацию. Криво улыбается. Его мать заболела и ей не хотелось возиться на кухне, отец работал, как обычно, поэтому они пошли обедать в столовую в центре деревни. В то время это было своего рода клеймо, и деревенские хозяйки всегда осуждающе повышали голос в знак неодобрения, когда сплетничали о ком-то, кто регулярно туда ходил. Как будто он уже не был полноценным человеком. Очень немногие, скорее только интеллектуалы, такие как врачи и некоторые учителя,

позволяли себе носить домой готовый обед из столовой. Мать одного мальчика в классе была поваром, и Тарайу было жаль его, что мать работает в таком месте. Помнит, как они с мамой сидели за столом, просматривали меню, решая, что заказать. Тогда он впервые узнал о супе из костей. Дома они варили только мясной суп, даже если в нем почти не было мяса. В итоге выбрали обед, в котором подавался этот суп, за него проголосовал Тарай, чтобы посмотреть, что это такое. Он представлял, что найдет в нем кости с мясом, которые может обгрызть. Был чрезвычайно разочарован, когда ему принесли небольшую миску с почти прозрачной водой и с несколькими кубиками теста. Быстро усвоил, что нельзя поддаваться на подобного типа аферы, в том числе никогда не заказывать суп из костей.

Однако вычерпывает весь суп, даже не ожидал, что проглотит всю эту баланду, но погода становится теплее, пыль летит в приоткрытое окно, чай не пил, только несколько пригоршней воды из-под крана, он обезвожен, ему хочется жидкости.

Потом берет фасоль с фрикадельками и начинает есть. В общепите обычно фасоль сгущают мукой, а так как он болеет диабетом, ему приготовили на яйце, что совсем не подходит для тушеной зеленой фасоли. Короче говоря, херня, вкус совсем не такой, каким должен быть, консервированная фасоль с уксусом, а не со сметаной, – уксус дешевле, – без соли, с привкусом яйца на заднем плане, слишком разбавленная. Даже картошки не добавили, хотя дома всегда варили с картошкой. Навертывает быстро, фасоль рассыпчатая, к счастью, не деревянистая, настолько жидкая, что есть нужно ложкой, даже не понятно, зачем тут вилка. Фрикадельки также дробит ложкой, пытается выловить все кусочки, но половину фасоли оставляет на тарелке, Юля обязательно принесет что-нибудь свежеприготовленное, что непременно будет вкуснее этого обеда.

Один за другим берет ломтики яблок, теперь уже жуя размеренно и медленно, когда дверь открывается и входит Юля.

– Привет! Красивая музыка! Как хорошо, что ты слушаешь ее! Наконец-то! Я так рада!

– Привет! А я тебе рад.

– Приятного аппетита!

– Я уже закончил. Спасибо.

Юля стоит в дверном проеме, улыбается, держит в руках две большие набитые сумки. Она одета почти так же, как во сне Тарайа, хотя он этого не может видеть. Ставит две сумки перед раковиной, оглядывается вокруг, словно ищет каких-то перемен, кроме музыки, но ничего не изменилось, все точно так же, как и в предыдущий ее визит.

– Как дела? Все хорошо?

– Пока живу. Входи, садись.

Юля в кроссовках, мягко ступая, подходит к Тарайу, гладит его по голове, наклоняется и целует в лоб. Она поворачивает стул так, чтобы они сидели почти напротив друг друга.

– Что нового в мире?

– Эпидемия бушует. И твоя дочь. Она написала письмо через адвоката, требуя...

– Знаешь что? Дай мне забыть об этой сучке! Разберись, пожалуйста, найми адвоката, я думаю, мы еще можем позволить себе, пусть остановит эту дрянь. И слышать о ней не хочу.

– Ладно. Постараюсь, хотя уверена, что ты бы придумал что-нибудь оригинальное.

– Может быть, но меня от нее тошнит, и это короткое оставшееся время не собираюсь тратить на нее, тем более, когда ты со мной. Как-нибудь, надеюсь, небо

обрушится на нее, хотя ей подобные часто удивительно долго остаются безнаказанными. Чем гнилее кто-то, тем удачливее. Ты в курсе, что некоторое время не сможешь приходить ко мне?

– Знаю. Я собрала все, что могла, чтобы хватило до конца запрета на посещение. Мне так жаль тебя, одному будет ужасно.

– И так хреново. Но усугублять всегда можно. Например, когда меня везли на первую ампутацию, было хуже. Ты в порядке?

– Пока да, хотя вокруг много больных.

– На работе?

– Везде. В городе их полно, но официально не зарегистрированы, тестов им не делают.

– Чтобы могли ходить на работу? Значит, не такие уж они больные. Однако заразу разносят.

– В том-то и дело. А маску никто не носит, если и одевают, то носы торчат наружу. Полно больных среди молодежи, они легко переносят, но передают вирус старикам, и те умирают.

– И на тебе нет маски. Когда целовала, не было. Значит мне пора подышать?

– Не глупи! Я в маске пришла, иначе и нельзя. Сняла у двери, но если хочешь, одену.

– Почему сняла?

– Даже не знаю. Так неестественно в ней. Как будто я не с тобой. Или не совсем с тобой. Некоторые зимой не снимают перчатки пожимая руки, что-то похожее.

– Не надо одевать, уже все равно.

– Прекрати такое говорить. Ты должен жить. Я хочу, чтобы ты остался в живых.

– Почему?

– Потому. Кстати, я не думаю, что заражена. Не молода, были бы симптомы.

– По радио сказали, что женщины легче переносят.

– А я чувствую, что не заражена, и остерегаюсь. Покупки делаю раз в неделю, на почту и в аптеку хожу перед закрытием, почти ни с кем не встречаюсь, на работу хожу пешком, целый день сижу перед компьютером, не думаю, что могу что-либо тебе передать. Разве что блины. Я их принесла, и с какао, и с корицей.

– Правда? Спасибо. Молодчина, я их обожаю, особенно с корицей.

– Знаю. К сожалению вчерашние, у меня сегодня после работы не было бы времени испечь их.

– Зато сахар в них растаял, внутри прямо сок. Ой, как вкусно!

– Подожди, принесу пару штук.

– Оставь. Лучше рассказывай.

– Если бы ты видел, насколько безответственно ведут себя люди. Кошмар! Несмотря на то, что кинотеатры и театры закрыты, в центре города нет барахолки и концертов, умнички едут за границу, устраивают домашние вечеринки, свадьбы, встречи классов, дни рождения, рестораны переполнены, представь себе, даже организовали что-то вроде церковного ретрита, и встречу старинных автомобилей в парке у озера, многие утверждают, что вирус не существует, это все обман, а если даже есть, пусть их свободу не ограничивают, в свободное время имеют право делать все, что хотят.

– Даже на рыбалку не ходила?

Юля вдруг замолкает, краснеет, потом отвечает уже тише:

– Ходила.

– Ага! И? Ну-ка расскажи, мне интересно.

– Потом, попозже.

– Ух ты, это любопытно! Хорошо, потом.

Она из всех сил пытается вернуться в разговор. Перетирает пальцы, ища потерянную тему, импульс, толчок, связь между ними, которая была до вопроса о рыбалке, но теперь вдруг не может найти. В тишине музыка слышна сильнее, она снова обращает на нее внимание.

– Милая песенка. Ты постоянно одну и ту же песню слушаешь?

– Да, с раннего утра.

– Почему? Чем она знаменита? Почему именно эту?

– Потому что мне прислали. И нравится.

– Кто прислал?

– Не знаю. Нет имени, только номер – тысяча семьсот три.

– Слова понимаешь?

– Понимаю.

– О чем она?

– О дружбе и о том, что несмотря на то, что умрем, живем не зря.

– Красиво, мило. Здорово, что тебе такую прислали.

– Наверное, люди устали от самоограничения. Я тоже никогда не обходился без выпивки больше недели. А сейчас и столько не выдержал бы.

– Дать тебе? Я принесла.

– Не потому говорю. Спасибо, кстати, я очень ждал. Даже не знаю, что было бы со мной без спиртного. И без табака. Просто рассматриваю, в чем причина недисциплинированности народа. Вначале все поджали хвост, а потом терпение кончилось. Человек не собака, чтобы жить на цепи. Никто не может утопить себя в тазу, вот так и правилами и предписаниями никто не согласен себя губить. Знаешь, почему мне это интересно?

– Нет, не знаю.

– Я, а'ля Тарай, думаю, что это проклятое капиталистическое общество основано на этой человеческой черте, оно питается ею. Мы могли бы построить гораздо лучшее общество, если бы не были такими слабыми, самодовольными, эгоцентричными, лезущими друг на друга. Невероятно, что такое бесчеловечное, беспощадное общество как капитализм, в конечном итоге больше всего напоминает человеческую природу и принимается большинством! Это как лотерея, почти никто не выигрывает, но все равно все охотно вкладывают в нее деньги и счастливы, что каждую неделю могут надеяться на выигрыш. Гм, а на самом деле не на что. Капитализм слишком естественен, чтобы от него можно было легко избавиться. Как, например, выплеснуть нашу грязь из окна на улицу. На шею другому. Это же такой естественный жест! Потребовались тысячи лет, чтобы этот рефлекс был заменен канализацией. Любопытно, сколько времени пройдет, прежде чем человеческое сосуществование урегулируется, найдет свою канализацию. Это нонсенс, что при всем мошенничестве и коррупции вся эта фигня до сих пор работает! И так, теперешняя чума тоже продлится какое-то время, возможно, когда появится вакцина, мы сможем справиться с ней. Правда, тогда отказчики от вакцинации начнут истерику закатывать, что они не будут делать прививку, ведь это право человека, прививаться или нет. Одну конкретно знаю, кто дрожит, что с вакциной и чип получит. Боится стать телефоном! Даже если бы это было так, ее IQ сразу удвоилось бы.

– Только одну? Знаешь, сколько таких, кто протестует, а вакцины-то еще и нет!

– Видимо, люди любят возникать. В конце концов, демонстрировать, поджигать машины, громить, это захватывающе. Выделяется адреналин. И вот вам игра: один находит удовольствие в своей подлости, другой в гневном протесте. Непревзойденная пара! И знаешь, что еще приходит на ум? Все мы похожи друг на друга. Когда нет

цели, мы расслабляемся. До тех пор, пока не знаем, что нас ждет, борзеем. Правда, мне это не грозит, остается только депрессия. Я бы не удивился, если бы родилась куча детей и не только от скуки. Во время больших бедствий расшатывается порядок и нравы. Многие классические произведения были созданы при разврате во время бедствий. Ты вольная добыча, красавица моя, мужики на тебя нападут, но это не страшно, наслаждайся, только оставь немного и мне! Если это возможно. Значит трахнули тебя на рыбалке.

– Дам тебе блинчики.

– Ладно, но потом о рыбалке. И пикантность нужна. Я давно не рыбачил и тем более не трахался.

Юля подходит к сумкам, лезет в одну из них, достает пластиковую коробку с блинами, ставит ее на стол, затем ополаскивает под краном пустую тарелку Тарайа из-под супа, и кладет в нее пять блинов.

– Бери, один я тоже съем, еще не обедала, спешила к тебе.

– Знаешь что, в шкафу найдешь остатки спиртного, последний запас, видишь, как вы, бабы, испортили меня своей женской целесообразностью, неси сюда, разопьем. Не совсем подходит к блинам, но кому какое дело?

– Я не буду, упаду со стула, ничего еще не ела.

– Осталось не так уж много, ешь свой блин и будет окей – берет блин и даже своими беззубыми деснами без проблем заталкивает его в рот. – Так хоть поподробнее расскажешь.

Она тут же тянется к шкафу, достает спрятанную бутылку, наливает в стакан спиртное и дает Тарайу. Он не берет.

– Сначала ты.

– Боишься, что не оставишь мне ничего? – и делает глоток. – Остальное твое, мне больше не надо.

– Теперь дыхни на меня.

– Какая ты сволочь! Как можно быть таким недоверчивым? – и дышит на Тарайа.

– Ладно, ты права. Старый рефлекс. Уже не имеет смысла. Знаешь поговорку: Доверяй, но держи порох сухим – и делает пару небольших глотков, чтобы на дне еще немного оставалось.

– Нет. Никогда не слышала.

– Хорошо, правду говоришь. И не могла слышать. Это перевод с другого языка. Ну, давай о рыбалке! Слушаю тебя.

Юля сидит и молчит.

– Я не понимаю, почему из тебя каждое слово приходится вырывать плоскогубцами! Как будто ты не моя женщина. Тебе позволено все, разве не понимаешь? Ладно, помогу тебе. Когда были на рыбалке?

– Два дня тому назад.

– О, так это совсем свежие впечатления. С палаткой? Ночевали там?

– Да.

– Значит поехали на машине. Сколько вас было?

– Они втроем и я.

– С одной палаткой?

– Конечно.

– Почему конечно, однако вполне понятно. Палатку куда поставили?

– На девяносто пятую позицию, знаешь, туда, где озеро изгибается и маленький мыс выходит в воду.

– Знаю. В самой дальней части озера, где еще разрешено ловить, там пешеходов почти нет. Действительно отличное место, с комфортом могут разместиться четыре человека, именно благодаря изгибу. Можно делать заброс прямо и в обе стороны. Рядом небольшая полянка, на ней как раз помещается палатка. Ты две удочки брала с собой?

– Три, но той, которая с поплавком, не пользовалась.

– Это требует больше внимания, не разрешили, да? Хотели, чтобы ты и им досталась, не только рыбам.

– Мне предложили бросать вправо, в сторону открытой воды. Кстати, туда легче всего бросать и рыбы там полно. Однако однажды, правда по собственной глупости, леска зацепилась за висящую ветку березы.

– Помню, я когда-то поймал там шести килограммового карпа. Подкармливала?

– Об этом позаботились ребята, кормили по всем трем направлениям, да еще и спиральной кормушкой пользовались. Насадкой у меня была ароматизированная кукуруза, а, представь, индикатором клева я повесила твои индикаторы, то, что ты сделал в детстве из шариков для настольного тенниса. Вода была хорошая, спокойная. Во второй половине дня солнце светило сзади. Лесная полоса быстро отбрасывает тень, стало прохладнее. Я наслаждалась там сидеть. Ой, если бы ты видел, какой был клев, но поймала я только четыре рыбы. Парни их сетью вытащили. Двоих поменьше отпустили, а трехкилограммовых оставили себе.

– Карпы были?

– Да. Я бы тебе приготовила и принесла, но из-за костей ты сказал, не надо.

– Конечно. Не все равно, чем я подавлюсь, рыбная кость возьмет да и опередит вирус. А они?

– Они оказались более ловкими, втроем поймали около пятнадцати. Оставили шесть. Хорошие, крупные.

– А насадка? Держу пари, что пuffy были.

– Да, пuffy. Сказали, что кукуруза им не нужна.

– А за тобой ухаживали? Правда, ухаживали? Подготавливали ночь.

– Послушай, мне еще трудно об этом. Слишком свежо.

– Ладно, не надо так волноваться. Ты же не маленькая девочка. А с кем из них?

Юля опускает голову, краснеет, потом поднимает взгляд на Тарья, озорно улыбается и показывает три пальца, и, чтобы он мог видеть, подносит руку к его носу.

– Со всеми тремя? Блестяще! Это невероятно! Ты лучше, чем я думал! Черт побери, не справедливо, что мне на веки придется упускать подобное! Что это за Бог, который так распоряжается? Ну, давай, рассказывай!

– Может в другой раз? Это настолько для меня ново, я еще должна все переварить. Раньше никогда не делала ничего подобного. Даже не знаю, куда себя деть. Я расскажу тебе, но не сейчас. Ладно, так уж быть, расскажу в общих чертах, а подробности потом. Хорошо?

– Хорошо. Столько, сколько можешь.

– Я догадалась, чего они хотят. И знаешь, я тоже этого хотела. Боялась, но хотела. Я тебе говорила, что мечтала об этом уже давно.

– Помню, не бойся. Запомнил и организовал бы тебе, если бы не вышел из строя. Черт побери, все это досталось другим!

– И все же, оглядываясь назад, мне тяжело, надо все переварить. Если бы этого не произошло, если бы мы просто спали до утра и ничего больше, думаю, я бы проснулась разочарованной. Да, ты прав, они уже начали приставать ко мне во время ловли, так что день был волнующим, и все же успокаивало то, что не просто болтать будут, а и действовать, – она поднимает стакан и отпивает остатки крепкого. В ее

голосе чувствуется глубокое переживание. – Они начали меня лапать еще днем, прямо на берегу, то один, то другой, хватали за грудь и даже ниже. Однако до вечера ничего серьезного не произошло, но удочки начали собирать довольно рано, правда, поймали достаточно. Обычно, знаешь, мы сидим до темноты. Сказали, что на сегодня хватит, давайте ужинать. Там они напоили меня красным вином. Выпила чуть ли не целую бутылку. Было очень любопытно, как все преподнесут и кто начнет. К тому времени я решила, что бы они ни придумали, я пойду на это. Представь, я даже пыталась угадать, примутся за меня еще перед тем как лечь спать или только после.

– Как ты предполагала, еще до сна?

– Ага! Исходя из того, как они лезли ко мне днем.

– И угадала?

– Угадала.

– Ну и кто из них? Когда?

– Извини, тут я не буду вдаваться в подробности. Не обижайся и пойми. Я тебе расскажу, потому что уверена, что мне захочется пережить это снова, и назвать телесные впечатления своими именами, но не сейчас. Главное, что они вытащили спальный мешок из палатки, и еще вечером на мешке перед палаткой пересношали меня все трое. Затем, после того как легли, и потом ночью, было еще несколько кругов, даже не помню с кем и сколько. Выдавали всевозможные фигуры. Ой, они действительно превзошли себя! Не могу понять почему, но мне очень понравилось. Невероятно здорово было! Это было чувство, какого прежде не испытывала никогда: вожделение, стыд, счастье, своего рода тщеславие, что я все еще нужна, что я могу это сделать, и я это сделала, и многое другое, все одновременно, просто не описать.

– Одновременно со всеми тоже было?

– Да. Со всеми тремя. Но давай сейчас об этом не будем. На тебе поцелуй, – и целует Тарайа прямо в губы. – Я бы хотела подарить тебе больше, ты этого заслуживаешь. В этой истории и твоя участь, ты раскрепостил меня. Спасибо.

– Ох, как здорово порыбачил! Совсем комплексно. Понравилось. Не могу дождаться подробностей! Значит, после карантина.

– Ага. Раз так хочешь. Еще и подсочиню.

– О, у тебя будет о чем рассказать, и сочинять ничего не надо. К тому времени, возможно, и новые впечатления появятся. Я раскрепостил тебя? Даже не заметил. Жаль. А Клара? В свое время она могла бы повлиять на тебя так же.

– Клара крутая баба, но иногда больше болтает, чем делает. К тому же, знаешь, это разные вещи, когда она одна или со мной. Очень даже разные. Если позавчера там была бы одна из их подруг, мы бы спали до утра.

– А если в следующий раз будет подруга?

– Тогда посмотрю. Сейчас заранее знала, что этого я хочу. Давным-давно мечтала о таком, желала от всего сердца, просто подавляла в себе. А если там будет и другая женщина, мне придется решить, могу ли я такой состав терпеть или нет. С тобой могла бы. Мне очень жаль тебя, дорогой Тарай. – и целует его так же, как и прежде.

– Ты мне нравишься, Юля. Знаешь почему?

– Это хорошо. Почему?

– Потому что я могу тебе верить.

– А другим нет?

– Не многим. Обожаю твою честность.

– Я выпила твою долю. Открыть новую бутылку? Съешь еще блинчик!

– Только если ты тоже выпьешь.

– Нет, я действительно больше не хочу. Лучше блинчик съем.

– Конечно, мне хватит три.

– А тем временем распакую вещи.

С блином во рту она встает, подходит к сумкам, подтаскивает их ближе к шкафу, открывает дверцу и начинает выкладывать вещи из сумок. Аккуратно раскладывает по полкам выстиранные, выглаженные пижамы, полотенца, футболки, толстовку, мыло, ополаскиватель для рта, крем для бритья, дезодорант, одноразовые бритвы, достает со дна шкафа накопившееся грязное белье, запихивает его в сумку. Берет другой пакет, более тяжелый, оттуда достает продукты. Незаменимые бутылки сивухи и табак прячет глубоко в шкаф, на более видное место кладет сало, помидоры и бисквит, который хоть и сдобный, но не скоропортящийся. На первые дни принесла картофельное пюре, вареный рис и начатые ранее блинчики, это откладывает в сторону, чтобы было под рукой. Хлеб сейчас купила в долгосрочной упаковке, дольше продержится. Принесла еще и соль, красный перец, маргарин, он хранится лучше, чем масло. Рацион совсем не диетический. Тарай просил не мучить его диетой, почти несъедобную еду он и здесь получает. Волноваться не надо, он не ослепнет еще на два глаза и не могут отрубить еще одну ногу.

– Как там насчет главного?

– Четыре бутылки крепкого, литровые, и десять пачек сигарет.

– Отлично. Особенно то, что литровые.

Закончив выкладывать вещи, Юля опять садится напротив Тарай.

– На улице столкнулась с Лаурой. Уже раньше видела ее несколько раз с мужиком твоего возраста, представь, они собираются пожениться. Он вдовец.

– Я бы удивился, если бы это было не так. Тот, кто ищет упорно, как она, рано или поздно что-нибудь да найдет. Удачи ей. Жаль, что я не успел ею воспользоваться.

– Значит, ты бы и к ней прикололся?

– Конечно, Богом клянусь, – усмехается Тарай, – хоть к полмиру!

– С ума сойти, какие вы, мужики! Ваши мозги вечно заняты только одним, как бы поношаться.

– Не мозги. Ниже. Ну, теперь куда мне до нее, да и до тебя тоже, остается только подглядывать в своем воображении.

– Они еще не решили, где будут жить, у него или у Лауры.

– У Лауры, если у нее есть хоть капля здравого ума.

– Да, но тогда семья мужа постоянно будет гостить у них, а его внуки неугомонные, она жаловалась, что в последний раз, они качались на дверце посудомоечной машины и деформировали ее, теперь не закрывается, можно выбросить почти новую машину.

– Дело воспитания. У меня нет опыта, мою, якобы собственную дочь разбаловала мать, но я бы заставил их во дворе в большом тазу вымыть всю посуду, кастрюли, тарелки, чашки, ложки, вилки. Раз посудомойку вывели из строя, придется мыть вручную. Это заняло бы часа три. Никто из них больше не висел бы на двери.

– А если не подойдут друг к другу? Выгнать его более проблематично, чем уйти самой.

– Брак совершенно необязателен, им достаточно было бы вместе жить, или заниматься сексом. Для кого что важнее. А если он ей осточертеет, навестит одного из своих сыновей, который позвонит мужику, чтобы к тому времени, как его мать вернется, там и тапочек его не должно быть, на это получит неделю. Вот и все. Не понимаю, зачем она так настаивает на этом браке.

– И ты собираешься таким же образом позвонить мне?

– О, дорогая, если тебе нужна гарантия, скажем часть дома, ты могла бы начать с этого. Я лучше отдам тебе, чем своей сучке-дочери.

– Мне есть куда возвращаться. Вернусь туда, откуда пришла к тебе.

- Я подумаю, как распорядиться на случай, если вдруг отброшу копыта.
- Пожалуйста, не надо! Сосредоточься на жизни. Скорее мне надо обдумать, можем ли мы ухаживать за тобой дома. Можем ли найти для этого кого-нибудь?
- Нет. Это целое состояние. Могу я прикоснуться к твоему лицу?
- Юля сползает со стула на колени перед инвалидной коляской, берет обе руки Тарайа и кладет свое лицо в его ладони. Он угловатым движением гладит ее щеки, волосы, затем шею, опуститься ниже не может, так как надо сильно наклониться вперед.
- Подожди, я тебе помогу, – она встает, расстегивает блузку и, опираясь на подлокотник инвалидной коляски, с обнаженной грудью склоняется над Тарайем. Тарай некоторое время ласкает грудь, затем убирает руки.
- Спасибо. Ты такая милая! Настоящая женщина. И человек.
- Она уже могла бы застегнуть блузку, но все еще не встает, и осыпает утомленную голову мужчины легкими поцелуями. Тарай снова гладит ее лицо.
- Я видел тебя во сне, – застенчиво бормочет он, словно стесняясь своей сентиментальности.
- Правда? Я тоже. На перекрестке. Мы шли домой.
- Ты шутишь?
- Нет. Почему?
- Твои кроссовки красно-белые?
- Да. Значит ты все-таки видишь кое-что, проказник! Подглядываешь за моей грудью?
- Хорошо. Нет, туфли я не вижу. Грудь немножко. Ты красивая. Когда тебе это приснилось? Мне сегодня.
- Мне тоже.
- Но мне ты приснилась не ночью, а до обеда, когда была на работе, перед тем, как пришла сюда.
- И ты мне тоже тогда. Начальник ушел немного раньше, у меня не было никаких срочных дел, и я на несколько минут задремала за столом. Наверное, из-за позавчерашней ночи.
- Юля, в тебе есть что-то необъяснимо простое и чудесное.
- О, если бы мы встретились тридцать лет тому назад, сейчас могли бы счастливо жить вместе!
- Нет, не думай. Я бы тебя погубил.
- Я бы погубила тебя, негодный мальчишка, сделала бы из тебя порядочного человека. Каким ты на самом деле и есть, я бы просто усовершенствовала тебя.
- Она выпрямляется и застегивает блузку. На стройках опять начинают грохотать машины, Юля в замешательстве смотрит через окно, затем садится на стул. Она пытается сохранить их прежнюю близость, берет руку Тарайа в свою ладонь и говорит:
- Наверное, тяжело слушать это целый день.
- С моим слухом не так уж страшно.
- Как я вижу, медленно продвигаются, это продлится еще долго. По сравнению с тем, как мало человек там работает, шумят по-страшному. В стране нет рабочей силы. Все, кто может, уезжают за границу, а теперь еще и эпидемия.
- Почему-то меня это не волнует. Твои волосы изменились. Стали длиннее.
- Боюсь идти в парикмахерскую. Да еще и закрыты были в течение нескольких недель, теперь начинают открываться.
- А как там Клара?

– Она более-менее пришла в норму. Возможно, новая опасность пробудила в ней увядающий инстинкт жизни. Слушай, как ты думаешь, как долго здесь продлится карантин? Что-нибудь сказали о том, до каких пор вас нельзя будет посещать?

– Нет, ничего не говорили. Вряд ли кто-либо знает. Время покажет.

– Что мы можем сделать, чтобы я могла тебя видеть?

– Была бы здесь медсестрой, и видела бы.

– Ха-ха-ха! Я же говорила, что ты гений, дорогой! Если заберу тебя домой, это влетит нам в копеечку, если я сюда устроюсь, они будут нам платить. Надо подумать. Сейчас у них и так людей нет, берут кого угодно, даже неквалифицированных. И теперешняя моя зарплата, наверное, не больше, чем тут дадут.

– Да ладно, прекрати, я только пошутил.

– Даже когда шутишь, ты оригинальнее, чем простые нормальные люди. И насчет своей дочери, я уверена, ты нашел бы лучше решение, чем адвокат. Недели, а то и месяцы, слишком долго, чтобы не видеться.

– Ну да, конечно, особенно с моей перспективой на будущее.

– Так долго я не оставлю тебя одного.

– Не смей и думать об этом, моя глупышка!

– А что тебе можно передать, я даже этого не знаю.

– Я спросил их, вроде бы все, что и до сих пор приносила.

– Ну да, только о бутылках и сигаретах они не знают.

– О сигаретах знают, а вот об алкоголе нет. Вопрос в том, проверят ли они передачу. Сказали, что примут на вахте и принесут мне.

– А ты можешь открыть своими плохими руками, не видя ничего? Наверное они откроют. А как я получу твоё грязное белье?

– Не надо упаковывать как на почту, просто положи в сумку и все, после первого же раза узнаем, проверяли, или нет. Если будут возникать из-за выпивки, этим выдадут себя. Заверни бутылку в полотенце и положи вниз, но не на самое дно, чтобы не разбилась, а остальные шмотки и продукты сверху. Можно принести не в бутылке, а, скажем, в пакете от молока с длительным сроком хранения.

– Пакет от молока, отлично! Не бьется, легко закрывается, и точно не захотят открыть! А что с грязным бельем?

– Теперь ты как будто принесла две сумки.

– Да.

– Оставь одну, я брошу туда грязное белье и попрошу медсестру отнести на вахту. Если мы договоримся о дне, я сделаю это накануне вечером.

– Какой день ты предлагаешь?

– Теперь этой порции хватит надолго, если мы все равно не сможем встретиться, зачем тебе бегать сюда? Приходи дней через десять, а потом, например, по вторникам вечером. Выходные не годятся, тогда всех навещают.

– А что, если я заболею или попаду на карантин как контактная? Кто тогда будет заботиться о тебе, бедняжка?

– Я жил уже и в более суровых условиях, когда на обед ели семечки и запивали горячей водой с вареньем. В крайнем случае умру, если не выдержу. Или вылечусь от их диеты. Ноги вырастут.

Юля задумчиво смотрит на Тарайа, на ее лице добродушная улыбка, но в мыслях она где-то очень далеко. На заводе у прессовальной машины тоже не сыпалась манна с неба. Но она не обязательно вспоминает прошлое, возможно, смотрит в будущее, например, на возможность работать здесь медсестрой. Почему бы и нет? Они долго сидят молча, рука Тарайа между двумя ладонями Юли, доносится шум

строительных работ, тихо играет песня в телефоне, и они спокойно, без напряжения, погружены в близость друг друга.

– Представь, я получила альбом моих одноклассников, – говорит Юля после долгого молчания. – Рисунки, не фотографии. Один из моих одноклассников хорошо рисует, и он нас этим обрадовал.

– Хороший подарок. Вместо встречи? Совсем недавно должна была состояться, правда? Из-за эпидемии не собрались.

– Он подготовил альбом к встрече, отдал бы там, но не хотел ждать целый год, поэтому отправил по почте.

– Ну, конечно, Бог знает, кто через год будет жив. Портреты?

– Да.

– Сегодняшние лица, или школьные с фотографий?

– Примерно нынешние, но он, наверное, использовал и фотографии, мы вполне похожи на себя.

– Принеси его в следующий раз. И микроскоп в придачу. Кстати, хорошая лупа не мешало бы мне, это и в передачу можно положить.

– Хорошо. Надеюсь, я не забуду. Лупу уж точно. А о другом однокласснике слышала, что он переехал на хутор. Странно, всю жизнь прожил в городе, в многоэтажном доме, а теперь перебрался на опушку леса. Ни водопровода, ни канализации, к счастью, хоть электричество есть.

– Мы все убегаем от самих себя.

– Как это понимать?

– Жизнь слишком длинная, нам надоедают одни и те же вещи. В том числе и сами себе. Ты себя еще терпишь?

– Мне не нравится, что я стала другой.

– Внешне?

– Во всех отношениях.

– Когда я болтал с медсестрой, привел в пример пещеру, а она парировала, что в пещере мы бы уже сдохли. Это правда, к тридцати, тридцати пяти годам они уже были старыми и откидывали копыта. Три десятилетия можно терпеть свою физиономию. Возможно, что тот, кто начинает все с чистого листа, представляет, что его жизнь тоже начинается заново. В какой-то степени он прав, но совсем чуть-чуть. Если повезет, то временно он может немного освежиться душой и телом, однако, я уверен, будет удивлен тем, насколько быстро эта история закончится.

– Ты думаешь, дело всего лишь в этом? А если он заботится об окружающей среде?

– Бррр, бред! Мы все убегаем от чего-то. Много всего, от чего хочется убежать, например, от такой стервы, как моя дочь. Или от такого алкоголика как я. Но стресс, гнойная политика, долги, профессиональные неудачи, отец или мать, которые бросили тебя, да что угодно, могут погубить человека. Знаешь, за всю жизнь глубокие отношения складываются лишь с несколькими людьми. То же самое касается и окружающей среды, очень мало мест, где человек чувствует себя дома. Об этом никто не думает, и в идиллическом тумане бежит куда-то или к кому-то, убеждая себя: вот что мне надо, я уверен в этом, а после того, как туман рассеялся, оглядывается, какого черта я тут торчу. Другая вещь, которая может нас погубить, это возвращение к тому, что когда-то испортили. А вдруг получится! Ведь неудача мешает, задевает гордость. Мы все тщеславны! И ленивы, а вдруг обойдется без труда. Плохая идея. Если однажды отсосал, то скорее всего отсосешь снова. И не стоит возвращаться туда, откуда тебя уже прогнали.

– И ты этого придерживался? Не думаю.

– Милая моя, ты все прекрасно видишь. Только это уже совсем другой вопрос. Впрочем, я все это понял уже в детстве. А как у тебя насчет тумана? Он уже рассеялся? Или ты потому такая милая, что все еще не вышла из него?

– На этот вопрос ты найдешь ответ, когда останешься один.

– Господи! Как ты нашла такой ответ?

– Держа твою руку.

– Да. Истина. Сечешь, какой я ублюдок? Ты заслуживаешь лучшего, чем я.

Примерно еще час разговаривают так, сидя лицом друг к другу, держась за руки. Тарай вдруг чувствует, что должен отпустить Юлю, или, если она сама не хочет уходить, ему придется отослать ее. Всегда плохо, когда чего-то чересчур много, ведь совсем другое дело, занимаясь своими делами, даже каждый день быть вместе с кем-то дома, чем официально навещать его и общаться. Партнерами овладевает скука. Нечто подобное происходит и в браках. А вот Тарайу никогда не было скучно ни с одной из своих женщин, он расставался с ними прежде, чем надоели бы друг другу. Женился бы на ком-то, сразу же потерял бы ее. Странно, что человек думает то так, то эдак. Если бы он вернулся домой, рано или поздно Юля устала бы от него, вышвырнула бы, а с другой стороны, живя вместе, проводить с ним даже больше времени было бы для нее не так обременительно, как навещать его в социальном доме. Из этой ситуации она может выйти в любой момент, как предполагала это Юля и насчет Лауры, берет свои шмотки и прощай. Если взять Тарайа домой, то вернуть его обратно гораздо сложнее.

Пусть уходит, думает Тарай. Они все обсудили, насладились близостью друг друга, пусть уходит, прежде, чем ей все осточертеет. Если бы она могла приходить регулярно, как делала это раньше, давно встала бы и ушла. Быть вместе неделями, месяцами наперед, все равно невозможно. Легче не будет ни ей, ни Тарайу. Пусть не ощущает угрызений совести и из вежливости не затягивает разлуку. Еще окажется, что Соня и Эрнест были правы, говоря: "Не оглядывайся!" Ибо что такое память? Что такое прошлое? Ничего. Точно так же, как и будущее.

Вправе ли он принять решение вместо Юли, пытаясь предотвратить то, чего у нее может и не было на уме? Прогоняет ее, создавая впечатление, что устал от ее присутствия и предпочитает быть с четырьмя стенами, чем с ней, благословенной женщиной?

Неважно. Пусть уходит! Лишние полчаса в любви не имеют значения, но в ненависти очень даже.

– Теперь иди.

– Хорошо. Понимаю тебя.

– Спасибо за все.

– Я люблю тебя, Тарай! Думай о хорошем.

Она ставит пустую сумку в шкаф, берет другую с грязным бельем, подходит к Тарайу, на прощание еще раз целует его в лоб, гладит по лысине и выходит из комнаты.

После ухода близкого, человек становится по-настоящему одиноким. Дух ушедшего все еще витает, но только для того, чтобы больше почувствовать, что его уже нет. Унес поезд, самолет, любовник, смерть, подхватил вихрь времени и поместил в другое место, далеко от нас. Остались всего лишь тапочки под вешалкой, надгробие или вообще никаких физических следов, только пустота в наших ощущениях. Да, однажды в вечерних сумерках Тарай со своей знакомой вошел во двор одного дома, посмотрели друг на друга на прохладном осеннем ветру, и женщина на родном иностранном языке сказала: "Он все еще здесь". А там того третьего давно уже не было. Его присутствие чувствовали только потому, что они его любили.

Тарай толкает инвалидную коляску туда-сюда, как будто кто-то, задумавшись, ходит по комнате назад и вперед, не в силах найти свое место и мысль, за которой охотится в своей голове.

– Что остается делать, закурить, что ли?

– Дым табака улетит как все на свете.

Он подкатывается к шкафу, берет сигарету из начатой пачки, прикуривает, задвигает дверцу шкафа, и как обычно, подъезжает к приоткрытому окну. Задумчиво выпускает дым.

– Нет смысла ни в чем.

– Надо бы уничтожить мозги.

– И эта песня тоже напрасно тут пиликает.

Он не позволяет себе отменить решение и, как будто собираясь совершить что-то еще более окончательное, энергичным движением подкатывает к тумбочке, берет телефон со всей твердостью, на которую еще способен, и выключает его. Отключает прошлое и будущее. Снимает телефон с зарядного устройства и кладет его обратно на тумбочку.

При постоянном шуме снаружи едва заметно, что тихая мелодия песни уже не звучит. Он возвращается в прежнее положение лицом к окну и пытается уловить разницу. Пустоту и безразличие, вот что находит. Непреодолимое, бесконечное отсутствие общения, безнадежность. Смерть при жизни. Он находится в большой, относительно удобной по сравнению со склепом могиле. Курит, слегка откидывается назад, голова наклоняется в сторону. В голову ничего не приходит. Когда сигарета догорает, он небрежно засовывает окурочек в карман.

Дверь открывается и входит Ица, уставшая и несколько взволнованная.

– Дядя Лайош, представьте, у меня хорошая новость!

– Правда?

– Вы опять чем-то озлоблены! Это я вижу даже по вашему затылку. Только что навещали вас, а вы весь в депрессии. Куда дели свою милую песенку, почему не звучит?

– Вырубил.

– Вы? Я думала, вашей партнерше мешала разговаривать. Почему выключили?

– Потому что не мне послали.

– О чем вы говорите? Ведь на ваш телефон пришла. На языке, который понимаете.

– Там, откуда эта песня, уже ничего нет. Есть только смерть. Это песня из ниоткуда.

– Как можно такое говорить, ведь ее отправил человек из плоти и крови, с душой, причем не лишь бы какой! Разве вы не чувствуете его любви?

– Если он действительно существует и сделал мне такой подарок, все равно любит меня не такого, какой я сейчас, а прежнего меня. И во мне бывшего себя. Эта песня об эгоизме, а не о любви. Ради себя посылал, а не ради меня.

– А вы, вы то любите его, говоря о нем такие вещи, кто помнит вас после стольких лет?

– После стольких лет! Откуда вы знаете, кто это? Может, просто Юля. Да, возможно, Юля послала, чтобы утешить меня. Никто обо мне не вспомнил, только эта по-собачьи преданная женщина пожалела и сунула мне ностальгию, точно так же, как во сне организовала прощальную вечеринку.

– Чего?

– Вам этого не понять, вы всего лишь женщина!

– Да, я женщина, и знаю, что кто-то таким образом обрадовал вас. И если обрадовал, значит, любит. Неужели вам так трудно ответить взаимностью? Неважно, кто это был. А если и ваша Юля, разве она не человек? Неужели ее любовь должна быть выброшена в окно? Ее любовь неполноценна, ничего не стоит, никчемна? Страдаете от изобилия любви? Но даже если бы это было так, каждая любовь на вес золота, она как луч света, и чем больше этого света любви, тем ярче, солнечнее становится мир. Да, я всего лишь женщина, но я так думаю. Если это была Юля, так пусть будет Юля – кстати, она очень обаятельная женщина, мы встретились в коридоре, перекинулись парой слов, она спросила, что это за работа, насколько физически тяжелая – а если был кто-то другой, так пусть будет другой, это тоже здорово.

– Об этом спрашивала?

– Да, и о зарплате.

– Оставьте меня, Ица! Забирайте посуду и, пожалуйста, уходите!

– Я вас не оставлю. Не уйду, пока не включу вашу песню. Сколько человек вы любили? Многих надо любить, чтобы кто-то по-настоящему полюбил вас в ответ.

– Я? Никого. По-настоящему никого.

– Неправда. Я вас уже раскусила. Хитрюга вы, искажаете реальность. Ну-ка дайте мне послушать эту песню еще раз! Мне она нравится, милая.

– Слушайте. Меня это больше не утешает и не беспокоит.

– Где ваш телефон?

– Вон там, – и тычет головой в сторону тумбочки.

Ица подходит к прикроватной тумбочке, включает телефон, подсоединяет его к зарядному устройству. Затем находит песню и ставит ее на повтор. Мелодия едва слышна, однако играет. Это не гул машин снаружи, а что-то более возвышенное. Этот, казалось бы, незначительный звук теперь превосходит уличный шум.

– Кстати, хорошая новость то, что Жужа лучше. Состояние пока не очень, но уверяют, что точно поправится.

– Это хорошо.

– И слава Богу, будет кому меня заменять. Обещают, что после обеда пришлют коллегу из другого нашего учреждения. Я пока не знаю кто она, но придет и представится. Так что можете принимать слабительное. Будет кому вас купать. Могу ли дать?

– Да, давайте.

Ица наливает полный стакан воды из-под крана и дает Тарайу лекарство.

– Выпейте все.

Уносит поднос к тележке, оставленной в коридоре, возвращается, гладит Тарайа по голове.

– Не унывайте, дядя Лайош! Все образуется, – и устало выходит из комнаты. Уже почти закрывает дверь, когда говорит: – Дядя Лайош, человек живет, как может, главное – жить и любить, – и закрывает дверь.

Конец